

Бритта Ферхаген

БОГИ НА УТРЕННЕМ НЕБЕ

Религия североевропейского бронзового века

Издательство «Граберт-Ферлаг», Тюбинген, 1983

Оригинал: Britta Verhagen, Götter am Morgenhimmel: Die Religion der nordeuropäischen Bronzezeit. Grabert-Verlag, Tübingen, 1983.

Сокращенный перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016 г.

(Приведенные в книге цитаты из классических произведений, таких как «Эдда», «Ригведа», «Илиада», «Одиссея», другие труды древних греков, римлян и т.п., давно переведенных на русский язык, разумеется, не переводились заново, а были взяты из Интернета.)

* * *

Переводчик благодарит Руслана Куконеску за помощь и консультации при переводе.

Об авторе: Бритта Ферхаген – псевдоним известной немецкой писательницы Альберты Роммель (Alberta Rommel). Альберта Роммель родилась в Штутгарте 5 мая 1912 года, умерла 22 декабря 2001 года. Дочь писательницы Клары Роммель-Хорат и доктора Вильгельма (Виллема) Роммеля. Альберта Роммель с 1929 по 1934 годы училась в Вюртембергской высшей школе музыки и пения, затем брала частные уроки вокала. С 1936 года работала учительницей пения. Одновременно изучала сравнительное религиоведение в Тюбингенском университете, где ее учителем был профессор Якоб Вильгельм Хауэр, индолог, историк религий, создатель и первый лидер Движения германской веры.

После Второй мировой войны стала детской писательницей, одной из самых популярных и плодовитых в ФРГ в 1950-1970-е годы. За детский роман «Золотая вуаль» в 1956 году она получила специальную премию «За лучшую книгу для девочек» в рамках «Немецкой премии за книгу для молодежи».

Помимо детских книг Альберта Роммель писала также исторические романы, преимущественно на темы итальянского Ренессанса.

С 1980 года она взяла псевдоним Бритта Ферхаген (Ферхаген – девичья фамилия ее бабушки по отцу, голландки) и написала под ним несколько романов в жанре фэнтези, опирающихся преимущественно на исторические сюжеты и на мифы древних индоевропейцев, а также ряд популярных исторических исследований о древнейшей истории Европы, вышедших в «правом» издательстве «Граберт» в Тюбингене.

Всего Альберта Роммель под своим именем и под псевдонимом «Бритта Ферхаген» написала свыше пятидесяти книг.

О книге: Бритте Ферхаген довелось стать заинтересованной и увлеченной свидетельницей волнующей истории «второго открытия» и интерпретации североевропейского бронзового века. Поэтому эта книга не только стала зрелым и захватывающим описанием этой эпохи, но во многих местах она также содержит собственные идеи автора – дополнительные сведения, интерпретации, результаты независимой исследовательской работы.

У того факта, что в центре внимания здесь находится религия, есть особенные причины. Религия – как и у других ранних культур – была в те времена не только выражением эпохи, но и самым важным фактором, формирующим саму эту эпоху. Боги, культы и обычаи здесь – это отчетливо видимые «нити», исходящие от предшественников, народов мегалитической культуры, и, с другой стороны,

устанавливающие связь с потомками – греками, филистимлянами, италиками, людьми гальштатской культуры, обеспечивая систематизацию и создавая более широкий контекст.

Многие из открытых авторов взаимоотношений и связей кажутся сенсационными и при этом настолько очевидными, что вызывает удивление, почему их не увидели уже намного раньше. Старые и новые предубеждения привели к тому, что правда о североевропейском бронзовом веке смогла проложить себе путь только после середины двадцатого века.

Зато теперь мы видим перед собой со всеми тысячами подробностей картину раннего культурного эпицентра на севере Центральной Европы, который 3200 лет назад в «первом Великом переселении народов» распространил свои творческие силы до границ континента и тем самым дал возможность начаться «утру Европы».

К самому захватывающему материалу, который содержится в этой книге, относится то, что боги величественных каменных сооружений Стоунхенджа и Карнака вовсе не исчезли как вечно неразрешимая загадка в тумане седой доисторической древности: они продолжали жить, они были, так сказать, переданы людьми североевропейского бронзового века южноевропейским народам в самом начале «писаной» истории. Теперь захватывающая дух непрерывность связывает Стоунхендж и Дельфы, Карнак и Пестум и, прежде всего, – Гельголанд и Делос.

Но последствия тех времен сказываются еще и гораздо позже, вплоть до нашей современности. Особая заслуга Бритты Ферхаген состоит в том, что она смогла найти следы древних представлений и символов мегалитической эпохи также в сегодняшних народных обычаях – доказательство «силы» того старого религиозного содержания и удивительного очарования, которое снова и снова исходило и все еще исходит от него.

Бритта Ферхаген: «Этот список можно продолжать до бесконечности. Всюду эхо доисторического времени еще звучит в народной жизни. Древние образы и обычаи еще повсюду окружают нас и способствуют тому «стремлению к гармонии» в нас, которое когда-то Посидеос-Аполлон, бессмертный, смог дать атлантам и грекам. Древо жизни, небесный отец, солнечный герой, мать-земля и небесная царица все еще во многих формах и воплощениях как живые смотрят на нас. Каменный век и бронзовый век не мертвы, они продолжают жить и оказывать свое воздействие почти по всему миру».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление

Первая глава. ДРЕВНЕЙШИЕ БОГИ

1. Вопрос происхождения
2. Наследие ледникового периода: Мировое древо, мать-земля и бог неба
3. Имир и Туисто

Вторая глава. МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

1. Вопрос датировки
2. Мертвые и календарь
3. Осирис и можжевельник
4. Солнечный герой

Третья глава. ПОСЕЙДОН

1. Фоситесланд и Атлантида
2. Омоложенный бог неба
3. Бог на солнечной колеснице
4. Бог лебедей и сопровождающее его животное
5. Бог с лирой

Четвертая глава. ДРУГИЕ БОГИ

1. Клейто, мать и дева
2. Уран, Кронос, Атлант
3. Божественные близнецы

Пятая глава. КУЛЬТ И ОБЫЧАИ

1. Священный остров во времена Одиссея
2. Святилище
3. Мировой столб
4. Белые девы
5. Танцы, игры, представления

Шестая глава. РЕЗЮМЕ

Седьмая глава. ПОСЛЕ КАТАСТРОФ

1. Север
2. Юг

Примечания

Библиография

Вступление

Под понятием «североевропейский или северный бронзовый век» исследователь праистории подразумевает, в общем, совершенно определенную, ограниченную в пространстве и времени культурную эпоху, развивавшуюся на севере Европы с 2000 до Р. Х. От предшествовавшей ей «культуры неолита» она отличается на первый взгляд, прежде всего, тем, что теперь на передний план выходят обработка металла и металлическое литье, причем в противоположность переходному периоду, «медно-каменному веку» (энеолиту), приоритетным значением обладает бронза. Пространство, в котором эта культура возникла и оказывала воздействие как единое целое, охватывает части Северной Германии, Шлезвиг-Гольштейна и Дании как несущего центра, и, помимо того, также Южную Швецию и маленький кусочек Южной Норвегии. Народности, которые населяли эти области во втором тысячелетии до Р. Х., должны были образовывать в то время культурное и, конечно, также политическое единство. Однако культурные импульсы, похоже, исходили практически полностью из центра, из Шлезвиг-Гольштейна и, прежде всего, с датских островов.

Археологические находки, которые причисляются к этой культуре, демонстрируют в своем разнообразии и художественном совершенстве признаки необычного своеобразия, а также такого совершенства, которое мы никак не ожидали бы увидеть в этом географическом пространстве в доисторическое время. Люди, в общем, не особо склонны – и сегодня еще меньше, чем всегда – признавать за германцами Севера высокую культуру, и позиционируют их в лучшем случае на границе между первобытным народом и культурным народом. Исключение образует здесь, однако, для знатока как раз это время между – приблизительно – 2000 и 1200 до Р. Х. Хотя историография праистории и древнейшей истории обычно – также сегодня – заканчивает «бронзовый век» Севера позже, иногда даже только в 800 году до Р. Х. Это правильно в том отношении, что действительно на протяжении «темных» столетий после 1200 года железо на Севере не играет почти никакой роли, так что название «железный век» было бы здесь не очень подходящим. Но мы должны четко уяснить себе то, что эпоха, о которой идет речь в наших рассуждениях, собственно, настоящая северная культура бронзового века, заканчивается, без сомнения, уже в 1200 году. Период, который последовал за нею, до сих пор можно было осветить настолько плохо, что ему даже нельзя дать какого-то определенного наименования.

Известный археолог Фридрих Бен называет «североевропейский бронзовый век» «праисторической высокой культурой». (1) Также другие исследователи справедливо высоко оценивают эту эпоху. Более поздняя германская мифология знает, как и греческая, понятие «Золотого века», который якобы господ-

ствовал когда-то однажды в доисторическое время. Вероятно, что для Севера бронзовый век как раз и был этим «Золотым веком».

Однако здесь мы имеем дело с высокоразвитой культурой почти без городов, почти без каменного строительства, но, очевидно, также без социальных бедствий, рабства и тому подобного. Это время удивительного материального богатства, которое ясно видно из археологических находок. Благородные металлы были в изобилии, как говорили, что доказывается изобилием соответствующих находок при раскопках (и это всегда только малая доля действительно существовавшего, что находится в земле). Каждый деревенский дом должен был хранить тогда золотую посуду. Богатство предполагает то, что судоходство и торговля в эту эпоху, очевидно, процветали по всей Европе, да еще и в таком масштабе, в котором их там никогда больше не было вплоть до Нового времени.

Однако эти находки показывают, что там на Севере – по меньшей мере, в лучшие времена этой культуры – господствовал поистине хороший вкус, редкое чувство благородной простоты, гармоничности и соразмерности. Образ жизни был явно утонченным, большое внимание уделялось личной гигиене: бритвы, пинцеты, ножки для резания волос или ногтей были найдены в большей части могил мужчин, иногда собранные в кожаный футляр. Могилы (впрочем, редкие), в которых сохранились также недолговечные материалы, демонстрируют нам вещи ежедневного обихода, которые, собственно, следовало бы ожидать здесь лишь значительно позже: сшитая и украшенная вышивкой одежда, кожаная обувь, пуговицы, булавки, раскрашенные или украшенные выжиганием по дереву коробочки, великолепные металлические банки, в которых хранились украшения или швейные принадлежности, украшения вообще, найденные в могилах мужчин и женщин, благородные по форме и никогда не чрезмерно вычурные. У одной найденной в могиле молодой женщины над ее собственными роскошными волосами был большой льняной парик, который поддерживался тонкой сеткой. Одна из ее ног страдала от ношения слишком тесной обуви. Некоторое негодование вызвал на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий тот факт, что несколько девушек, найденных в могилах тех времен, носили бесшовную мини-юбку с бронзовыми кистями; так как не могли поверить, что «благовоспитанная германка» могла носить что-то в этом роде, говорили об «иллирийской тунике».

Были найдены и прелестные складные стулья, также украшенные бронзовыми кистями. К этому добавляются также вещи, которые находили применение в культе и часто также хоронились как жертвоприношения: чудесные солнечные диски, бронзовые кувшины и золотые чашки, миски и котлы, и «луры», длинные изогнутые трубы, те единственные еще сегодня подходящие для игры духовые музыкальные инструменты доисторического времени, литье которых, однако,

сегодня никто не может скопировать, так как их такая тонкая бронзовая отливка больше не восстановима. На инструментах есть лошади и лебеди. Также маленькие изображения людей, помимо изображений животных, оживляют инструменты, на бритвах видны инкрустации с образными изображениями. Почти реалистичные бронзовые статуэтки вызывают вопрос, существовали ли тогда также и большие скульптуры и только не дошли до нас.

Естественно, оружие было найдено в большом количестве: боевые топоры, наконечники копий, кинжалы и, прежде всего, мечи, которые встречаются в более позднее время преимущественно в форме «меча с язычковой рукояткой» (где рукоятка надета на проходящее сквозь рукоятку удлинение лезвия), которые тоже сделаны из бронзы. Тем не менее, нет признаков того, что в течение тех столетий в северных землях происходили большие сражения или, тем более, опустошительные войны. Это было, как кажется, время мира и возрастающего богатства, время тепла, плодородное в любом отношении, время «климатического оптимума», когда в Швеции росли пшеница и виноград, и на Северном море господствовал примерно такой же климат, как сегодня на Средиземном море, эпоха, полная счастливых предпосылок для цветущей культуры, которой, однако, не довелось продлиться долго. После многих лет усиливающейся засухи эта эпоха внезапно закончилась потрясением всемирной природной катастрофы, которая принесла Северу, прежде всего, пожары в болотах и лесах и сильные наводнения. Климатическая катастрофа огромного масштаба сначала разрушила все эти благоприятные предпосылки – «Золотой век» закончился.

Исследователи, которые занимались – часто называемым так – «северным бронзовым веком», естественно, интересовались не только материальной культурой той эпохи, но и ее религией. Здесь сначала оставалось открытым широкое поле для всевозможных предположений. Результаты раскопок задавали загадки. Золотые диски, солнечные повозки и нанесенные всюду (также на шведских наскальных изображениях) солнечные символы соблазняли к мысли о «чистом солнечном культе». Фридрих Бен говорит о «солнечном монотеизме». Он считает, что солнце как единственное божество не было очеловеченным, как в других культурах, а почиталось как явление природы и символ всеобщего божественного воздействия. (2) Также у других исследователей и дилетантов, и как раз у таких, которые особенно желали похвалить германцев, можно найти похожие идеи. При этом они часто ссылались на слова великого римского писателя Тацита (жил примерно с 50 до 116 н.э.): «Впрочем, они (германцы) находят, что вследствие величия небожителей богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом». И из этого делается вывод, что германцы, мол, вообще не почитали антропоморфных богов. Более поздний круг богов якобы появился гораздо позже,

под влиянием соприкосновения германцев с римлянами (Бен думает, что даже уже только с христианством).

Эти мнения, естественно, совершенно несостоятельны. Слова Тацита однозначно относятся только к «копированию» (изображению богов в металле, дереве или камне), а не к их представлению как таковому. Все индогерманские народы на соответствующем уровне развития были политеистами. И все же, было бы очень странно, если бы как раз одни только германцы в это раннее время совсем отделились от круга представлений всех родственных им народов и в такой полной мере отрицали бы их уровень развития, чтобы потом – что было бы еще страннее – с очень большим опозданием вернуться к (якобы) «примитивному» политеизму, да еще и лишь только потому, что они вдруг пожелали подражать своим заклятым врагам, римлянам. Ведь это же было бы абсурдно, не говоря уже о том, что тот круг богов, который так подробно изображает исландская литература средневековья, обнаруживает гораздо больше связей и параллелей с древним, рано записанным миром богов индоариев, чем с римским государственным культом, ставшим во времена Тацита уже очень трезвым и закостневшим. Явственно видно, что более поздние знания о германских богах и их деяниях происходят из очень старых, весьма древних изначальных источников, которые должны были появиться задолго до «античности». Впрочем, сам Тацит часто говорит о (представленных человекоподобными) богах германцев, только лишь он называет их, как это было принято у римских писателей, римскими именами – Меркурий, Марс и т.д.

Что касается теперь бронзового века, то археологические находки не дают, однако, указаний на то, что боги Эдды, асы и ваны, уже тогда овладели севером Европы. Это правда, что идолы почти отсутствуют – но не совсем, мы позже больше поговорим об этом – но, однако, везде и всюду появляются мотивы Древа жизни и изображения солнца. И превалирует здесь именно солнце, которое тянут лошади или везут на корабле лебеди. Что же кроется за этим?

Эта загадка была решена не слишком давно, а именно с помощью гипотезы Юргена Шпанута об Атлантиде. Шпанут собрал в своих книгах «Разгаданная Атлантида» (1953), «Атлантида» (1965), «Атланты» (1976), «Филистимляне» (1980) и нескольких меньших публикациях огромный материал, и обосновал свою гипотезу (которая сначала показалась слишком дерзкой) настолько хорошо, что, по моему мнению, при более близком знакомстве с нею невозможно не согласиться с ее правотой, так как здесь один бесспорный факт подпирает другой. Эта теория Атлантиды является единственной теорией среди всех остальных, которая действительно исчерпывающе объясняет рассказ Платона и выдерживает вопрос о логике причинно-следственных связей. Она отнюдь не «фантастическая», а работает с фактами, которые были давно известны, и только лишь не

сводились вместе правильно. Теперь, однако, головоломка праисторических отдельных наблюдений и единичных явлений внезапно оказывается вполне связной и понятной картиной европейской праистории, и при этом, в отличие от того, как это обычно случалось в большинстве случаев, частички этой головоломки не приходится сначала «насильно» обрабатывать, чтобы они подходили друг к другу.

События в сообщении, которое жрецы Саиса в Египте на основе своих старых записей представили греческому государственному деятелю и поэту Солону, и которое Платон записал в своих диалогах «Тимей» и «Критий», происходят в бронзовом веке, точнее говоря, к концу тринадцатого века до Р. Х. Указанные в самом этом рассказе цифры – 8000 или 9000 лет (до Солона) – которые ввели в заблуждение многих «атлантологов», объясняются тем, что египтяне долгое время (также еще сегодня) считали время не годами, а месяцами, что, впрочем, и в других случаях тоже часто приводило к путанице. Если пересчитать данные рассказа об Атлантиде на месяцы, то, согласно Шпануту (3), можно выйти на 1226 год до Р. Х. Во всяком случае каждый, кто вообще принимает это сообщение всерьез, должен увидеть, что оно дает цельную картину образа жизни, культуры и мифологии бронзового века, которую едва ли можно представить себе в конце палеолита или в начале мезолита, где еще не было всего того, о чем говорится в рассказе: больших храмов и окруженных стеной городов, боевых колесниц и конных войск, обработки металлов – даже железо там однажды упоминается. Так как у рассказывающего жреца было намерение просветить Солона о более ранних славных подвигах его родного города Афин, то этот рассказ содержит вначале такое описание города Афин и его конституции в то доисторическое время, которое точно подходит к микенским Афинам тринадцатого века.

Согласно египетским хроникам, Афины должны были в то время оказывать сопротивление некоей силе, которая с могущественными войсками пришла из «Атлантического моря», с той стороны «Геркулесовых столбов», с нашествием на страны Средиземного моря. Рассказ в дальнейшем описывает родину этих чужих полчищ как большое государство, особенности которого изображаются в деталях. Резиденция царской власти – это остров, который Платон называет «Базилеей» (Базилией, Басилией, т.е. Царским островом). Позже, говорит рассказ, этот остров утонул в море за одни сутки, и «после этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила». (4)

И вот теперь Шпанут выяснил, что это было Северное море и только оно, которое называлось в античности «Атлантическим морем», и что тот остров Базилия лежал когда-то за Гельголандом и в 1220 году до Р. Х. был затоплен морем,

позже, однако, частично снова появился и просуществовал до средневековья. Итак, с этого острова и из широко распространившихся атлантических царств, о которых рассказывает Платон, приходили те войска, которые прорвались в средиземноморские страны, атаковали Грецию, прошли через Малую Азию и, наконец, осуществили массированное наступление с моря и суши против Египта.

Это были «народы Севера и народы моря» египетских хроник, их знали давно, знали их изображения на стенах храма Мединет-Абу в царском городе Фивах (Луксоре) в Египте, знали, что они были высокими, стройными, белокурыми, безбородыми людьми со странным головным убором – «лучевыми» или «лучезарными коронами», с круглыми щитами и мечами с язычковой рукояткой, а также знали и то, что фараон Рамсес III в 1195 до Р. Х. разбил их на суше и на море. Только не знали, откуда именно пришли эти «народы Севера и народы моря».

Теперь об этом стало известно. Не с Эгейского моря или с Балкан приходили эти великие мореплаватели с их кораблями с лебедиными головами, которые были так удивительно похожи на более поздние дракары викингов. Их родина была гораздо дальше: побережье Северного моря, область североевропейского культурного круга бронзового века.

Эта часть результатов исследований Шпанута была многими признана. Доказательства, которые он смог здесь привести, были абсолютно убедительны. Однако связь с рассказом об Атлантиде даже сегодня не хочет становиться очевидной для многих исследователей, и напрасно, так как доказательства Шпанута в этом вопросе так же убедительны, как и во всем остальном. Но люди так долго представляли себе именно под «Атлантидой» что-то совсем другое, какой-то огромный таинственный континент, который затонул много тысяч лет назад посреди Атлантического океана – сегодня называемого так, или – что еще более невероятно – какой-то маленький остров в Средиземном море (о нападающих извне сильных и многочисленных полчищах воинов в этом случае благоразумно не упоминают). Новым познаниям в праистории обязательно всегда требуется некоторое время, пока они не победят и не утвердятся, это часто было проверено на опыте.

Особенно интересно то, что исследования и открытия Шпанута внезапно пролили яркий свет на археологические находки северного бронзового века, и что загадки, которые те задавали, нашли в них новое, удивительное и неожиданное решение. Ведь теперь эти результаты археологии уже не одиноки, теперь существуют письменные сообщения об этой культуре и ее носителях, сведения, которые дополняют друг друга: египетские и греческие. Самое важное из них – это рассказ Платона об Атлантиде с его разнообразными описаниями и объяс-

нениями. Затем следует «Феакия», отрывок из «Одиссеи», который Шпанут сопоставил с рассказом об Атлантиде, и много мест из произведений греческих писателей: из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, из сказания о Гераклидах, из трудов Геродота, Гесиода и еще многих других. Все эти источники дополняют друг друга, показывают гармоничные и живые картины того мира, о котором мы до сих пор знали только то, что было найдено в земле.

Таким образом, мы теперь также знаем, как обстояло дело с религией этого северного мира, и что означали солнечные знаки, лошади и лебеди. Результат поразителен: мы не видим ни солнечного монотеизма без антропоморфного образа бога, ни Валгаллы викингов с асами и ванами. Скорее вместо них появляется, стоя на солнечной колеснице или двигаясь на корабле, который тянут лебеди, окруженный одетыми в белое женщинами, прекрасный образ молодого человека в голубом одеянии, с лучезарной короной на голове, украшенный тройными подвесками в ушах, с блестящими бронзовыми спиралями на груди. Этот образ излучает удивительно сильный свет, освещающий не только европейский Север бронзового века, но еще и другие широкие пространства и времена. Именно этому образу и посвящена в основном данная книга.

Несколько предварительных замечаний кажутся мне еще необходимыми. Задача этой книги – представить в цельном виде самое важное из того, что мы сегодня уже можем знать или сделать вывод о религии североевропейцев бронзового века. Почему я опираюсь при этом столь часто на произведения Юргена Шпанута, уже было сказано. В этих книгах содержится богатый материал по моей теме, разбросанный по многим местам, так как для Шпанута важно было, в первую очередь, защитить свою гипотезу. Я не могу здесь представить все его доказательства, тут я должна порекомендовать читателям произведения самого Шпанута. Но цитаты из его книг перевесят здесь цитаты из произведений других авторов, как раз потому, что необходимо ввести в круг рассмотрения все, что смог собрать Шпанут по теме религии бронзового века, и с помощью этого получить ясное представление о том, что до сих пор казалось загадочным.

Большинство исследователей, которые писали о бронзовом веке Северной Европы – также Шпанут – называли северных людей той эпохи «германцами»; это, конечно, возможно, так как предками более поздних германцев эти народности, несомненно, как раз и были. Но я, тем не менее, хотела бы избегать в дальнейшем этого имени для той эпохи; оно, как мне кажется, сбивает с толку.

То, что члены северного культурного круга бронзового века еще не называли сами себя «германцами», ясно. Тацит называет это наименование новым и относящимся, собственно, только к племени тунгров на Рейне. Все же, одно это еще не имело бы решающего значения. Более важным представляется мне тот

факт, что версию Шпанута знатоки лингвистики могут при случае отвергнуть со следующим аргументом: «Те народы моря, которые в 1200 году до Р. Х. ворвались в Грецию, Малую Азию, Египет, не могут быть германцами, так как – этот вывод можно сделать – они не говорили на германском языке. Также дорийцы, например, принадлежали к этим народностям «Великого переселения», которое по их имени даже было названо «дорийским переселением», но они говорили на языке, родственном греческому языку микенцев, и, когда они захватывали Пелопоннес, то очень хорошо могли общаться с «микенскими» греками». Последнее, естественно, справедливо. Но – говорили ли вообще северные люди того времени, все же, уже на «германском» языке? Определенно нет. Какого-то германского языка в то время так же не могло быть, как например, кельтского или латинского. Они ведь все развились уже только после этой эпохи великих переселений, которая смогла заново распределить народы Европы и найти им новое местожительство.

Те племена, которых мы обобщаем под именем «микенских греков», примерно в 1900 году до Р. Х. переселились на греческий архипелаг. Также они были индогерманцами и первоначально прибыли с севера Европы. Они принесли оттуда такую форму языка, которую они сохранили. На севере этот язык мог, вероятно, на протяжении бронзового века совершенствоваться до определенной степени, все же, не так сильно, чтобы он не оставался еще действительно близким «греческому языку» юга, и дорийцы действительно смогли без труда разговаривать с микенцами. (5) Мои занятия именами и названиями из «атлантского» доисторического времени, которые сохранились в более поздних греческих письменных источниках, могли привести только к одному результату. Язык северных европейцев бронзового века, возможно, мог быть уже на пути к германскому, однако, для нашего сегодняшнего уха он звучал бы непременно «по-гречески». Это впечатление могло бы возникнуть уже из-за одного только окончания «os» («ос») мужских имен. Естественно, неизвестно, в какой степени здесь «атлантские» имена были «грецизированы». Но суффикс, который определял имена и названия как мужские, должен был быть оригинальным. После первого Германского передвижения согласных, которое произошло когда-то в первом тысячелетии до Р. Х. – после катастроф и перемещения народов – этот суффикс звучал как «г» («р») или «ег» («эр»). В древнескандинавском языке «Эдды» это «р» прикрепляется почти ко всем мужским именам и названиям. Мы в немецком языке еще сегодня видим это как конечный слог в названиях профессий: Lehrer, Förster, Sänger («учитель», «лесничий», «певец») и т.д. Перед передвижением согласных это «г» еще было «s» (также писалось как «z», но всегда произносилось как «с»). Безударный междугласный звук обычно окрашивался в зависимости от местности или даже личного произношения как «а», «о», или «у»; звук «о», вероятно, преобладал сначала.

Это Германское передвижение согласных в высшей степени изменило язык Севера, и только оно на самом деле и сделало его собственно «германским», таким, каким мы его знаем. Глубокий процесс, который загадывает загадки. Мне хотелось бы сопоставить его с другим, столь же загадочным событием: вторжением религии Одина, религии богов асов, на Север. Я позже возвращусь к этому. Здесь я хотела бы только выяснить, что, на мой взгляд, только после этих событий изменились язык, вера, частично даже мир идей и обычаи, и только после этого людей с севера Европы действительно можно называть германцами.

Зато выражение «индогерманцы» я хотела бы сохранить. Сегодня вместо него, следуя за англичанами и американцами, часто используют наименование «индоевропейцы». Однако это слово лишь частично обрисовывает то, что оно должно означать. В конце восемнадцатого века английский чиновник сэр Уильям Джонс обнаружил, что между древнеиндийским языком Вед, санскритом, и германскими языками существовало тесное родство. Вскоре после этого выяснилось, что еще многие другие языки принадлежали к этой семье. Потом в девятнадцатом веке возникла «индогерманистика» как новая отрасль науки. Различали две языковых группы, которые в относительно раннее время должны были разделиться друг с другом и пойти собственными путями развития: восточные и западные индогерманцы, еще называемые «сатем»- или «кентум»-индогерманцы. Теперь наименование ИндоГерманцы означало крайнюю восточную и крайнюю западную область, в которой говорили на этих языках.

Не могло не произойти так, что значение выражения «индогерманцы» расширилось и стало применяться к народам вообще. К тому времени стало известно, что родство говорящих на индогерманских языках народов не ограничивалось одним лишь языком, по крайней мере, в том, что касалось тех ранних времен, но и охватывало их внешний вид, мир религиозных представлений, обычаи и привычки. Все эти народы должны были однажды образовывать единство, и развиваться в некоем общем, ограниченном пространстве. (Я являюсь сторонницей разделявшегося также моим покойным учителем Якобом Вильгельмом Хауэром взгляда, что корни индогерманского языка тянутся вплоть до ледникового периода, и что пространство развития индогерманских народов по прошествии ледникового периода находилось в северо-западной Европе).

Единство языка и расы часто отрицалось. Так Оскар Парет, например, в 1948 году в своей книге «Новый образ праистории» высказывал мнение, что раса и язык не имеют друг с другом ничего общего. Обосновывал он это, среди прочего, примером североамериканских негров, «которые из-за их английского языка больше не могли бы причисляться к черной расе», если бы сторонники противоположного мнения действительно были правы. (6) Но так, конечно, это воспринимать нельзя. Смены языка происходили всегда, это верно, но ведь здесь

мы имеем дело с праисторией и древнейшей историей. И все же нельзя отрицать, пожалуй, что у всех очень светлых народов – за одним исключением – были индогерманские языки. (Исключение в доисторическое время, в котором они для нас впервые становятся осязаемыми, образуют светлые, североафриканские ливийцы, у которых должна была произойти смена языка, так как в культовой сфере, всегда особенно консервативной, у них еще встречаются индогерманские слова).

Так как у нас нет никакого другого собирательного обозначения для этих светлокожих, светловолосых и светлоглазых, говорящих на индогерманских языках народов, я здесь тоже использую понятие «индогерманцы» в расширенном смысле. Но я, все же, считаю, что будет хорошо, если читатели всегда будут сознавать и помнить, что это слово подразумевает, собственно, язык.

А вот наименование «индоевропейский» ни в коем случае этого не делает, так как не существует и никогда не существовало «европейского» языка. Кроме того, нет никакой уверенности в том, говорили ли все живущие в Европе народы с самого начала «по-индоевропейски», и наоборот, есть много народов, которые говорят на таких языках, но живут сегодня вне Европы.

Однако понятие «раса» тоже нельзя совсем опускать. Внешние признаки, прежде всего, крайне светлая кожа (или бедность пигментом), очень существенно могут помочь узнавать пути доисторических народов и выяснять обычно неразрешимые вопросы. Уже Эрнст Краузе (1891) писал: «Никогда историю арийцев (индогерманцев) нельзя было бы проследить глубоко в прошлое, если бы они принадлежали к большому числу темноволосых народных рас. Так как о появлении большинства народов прошлого мы узнаем из исторических записей как раз немного больше, чем упоминание телосложения и цвета кожи и глаз». (7) Действительно невозможно прийти к правильной картине праисторических процессов, если, как это теперь часто происходит, эти признаки просто игнорировать. (Подумайте, например, к каким правильным и часто поразительным выводам привела способность египтян точно описывать расовые признаки). Неприязнь, обиды и политические взгляды любого вида никогда не должны занимать какое-то место в научном исследовании. Здесь речь должна идти о том, чтобы узнать, «что и как было на самом деле», и ни о чем больше. Если мы беспокоимся об объективности, то новые сведения принесут нам чистую радость.

Здесь также стоит рассмотреть вопрос, как нужно обозначать соответствующее указание времени. Раньше писали, как само собой разумеющееся: в 800 году после Р.Х. или в 600 году до Р. Х. и под этим понимали после или до Рождества Христова. Затем многие исследователи отошли от этого стиля, однако, не смогли договориться о новом общепризнанном обозначении. Один писал «до или

после нашей эры», другой писал «до или после нового летосчисления». Третьи стали пользоваться просто словами «до» или «после» без дополнения, сегодня можно встретить также обозначения «+» или «-». Однако все равно получается так, что наше летосчисление ориентируется по (фиктивному) году рождения Иисуса Христа. Можно относиться к христианству как кому нравится, но это остается фактом. Поэтому я хотела бы сохранить также здесь старый стиль написания, потому что и тут тоже следует оставить в стороне мировоззренческие противоречия и взгляды ради столь важной интеллектуальной добросовестности и объективности, которые одни только и могут привести научные вопросы к настоящему решению.

Первая глава

ДРЕВНЕЙШИЕ БОГИ

1. Вопрос происхождения

Если заходит разговор о религии и культуре североевропейского бронзового века, то сначала нужно задать вопрос о корнях, из которых возникла эта культура. И тогда в самом начале возникает вопрос о происхождении самих ее носителей.

Откуда прибыли эти люди, которых Шпанут называет «атлантами», хотя сами они, как он признает, наверняка никогда так себя не называли?

Также здесь вновь несколько помогает только внимание к внешним признакам. То, что германцы были крайне светлыми и высокими людьми во времена Тацита, в этом согласны все римские писатели, и современные попытки чем-то возразить на это, демонстрируют лишь слишком заметный и огорчающий умысел. Очевидно, жители северной Европы своим внешним видом производили на римлян очень однородное впечатление. Тацит пишет, что они – «особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ». Из этого можно увидеть, что еще к времени рождения Христа никакая более темно окрашенная народность не продвинулась вперед на европейский север, и никакого смешения не произошло. И этот факт снова позволяет сделать вывод о предках германцев даже в самые древние времена.

Я хотела бы представить здесь в краткой форме то, как я вижу ход событий. Конечно, речь идет только о гипотезе, о предположениях и умозаключениях, которые, однако, как я думаю, обладают преимуществом внутренней логики.

Негров называли «теплой формой человечества». Напротив, очень светлый вид людей можно было бы, вероятно, правильно назвать «теневого формой». Развитие этого вида должно было происходить в таком пространстве, в котором не было никакой необходимости с помощью развития пигментов защищать кожу от солнечных лучей. Кажется ли мутационные скачки в наследственности произвольными, и определяет ли отбор этот процесс или нет, но, в любом случае, очевиден тот факт, что у людей, как и у животных, в течение очень длинных периодов происходит физическое приспособление к климатической ситуации соответствующего жизненного пространства. Все темные виды людей приспособлены к теплоте, солнечному климату, светлые, напротив, должны были очень долгое время жить в климате, который не делал приспособляемость к сильному облучению солнцем необходимой. Я не верю в «депигментацию», о которой тоже иногда говорили. Для такой приспособляемости не было никакой необходимости, так как ясно, что, например, действительно темно окрашенные эскимосы могли существовать даже в примитивных жизненных условиях на Крайнем севере, они выживали и выживают там, не теряя при этом свой цвет. Остается лишь принять существование некоего вида гоминида, который был светлым с самого начала, и от которого происходит белокожая часть человечества, и еще существование такого жизненного пространства, климатическая ситуация которого позволяла этим «белым» или принуждала их сохранять светлый цвет своей кожи, глаз и волос. (8)

Европа ледникового периода может подойти для этого. Также те качества, которые позже отличали белую часть человечества и отчетливо обнаруживаются в ее истории: высокий уровень активности и желания изобретать и придумывать что-то новое, радость от новизны, открытий и борьбы; способность, прежде всего, с усилием воли бороться против мешающих ему внешних обстоятельств вместо того, чтобы покориться им и приспособиться к ним. Все это позволяет сделать вывод также о развитии в таком жизненном пространстве, в котором было особенно тяжело выжить и сохраниться, которое требовало больших усилий и заботилось о строгом отборе.

По краям ледовых полей и глетчеров Европы такое положение могло господствовать на протяжении длительных периодов. Здесь, вероятно, было также много туманов, покрытое облаками небо, дождь, снег и длинные зимы. Я убеждена в том, что так называемые «кроманьонцы» Западной Европы, эти обладающие большим интеллектом охотники на крупного зверя, которым мы обязаны пещерной живописью во Франции и Испании, уже были светлокожими – раскопки их могил показывают, что они были высокими людьми с вытянутыми головами.

Они часто были охотниками на северных оленей. И тогда можно предположить, что они, когда примерно около 10 000 до Р. Х. лед постепенно отступил на север, последовали за оленями дальше на север, если отступление льда как раз допускало это. Культуры, которые еще действительно похожи на культуру этих охотников ледникового периода, были найдены на Балтийском море и в Норвегии.

Так как эти пришедшие туда охотники – они, вероятно, уже стали оленеводами или даже скотоводами – были «такими же людьми, как мы», т.е. принадлежали к виду «*Homo sapiens sapiens*», физически ничем не отличаясь от европейцев современности, то они могли бы иметь также и свой язык. И ничто не мешает нам предположить, что этот язык был тем праиндогерманским языком (или, по крайней мере, походил на него), который наши лингвисты реконструировали с таким большим трудом и проницательностью.

Здесь и теперь – в период мезолита северной Европы – должна была развиваться настоящая индогерманская народность, (9) которая потом уже скоро двинулась далеко на восток. За ищущими новые земли группами переселенцев во время их движения на восток всегда могли идти другие. Так, вероятно, в пятом тысячелетии до Р. Х., т.е. приблизительно в то время, когда в Шлезвиг-Гольштейне начали строить мегалитические гробницы, произошло окончательное разделение на западных и восточных индогерманцев и началось раздельное развитие языков. В четвертом тысячелетии уходящие на восток народности достигли тогда Каспийского моря, вокруг которого они поселились широкой дугой. Они создали культуру, которую Хауэр назвал «циркумкаспийской». Эта культура тянулась до Месопотамии, где она в нескольких местах пересекалась с культурой шумеров, которые – несколько позже, чем «праиранцы» – переселились в те страны.

Отныне пути народов, говорящих на языках групп «сатем» и «кентум», разделились, хотя их соприкосновения и пересечения, конечно, были всегда. В то время как восточные индогерманцы попали в Иран, в Индию, отдельными ответвлениями добрались до Японии и Китая и повсюду заселили степи России и Азии, западные индогерманцы из их центра Дания-Шлезвиг-Гольштейн проникли как носители мегалитической культуры также в страны Средиземноморья. Похоже, что их поход уже очень рано достиг нынешних Испании и Португалии, где есть так называемые «прадольмены», в том виде, в котором они в других местах встречаются только в своем исходном центре на Северном море и Балтийском море. Также в очень раннее время – примерно в четвертом или даже еще в пятом тысячелетии до Р. Х. – эти светлокожие и светловолосые народности попали в Египет. Они, вероятно, уже были носителями культуры Негада II с ее многочисленными символами кораблей. Затем они основали небольшие государства в Нижнем Египте, незадолго до 3000 года до Р.Х. были побеждены фа-

раоном Верхнего Египта царем Скорпионом и его сыном Хором Нармером, и как изгнанники ушли на запад. Это те народы, которых египтяне называли сначала «тамаху», «тамаку», или «туимах», что значит «северные люди», позже, однако, они стали называть их ливийцами. Их мегалитические могилы тянутся вдоль побережья Средиземного моря до Марокко, их народности жили в Атласских горах и на Канарских островах, и их лодки из папируса, вероятно, из некоей гавани в Западном Марокко некоторое время регулярно плавали в Центральную и Южную Америку. (10) Другие переселенцы принесли культуру мегалитов (в большинстве случаев на кораблях) в Бретань, где возник оказывавший большое влияние на окрестности центр, в Северную Францию, на острова Средиземного моря, а также в Англию и Ирландию. Все эти народы, кажется, поддерживали связь со старой родиной на севере. И мы можем причислить их к народам атлантов, которые образовывали что-то вроде «коалиции», и их цари в более поздние времена, согласно рассказу об Атлантиде, собирались каждые пять или шесть лет на Царском острове за Гельголандом. (11)

Также хетты, которые основали важную державу в Малой Азии, были по своему языку западными индогерманцами. Так как они не принесли существенную мегалитическую культуру на новую родину, и археологические находки говорят в пользу их переселения с северо-востока, то вероятно, что они происходят от большой группы народов культуры боевых топоров или культуры шнуровой керамики. Они были западными индогерманцами, обладали центром в Тюрингии, однако уже рано распространились далеко на восток вплоть до стран Северного Причерноморья, до устья Волги и предгорий Кавказа. Их очень однородная культура с одиночными могилами под плоскими холмами, боевые топоры и сосуды с шнуровым орнаментом явно выделяется повсюду и демонстрирует большое распространение, свидетельствуя о далеких походах. За несколько веков до 2000 года до Р. Х. их полчища снова наступали в западном направлении, подобно киммерийцам 1500 лет спустя они двигались, вероятно, частично в Малую Азию, частично в Центральную Европу и Северную Европу. Они не были людьми мегалитической культуры, и сначала их продвижение вперед в индогерманскую корневую область на севере, вероятно, привело к вооруженным конфликтам. Но после этого из объединения людей «боевых топоров» и людей мегалитической культуры постепенно возникла очень гомогенная народность, которая – примерно с 2000 до Р. Х. – породила гармоничную и плодотворную культуру бронзового века. (12)

2. Наследие ледникового периода: Мировое древо, мать-земля и бог неба

Все эти народности, как восточные, так и западные индогерманцы, оказываются не только по своим языкам и по внешнему виду потомками одного рода, но и, прежде всего, по своим религиозным представлениям. Они – при нескольких различиях – все же, настолько похожи друг на друга, что очень легко можно сделать вывод: также они должны были происходить из одного общего источника. Из этого следует, что этот мир мифологических представлений еще до разделения индогерманцев на восточных и западных приобрел ту самую форму, в которой мы позже находим эти представления у почти всех индогерманских народов.

Корни этих представлений могли бы также исходить еще из западноевропейской культуры ледникового периода. Здесь мы, однако, полностью зависим лишь от предположений, ничто тут еще нельзя назвать по-настоящему доказанным. Столь богатый и удивительно великолепный археологический материал снова и снова задает вопросы, которые до сих пор еще не нашли убедительного решения.

Существуют различные попытки объяснить чудесные картины и вырезанные знаки франко-кантабрийских пещер. Старейшая и самая известная гипотеза утверждает, что многочисленные, часто несущие следы наконечников стрел изображения животных использовались для охотничьей магии. Это предположение кажется разумным, так как церемонии охотничьего колдовства с изображениями похожего вида еще вплоть до сегодняшнего времени проводятся первобытными народами, например, пигмеями (даже если и не в пещерах). Но спелеолог Мари Кёниг полностью отвергла гипотезу охотничьей магии. Она считает картины и знаки отображением ранних наблюдений за небесными телами и изображением чисел, математических и астрономических сведений, которое концентрируется, прежде всего, на символическом изображении движения луны, и которое она позже постоянно видит у шумеров. (13) Если последовать за ходом мысли Мари Кёниг, то можно было бы прийти к предположению, что здесь в ледниковых пещерах Западной Европы не только проявились истоки нашей письменности и нашей счетной системы, а уже подготавливались те удивительные математические, геометрические и астрономические знания, которые позже можно найти в мегалитической культуре. Мы уже здесь могли бы встретить истоки относящихся к эпохе мегалитов религии мистерий, нумерологии, веры в возрождение и представления о пути в потусторонний мир. Могли бы. Но это все еще слишком слабо доказано, в слишком большой степени является предположением, чтобы послужить основой для каких-либо серьезных выводов.

Во всяком случае, в том, что Мари Кёниг вычитывает из этих знаков в пещерах, практически нет и следа более позднего, в эпоху мегалитов уже так сильно проявившегося мифа. Без сомнения, древний индогерманский мир мифов принадлежит такому уровню развития человечества, на котором изображения зверей в религиозном пространстве уже сильно отходят на задний план, и вперед явственно выступает образ человекоподобного бога. Но в пещерах ледникового периода элементов такого образа очень мало. Время от времени изображенные в пещерной живописи люди преимущественно носят маски зверей.

Вопрос, использовались ли вообще пещеры с живописными изображениями для культовых церемоний, остается пока открытым. Кое-что указывает на такие церемонии, например, следы юных ног, которые в пещере Тюк-Д'Одубер, очевидно, водили хоровод вокруг больших глиняных изображений бизонов (зубров), из чего был сделан вывод о «посвящениях», которые были обычны с древнейших времен и до сегодняшнего дня используются у первобытных народов. В них мальчиков посвящали в мудрость и практические знания взрослых мужчин. Всегда и во все времена это было религиозной церемонией, предполагается, что ею уже в ледниковый период руководили одетые в звериные шкуры шаманы, как они изображены в пещере Труа-Фрер (Пещера Трех братьев). (14).

1. Пещерная живопись ледникового периода, Ласко, Дордонь (из Г. Кюн, «По следам человека ледникового периода», Висбаден, 1953)

В некоторых местах можно найти также и другие следы представлений, которые сохранились на протяжении двадцати тысяч и даже более лет. Я хотела бы привести здесь один из таких следов: в пещере Ласко (Дордонь, Франция) глубоко внизу в так называемом «колодце», находится картина, изображающая пораженного копьем бизона. Перед ним лежит или как раз падает на землю примитивно нарисованный человек (вероятно, в маске птицы?) (15), которого разозленный бизон, очевидно, атакует или только что убил. Возле мертвого или умирающего сидит нарисованная в профиль птица на верхушке жерди. Это, пожалуй, не может означать ничего другого, кроме птицы души, которая сидит на вершине Древа жизни и этим сообщает, что душа упавшего мужчины уже покинула тело.

2. Установление для торжественного прощания гроба Адальберта Пражского (бронзовая дверь в Гнезно)

Представление о том, что в момент смерти человека его душа улетает из тела в виде птицы и с песней садится на вершину Древа жизни или небесного столба просуществовало все доисторическое время и европейское средневековье, дожив до сегодняшнего дня. Свидетельства существования такого представления можно найти во все времена. В египетской легенде душа убитого Осириса появляется как птица на вершине Мирового древа, и очень похоже обстоит дело с душой убитого мальчика в тесно связанной с легендой об Осирисе нижненемецкой сказке «Можжевельник» (я позже еще вернусь к этому). В Гнезно на романской бронзовой двери начала двенадцатого столетия после Р.Х., на которой

представлено мученичество Адальберта Пражского, находится картина, изображающая труп убитого пруссами епископа, установленного для прощания между двумя деревьями. Его голова находится на одном дереве, лишенном кроны, рядом с ним сидит птица души, точно так же изображенная в профиль, как в пещере Ласко, на верхушке отчетливо обозначенного как Древо жизни (мировой столб) деревца. Также германцы знали птицу души на жерди: лангобарды еще в Италии ставили в память о своих погибших друзьях жерди с изображениями птиц на верхушке.

На посохах времен палеолита, сделанных из кости, также были найдены стилизованные изображения деревьев. Очень вероятно, что охотники эпохи палеолита уже знали культ Мирового древа – мирового столба, вселенской опоры. Великолепное представление о Древе жизни, крона которого удерживает небо, которое возвышается до потустороннего мира или само является этим миром, которое как дерево меры дает всей вселенной правильную меру, закон и право, и как постоянно растущая сила защищает жизнь, прячущуюся при опасности в его стволе – этот образ растущей из невидимых корней вселенской силы до сих пор распространен по земному шару и до сегодняшнего дня сохранился в столь многих формах, что он должен был быть поистине древнейшим.

Мировой столб мог быть вообще самым первым и старейшим образом бога в истории человечества, и он в то же время и самый глубокий. Предполагалось, что импульс к этому образу дало дерево дома. (Имеется в виду дерево, на которое опирался дом, вокруг которого дом строили, его «опорный столб». – прим. перев.) Охотники на крупного зверя ледникового периода жили не только в пещерах или входах пещер, они знали также шатры или палатки, вероятно, похожие на юрты кочевников, сделанные из шкурок (несколько рисунков времен палеолита показывают такие палатки). Тогда палатку, вероятно, растягивали вокруг ствола дерева или также из его ветвей, вплетая между ними ветки поменьше, устраивали крышу для защиты. В более поздних сказаниях можно еще найти несколько указаний на обычай строить жилое помещение вокруг дерева. Вероятно, дерево посреди дома воспринималось как подпирающий и спасающий дух-защитник, и на основе этого сформировалось представление о божественной силе в форме дерева, которое защищает и подпирает всю вселенную.

Позже – в уже сколоченном из бревен доме – дерево дома становится несущим столбом крыши, и Мировое древо логично превращается в подпирающий небо мировой столб, что не мешает тому, что идея Мирового древа никогда не исчезает полностью. Мировой столб или вселенская колонна всегда снова и снова является деревом, которое простирает свои ветви, чтобы поддерживать небосвод.

Потом из более позднего каменного века есть бесконечно много свидетельств не только культа мирового столба, но и того, что Мировое древо – как столб или колонна – виделось одновременно как богочеловек или как бог дерева. Подобно тому как менгиры, большие камни, иногда делались с лицами, Мировое древо тоже при случае несет голову и вырезанное из дерева лицо. (16) В немецких музеях есть много таких «деревянных людей» из кельтского или германского наследия.

Персонализация деревянной колонны уже в самые ранние времена привела к тому, что ее объединяли в одно целое с великим богом неба, который, наверное, так же рано принял «образ отца». Известно, что германцы обычно устанавливали деревянные столбы в местах святилищ и перед ними, и что имя такого «священного столба» – Ирминсиль – было перенято у бога неба, который у союза племен герминонов (эрминонов) или ирминонов носил имя Ирмин. (Yr или Ir был назван древовидный рунный знак, он означает тис. «Yr», как и слог «ar» или «er», происходит от индогерманского корня «R», который имеет значение восходящего, стремящегося вверх и высокого).

Северогерманский Хеймдалль, в поздних исландских преданиях уже несколько поблекшая фигура, также первоначально был богом неба и опорой вселенной, мировым столбом. Якоб Вильгельм Хауэр (17) пишет в этой связи: «Во всей индогерманско-германской религиозной истории можно увидеть стремление к наивысшему образу бога в этом царстве божественных сил. На протяжении этого развития это стремление в германской области так же, как и в индоарийской (18), пыталось воплотиться в различных образах богов. Но раньше всего и упорнее всего оно связывалось с «опорой мира», тем германским прабогом, который превосходил все отдельные силы в своем величии и непостижимости. Как мы уже говорили выше, в северной мифологии этим мировым столбом является Хеймдалль. О нем в «Кратком прорицании вельвы», в «Песне о Хюндле» («Hyndjoljod»), говорится:

«В давние годы
родился однажды
могучий герой из рода богов;
дочери ётунов
— девять их было
— родили его у края земли.
...
Взял силу земли он,
студеного моря
и силу кабаньей жертвенной крови.
...

Родился один самый могучий,
силы земли питали его;
самый, как слышно, великий властитель,
родич для всех людей на земле».

Так как всебог, бог вселенной является также праотцом людей, он стоит как дерево и мировая ось, бодрствуя во вселенной, с рогом луны в ветвях, он – бдительный, который видит все».

У греков это был Гермес, в котором первоначально видели опору мира (его имя тоже родственно имени Ирмин). «Гермы», каменные колонны с человеческой головой, кажется, прямо происходят от колонн менгиров с лицами. Также Зевсу шепчет оракул из дуба Додоны, и Юпитер борется с гигантами высоко на столбе.

Как долго сохранялось такое представление о «Всебоге», боге вселенной, подпирающем мир и небо, демонстрирует несущая купол колонна в крипте каролингской церкви Святого Михаила в Фульде. С ее закрученными, окрашенными золотом волютами она явно обладает характером священного столба, и в путеводителе по церкви можно прочесть: «Кандид объясняет колонну как символ Христа, который держит вселенную».

Представления о мировом столбе и боге неба проникали друг в друга, смешивались, и, конечно, это происходило уже давно, еще до того, как эти представления стали для нас осязаемыми в летописных сообщениях и изображениях. Но если мы назовем Зевса и Юпитера, то перед нами тоже возникает та же самая идея бога неба, истинно индогерманская, каковой она и является, но, все же, почти столь же древняя, что и идея бога-опоры мира, от которой она – как бы часто ни соприкасались эти представления – все же ясно отличается. Здесь мы видим «великого бога неба и земель» не как растущее, несущее дерево или подпирающий мир столб, а как полностью антропоморфное божество, которое рассматривается как «отец» всего живого и одновременно как бескрайнее, охватывающее все воздушное пространство. Пещерное искусство ледникового периода почти не изображает мужских богов, по крайней мере, в образе человека. Тем не менее, мы можем предположить, как я думаю, что и этот господин неба так же, как и его супруга, тоже принадлежал уже к религии ледникового периода.

Но давайте сначала обратимся к его супруге. То, что она почиталась охотницами на крупного зверя эпохи палеолита, пожалуй, не может подлежать сомнению. Потому что она изображалась, всегда снова и снова, как маленькая или большая статуя, в гротах, на стенах скал или также в пещерах. Без головы, без

ног, часто также без рук, только ее живот появляется из скалы, часто в пещерах можно найти только один ее символ, вульву, материнское лоно всего живого, выцарапанное или нарисованное. Стало общепринятым считать, что эти так называемые статуи «Венеры» изображают мать-землю, Великую мать: «Terra Mater», «Magna Mater». Они были найдены как на европейском востоке, так и в Италии, Испании и Франции, и некоторые из них происходят еще из ранних времен так называемого позднего или верхнего палеолита, второй ступени палеолита, то есть, им от двадцати до тридцати тысяч лет. У этих скульптурных произведений, в отличие от вырезанных изображений в пещерах, большей частью есть головы, на которых, однако, не выведены лица, также здесь живот – всегда самое важное, и он изображен чрезмерно большим и полным. Таким образом, эти голые женщины кажутся беременными – очевидно здесь, прежде всего, должны были быть показаны большое плодородие и материнский инстинкт богини. Одна из этих статуй, которую обнаружили под свесом скалы в гроте Лоссель в Дордони, держит рог бизона в поднятой руке, и это похоже на то, как будто бы она предлагает посетителю напиток жизни в роге изобилия.

Мать-земля в ее переливающейся через край женственности как вынашивающая и рожаящая ребенка – она все еще исключительно источник плодородия, и она должна была также, вероятно, вызывать плодородие. Как церемонии вокруг некоторых изображенных в пещерах беременных животных должны были наверняка магически содействовать плодородию охотничьей дичи, так и мать-земля в вере первобытного человека могла переносить свое плодородие на женщину, которая поднимала к ней руки. Также в более поздние времена многочисленные ипостаси и наследницы этой древнейшей богини помогали женщинам при бесплодии и облегчали им роды. Были найдены маленькие статуэтки «Венеры» из слоновой кости, которые, вероятно, носились с этой целью как амулеты или устанавливались в жилой пещере.

Это Великая мать ледникового периода. Позже ее внешний вид изменяется, как и ее функции расширяются. Показанные больше только намеком изображения женщин на некоторых менгирах, прежде всего, на острове Эльба, на Сардинии и во Франции, толкуются как изображения Великой матери, которая во все времена преимущественно в культурах Средиземноморья играла доминирующую роль. Но она не исчезает также на севере северо-западной Европы в эпоху мегалитов и даже в бронзовом веке.

3. Палеолитическая «Венера» из Лоссея/Дордонь. (Из А.Э. Хепп, «Свет полуночи», Тюбинген, 1979).

Якоб Вильгельм Хауэр в своих «Документах и образах» сравнивает два относительно поздних призыва к матери-земле с Севера и Юга, и это сравнение я хотела бы привести здесь. (19)

Первый призыв – это известное англосаксонское «благословение полей», которое происходит из Англии и уже из христианского времени, но еще несет в себе все признаки доисторического времени:

«Землю прошу я, и верхнее небо:
Эрке, Эрке, Эрке, земли мать!
Пусть Всемогущий удостоит тебя
Полей, произрастающих и всходящих,
в полную силу наливающихся и силу несущих,
и широкого ячменя плоды
и белой пшеницы плоды
и всех земель плоды!
Благословенна будь, земля, Земная мать!
Да будешь ты, зеленея в объятиях бога,
Наполнена плодами, во благо земных».

В качестве сравнения автор затем приводит гимн Гее (Гайе) из греческой сферы, происходящий из «Орфических гимнов»:

«Гайя-богиня, о мать блаженных и смертного люда,
О всекормящая, о всецарящая, всепогубитель,
Ты, о всеильная, ты плодоносная, Орами блещешь,
Ты – основа бессмертного мира, всепестрая дева.
О плодовитая, роды твои – урожай многовидный,
С грудью высокой, почтенная, вечная, с долей счастливой,
Сладко дышащая зелень отрадна тебе, многоцветной,
Любишь дожди ты, а космос, искусник всехитрый, светила
Вертит вокруг тебя вечнотекущим могучим потоком.
Ныне, богиня блаженная, с радостью множь урожаи!
Будь благосклонна во всякое время, нам счастье даруя!»

В мифе «вечно девственная мать», не теряя при этом свой характер матери-земли, рядом с богом неба властвует также над надземным миром. Как ее супруг представляет день, так она представляет ночь. Часто связанная с луной, она носит темно-синюю покрытую звездами мантию небосвода, которая окутывает ее вокруг. И везде и всюду, где мы встречаем ее в преданиях, она сверкает в блеске звездного ожерелья (т.е. вокруг нее «искусно кружится» «звездная вселенная»), которое ее возлюбленный надел на нее, когда он навсегда привязал ее к себе.

Однако в более позднее германское время она не только по-космически осиянная небесным светом королева или мать вечного роста, но и по-крестьянски заботливая домашняя хозяйка, прядильщица, которая заботится и о том, чтобы в крестьянской усадьбе ко времени зимнего солнцестояния был спряжен весь лен. И, в конце концов, снова в синем одеянии, с ребенком на руках, с лунным серпом у своих ног, она как Мать Мария стоит в деревенских церквях сего-

дняшной Европы и с тем же самым терпением, как когда-то в доисторическое время, выслушивает просьбы верующих и, прежде всего, оказавшихся в беде женщин.

Существуют предания, из которых можно сделать вывод, что в раннее время мать-землю представляли также без супруга, девственную, порождающую все растущее только из самой себя. В древнейшем северном сказании она – «корова», которая вылизывает изо льда первое богочеловеческое существо. Но – как уже говорилось – оплодотворяющий супруг стоит почти так же давно рядом с нею, «древнейший священный отец», как называет его Гёльдерлин. И из объятий неба и земли возникает – и это суть всей ранней религии – плодородие, рост, трава, хлеб, цветы и плоды и – сын.

В конце девятнадцатого столетия у большинства ученых господствовало мнение, что у истоков всего религиозного переживания человечества был так называемый анимизм, и что от него затем прямолинейное развитие привело к политеизму, а уже от того – к монотеизму. Под анимизмом понимают детский способ восприятия явлений природы и безжизненных предметов как человекоподобных одушевленных существ, которые ведут себя как люди, слушаются человека, могут отвечать ему, и на них можно влиять магическими приемами. Без сомнения, религиозное переживание первобытного человека, как и еще сегодняшних первобытных народов, во многом определялось этой манерой «одушевлять» вещи и явления. В непонятных природных процессах древние люди ощущали некую важную «силу», которая воздействовала на человека, могла быть угрожающей или милостивой, и настроить которую в благоприятном духе казалось полезным. Природные духи, природные боги, кажется, существовали и действовали во всех вещах.

Но все же наука за прошедшее столетие узнала, что за этим восприятием природы стояло еще другое, более глубокое восприятие. Как раз у народов, которые еще жили в примитивной фазе, была обнаружена вера в «наивысшее существо», создателя мира и господина всех вещей, который восседал далеко – в большинстве случаев на небесных высотах, но именно он дал людям все законы и правила и наказывал нарушителей закона.

Эта вера, это еще едва ли связанное с сознанием ощущение того, что можно почитать управляющего всем «отца», стоящего высоко над миром, которого нужно бояться и любви которого одновременно нужно было доверять, конечно, была очень изначальной потребностью, с самого начала принадлежавшей к самому человеческому бытию.

«Древнейший, священный отец» индогерманских народов имеет много имен и развивается разнообразно, хотя он всегда остается, по сути, одним и тем же. Мы не можем рассматривать развитие «политеизма» как упорядоченный и логично-мыслительно запланированный процесс. Это обильное разрастание и преобразование, переход друг в друга и разветвление божественных образов и их качеств. Снова и снова образы богов у различных народностей принимают новые формы. Как эти народы расстанутся и объединяются, расстанутся и объединяются также боги, та или другая функция выходит на передний план, имена и прозвища изменяются в зависимости от языка и диалекта (и также в зависимости от слуха и специфической орфографии того, кто, наконец, когда-нибудь однажды запишет их). Молодые поколения рассматривают своих богов в качестве детей и потомков более старых. Поэтому как раз бог неба непрерывно молодеет, и в больших индогерманских кругах богов члены появляются почти исключительно как потомки и подобия наивысшей пары богов неба и земли.

Позже жрецы, мудрецы и ученые попытаются внести некоторый порядок в весь этот хаос богов, так возникают генеалогии, целые древа божественных родословных. Классические греки, например, видели в Уране, имя которого было синонимом слова «небо», старейшего «всевластного отца», его сыном был Кронос, сыном Кроноса Зевс. Эта генеалогия, что касается возраста, действительно верна: Уран – это очень раннее имя бога неба, идентичное с Варуной индоариев и Ахурой иранцев. Этот «прадед» должен был в то время, когда происходило разделение индогерманцев на восточных и западных, владеть небом, так как оба круга народов знают его имя как имя высшего бога.

В «Зевсе» теперь мы встречаем имя, которое когда-то – мы не знаем, когда – приложилось к богу неба, и которое нашло такое широкое распространение, что оно стало наименованием «бога» как такового. Это коренной слог «de», или «di» или «da», к которому затем часто еще прибавлялась j, i или g (а также позже мужской суффикс os, us или as). Слог «di» означает всего лишь «день», и соответственно подразумевает светящееся дневное небо (наше слово «день» (Tag) происходит как раз от этого «Daj» или «Dag»). Таким образом, высший божественный властитель встречается нас теперь на многих языках и у многих народов под этим именем: Дьяуспита или Дьяус Питар у индоариев; Юпитер и Деус Патер у римлян; Зевс Патер у греков; Зиу или Тиу у германских свевов; Тюр у северных германцев. Ирландцы же сохранили раннюю форму этого имени, вероятнее всего, еще с ледниковой эпохи – Даг-да = День-бог.

(Славянский Дажьбог тоже вполне вписывается в этот список. – прим. перев.)

Это «светящееся дневное небо» рассматривается как всеобъемлющая атмосфера, как воздух, дыхание, да, даже как Вселенная. Бог несет светло-синюю ман-

тию, он господин солнца, но также и податель живительного дождя. И если он сердится, он размахивает молнией, которая представляется в виде топора или молота. Но Деос также – и с самого раннего времени – это создатель мира, хранитель закона и права, всевластный и даже всех любящий отец. Слово «отец» прилагается к нему почти на всех языках – мы видели это выше. Он – отец и людей, и богов, героев и королевских родов. Удивительно красиво воспевают его греческие поэты:

«Ты, из бессмертных славнейший, всеильный и многоименный,
Зевс, произведший природу и правящий всем по закону!
Зевсу привет мой! Тебя всем смертным хвалить подобает,
Мы – порожденье твое, и все твой образ мы носим,
Смертные все, что живем на земле и ее попираем.
Вот почему твою мощь восхваляю и петь буду вечно.

Все мироздание это, что землю обходит кругами,
Двигается волей твоей, тебе повинуюсь охотно.
Держишь в своих ты руках, никогда пораженья не знавших,

Молнии блеск огневой, ослепительный, вечноживущий,
Молнии той, чей удар в смятенье ввергает природу;

Этим огнем направляешь по миру ты разум всеобщий,
Всюду проносится он, меж светил великих и малых.
Ты повелитель всего, над всем величайший владыка.
Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло,
Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине,
Кроме того, что безумцы в своем безрассудстве свершают.
Ты же умеешь, однако, соделать нечетное четным,
Дать безобразному вид, у тебя и немилое мило.

Ты согласишь в единстве дурное совместно с хорошим,
Так что рождается разум, всеобщий и вечноживущий,
Разум, чья сила страшна одним лишь дурным среди смертных;
В зависти злобной они стремятся к владениям добрых,
Общий священный закон не видят, ему не внимают;
Если б ему покорились, то жили бы честно, разумно.
Ныне ж пылают одни необузданной жаждою славы;
Эти стремятся лукаво к наживе бесчестной, иные
Преданы только распутству и, тело свое ублажая,
Ищут одних наслаждений, взамен же страданье находят.

Ты же, о Зевс, всех даров властелин, темнокудрый, громовый,
Дай человеку свободу от власти прискорбной незнания;
Ты изгони из души неразумье и путь укажи нам
К мудрости вечной, с которой ты правишь над всем справедливо,
Честь от тебя восприяв, и тебе будем честь воздавать мы,
Вечно твои воспевая деянья, как смертному должно.
Нет награжденья прекрасней для смертных и нет для бессмертных,
Кроме как общий закон восхвалять и чтить справедливость».

Клеанф из Асса (умер в 251 году до Р. Х.). (20)

Греки классического периода создали великолепный образ бога неба Зевса. Правитель миров, который с развевающимися волосами и бородой восседает на своем троне в облаках, с молнией как оружием в своей руке, у его ног орел, его посыльная птица, который, вероятно, в раннее время был символом солнца. (У римлян орел оставался символом солнца вплоть до поздних времен и как военный штандарт легионов стал олицетворением уверенности в победе римской армии.)

Однако истинное сопровождающее и символическое животное бога неба с доисторических времен – бык.

Нет сомнений в том, что на ранней стадии развития религиозного мышления боги неоднократно выступали в виде животных. Сущность бога выражалась каким-то животным, которое представляло, как бы замещало его, и в образе этого животного он появлялся перед людьми.

Во всех индогерманских мифах о происхождении мира бык и корова стоят в самом начале развития как действующая, творящая или жертвующая саму себя миру пара богов. Якоб Вильгельм Хауэр пишет об этом: «Если мы спросим, из какого времени происходит миф о корове как о древнейшей творящей и материнской первоначальной силе, то мы должны вернуться в те времена, когда корова играла замечательную, центральную роль в жизни людей. Вероятно, то, что его истоки исходят от тех охотников ледникового периода, которым различные формы диких коров предоставляли основу для выживания. В дикой корове и диком быке видели воплощенной великолепным способом бессмертную силу жизни. Из этой силы люди сами и жили. Из этой силы, т.е. из ее космического корня, поэтому также должен был жить мир». (21)

Заманчиво видеть в больших картинах быков-бизонов пещерного искусства ледникового периода изображения «небесного животного» (22), всеохватывающего и сильного божественного существа. Тем более, что бык тут часто несет

не только рога в форме луны, но и (часто представленное как треугольник) око солнца на лбу, которое в мифах свойственно всем первоначальным богам неба. Так как, однако, смысл и цели пещерных картин еще не исследованы действительно глубоко и не имеют однозначно достоверных оснований, все это пока должно оставаться на уровне предположений.

С уверенностью можно только сказать, что, насколько мы можем оглянуться в прошлое, бык действительно выступает как символическое животное бога неба, его силы и способности к оплодотворению, так же как мать-земля рассматривается как «древнейшая, изначальная корова». У «Исиды и Осириса» это очень явно, но также и Гера, супруга Зевса, описана как «волоокая», и Зевс сам испытывает некоторые из своих многочисленных любовных приключений, от которых рождаются герои, в виде быка. В германской, как и в индоарийской мифологии, древнейшая корова стоит в начале появления всего сущего. У германцев это корова Аудумла. А в индоарийской философии корова Вирадх становится источником жизненной силы. В жертвоприношениях быка, однако, которые играли такую первостепенную роль в древних культурах (прежде всего, в Средиземноморье, где игрища с такими жертвоприношениями дожили до сегодняшнего дня в форме испанской и южно-французской корриды), по сути, в жертву приносится не кто иной, как сам бог неба, которого ритуально забивают, чтобы дать миру его силу и его укрепляющую и оплодотворяющую кровь.

3. Имир и Туисто

О большом жертвоприношении быка во время собрания десяти царей Атлантиды, которое описывает переданный Платоном рассказ об Атлантиде, мы еще поговорим позже; также здесь речь, без сомнения, шла о дарующем жизнь убийстве небесного быка и прабыка.

В этом месте нужно напомнить, однако, еще о другой, родственной жертве, о которой сообщает «Эдда» (23); но она вполне могла бы происходить еще из палеолита: о принесении правеликана Имира в жертву тремя молодыми богами, которые создают мир из его костей, его плоти и крови. (То, что они его крышку черепа водружают как небо, напоминает о культе черепа древнейшего времени, который исповедовали, как кажется, еще пред-неандертальцы. Согласно Мари Кёниг, крышка человеческого черепа всегда рассматривалась как символ неба).

Конечно, Имир в этом мифе – это, собственно, не бог неба как таковой. Молодые боги света соотносятся с ним, пожалуй, скорее, как дух с материей. В поздней формулировке «Эдды» Имир – старейший из инеистых великанов, против которых борется размахивающий молотом Тор, тоже обладающий свойствами

бога неба, как Зевс борется против титанов. Но титаны не только великаны и силы природы, но также и, прежде всего, очень древний «бычеглазый» род богов, которых побеждает Зевс, омоложенный бог неба, чтобы выстроить свое собственное, более культивированное господство. Таким образом, за природным мифом о весенней грозе, которая прогоняет зимние силы инея и снега, стоит еще более древний и более глубокий миф о преодолении древней хаотично бесформенной силы светлыми, более духовными «небесными силами», которые из бесформенной доселе материи теперь создают мир и его порядок.

Хауэр (24) подтверждает, что Имир также в «Эдде» иногда обозначается как «бог». Он – предок как богов, так и великанов. Он соответствует индоарийскому Яме, как и иранскому Име, и как двуполое существо порождает человечество из самого себя.

«В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла».

Так еще в девятнадцатом веке пели исландцы на совсем простую и потому практически волшебную воздействующую мелодию. (С этих слов начинается «Прорицание вёльвы», самое значительное стихотворение «Эдды»).

Бездна, упомянутая здесь, в оригинале «Ginnung gapar» – это как раз та зияющая пропасть Ничто, то же самое, что греки называли «хаос». Эта пропасть, зияющая пустота несозданного, заполняется плотью и кровью принесенного в жертву Имира. Мир возникает через жертвоприношение прабога.

Затем Хауэр приводит восточно-индогерманские параллели. «Это странное представление, что из божественного прасущества был построен мир, в свою очередь, снова встречается в другом арийском пространстве, а именно, в первую очередь, в Индии, потом в Иране. Он цитирует стихи из так называемой «Песни о Пуруше», «Ригведа», X, 90 = Атхарведа 6 (эти песни были записаны в Индии еще в 1000 до Р. Х.). Имя воспетого там прасущества, из которого строится мир, Пуруша, что означает «мужчина» или «человек».

«Когда боги предприняли жертвоприношение
С Пурушей как с жертвенным даром,
Весна была его жертвенным маслом,
Лето – дровами, осень – жертвенным даром.
Его как жертву кропили на жертвенной соломе,
Пурушу, рожденного в начале.
Его принесли себе в жертву боги
И (те,) что садхья и риши».

Далее Хауэр упоминает сохранившуюся также в Иране форму этого мифа. Здесь снова прабук выступает как бог мира и приносится в жертву молодым богом света.

Также из очень давних глубин прошлого и «первых дней», как кажется, происходит миф, о котором рассказал Тацит, и который здесь тоже следует кратко упомянуть.

Имир, Яма (Йама) или Има (Йима) означает «близнец», правильнее, пожалуй, «гермафродит». В «Эдде» Имир – это мужское и женское существо одновременно. Хауэр связывает его поэтому с упомянутым Тацитом Туисто, который тоже является прабогом и гермафродитом.

Тацит в своей «Германии» пишет: «В древних песнопениях, – а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, – они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн – прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами, все прочие – истевонами». (25)

Хауэр пишет об этом: «Вера в исходное божество, от которого происходит все, обладающее двойным характером, очевидно, является праиндогерманской. Об изначальном значении этого «близнеца» не может быть никаких сомнений. Это прабожество, которое включает в себя оба основных принципа мира: мужской-женский, свет-тьма, сила-антисила... Манн (Маннус), сын Туисто, это тоже древнейший исконно индогерманский персонаж. У индоариев он выступает как Ману, божественный родоначальник людей («Ману» означает не что иное, как «мужчина», «человек»), мы видим его в Манесе, первоначально фригийцев, индогерманского народа в Малой Азии, в римском Церусе Манусе, мужском эквиваленте Маны Гениты, великой прародительницы. Так как через культуру Негада в Верхнем Египте, которую, вероятно, следует датировать четвертым-пятым тысячелетием до Р. Х., северно-индогерманские влияния лежат также в основе корней египетской культуры, то следует, возможно, задуматься над вопросом,

не был ли появляющийся там в роли старейшего правителя Менес каким-то образом связан с индогерманским Маннусом». (26)

Здесь я хотела бы добавить, что первый фараон, который в равной степени правил Верхним и Нижним Египтом, носил имя Нармер, и что не совсем понятно, почему его называли также Менес. Это было, очевидно, прозвищем, вероятно, титулом легендарного фараона, которого связывали с началом культуры и господства. (27).

Кроме того, к упомянутым Хауэром «мужам начала», «первым людям», можно было бы добавить еще первого царя Крита – Миноса. Его рассматривали – пожалуй, уже классические греки – преимущественно как реальную, историческую фигуру, но он на самом деле, безусловно, принадлежит к миру мифов (так же, как и его брат Радамант, «белокурый» властитель загробного мира).

Хауэр продолжает: «На то, что предание о Манне продержалось еще так долго, вплоть до христианского времени, указывает написанное примерно в 1300 году (н.э.) стихотворение немецкого миннезингера Фрауэнлоба:

«Меннором был назван первый, которого бог познакомил с немецкой (diutische) речью».

В индогерманской мифологии Яма-Ману одновременно является первым, который пошел путем смерти, добрался до вечного света, где он восседает как правитель всех, кто попал туда после него. В Вессобрунской молитве христианский бог назван «*manno miltiso*», «самый мягкий человек». Это слово, таким образом, означает и человека, и бога одновременно». (28)

Итак, мы видим: из более позднего мифа некоторые следы ведут назад к представлениям времен появления индогерманцев, и даже раньше, в далекий мир раннего палеолита.

Это наполовину стертые, часто с очень большим трудом поддающиеся интерпретации, или даже вовсе не поддающиеся интерпретации следы, но мы должны заняться ими, чтобы хотя бы что-то узнать об основах, на которых строилось более позднее развитие.

Вторая глава

МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

1. Вопрос датировки

Примерно около 10 000 до Р. Х. покрывавший большие части Европы лед отошел на север, климат стал лучше, мягче, тундра медленно превращалась в ландшафт лесов и лугов. Этим временем – около 10 000 – ученые датируют конец «палеолита» или «позднего палеолита» вместе с окончанием ледникового периода, и затем начинается «период мезолита» как переход к «неолиту», «новому каменному веку». Это последнее понятие определяется переходом от культуры «охотников и собирателей» к культуре «земледельцев и скотоводов». Почти одновременно на берегах мирового океана начинается также «мегалитическая» культура, т.е. «культура больших камней» (мегалитов).

Мы еще сегодня можем видеть остатки этой культуры, которая когда-то, это ясно, существенно определяла лицо Земли. Бесконечно многое пало жертвой лопаты, плуга или экскаватора. Но, тем не менее, все еще можно найти, в совокупности или в отдельности, возвышающиеся высоко вверх «большие камни», «менгиры», накрытые как сводом каменной плитой «дольмены», древние могилы, покрытые холмами, «коридорные могилы», «каменные круги» («кромлехи») и так далее (эти имена бретонские, так как Бретань особенно богата мегалитическими памятниками), «Alignements» (буквально «линии»), величественные каменные аллеи и каменные сооружения вплоть до таких поздних и соответствующим образом великолепных святилищ как Стоунхендж и Эйвбери в Южной Англии. Эти мегалитические памятники странным образом похожи друг на друга всюду: в Скандинавии и Северной Германии, во Франции, в Шотландии, Англии и Ирландии, в Португалии и Испании, на островах Средиземного моря – Мальте, Сардинии, Корсике. Они тянутся от Палестины до Малой Азии, к Кавказу и через Бактрию в Индию, с другой стороны, вдоль североафриканского побережья до Марокко. Их находят на Канарских островах, в Северной и Южной Америке, в Полинезии, и во многих местностях Юго-Восточной Азии. И там – и это самое поразительное, они «живут» до сих пор, по крайней мере, они были живы перед Второй мировой войной. Там существуют или существовали племена, которые возводили менгиры и дольмены в наше время и устраивали в кромлехах свои религиозные праздники.

Идентичность всех этих каменных сооружений позволяет с самого начала сделать вывод о том, что речь здесь идет об обычае или об определенном культурном явлении, которое исходило из одной точки и, кроме того, опиралось на

определенное мировоззрение, определенные религиозные мысли и представления. Говорили даже о «мегалитической идее». Как, однако, происходила передача этой «идеи» из одного района мира в другие?

Оказалось, что «живые» мегалитические культуры в Южной Индии, Ассаме, Западной Бирме, на Борнео, Суматре и на полинезийских островах относительно молоды. Ни пространственную, ни временную связь их с древними мегалитическими культурами Европы и Средиземноморья сегодня уже больше нельзя установить. Мегалитические народы Юго-Восточной Азии, например – это полностью монголоиды. Обычай сооружать большие камни они получили из-за моря и, очевидно, он был передан им родственными народами. И, тем не менее, эти культуры первоначально происходят от культур каменного века Европы, на которые они так поразительно похожи. Передача происходила, без сомнения, через великие переселения народов и групп поселенцев, но проходила она медленно – на протяжении тысячелетий. И получалось так, что группа прибывших поселенцев уже растворялась в чужой народности, и оставался только обычай, «идея», которую новые переселенцы, в свою очередь, теперь снова несли к чужим берегам.

Родные места «мегалитической идеи» лежат, без сомнения, в европейско-средиземноморском пространстве, и теперь снова возникает вопрос о настоящей исходной точке и о времени, когда эта «идея» впервые возникла в умах людей.

Когда я – еще ребенком – впервые услышала о «могильных курганах» Северной Германии и менгирах Бретани, ответ на этот вопрос, казался четким: где-то в низинах северо-западной Европы, на Северном море, возможно, в Голландии, Шлезвиг-Гольштейне или в Люнебургской пустоши в очень давнее, доисторическое время люди начали создавать эти могилы и каменные памятники.

4. Дольмен в Крюкюно близ Эрдевана, Бретань, Франция (из А. Херрманн, «Наши предки и Атлантида», Берлин, 1934)

К этим землям и относились эти мощные, неуклюже уложенные слоями скопления камней – их место явно было под широким небом низменностей с его большими тучами и пасмурными горизонтами. Сооружены они были, если и не великанами, как повсюду рассказывали легенды, то, все же, большими, грузными, серьезными людьми высокого роста, которые стремились не к грациозно тонкому, красивому и утонченному, а скорее к сильному, грубому, глубокомысленному и меланхолично грустному. И я нашла подтверждения этого мнения сначала в книгах, а позднее благодаря моему учителю Якобу Вильгельму Хауэру. Это было именно так, культура мегалитов первоначально принадлежала европейскому Северу, из маленьких истоков она развилась здесь. А затем множество переселенцев, которых Север выталкивал вновь и вновь, так как в крестьянских усадьбах всегда было слишком много младших сыновей, распространило эту культуру на юг и по морю перенесло на все досягаемые побережья. Хауэр датировал ее начало четвертым тысячелетием до Р.Х.

Густав Швантес писал в 1939 году: «Это (Северная Европа) является единственной областью, где можно увидеть, как гигантская каменная могила, так сказать, выросла из более старых форм захоронений... Все это представляется результатом непрерывного развития из погребальных обычаев периода мезолита». (29)

Тем сильнее я была поражена позднее, когда в 1955 году в книге Герберта Кюна «Подъем человечества» я столкнулась с мнением, что мегалитическая культура вовсе не является «местной» в Северной Европе: «В ходе дальнейших исследований все больше проявлялось, что взгляд Оскара Монтелиуса, а также Софуса Мюллера (оба исследователя – швед и датчанин соответственно – выводили мегалитическую культуру от культур Ближнего Востока. Б.Ф.) был правильным. Действительно мегалитическая культура приходит с западного и восточного побережий Средиземного моря, и существует множество фактов, которые подтверждают эту мысль... Все существенные формы проявления мегалитической культуры, шлифовка камней, земледелие, религиозная структура, сооружение постоянного прочного дома для мертвых – все это нечто совершенно новое на Балтийском море, шведские и английские исследователи, а также датчане и норвежцы совершенно едины во мнении, что культура мегалитов – это чужой, принесенный извне образ жизни, который как колонизация, исходя из Средиземного моря, распространяется на побережье Атлантического океана и затем продвигается в Швецию и в Германию». (30)

И в действительности исследователи были единомышленны. Во всех публикациях можно было прочесть это: «мегалитическая идея» возникла на таком прогрессивном в культурном отношении юге, пожалуй, преимущественно в Египте. И затем она медленно, очень медленно – буквально ощупью, продвигалась на север, которого она достигла вместе с земледелием, культом плодородия и культом Великой матери только на протяжении третьего тысячелетия до Р. Х., так как теперь числа для Европы становились все меньше, ее культуры все моложе.

Тезис этот звучал убедительно, но оставались вопросы и противоречия. Ведь теперь вся мегалитика должна была быть не чем иным, как неуклюжей, огрубевшей имитацией великолепных культур пирамид и храмов Ближнего Востока. Если посмотреть на огромную массу и абсолютную аналогичность мегалитических памятников, то это звучало невероятно. Могли ли все эти каменные сооружения «не удался» одинаковым способом? Почему, если они уже были имитациями, их тогда не сделали более похожими на прототипы, почему не соорудили пирамиды или, по крайней мере, похожие на пирамиды кучи камней, вместо того чтобы создавать дольмены с несущими камнями и каменными плитами перекрытия под холмом? Почему в Европе закладывали круглые каменные круги вместо четырехугольных храмовых дворов? Не было ли гораздо вероятнее как раз противоположное: что – как раз с учетом мысли о постоянном доме для мертвых – из неуклюжих каменных сооружений в прогрессивном Египте возникли новые, сглаженные, в своей формальной красоте достойные высокой культуры творения?

В своей книге «След циклопов» (1960) Сибилла фон Клес-Реден придерживалась разделяемого многими исследователями взгляда, что мегалитическая культура произошла из Палестины, где – прежде всего, в долине реки Иордан – существует много типичных мегалитических гробниц. Палестина – это древняя культурная страна, здесь в Иерихоне, «старейшем городе мира», во втором слое, который относится приблизительно к седьмому или восьмому тысячелетию до Р. Х. и демонстрирует удивительно передовое домостроение, нашли черепа, заполненные гипсовой массой как посмертные маски, которые в совершенстве передают черты умершего. (31). Тонкие лица с вытянутыми вверх головами во все не похожи на «примитивных» людей. Согласно Клес-Реден, эти люди из Иерихона принадлежали к некоей средиземноморской прарасе, которая происходит, по всей видимости, так же, как и больший и более крепкий вид кроманьонцев, из французско-испанского центра культур охотников на крупного зверя, но уже рано переселилась на юг и к Средиземному морю. Этот изящный, с очень вытянутыми черепами, темноволосый и довольно светлокожий, совершенно европеоидный вид людей мог быть главным носителем ранних культур Средиземного моря, как например, критских, а также принять активное участие в создании и развитии хамитского населения Египта.

Если теперь мегалитическая культура возникла на побережье Средиземного моря, то она должна была бы повсюду быть творением этого рано созревшего народа. Мыслимо ли это? Могли ли «циклопические» каменные сооружения, строители которых всюду в памяти народов живут как «великаны», быть построены именно этими маленькими, утонченными людьми, которые, кстати, строили всё исключительно из высушенных на воздухе глиняных кирпичей (как делали также ранние египтяне) и уже жили в роскошно оснащенных домах с гладкими каменными полами и раскрашенными стенами?

В общем и целом, как раз на Средиземном море мегалитическая культура производит впечатление «чужого, принесенного извне образа жизни», который не подходит ни стране, ни людям, и ни в коем случае не развился здесь «из простых истоков».

Поздняя датировка начала этой культуры тоже вызывала сомнения. Герберт Кюн, например, определяет мегалитические культуры в Шлезвиг-Гольштейне, как появившиеся в 2000-1400 до Р. Х. Теперь почти все исследователи – также Клес-Реден – заявляют, однако, что примерно в 2000 до Р. Х. в Шлезвиг-Гольштейн вторглись люди «культуры шнуровой керамики» или «боевых топоров»; они не были людьми мегалитической культуры, погребали своих мертвецов в низких отдельных могилах и, собственно, положили конец настоящей мегалитической эпохе в Шлезвиг-Гольштейне. Но если это происходило примерно в 2000 до Р.Х., разве могла бы эпоха мегалитов только начаться там примерно в

это же время – когда же могли быть в таком случае сооружены все бесчисленные дольмены и отдельные могилы этого ландшафта?

Сибилла фон Клес-Реден писала свою книгу как убежденная приверженка теории южной родины. Но когда она на странице 203 дошла, наконец, до мегалитических гробниц Северной Европы, она столкнулась с фактами, которые она, очевидно, не может правильно объяснить самой себе. Она пишет: «Первые дольмены Дании... раньше часто считались прообразами европейских мегалитических гробниц, и сегодня у этой теории тоже есть свои приверженцы. В мысли о северных мореплавателях, которые якобы уже за 3000 лет до викингов отправились в плавание из приблизительно той же области, что и те, чтобы предпринять отчаянные нашествия вплоть до Средиземного моря, есть что-то захватывающее. И действительно существуют также важные аргументы, которые говорят, по меньшей мере, в пользу независимого развития старейших датских дольменов. Ютландия, Шлезвиг-Гольштейн и близлежащая группа островов появляются в неолите и в раннем бронзовом веке как область, в которой концентрируются необычно творческие силы, воздействия которых в северном пространстве и в дальнейшем остаются заметными. Развитие каменных могильных камер шло там с самого начала собственным путем, и в гончарном искусстве, в обработке камней и позже в обработке металла там были достигнуты результаты неповторимой красоты и наивысшего технического совершенства».

Клес-Реден приписывает это развитие «новым переселенцам», которые прибыли туда еще в первой половине третьего тысячелетия, и которых из-за характерной формы их сосудов называют людьми «культуры воронковидных кубков». В более поздней (!) фазе этой культуры воронковидных кубков ее носители должны были затем начать сооружать каменные ящики из многочисленных блоков с каменной крышкой и покрывать их холмами. «Скоро, однако, эти маленькие конструкции выросли до больших помещений... и, наконец, разрослись до импозантных многоугольных палат. Холмы росли вместе с ними в высоту при диаметрах от 20 до 25 метров. Ложа великанов достигали иногда удивительных размеров с длиной до 130 метров».

Так пишет Сибилла фон Клес-Реден. И что же все это означает на самом деле? Да ведь как раз вот что: здесь в Дании и Шлезвиг-Гольштейне – и только здесь – мегалитические могилы развились из маленьких, простых истоков во все большие формы, здесь из «саркофагов» для одного покойника появились могилы для целых родов. Если, однако, в соответствующее время на всем побережье океана уже процветали мегалитические культуры, и «новые переселенцы по морю» происходили из одной из них, почему они тогда – причем еще только по истечении длительного промежутка времени подготовки – упрямо настаивали на том, чтобы еще раз начать все это развитие с самого начала?

Вопросы за вопросами. Что мешало благоразумному решению? Прежде всего, вопрос датировки. Но также и там уже в то время, когда Клес-Реден писала свою книгу (1960), намечались большие перемены. Ученые как раз начали работать с радиоуглеродным анализом, так называемым методом С14. При этом методе с помощью чего-то вроде счетчика Гейгера измеряется содержимое углерода-14 в когда-то живых материалах (древесина, уголь, растительные волокна). Это содержимое после «смерти» соответствующей материи постоянно уменьшается в определенной степени. Таким образом, можно – хотя бы приблизительно – установить время, прошедшее после соответствующей «смерти» материала. Здесь, по меньшей мере, ученым на несколько шагов удалось приблизиться к правде. Рассматривая мегалитическую культуру Бретани, Сибилла фон Клес-Реден пишет: «... Напротив, в самые последние годы были исследованы остатки костра у одного места жительства и из оставшейся нетронутой могилы в холме в Бретани. Результаты оказались просто поразительными. Неолит и переселение строителей Толуа... согласно этим данным, началось в Бретани уже к концу четвертого тысячелетия до Р. Х., почти на тысячу лет раньше, чем считалось до сих пор. Эти неожиданно высокие числа приводят всю с таким трудом составленную специалистами по древнейшей истории из мелких находок, сравнений и прочих точек опоры головоломку западноевропейской хронологии в полный беспорядок... Все-таки возможно, что короткие хронологии, которые за последние десятилетия вытесняли более «длинные» хронологии старых исследований, нужно будет пересмотреть еще раз, и что для западноевропейского неолита необходимо будет установить существенно более раннее начало и вместе с тем более долгий срок».

С мегалитическими гробницами области Северного и Балтийского морей, естественно, было то же самое, также здесь нужно было «отодвинуть данные назад». Но позже на передний план вышел еще один измерительный метод, который в полной мере помог победе разума.

Юрген Шпанут пишет (1976): «Коррекция прежних датировок С14 могла производиться с помощью дендрохронологии или датировки по кольцам дерева... Чарльз У. Фергюсон из университета Аризоны мог теперь использовать очень старые американские остистые сосны, чтобы установить непрерывный абсолютный хронологический порядок, который уходит в прошлое примерно на 8200 лет (Дональд А. Суон, 1971, 48). Сравнения проб дерева, которые датировались посредством обоих методов, метода древесных колец и метода С14, привели в результате к большим противоречиям. До 1500 года до Р. Х. разница в результатах обоих методов незначительна. Но до этого времени различие увеличивается все больше и достигает к 2500 году до Р. Х. величины больше чем 700 лет. «Эти данные С14 все слишком молоды». (Суон 1971, 50; К. Ренфрю 1971, 68).

Британский профессор археологии доктор Колин Ренфрю в своем вызвавшем большой интерес труде «Carbon 14 and the Prehistory of Europe» («Scientific American», октябрь 1971) исследовал последствия этой коррекции прежних данных С14 для европейской праистории. Он констатирует: «Пересмотр данных С14 оказал опустошительное воздействие на широко распространенную традиционную хронологию. Самым важным было не столько то, что все европейские данные третьего тысячелетия оказались на несколько столетий старше, чем было принято ранее, а то, что данные для Египта не изменились. Теперь ясно, что мегалитические строения в Бретани были построены раньше, чем за четыре тысячелетия до Р. Х., т.е. на одно тысячелетие до того, как появилась монументальная могильная архитектура в Восточном Средиземноморье, и на 1500 лет раньше, чем были построены пирамиды. Происхождение европейских похоронных обычаев и монументов нужно искать не на Ближнем Востоке, а в Европе». (1971, 69)». (32)

Далее Шпанут пишет: «Она (северо-западноевропейская культура мегалитов) – не деградировавшее искривление восточно-средиземноморских или ближневосточных великих каменных строений (Гордон Чайлд, 1950), а более старая, примитивная первая ступень более молодой, высокоразвитой могильной архитектуры на Ближнем Востоке и в Египте». (33) И позже: «Коридорные гробницы в Бретани сегодня датируются примерно 4800 до Р. Х. (Р. Верник, 1974, 33). Однако еще старше коридорных гробниц их более примитивные предшественники, простые дольмены». (34)

Итак, флюгер снова повернулся, теперь ветер опять дует с севера на юг, и истоками мегалитических строений являются «простые дольмены в Шлезвиг-Гольштейне и Дании». (35)

2. Мертвые и календарь

Как теперь обстоят дела с «мегалитической идеей»? В силу необходимости она тоже должна была происходить из области происхождения мегалитов на европейском Севере. В чем же она состояла? Религиозная основа всегда предполагалась, но какими именно были формы и содержание этой религии?

Вместе с Отто Хутом (1950) я удивлена тем, что для получения ответа на этот вопрос исследователи почти никогда не вступали на самый простой, буквально напрашивающийся путь: а именно опросить представителей до сих пор живых мегалитических культур в Юго-Восточной Азии или Полинезии.

Только немногие из тех, кто писал о культуре мегалитов, выбрали этот способ. Большинство же и здесь предпочло удовлетвориться фантазиями, нежели про-

стыми фактами. Хорошую информацию содержит статья доктора Хайне-Гельдерна в журнале «Anthropos», которая, кстати, была написана еще в 1928 году. (36)

В ней ясно и четко объясняется, что является смыслом и целью великолепных каменных сооружений в Восточной Азии, и в Полинезии: речь идет о культуре умерших и культуре предков.

Гигантский камень гарантирует покойнику вечную жизнь, он – памятник ему и в то же время сам покойник, который стоит теперь в виде камня на открытой местности и иногда даже принимает жертву от своих потомков. Камень – это также трон, на который садится душа умершего – как птица души садится на столб жизни. Душу нельзя видеть, но ее можно чувствовать, стоя перед камнем, если она там есть, и можно почувствовать, что теперь камень на самом деле жив. (37)

5. Мегалитические монолиты в Карнаке, Бретань (из А. Херрманн, «Наши предки и Атлантида», Берлин, 1934)

Несомненно, у менгигов Европы были та же цель и тот же смысл: сохранять память об умерших и представлять их. Народные легенды, которые вьются вокруг знаменитых каменных аллей у Карнака в Бретани, подтверждают это. В небольшой книге «Карнакские камни» (1942, стр. 83) Вернер Хюлле приводит такие легенды.

«Тому, кто впервые посетит, например, поле Ле-Менек в прекрасное воскресенье, дети наверняка очень охотно расскажут легенду о Святом Корнелии, святом церкви Карнака и покровителе крупного рогатого скота и других домашних животных. Легенда эта звучит следующим образом. Когда Святой Корнелий был Папой в Риме, его оттуда изгнало и преследовало войско солдат-язычников. В сопровождении двух быков, которые везли его поклажу, и время от времени и его самого, он убежал от солдат в Бретань. Он пришел на гору, где лежала маленькая деревня. Он увидел перед собой море, а за собой приготовившихся к битве солдат. Он остановился и превратил все войско в камни, которые еще сегодня называются солдатами Святого Корнелия (по-бретонски «sourdadet san Cornely»). Ночью в этих рядах камней бродят восставшие из гроба мертвецы.

Другая, записанная в «Annalen der Bretagne» в 1899 году версия этой легенды звучит так: «Когда-то Святой Корнелий путешествовал на запряженной волами повозке по миру и всюду благословлял землю. Между тем, солдаты-язычники хотели убить его и преследовали его. Когда Святой Корнелий приехал тогда в Карнак, он сказал: Здесь я хочу остановиться и остаться. Для этого он спрятался в воловьей шкуре и превратил преследовавших его солдат в камни». Наконец, другая легенда рассказывает, что превращенные Святым Корнелием в камни солдаты оживают в полночь на Рождество и идут в близлежащие трактиры, чтобы выпить. Тот, кто встречает их, погибает.

Хюлле продолжает: «Если мы оставим без внимания христианскую оболочку этих легенд, которые, несомненно, в своей сущности происходят из дохристианских времен, то сначала привлекает внимание тот факт, что эти каменные ряды в Менеке связываются со «святым», который является покровителем крупного рогатого скота. В старых крестьянских верованиях повсюду в окрестностях Карнака рассказывают о том, что всюду там, где проходил Святой Корнелий, урожай оказывался особенно хорош. Если к этому добавить, что также еще сегодня к большому «Пардону» («Прощение», бретонский религиозный праздник) Святого Корнелия в Карнак издалика пригоняют рогатый скот, то станет ясно, что мы здесь имеем дело с дохристианским божеством. Этот «скотий бог или бог быков» превратил солдат в камень. То, что это были не вражеские солдаты, а его собственные, следует уже из народного местного наименования «солдаты Святого Корнелия». Таким образом, легко можно добраться до ядра этого сказания, суть которого в том, что согласно народной вере эти камни были соору-

жены в честь божественной силы, которая в особенности заботилась о разведении крупного рогатого скота и о плодородии полей».

Само собой разумеется, это божество – не кто иной, как древний бог неба, который несет бычьи рога как символ, так же, как его супруга несет рога коровы. Мы уже видели, что эта пара богов с ледникового периода управляет миром, и что всегда с нею были связаны мысль о плодородии человека, животных и растений. Теперь люди уже земледельцы, и плодородие их полей, рост растений и урожай находятся на первом месте. Ритуальные объезды полей должны содействовать им: бог на запряженной волами повозке едет вокруг и благословляет поля.

Мы сталкиваемся здесь со второй «мегалитической идеей», которая находится на переднем плане, как в древних, так и в ныне живущих земледельческих культурах: идеей роста и плодородия, которое могут вызывать боги.

Но эта идея тесно, неразделимо связана с другой: с идеей жизни мертвых после смерти, их вечности, тесной связи с ними, которая возникает из тесной связи рода. То, что мертвые содействуют плодородию земли, это древняя вера.

Характерно, что между камнями Ле-Менека по ночам бродят «ожившие мертвецы», т.е. души мертвецов. И то, что они «оживают» в святки и, как во многих местностях Европы, бродят там подобно «Дикой охоте» и требуют есть и пить, и одновременно своими шествиями вызывают плодородие полей.

Бесчисленные большие камни Карнака и Бретани вообще, согласно всему тому, что мы знаем о верованиях и обычаях еще живых мегалитических культур, также являются обелисками для мертвецов, воплощениями покойников в мире земном, которые поддерживает связь с потомками. «Почему, однако, именно солдаты?» – спрашивает далее Хюлле. Он отвечает так: «Естественно, регулярное расположение камней сразу наводит на мысль о военном строе. Это, конечно, правильно, но можно было бы представить себе, например, что камни были установлены здесь для павших в великой битве, память о которой должна была заодно вследствие этого «закрепиться навсегда». Бог, который является господином над жизнью и смертью, превратил воинов в камни. Это могло быть так, но это не обязательно было именно так».

Во всяком случае, менгиры Бретани – не все, но большинство – принадлежат к культу умерших, который приобрел большую важность во времена мегалитов. На это возражали тем, что в «Alignements», полях менгиров, лишь редко были

найденны могилы, и очень немногие каменные аллеи ориентированы на это. Однако из опроса представителей живых мегалитических культур мы теперь знаем, что камни ставились преимущественно как памятники значительным или хотя бы состоятельным мертвецам, без обязательной связи с фактической могилой. Однако это не препятствовало тому, что также на могильных холмах водружались камни как «троны души». (Этот обычай сохранился до сегодняшнего дня, достаточно только посмотреть на наши кладбища).

Потому что мертвец не только живет в камне или на камне, который был поставлен ему. Он живет также в «холме». Здесь несколько представлений идут параллельно, и нельзя требовать от них логики и однозначной исключительности, как мы, современные люди, так любим это делать. В доисторическом мышлении, мышлении «мифической» эпохи, было возможно взаимодействие самых противоположных представлений. Они всегда сохраняют что-то от сказочной неопределенности, которая свойственна как раз «мифическому» мышлению. Мы должны привыкнуть к этому, иначе мы никогда не сможем понять, что, собственно, стоит за такими разнообразными и часто противоречивыми легендами.

Пример переходящих друг в друга различных представлений о загробной жизни покойников из гораздо более позднего времени, который мог бы, однако, так же хорошо принадлежать и мегалитической эпохе, дает нам прекрасная финальная сцена «Песни о Хельги» из «Эдды» (37а)

Хельги, убийца Хундинга, был убит его деверем Дагом «у роши Фьётурлунд» копьем Одина, бога. Хельги попал в Валгаллу, но однажды ночью он возвращается к своему могильному холму, где с ним соединилась Сигрун, его жена, живая с покойником.

«Ныне нет ничего,
ни поздно, ни рано,
что невозможным
в Севафьёлль было б,
если в объятых
мертвого спишь,
в кургане его,
Сигрун, дочь Хёгни,
ты, живая,
рожденная конунгом!»

Он приходит один раз (вероятно, первоначально было три раза), потом больше не появляется. Слова служанки завершают песню:

«Не будь безумной,
одна не ходи ты,
конунга дочь,
в мертвых жилище!
Ночью сильней
становятся все
мертвые воины,
чем днем при солнце».

Хельги появляется в своем могильном холме, очень реально, живой мертвец, который может держать возлюбленную в своих руках. Одновременно он принадлежит далекому, блистательному небесному царству. Он говорит, что никто не должен плакать о покойниках, потому что они еще пьют «драгоценный напиток», а значит, живут также там, в другом мире, совсем по-настоящему.

Одна из существенных «мегалитических идей», кажется, это как раз мысль о живущем в холме покойнике. Отсюда погребальные дары, вещи, которые кладут в могилу, и они становятся с ходом времени все богаче: еда и напитки, предметы повседневной жизни, оружие, позже мебель, кровать и стул, повозка, лошади, затем даже жена и слуги (последнее, однако, это чужой, восточный обычай, который только в позднее время проникает на север, и о котором в каменном веке и бронзовом веке еще ничего не знают). В германских сказаниях много говорится о встречах живых с мертвыми, рассказывается также о борьбе в холме, как например, в «Песне о Хервёре», где дочь проникает в могильный холм отца и отнимает у того положенный с ним в могилу меч предка. И еще в поздних рассказах мертвецы сидят в горе (могильном кургане) и пируют. Ясно, что обычай строить мертвым «каменные дома» и сооружать могилы родов вырос как раз из этого представления. Речь шла о том, чтобы создать члену рода бессмертное жилище, в котором он мог жить вечно, не иначе, как в своем собственном доме.

Наиболее впечатляюще эта мысль проявляет себя в Египте в невыразимо богато оснащенных домах мертвых, которые со всем искусством и хитростью защищаются и охраняются от грабителей могил, чтобы гарантировать покойнику вечную жизнь в могиле. Также бальзамирование служит этой цели. Но как раз здесь выражается то, что с представлением о живущем в могиле покойнике в типичной нелогичности связывалось совсем другое представление: мысль о далеком и темном, полном всяческих преград и испытаний тяжелом пути, по которому должен пройти умерший, чтобы попасть в потустороннюю страну, которая может быть мрачным местом наказания, сумрачным царством теней, цветущим островом мертвых или блаженной и радостной сверкающей равниной. В царских погребениях и пирамидах покойник оснащается всем нужным не только для

жизни в могиле, но и для этой дороги в потусторонний мир: на грудь ему кладут полоску папируса, на которой записано его оправдание перед судьями мертвых, так сказать, пропуск в загробный мир.

Позже покойному давали с собой монету – как в Греции и очень поздно также на европейском Севере – она была нужна ему, чтобы заплатить переправляющему покойных паромщику. Во множестве сказаний из всех индогерманских областей и всех времен изображается этот темный путь в потусторонний мир. У поздних германцев он называется «путь Хель», по которому герои скачут на коне. Этот путь всегда ведет через воду, которую нужно преодолеть (у греков это река Стикс), паромщик покойников переправляет путешественников; подземное царство охраняется сторожами и собаками мертвых. Судьи мертвых, перед которыми покойник должен оправдываться, появляются, пожалуй, сначала только в Египте. В индогерманских мифах иногда упоминается потусторонний мост, который угрожает сломаться, если идущий по нему покойник говорит неправду о себе и о своих поступках.

Современные мегалитические народы Юго-Восточной Азии, кажется, больше не знают представления о живущем в могиле покойнике. Там также доминирует обычай кремации умерших. Это освобожденная душа мертвеца, улетающая в виде птицы через «дыру души», которую можно найти там, как и в Средиземноморье, из мегалитической гробницы и идет путем мертвых в загробный мир, о котором знают как здесь, так и там.

У племени нага, как пишет Хайне-Гельдерн, есть праздники посвящения, которые проводятся в каменных кругах. С одной стороны, они служат повышению ранга человека, живущего в мире земном. Как при посвящениях в культы мистерий древней Греции или других ближневосточных и европейских стран адепт должен достигать различных ступеней или рангов, у нага таких ступеней семь. Когда он достиг седьмой и последней степени, ему ставят большой камень, и его право на вечную жизнь вследствие этого укрепляется. Потому что семь рангов соответствуют семи ступеням, которые душа должна преодолеть после смерти человека на пути в загробный мир. И праздники в мире земном служат для того, чтобы устранить опасности и заботы, которые ждут поднимающуюся душу, и гарантировать покойнику конечное достижение вечного блаженства. Живущий, стало быть, уже заранее идет дорогой мертвеца. Мы увидим, какое большое значение имело как раз это представление в мегалитическую эпоху Европы.

Впрочем, в Юго-Восточной Азии камни ставят также помимо ритуалов, связанных со смертью, например, при заключении важного договора, который должен быть «установлен» навсегда. Камни навечно закрепляют все, что доверяют им.

Также черепа убитых врагов приносят к ногам большого камня: теперь эти враги мертвы навсегда, и их победитель закрепляет вечность своей славы.

Вождь занимает место на каменном сиденье, если он руководит собранием, так же как в Европе еще вплоть до поздних времен короли возводились на престол или вершили суд на каменных сиденьях и на могилах предков.

Как на греческой агоре, которая тоже первоначально была кругом, юноши племен Южных морей танцуют и борются в каменном кругу, который служит как место собрания и место суда. Также ритуалы, которые должны содействовать плодородию, проводятся здесь.

Примечательно, что живые ныне мегалитические культуры, очевидно, больше не знают Великую мать, женщину-землю и дарительницу плодородия, ее, которая, все же, очевидно, играла такую существенную роль в ближневосточных и европейских мегалитических культурах. Она, вероятно, пропала на такой длинной дороге в пространстве и во времени и не связана там с культом больших камней.

В Европе, напротив, менгир наряду со своим предназначением в качестве памятника и местоположения души когда-то мог – как и «деревянный человек» и мировой столб – также представлять бога, а еще чаще богиню, для которой предназначались ритуалы плодородия, и к которой взывали о помощи бесплодные женщины. Эту роль вплоть до современности исполняли несколько статуй менгиров в Бретани.

Но нужно указать на еще одну важную функцию каменных аллей и каменных кругов, которая оказала особенно большое влияние на европейскую мегалитическую культуру, и осмысленно связывается здесь с культом умерших и ритуалом плодородия. Я имею в виду их службу в культе планет и созвездий, который включает измерение времени, астрономические расчеты и создание календаря, одним словом, всю большую арифметическую игру годового цикла.

Если Мари Кёниг права, то изображения животных, созданные художниками ледникового периода, уже были продуктами наблюдений за небесными телами. Издавна для человека было важно следить за движением солнца и луны и в соответствии с ним измерять и распределять время. Но когда земледелие стало частью его жизни, звездное небо и расчет дня и года стали для него еще более важны. Сеять, сажать растения, собирать урожай – все это надо было делать вовремя. Гроза, град, мороз, слишком много или слишком мало дождей, все это получило для крестьянина теперь новое, очень большое значение. Он, как никогда прежде, смотрел на небо, считал и рассчитывал.

Шпанут, как и многие другие исследователи, с восхищением говорил о больших математических и астрономических знаниях людей культуры мегалитов. Он сообщает подробности и пишет, среди прочего: «Александр Том, профессор инженерной науки в Оксфорде, недавно сформулировал теорию, что эти каменные аллеи давали доисторическим наблюдателям за небом такие знания, которые наука смогла заново получить только в шестнадцатом веке нашей эры. Том подтвердил свою версию обширными измерениями и расчетами». (38)

Шпанут, когда пишет об этом, ссылается преимущественно на «весьма заслуживающее прочтения произведение профессора доктора Рольфа Мюллера «Небо над человеком каменного века» (1970). Рольф Мюллер исследовал многочисленные мегалитические сооружения в Германии... и в Бретани, и пришел при этом к результатам, которые во всех отношениях совпадают с результатами профессора А. Тома. Во введении к своей книге он говорит, что люди мегалитических культур в своих величественных строениях обнаруживают не только свои религиозные представления, но и своеобразные знания математики и измерительной техники, и, прежде всего, знания о небесных измерениях... Исследования американских и английских астрономов открыли в прошлом десятилетии источники, к которым нам нужно очень внимательно прислушаться, так как из их работ нам открывается новая картина искусства наблюдения за небом людей каменного века, которая прямо-таки поразительным способом намного превосходит все прежние представления об этом (1970,2).

Исследования показали, что люди мегалитических культур были замечательными астрономами, которые не только точно наблюдали движение солнца, луны и нескольких постоянных звезд и определяли его с помощью визирных линий, но и могли рассчитывать и прогнозировать солнечные и лунные затмения. Также из мегалитических строений следует, что их строители использовали унифицированную единицу длины, «мегалитический локоть», длиной 82,9 см. Кроме того, многие мегалитические строения доказывают, что их строители знали «пи-фагорейский треугольник», число «пи» и 56-летний цикл. Знание этого 56-летнего (астрономического) цикла и трех циклов по 19 и 19 и 18 лет было подтверждено в Стоунхендже (большое мегалитическое святилище в Южной Англии) (Р. Мюллер, 1970). По исследованиям американского астронома доктора Джеральда С. Хокинса, 56 «отверстий Обри» были счетчиком вычислительной машины, которая позволяла жрецам из года в год наперед узнавать путь луны... Р. Мюллер также считал вероятным, что 56 «епископских» (с закругленными крючками на верхнем конце) посохов на несущем камне заостренной формы большой коридорной могилы «Табль де Маршо» у Локмариакера в Бретани, судя по расположению посохов и других изображенных на нем символов, могут быть названы лунным календарем (1970,70)». (39)

Здесь не место вдаваться в дальнейшие подробности. Нас интересует, прежде всего, тот факт, что эти знания и сведения вопреки практической ясности, с которой они применялись, все же полностью относились к религиозной сфере. Математика была здесь не только основой строительства с практической ценностью при расчетах, но и нумерологией, астрономия стояла на службе годового движения, которому она не только оказывала практическую помощь, но она должна была также влиять на него магически. Солнце, луна и звезды были не только небесными телами, движение которых можно было рассчитывать, а одновременно мифически воспринимаемыми божествами. Прежде всего, солнце было «сияющей или сверкающей силой бога», как его позже называют в «Эдде», божественным героем, который выходит «из своей палаты», чтобы «бежать по своему пути». Все здесь пронизано глубоким смыслом, символикой и тайной. И каменные круги, и гигантские каменные святилища, вроде тех, например, что были сооружены в Англии или в другой форме на Мальте в конце каменного века и даже еще в бронзовом веке, являлись не только центрами вычислений, а местами мистических культов, которые ведут человека вниз в таинственную глубину бытия и связывают его с покойниками и созидательным ростом земли.

Современному человеку трудно понять, насколько сильно жизнь в те ранние времена была пронизана религией. Мы чувствуем что-то подобное, когда читаем «Илиаду» или «Одиссею», где боги присутствуют всюду и всегда, где они живут и активно действуют. Но мне кажется, что во времена мегалитов, когда человечество находилось еще в «детской фазе» своего развития, это происходило даже в еще большей степени, чем в микенский бронзовый век. Тогда люди еще удивлялись всему, что видели, они пытались узнать движущие силы, однако всюду сталкивались с тайнами. В числе есть тайна, как в движении природы, в жизни, как и в смерти. К загадке смерти и появления добавляется загадка небесных тел и их закономерного порядка, который человек видит, по которому он ориентируется, который он ощущает вокруг себя, и который все же, как кажется, влияет на жизнь совершенно загадочным образом. Поэтому воздействие некоего существа угадывается за силами природы, которые, подобно человеку, но, тем не менее, по-другому мыслящие и чувствующие, являются руководящими и направляющими силами. Из этой ситуации задавания вопросов, открытия, первого осознания и половинчатого знания вырастает, и это четко видно, религия мистерий, которую мы и хотим рассмотреть теперь.

3. Осирис и можжевельник

Если север или запад Европы в то время – между 5000 и 2000 до Р. Х. – вообще что-то писал, то это происходило только редко и с использованием таких знаков, которые мы не умеем читать. Эти знаки находят время от времени в менги-

рах или в могилах, как, например, те уже упомянутые «епископские посохи» Локмариакера, но они не могут дать нам какой-то существенной информации о вере, которая стоит за ними.

Если мы ищем письменные сообщения, то мы должны полагаться на народы, которые тогда уже умели писать (в знакомом нам смысле). Это могут быть в данном случае только египтяне, так как культуры Месопотамии стоят более или менее вне круга мегалитических культур, о котором здесь идет речь. (40)

Что же можно узнать из египетских источников на тему религии каменного века?

Мы уже говорили, что влияние мегалитической культуры на истоки египетской культуры нельзя недооценивать. Говорилось также о различных потоках, из которых возникла египетская народность. Так называемые ливийцы (они назывались так в египетских текстах лишь с 1227 до Р. Х., а до этого, как уже было сказано, назывались «тамаху»), кажется, хоть и жили в городах-государствах Нижнего Египта довольно изолированно, но, все же, согласно сведениям наскальных рисунков и египетских изображений, они влияли на жизнь в Египте между 4000 и 2000 до Р. Х.

В раннее время они, вероятно, даже подарили египтянам несколько фараонов. И с уверенностью можно сказать, что время от времени, но позже, ряд жен фараонов были из этого народа.

б. Ливийцы с «коронами» из перьев, изображенные на могиле фараона Сети I (из А. Херрманн, «Наши предки и Атлантида», Берлин, 1934)

Они строили египтянам лодки из папируса (как можно отчетливо увидеть на цветных иллюстрациях к книге норвежского путешественника Тура Хейердала «Экспедиция на «Ра»», на стр. 49, где показаны изображения из очень древних могил: белокурые, белокожие, европеоидные мужчины строят лодки, типичные египтяне – даже фараон с супругой – пользуются ими). А после их изгнания из Египта они, как соседи египтян, все же, оставались для последних не только снова и снова беспокойными противниками, но и посетителями рынков и торговыми партнерами.

Едва ли можно сомневаться в том, что эти «северные люди» были также строителями многочисленных мегалитических монументов, которые не только во многих местах тянутся по побережью в Северной Африке, но обнаруживаются также в Палестине, в Малой Азии и даже дальше. Шпанут в своей книге «Филистимляне» (1980; стр. 152) приводит интересные сообщения о тех светлых «великанах», которые в Библии называются енакитами или сынами Енаковыми, или ферезеями, которые еще до ханаанеев, израильтян и филистимлян поселились в этой стране, крестьянах, которые превратили эти области в землю, «где течет молоко и мед». Они еще во времена Иисуса Навина жили в областях ме-

галитических строений этой страны, однако, были почти полностью искоренены евреями, за исключением немногих, которые защищались в городах филистимлян. Их необычно высокий рост часто упоминается в Библии. Они этим напоминают о «фоморийцах», белокурых великанах, которые согласно древним ирландским сообщениям приплывали на кораблях с североафриканского побережья и пиратствовали в Ирландии – позже с ними там сравнивали викингов. Также они строили мегалитические могилы.

Еще Цезарь говорил, что он встречал в Северной Африке больше белокурых людей, чем на Рейне. Также еще сегодня среди берберов в Атласских горах встречаются крайне светлые типы высокого роста. И Тур Хейердал в своем поиске лодок из камыша и руин древнего портового города и города солнца Ликсуса на марокканском побережье находил еще абсолютно белокурых, голубоглазых жителей в отдаленных рыбацких деревушках. (41)

К этому народу должны были когда-то принадлежать также гуанчи, которых испанцы в пятнадцатом веке нашли на Канарских островах, красивые, смелые, благородные люди. Они еще не знали металла, сражались каменным оружием, имели письменность и почитали бога неба и бога вселенской опоры. В результате продлившейся века отчаянной борьбы они были почти полностью искоренены испанцами.

В египетской религии раннего времени теперь отчетливо выделяются некоторые тесно связанные с солнцем и плодородием фигуры богов на заднем плане несколько путанного и темного, часто зооморфного мира богов первых династий. Сначала это бог солнца Ра или Ре, а затем пара богов Осирис и Исида с Гором, их сыном.

Главное святилище бога Ра было в Оне в Нижнем Египте, который греки называли Гелиополис (солнечный город), и который первоначально принадлежал к области проживания «ливийцев». Там сохранялись обе солнечные ладьи, на которых бог – как говорили – днем путешествовал по небу, а ночью снова ехал на восток через подземный мир, где его радостно приветствовали умершие, жизнь которых освещала его ночная поездка.

В Гелиополисе его также почитали как победителя «большой змеи». После введения солнечного календаря его культ и его жречество приобрели значительную власть. Его имя, означающее «царь», добавлялось к именам фараонов, также как они уже раньше – в первых династиях – получали имя «Гор».

Имена «Ра» («Ре») и «Гор» вполне могли быть индогерманского происхождения. «Ре» могло относиться к индогерманскому слогу «reg» или «rej», который мы

еще имеем в слове «regieren» – «править». От этого слога происходит как латинское «Rex», так и индийское «раджа», да и в древнескандинавском языке «Эдды» боги названы регентами (правителями) мира. (42)

В имени «Гор» (Horus) есть древний индогерманский слог «ar» («r»), обозначающий все высокое, стремящееся вверх, как сокол Гора в качестве солнечного символа подобен орлу Зевса.

Многочисленные, разнообразные и тесные связи между Египтом и европейским Севером – одинаковые календарные знаки в те же самые дни в древнеегипетском, и в средневековых норвежских и немецких крестьянских календарях, символы Гора и Исиды у фризов и еще многое другое (43) – уже часто привлекали к себе внимание. Но так как для большинства исследователей «свет» приходил и все еще приходит с «востока», то они говорили о египетских торговых судах, которые помимо товаров должны были якобы завезти на Север также сказания, сказки, знаки, представления и религию. А некоторые авторы (У. И. Перри в 1923) даже описывали купцов-миссионеров «египетской солнечной религии», которые во времена Пятой династии путешествовали на север, чтобы обратить народы темной полуночи в веру в свет.

Но религия едва ли распространяется отдельными торговыми судами – для этого распространения требуется, в общем, уже настоящее переселение большого количества людей, которые достаточно многочисленны, чтобы удержаться в чужой стране и влиять на ее жителей. А египтяне, кроме того, были гораздо более оседлыми людьми, чем северные люди, они даже никогда не были переселенцами, не были они и капитанами открытого моря – торговля проходила через различные промежуточные остановки и перегрузочные порты. Они также, несомненно, никогда не отправляли миссионеров. По этим причинам такие мыслительные конструкции весьма шаткие.

Что касается египетской солнечной религии, то об этом уже в 1891 году написал кое-что исследователь мифов Эрнст Краузе, мысли которого я охотно приведу здесь.

Рассматривая широко распространенную легенду о «побежденном и только после различных поражений снова победившем боге солнца, который время от времени попадает в плен, а зависимость и подчиненность от тех сил мрака и холода, которые, как считалось, проживали в подземном мире», Краузе возражает тем мифологам, «которые считают древнеегипетскую религию старейшей и вообразили, будто бы старейшая форма этой широко распространенной драмы борьбы за солнце содержится в мифе об Осирисе. Круг сказаний сирийского и ассирийского Адониса и Таммуза – это якобы ближайшее ответвление этого ми-

фа, и потом он повторяется в греческом Дионисе и проникает вплоть до северного мифа об Одине и Бальдре. Тогда следует предположить, что, например, финикийцы перенесли духовное наследие египтян и ассирийцев сначала в Грецию, а потом уже до берегов северных морей.

Стоит нам сравнить с этим полностью несостоятельным предположением истинное положение дел, как мы с самого начала должны будем заметить, что зима, время самого низкого положения солнца, представляет для Египта самое приятное время года. Об умирании природы в период нашего Рождества там не может быть и речи, солнце ласково улыбается сверху вниз с достаточной высоты, а в садах все зеленеет и цветет... Даже в Северном Египте самый короткий день еще продолжается десять часов. Происходящее за полгода различие продолжительности дня и высоты полуденного солнца даже уже в Каире – и еще гораздо больше в Среднем Египте – настолько незначительно, что народы той эпохи, когда создавались мифы, едва ли вообще могли заметить это различие продолжительности дня. Поэтому им и в голову не пришла бы легенда о «поражении» и «убийстве» бога солнца в период нашего Рождества или об его зимнем «пленении» (заключении) или о служении солнечного бога в подземном мире».

Если мы теперь обратим наш взгляд на рождественскую картину северных зон, то мы уже на ширине Берлина и Ганновера найдем воздействие лишь немного поднимающегося на южном небе солнца едва ли ощутимым. Его сила кажется угасшей, вся природа замершей, продолжительность дня уменьшилась всего до семи часов, в то время как мрак царит семнадцать часов. И стоит нам двинуться лишь немного севернее, только до Южной Швеции в районе Стокгольма, то там мы уже встречаем рождественский день, длящийся всего пять с половиной часов, который сменяет ночь, длящаяся более чем в три раза дольше – восемнадцать с половиной часов... Поэтому нам, жителям севера, от природы свойственна симпатия к опускающемуся и поднимающемуся солнцу, даже еще сегодня. И хотя мы знаем, что никакой князь подземного мира не держит солнце в кандалах, мы, тем не менее, облегченно вздыхаем, когда узнаем, что время самого низкого положения солнца на небосклоне наконец-то прошло... Ни древние египтяне, ни сирийцы, ни ассирийцы и индийцы ничего не знали обо всех этих заботах, у них не было никаких причин сожалеть о недостаточном солнечном свете зимой, или посвящать возрождающемуся солнцу праздник зимнего солнцестояния... Праздники, вроде нашего отмечавшегося некогда по всей Центральной и Северной Европе «изгнания зимы и смерти» (как Масленица у славян – прим. перев.), майские праздники и тем более праздник летнего солнцестояния: у всех их на юге нет никаких естественных причин, так как здесь времена года переходят друг в друга без резких противоречий». (44)

Однако «те мифологи», которые воображают, будто бы «старейшая форма широко распространенной драмы борьбы за солнце содержится в мифе об Осирисе», не так уж неправы, как думал Краузе. Старейшее «место жительства» Осириса было в городе Дед-Бусирис в дельте Нила, который, как и Он Ра, был основан «ливийцами». Однако вера в Осириса и Исиду в ранние времена Египта полностью находилась в центре всей религиозной жизни.

Исида – это настоящая мать-земля и богиня плодородия, с головой коровы или, все же, украшенная рогами коровы, между которыми иногда появляется солнечный диск, так же, как и у Хатхор, «дочери Ра», которая как корова поднимает своего отца на своих рогах к небу. Осирис, сын неба и земли, несомненно, по происхождению является солнечным героем, богом жизни и плодородия, и лишь позже он стал правителем царства мертвых. Как и Ра, он – убийца дракона. При случае он несет, как знак своего старого солнечного значения, «лучезарную» корону из стеблей папируса. Его «легенда» рассказывает, что он был убит своим братом Сетом, зимним отражением летнего солнечного героя, – в других формулировках его разрывает кабан – что его сестра Исида оплакивала его, искала его на всех дорогах и спрашивала о нем, затем нашла его труп и забальзамировала.

Согласно одному из вариантов легенды, она похоронила его под деревом, в другой вариации его труп в ящике поплыл по Нилу вниз и доплыл до моря, там волны выбросили его на сушу, вереск разросся вокруг него, и потом этот вереск превратился в дерево, которое полностью окружало умершего. Рассказывают, что это дерево позже служило дворцу царя в качестве опорной балки – мы видим, что это Древо жизни и мировой столб, который окружает и хранит мертвого Осириса. Теперь, однако, его душа появилась как птица на вершине дерева, в то время как Исида в виде ласточки облетала дерево с жалобным плачем. Своими крыльями «она создала большой ветер» и своим искусством волшебства освободила покойника, так что он вновь обрел жизнь, но, как кажется, в другом «потустороннем» виде, так как теперь он был царем подземного мира, правителем потустороннего царства мертвых.

Исида совокупилась с возвратившимся покойником, так же как Сигрун «лежала в объятиях» мертвого Хельги. От этого совокупления родился Гор, солнечный мальчик, который позже стал наследником своего отца и царем Египта, и символическое животное которого – сокол. Однако возрожденный Осирис пошел «дорогой мертвых» как «первый из всех умерших». (45) В виде возрожденного Осирис вошел в царство мертвых – «как Осирис живет, так и он (умерший) тоже должен жить, как Осирис не погиб, так и он тоже не должен погибнуть», гласит древнеегипетская формула смерти. (46) Как правитель подземного мира и господин правды Осирис принимает теперь появляющихся перед ним (как живых)

покойников, окруженный 42 судьями мертвых в их ужасных звериных масках. Они держат в руках ножи, а на головах у них символы правды. Осирис принимает оправдания покойников, выслушивает, что говорит бог науки и права Тот, писарь подземного мира, и потом выносит свой приговор: может ли покойник свободно жить на просторах потустороннего мира, или же его отдадут ужасной Бабе, пожирательнице мертвых?

Эти представления кажутся поразительно похожими на представления намного более позднего христианства. Менее удивительны параллели со сказками и мифами севера, которые, вероятно, так же, как и миф об Осирисе, происходят из мегалитической религии.

Вначале бросается в глаза родство этого мифа с мифом о Бальдре, который появляется в «Эдде» и в других средне-германских письменных источниках. Это распространенный в бесчисленных вариациях во всей области бывшей культуры мегалитов и за ее пределами миф о смерти бога света и солнечного героя, который олицетворяет как светлое время года, так и солнце. Бальдра, сына бога, самого прекрасного из асов, убивает его темный и здесь также слепой брат Хёд, в формулировке «Эдды» – веткой омелы, оружием, которое кажется неопасным, в руках Хёда, однако, оно становится инструментом уничтожения.

Мертвого Бальдра по тогдашнему германскому обычаю сжигают, с ним умирает его супруга Нанна, также она объединяется с мертвецом. Затем Бальдр скачет верхом по пути мертвых к Хель, где его торжественно встречают, и он живет в царстве мертвых как король. Попытки упрямой Хель освободить его заканчиваются неудачей. В этой легенде не сестра-супруга, а мать обходит всех вокруг с плачем. Она просит все живые существа своим плачем выпросить Бальдра из царства мертвых, но так как единственный из всех – превращенный Локи – отказывается это сделать, также эта попытка не удается. Возрождение Бальдра происходит только гораздо позже, после «Рагнарёка», сумерек богов; когда новая земля снова поднимется из вод, тогда и он тоже возвратится.

Миф о Бальдре представляется, хотя он и записан более чем на три тысячи лет позже, проще и древнее, чем легенда об Осирисе, которая как раз там, откуда мы смогли ее узнать, уже прошла через руки жрецов и обременена толкованиями, символами и пресловутым поднятым указательным пальцем. Также вопрос о соотношении тела и души при смерти человека ставится в «Эдде». Труп Бальдра отправляется в путешествие в потусторонний мир на его горящем корабле, однако, одновременно он же скачет на коне по пути к Хель. И почему он скачет туда, а не в Валгаллу, в сверкающие чертоги для погибших от оружия мужей, об этом никто не задает вопросов.

Но на вопросы, которые здесь остаются открытыми, отвечает третья, по смыслу явно тесно связанная с мифом об Осирисе, но совсем другая история: нижне-немецкая «Сказка про можжевельник» (у братьев Гримм она носит номер 47). Эта сказка, хотя записанная еще позже и рассказанная в наивном стиле современенным, пусть даже очень драматическим и увлекательным способом, указывает на самую изначальную, самую полную и самую рациональную формулировку мифа, даже если о пути мертвецов и подземном царстве мертвых в ней ничего не говорится.

Начало сказки демонстрирует мотивы, указывающие на очень давние времена. Мачеха, которая убивает и варит светлого солнечного мальчика («белого как снег, красного как кровь»), могла бы быть матерью-землей в ее самом темном аспекте как «Баба» подземного мира и убийца жизни. Отец, который ест его, напоминает о зимнем поглощающем своих детей Сатурне. Сестра-невеста, Марленикен (популярное имя для омоложенной матери-земли и девы жизни), собирает косточки брата, завязывает их в «шелковый платок» и кладет их под можжевельником – непрерывно плача, как особо подчеркивается. Слезы сестры-невесты всегда очень важны, как у Исиды, так и у Сигрун, так и у Марленикен, и во фрагментарном мифе «Эдды» о Фрейе, которая ищет своего мертвого возлюбленного Ода или Одура, эти слезы даже из чистого золота. Однако так добросовестно собранные косточки свидетельствуют о представлении, которое по достоверным источникам исходит еще из времен неандертальцев: возрождение может полностью удался только тогда, если все кости покойника были собраны вместе и ритуально погребены. Погребение состоит здесь в том, что кости кладутся под можжевельник, так же как останки мертвого Осириса тоже лежат под деревом. Впрочем, у начала сказки есть еще одна характерная черта: при поиске (оживляющего) яблока голову мальчику отрубают крышкой сундука, и голова скатывается в сундук (ящик) с яблоками. Как и в смерти Осириса, ящик тоже играет роль, так в Египте тоже был культ головы Осириса. Его голова якобы хранилась в храме города Абидос в Верхнем Египте, по другим рассказам голову бросили в воду, и она в городе Библ (в нынешнем Ливане) была вынесена волнами на сушу. Там ежегодно праздновался праздник, во время которого эту голову, символизируемую короной из папируса, вылавливали из воды и оказывали ей почести. (47)

Можжевельник в этой нижнемецкой сказке – это Древо жизни и Мировое древо в одном из его старейших видов, оно в начале сказки отчетливо характеризуется как дерево благословения и плодородия, так как настоящая мать обязана своим сыном ему. Из него выходит теперь также, появляясь из тумана и пламени, птица души убитого мальчика. Ее всегда повторяющееся сладкое пение пронизывает отныне текст и усиливает действие до неслыханного напряжения:

«Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,

В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-витьс!
Я красивее всех птиц!»

Из подарков, которые приобретает птица своим пением и сбрасывает на виновных и виновных, цепь, пожалуй, первоначально предназначалась не для отца, а для сестры-невесты, которая в мифах и сказках всегда украшена золотым украшением. Конец сказки, каким бы кратким он ни был, говорит больше, чем можно было бы подумать на первый взгляд. Итак, в финале косточки и птица исчезли, из дерева вырываются пар и пламя, и из затухающего пламени выходит брат, берет отца и сестру за руку «и были они все трое так рады и счастливы, вошли в дом, уселись за стол и начали вместе обедать». То, что семья после всего пережитого – а мачеха была убита мельничным жерновом – просто садится за стол «с удовольствием» и ест, кажется, если представить это как реальность, слишком невероятным, чтобы не быть частью древнего, содержащего традиционную формулу завершения мифа.

Мальчик возродился из огня. Он, очевидно, – как и в случае Осириса – потустороннее тело, в котором он ныне появляется. У мифа об Осирисе есть в этом месте странная, тяжело поддающаяся пониманию черта: Исида делает ребенка бессмертным, сжигая его.

Сказка правильнее сохранила эту черту. Это Осирис, солнечный герой, который становится бессмертным через сожжение его тела. После того, как душа покинула тело в форме птицы, земные остатки предадут огню. Из пламени поднимется бессмертное тело, в котором покойник теперь может продолжить жить в сверкающих просторах загробного мира или в царстве теней.

Бессмертие приобретается как раз с помощью огня. Это представление, вероятно, будет лежать в основе перехода от погребения трупов к их кремации у многих древних народов – о причине этого перехода часто гадали, и вот здесь решение загадки.

Мы ниже увидим, что большинство путешествий в потусторонний мир заканчиваются в сказках свадьбой и великолепным свадебным пиром. Рассказчица сказки о можжевельнике, естественно, больше не решилась на свадьбу брата и

сестры, к тому же в этой сказки они оба еще дети, но, все же, огромную радость и пир в конце она не захотела скрывать от себя и своих слушателей.

Итак, мы уже находимся в области сказки и у самой сути мегалитической религии, которой мы теперь займемся более подробно.

4. Солнечный герой

Миф о «солнечном герое», который представляет ход годового цикла и еще сегодня определяет его главные праздники, распространен в самой большей части земли, и, вероятнее всего, не следует сомневаться в том, что это распространение происходило вместе с мегалитической культурой. Также можно утверждать, что этот миф возник одновременно с мегалитической культурой из мифически-религиозного представления, которое, тем не менее, было именно результатом астрономических и крестьянских опытов людей культуры мегалитов, опытов, связанных с годовым циклом.

Солнечный герой – это омоложенный бог неба, бог годового цикла, бог растительности и бог солнца одновременно, иногда больше одно, иногда другое. Его судьба определяется годовым циклом, как и (видимой) судьбой солнца, это нельзя разделить, хотя такие попытки и делались снова и снова. Также множество вариантов, в которых распространен этот миф, запутывают картину. Я хотела бы попытаться кратко обрисовать самые существенные черты этой драматической истории.

Солнечный герой рождается как сын небесного отца и земной женщины (которая, собственно, является матерью-землей и Великой матерью). Оклеветанная и обвиненная, отвергнутая супругом, эта женщина рождает ребенка в уединенности и нужде, «в диком лесу» и в большинстве случаев в пещере или гроте. Иногда бедные пастухи или крестьяне с огнями и дарами приходят тогда к ней, чтобы воздать почести ребенку. Кроме них никто не знает о его существовании, так как король старого года (иногда собственный отец ребенка) или зимнее божество преследует и ищет ребенка, так как было предсказано, что он лишит старика власти. В некоторых вариантах легенды мать для спасения ребенка кладет его в корзинку или коробку, и спускает вниз по реке.

В немецких сказаниях и сказках корзинка цепляется за мельничное колесо, бедная семья мельника находит ее и вытягивает ребенка. Солнечный мальчик, который часто описывается как «золотоволосый» или также как «светлый», «яркий», даже «белый» (что подчеркивает его связь с солнцем), уже рано показывает свою необычайную силу и зрелость, иногда ведет себя также действительно неудержимо, что должно свидетельствовать как раз о его рано созрев-

шей силе. Он вырастает в укромном месте, в большинстве случаев в лесу, также его часто вскармливает своим молоком и воспитывает самка оленя или волчица, и он лишь позже приходит к людям, которые заботятся о нем.

В германских, как и в индийских и персидских сказаниях живущий в лесу, часто зловещий кузнец посвящает его в свое ремесло и в мудрость богов. (Очевидно, на германском севере «посвящение» (инициация) юношей, играющее у древних народов такую существенную роль, происходило под руководством кузнецов, которые как творцы и художники, возможно, представляли потусторонние силы).

В конце концов, он получает от кузнеца оружие и затем убивает – основная часть рассказа, которая часто представлялась в драматической форме и была увековечена в легендах и картинах у европейских и у внеевропейских народов – дракона или большую змею, олицетворение зимних темных сил, смерти. И в результате этой борьбы он завоевывает деву-землю, которую похитил дракон или зимний бог погрузил в сон. В большинстве случаев она спит в замке, окруженном кольцами хвоста дракона, «высокими языками пламени», блестящей стеной или колючей изгородью. На своем белом коне света герой перескакивает через огонь или через стену и целует деву, из-за чего та просыпается. Иногда он должен еще вести с драконом или со стражем замка спор, и даже мудрые беседы. Также случается, что дракона не убивают, а только усмиряют, и позже дева ради насмешек ведет его за ошейник по улицам своего города. Важную роль в бою с драконом играет королевская пара, родители невесты, которые часто издали со страхом следят за борьбой. Их нередко можно увидеть на изображениях убийцы дракона – например, Святого Георгия-Победоносца, где они стоят у зубцов крыши или у окна замка, наблюдая за боем. Также в северных балладах позднего времени о Сигурде присутствует «король на высокой стене», который наблюдает за действиями героя Сигурда.

Свадьба солнечного героя – это апогей годового цикла и драмы. Это Священная свадьба, «Hieros gamos», о важности которой свидетельствуют бесчисленные мифы, сказки, сказания, а также игры и народные обычаи. Несомненно, что Священная свадьба праздновалась ранее символически или также реально (иерогамия) во всех местностях Европы как важнейший праздник. В доисторическое время девственная жрица, вероятно, неоднократно совокуплялась в храме с человеком, представляющим бога. (48) Из этого обычая на Ближнем и Среднем Востоке возникла сакральная проституция. С другой стороны, чистый символ также мог представлять эту свадьбу. Ван Схелтема («Искусство доисторического времени»), конечно, был прав, предполагая, что в день солнцестояния прикосновение первого солнечного луча к лежащему камню в мегалитических святилищах рассматривалось как символическое оплодотворение матери-

земли солнцем, т.е., означало осуществление Священного брака. Так астрономически наблюдаемый процесс наивысшего положения солнца одновременно переживался также мифическим образом. Он становился осязаемой картиной деяний и судьбы божественных сил, представляемых в виде людей.

Из соединения неба и земли с доисторических времен брали начало оживание природы и цветение летнего года, рост растений и питание, благословение хлеба и яблок. Но это прекрасное время проходит, солнечного героя снова преследуют силы тьмы, он слабеет, его ранят, наконец, берут в плен или убивают – иногда это делает кабан, чаще его собственный брат, который воплощает темное время года, пожалуй, также божество смерти, которое выпускает в него стрелу или пронзает его священным копьём. В сказании «Эдды» о Бальдре этот убийца слеп. В средние века ходила легенда, согласно которой Лонгин, пронзивший копьём «Господа» на кресте, якобы был слепым, и Христос умер от этого удара копьём.

Представление смерти солнечного героя происходило, пожалуй, часто также реально, так же, как и его въезд в мир мертвых при случае, похоже, представлялся реальным. Иногда он затем возрождался, вероятно, в своем сыне, новом рожденном ночью в середине зимы ребенке года. В большинстве случаев, однако, его возрождение особенно праздновалось в начале весны, часто при этом изображение бога доставали из могилы и устанавливали. Или это изображение бросали в воду, чтобы возродиться из этой несущей жизнь стихии, т.е. изображение вылавливали из воды и с триумфом вносили в храм. Однако остатки древних игр, которые сохранились в рамках христианских пасхальных обычаев, показывают, что возрождение представлялось иногда очень поверхностно посредством того, что женщина или врач совершали помазание «мертвеца», перевязывали его, заботились о нем и делали «здоровым». (49)

На примере мифа об Осирисе и сказки про можжевельник становится очевидным, что история солнечного героя в своих древнейших формулировках обнаруживала также другие, более глубокие черты. Здесь мы попадаем в область, которую хотя, на первый взгляд, и можно очень хорошо осмыслить, однако, из-за нашего современного образа мышления она уклоняется от нашей интерпретации. И происходит это как раз потому, что природно-мифологическая поверхность старого мира мифов становится здесь странно прозрачной и позволяет увидеть более глубокие основания, которые уже больше нельзя изложить в понятном нам виде.

Тюбингенский знаток древнейшей истории Отто Хут в 1950 году в интересной статье в журнале «Paideuma», озаглавленной «Сказки и мегалитическая религия», убедительно раскрыл связи, которые существуют между нашими народ-

ными сказками и религиозным мифом культуры мегалитов, пролив некоторый свет на сущность мегалитической религии. Хотя он и не решил полностью все те загадки, с которыми мы все еще сталкиваемся здесь. Хут называет народную сказку, как она представлена в собрании братьев Гримм, «старинной сакральной поэтической формой, которая отражает некий доисторический культурный период». Как «в конце концов, религиозный традиционный материал преданий» она по своему происхождению отнюдь не была детской сказкой, но стала таковой, потому что «возраст восприятия сказки ребенком в эволюционном отношении примерно соответствовал неолиту».

При этом речь идет, конечно, не обо всех сказках. Хут причисляет только примерно одну треть собрания сказок братьев Гримм, т.е. приблизительно 50 – 60 номеров, к «настоящим сказкам», т.е. мифическим сказкам. Еще Гримм называл эти сказки «формой мифа», но только нынешние исследования сказок осознали, что они вовсе не являлись «поздним, вторичным цветением мифов о богах», а были значительно старше их (и представляли собой, вероятно, как раз более раннюю, изначальную форму этих мифов).

Хут предполагает их происхождение из мегалитической культуры и делает из этого вывод, что огромное распространение сказок и мотивов сказок по самой большей части нашей планеты произошло как раз благодаря этой столь широко распространившейся культуре. Как «свидетельство сакральной королевской власти» сказка должна была происходить из того времени, «в котором она была правдоподобна как настоящая история». Однако сакральную королевскую власть Хут относит ко времени и к миру культуры мегалитов.

Здесь я с ним соглашусь. Но не с определением пространства, из которого он хочет вывести мегалитическую культуру и сказку. Также Хут оказывается в этой статье приверженцем тезиса о средиземноморском происхождении мегалитических гробниц. Он выступает против Карла Вильгельма фон Сюдова из университета Лунда (шведский фольклорист и этнолог, отец актера Макса фон Сюдова – прим. перев.), который защищал индогерманское происхождение сказки. Хут считает сказку «пред-индогерманской», так как она якобы была распространена в бассейне Средиземного моря еще до того, как индогерманцы пришли туда. Это, естественно, неправильно. Мы теперь уже знаем, как рано поселились северные народы в Палестине, Египте и Северной Африке. И если сказка должна была происходить из религии народов мегалитов, то она должна была прийти вместе с ними с Севера.

Это еще больше подтверждается тем, что ядро мифических, по Хуту, «настоящих» сказок образует миф о солнечном герое. Ведь здесь снова и снова рассказывается история солнечного юноши, пусть даже и в иной форме и трактовке,

чем в сказаниях и мифах, из которых можно выкристаллизовать упомянутую выше «драму» героя годового цикла и солнечного героя. Сказочные мотивы повсюду принадлежат к этой драме, но здесь на передний план выступает еще кое-что другое, кое-что, что в мифе уже опять блекнет.

Я цитирую Отто Хута: «В их содержании доминируют описания поездки (солнечного героя – Б.Ф.) в потусторонний мир с целью свадьбы... Потусторонний мир – это отчетливо царство мертвых, избранных, блестящий образ, подобный Острову Блаженных. Страшные черты тоже присутствуют, однако, не находятся в центре внимания. Свадьба в сказках всегда «*Hieros gamos*» («Священная свадьба»), полный экстатический восторг также есть там, где он происходит не в царстве мертвых, а возвращен обратно в мир земной. Королевское характеризует сакральную сферу, красота – всегда божественная красота».

Мы помним о пути в потусторонний мир Осириса и Бальдра. Здесь в сказке эта часть мифа часто очень сильно выдвинута на передний план. Она становится центром и целью развития событий. И характерно, что это всегда живой человек, который попадает в потустороннюю страну. Борьба с драконом, освобождение девы, Священная свадьба, древние мотивы годового движения, которые есть также и у индоариев, и поэтому получили свое место в божественном мифе северных народов еще до разделения индогерманцев на восточных и западных, здесь отождествляются с тем, что, собственно, происходит только после смерти солнечного героя: все они – события, остановки, апогеи путешествия в потусторонний мир, как они, в принципе, полагаются только покойнику.

Уже там, где миф можно поверхностно интерпретировать в духе природной мифологии и с опорой на годовой цикл, у нас все равно всегда есть чувство, как будто за ним стоит еще что-то большее, чем одно лишь наблюдение за небесными светилами и символика природных процессов. Еще сильнее это впечатление возникает в случае со сказками. Здесь дело, похоже, обстоит так, будто сформулированные здесь мифы когда-то однажды, где-то прошли через руки очень мудрых людей, которые придали им серьезный смысл, который, однако, наше логическое, ищущее вещи внешнего мира мышление больше не может настоящему понять. (50) Мифическое мышление – это космическое мышление, оно видит и показывает великие процессы жизни и природы в образах и рассказах. Оно стремится осознать и истолковать их, и проникнуть в их тайну, по-детски, без логики, с видением, напоминающим о снах. Это видение вовсе не формулирует аллегории, а позволяет подниматься символам из бессознательных слоев души, которые, в свою очередь, снова ведут видящего в самые глубины как бытия, так и собственной души.

По мнению Хута, сказки происходят из неолитической религии мистерий. Центр каждой религии мистерий – это культ, который стремится привести новопосвященных через ряд посвящений и «ступеней», через торжественное и мистическое переживание на ту глубину, где становится действенной истинная «Religio», и непосредственное соприкосновение между миром земным и потусторонним миром, между человеком и богом испытывается как потрясающая реальность.

К ритуалам всех посвящений, пожалуй, также к распространенным с ледникового периода инициациям юношей, во время которых мальчика вводят как в божественные тайны, так и в практические обычаи, искусство владения оружием, и во все то, что важно для него как мужчины, его испытывают и в результате мистической церемонии делают его новым человеком с новым именем, т.е. его в большинстве случаев символически убивают и оживляют – ко всем этим ритуалам принадлежат игры, представления, которые проходящий посвящение переживает либо как зритель, либо как непосредственный участник.

Не следует думать, что такие мистерии были чужды европейскому Северу. «Эдда», например, полна ими. Больше половины ее песен явно оказываются материалом для посвящений. «Ты должен учиться...», снова и снова говорится в них, игры в вопросы и ответы показывают, как передавали адептам знания о богах (такая игра в вопросы и ответы мифически-мистического содержания также дошла до нас из Бретани из предания друидов). Многие песни «Эдды» представляют собой реликты старых игр, которые читаются как современный сборник пьес, и которые наверняка когда-то исполнялись, как в театре. (51) При этом в некоторых игровых сценах, в местах, где их, собственно, не ожидают, мудрые речи и поучения, типичный материал для посвящения, являются признаком того, для чего они использовались. Такие строфы, например, можно найти в песнях, которые повествуют о Сигурде, убийце дракона. Из этого видно, что также позже еще центральной игрой мистерий была «драма» жизненного пути солнечного героя. («Зигфрид – Сигурд», в общем и целом, это типичный солнечный герой). (52)

В сказках путь в подземное царство, «путешествие в потусторонний мир» героя (и иногда ищущей его «девы»), подчеркивается так сильно, потому что в культе мистерий этот путь соответствует пути проходящего инициацию. Божественный герой или королевский сын первым прошел этим путем, теперь за ним следовал неопит, идя – в игре, которая также одновременно была глубочайшим переживанием – по его следам до тех пор, пока он тоже не приходил к «сияющей свадьбе». Как живой он, подобно солнечному герою, спускался в потустороннее царство, в абсолютном отождествлении с богом он на своем опыте переживал его судьбу и возвращался из глубин в мир земной как «новый человек» с но-

вым, более глубоким знанием (это отчетливо показывает, например, сказка «Черт и три золотых волоска»). (53)

Отто Хут, однако, теперь считает, что узнал «странную связь» между этим мифическим миром сказок и гностицизмом, восточной религией мистерий более позднего времени, которая должна была возникнуть в мегалитической области Восточной Иордании, и которую Хут считает поздней формой мегалитической религии мистерий. Он возводит ее к «прагностицизму», который был еще «космически связанным» и соответствовал, таким образом, неолитическому мышлению.

По мнению Хута, «гностический характер» многих сказок доказывается рядом черт, которые свойственны им обоим, как сказкам, так и гностицизму: дуализм, черно-белая картина – есть только добро или зло, прекрасное или безобразное, свет или тьма. В центре находится представление о ступенчатом космосе, ступенчатой горе или многочленном подземном мире. Путешествие в небо ведет по ступеням вверх – различная одежда, различные металлы – медь, серебро, золото – символизируют ступени просветления. Путь может быть также путешествием вниз, спуск и подъем, нижний мир и верхний мир являются единым целым («Госпожа Метелица»). Это образы «экстатического выхода», который ведет живого в те же самые земли, что и мертвого. Свадьба в наивысшем блеске обозначает фазу законченного, совершенного экстаза. Путешествие в потусторонний мир удастся только избранному, предварительное условие – это щедрость и готовность помочь, сочувствие и доброта. (Тут можно вспомнить об очень близкой к сказке, основанной на древнейших кельтских преданиях саге о Передуре-Персевале-Парцифале, где герой не задает вопрос, который должен был свидетельствовать о его сочувствии.) Река, мост, ворота, трехступенчатая гора и тройной вал из трех металлов или трех горных пород – это всегда повторяющиеся свойства таинственного потустороннего замка. «Гора мертвецов – это одновременно и остров мертвецов, он лежит в кольцеобразном море или окружен тремя морскими кольцами. На вершине находится источник с живой водой». (Об этих словах мы еще вспомним).

Число «три» является мистическим числом, числа «девять» и «двенадцать» основываются на нем. Представленное, прежде всего, на Ближнем Востоке как космическое число «семь» Хут считает «вторичным», введенным лишь значительно позже первоначальной «тройной» нумерологии. (54) Трехступенчатыми являются священный трон короля, сиденье судьи, надгробное сооружение, такое как «мировая гора», фундамент опоры мира. Хут напоминает о праздниках, посвященных переходу на новую ступень, в живых мегалитических культурах Индокитая и Индонезии. «Всюду в окружении культуры мегалитов находятся представления о «ступенчатом» космосе, центральный символ которого – это

ступенчатая гора как могила, алтарь или престол. Из этого представления могла развиться ступенчатая пирамида и, наконец, большая египетская пирамида как гробница правителя. Мы уже видели, насколько сильно Египет воспринял и развил представления о царстве мертвых. Здесь все пришло к величественному представлению: сакральная царская власть, календарь, культ мертвых, ступенчатое строение и вера в потусторонний мир».

Соответствие мыслей гностиков с образами сказки убедительно. Вполне можно поверить в то, что гностицизм мог вырасти из традиционной и хорошо сохранившейся в преданиях мегалитической традиции, так же, как до него соответствующие явления в Египте. Могло также быть и так, что это произошло в Палестине или где-то еще на Ближнем Востоке. И так же вероятно то, что здесь произошло превращение «космического» в «Transmundane» («горнее», находящееся вне земного мира»), как называет это Хут. То есть, теперь природно-мифологическое видение отступило назад за переживание отдельной души, причем символика, однако, осталась той же самой: «герой» гностиков это «Сотер», избавитель и спаситель, а «девственная невеста» – «Psyche», т.е. человеческая душа.

Однако все это еще не свидетельствует о том, что мегалитические представления и мегалитические мистерии должны происходить с Востока, а только о том, что они когда-то однажды попали туда и затем укоренились там. И мегалитические строения тоже свидетельствуют об этом.

Обычай строить каменные дома для покойников, водружать гигантские камни как памятники и местонахождения душ, проводить праздники в каменных кругах и рассчитывать движение небесных тел с помощью выложенных в особом порядке камней, пришел с северо-запада Европы, в этом можно не сомневаться. Также ясно, что с этим триумфальным шествием камней должно было быть связано также триумфальное шествие определенных мыслей и представлений, которые занимались, прежде всего, жизнью после смерти, годовым циклом и движением солнца, и разъяснением связанных с этим вопросов и загадок. И теперь мы также начинаем узнавать, что речь при этом идет о религии с цельными и в равной степени рационально и глубокомысленно сформированными кругами мифов и представлений, и с ярко выраженным культом мистерий. Но эти круги представлений и этот культ должны были сформироваться однажды в каком-либо месте в некоем одном религиозном центре, как бы сильно они не разветвились и не трансформировались впоследствии. И так как следы ведут далеко в прошлое, это должно было произойти в очень древнее время, скорее еще до, нежели после строительства первых мегалитических могил.

Где же находился этот центр? Если я ниже все же рискну дать ответ на этот вопрос, то я полностью осознаю, что при обсуждении этой проблемы мы, несмотря на неопровержимые факты и вполне логичные выводы, все равно еще остаемся в области загадочного.

Все следы указывают на тот район, который приблизительно охватывает Шлезвиг-Гольштейн, Ютландию и датские острова, область появления мегалитической культуры. Однако мог ли в пространстве, в котором согласно всеобщей точке зрения в соответствующее время жили только бедные, примитивно живущие рыбаки и полукочевые охотники без какой-либо существенной культуры, в местности, которая является плоской, холодной, ветреной, и которой всегда угрожало море, где не было никаких естественных преимуществ, мог ли именно здесь возникнуть тот центр, которому было предназначено своими идеями и представлениями оплодотворить почти все более поздние культуры мира и направить ход истории человечества?

Давайте мы все же попытаемся узнать, что некоторое время спустя происходило в религиозной сфере в том самом «мокром углу».

Третья глава

ПОСЕЙДОН

1. Фоситесланд и Атлантида

В Гельголандской (Немецкой) бухте за скалистым массивом Гельголанда, который раньше был гораздо больше, чем теперь, лежал в бронзовом веке остров диаметром около восемнадцати километров, отделенный от тогда несколько дальше выдвинутого на запад побережья современного Шлезвиг-Гольштейна только течением реки Хефер. Приблизительно в середине этого почти круглого острова поднимался низкий холм, в остальном же он был плоским, но по кругу был обрамлен дюнами и дамбой. У него было несколько гаваней, и болотистая почва равнины, которая окружала холм, из-за высокого содержания извести была необычайно плодородной.

В результате большой природной катастрофы, которая – вероятно, одним весенним днем в 1226 году до Р. Х. – нанесла огромный ущерб всему миру, этот остров пал жертвой моря, затопившего его полностью. Вода проникла также далеко на сушу до высоких коренных песчаных берегов, оторвала большие куски от побережья и, насыпав на берега песчаные валы, изменила движение впа-

дающих там в море рек, прежде всего, русло Айдера. Только через сто или больше лет, в ходе так называемой регрессии Северного моря в эпоху железного века, когда уровень моря опустился, части прежнего острова снова вынырнули из вод и поднялись над покрытыми илом «ваттами», затопляемыми во время прилива отмелями, которые обозначали утонувший остров. Самый большой из таких возникших меньших островов и островков, который непосредственно примыкал к Гельголандским скалам, но больше не простирался на восток так далеко, как его предшественник, все еще был длиной почти двенадцать и шириной примерно восемь километров. Этот остров просуществовал до христианского средневековья, однако, в конце концов, он снова все больше и больше уступал свою землю морю, которое сильными приливами постепенно заливало его, до большого потопа в 1362 году н.э., когда от него осталось лишь чуть-чуть больше сегодняшнего Гельголанда.

Этот снова «вынырнувший» из воды остров в средневековых житиях святых назывался «Фоситесланд» («Земля Фосите»), иногда он также носил названия Фаррия, Хайлигланд или Утланд. Его святость подчеркивается всегда. На нем еще в седьмом веке после Р.Х. стояли, как минимум, четыре языческих храма, из которых широко известным было святилище фризского бога света и правосудия Фосите, украшенное богатыми золотыми сокровищами.

Кроме святилищ, на Фоситесланде было еще несколько замков, деревень и усадеб. Алкуин, главный ученый при дворе Карла Великого, в 800 году после Р.Х. в написанном им житии фризского миссионера Виллиброрда описывал этот остров, позже (в 1070 году) свое описание оставил нам и Адам Бременский. Оба они хвалили его плодородие, прежде всего, хорошие пастбища, и говорили об уважении, которым пользовался этот Священный или Святой остров у всех мореплавателей, особенно также у пиратов, которые не решались ничего грабить там. Еще Алкуин говорит, что из Святого источника там воду можно было черпать только молча.

Даже вплоть до нашего времени гелголандские рыбаки рассказывали о сочной траве и сладком как мед клевере этого острова и говорили, что на «каменном дне», том холме, на котором когда-то стояли королевский замок и храм, теперь, но примерно в двенадцати метрах под водой, находится затопленный «золотой город».

Рыбаки даже в девятнадцатом веке еще могли указать места, на которых когда-то стояли дома. В 1570 году при отливе еще можно было увидеть руины «семи церквей» или, во всяком случае, каких-то больших зданий.

Хорошей памятью рыбаков воспользовался в середине семнадцатого столетия выдающийся картограф из Хузума Йоханнес Майер. Датский король Кристиан IV, который по Вестфальскому миру получил Шлезвиг-Гольштейн, уполномочил Майера измерить все побережье вместе со всеми «ваттами», затопляемыми приливом прибрежными областями. Он исследовал и измерял местность в течение долгих лет и создал несколько карт, которые даже сегодня могут считаться очень точными. Юрген Шпанут цитирует Каспара Данкверта, который включил эти карты с измерениями в свое «Новое землеописание обоих герцогств Шлезвиг и Голштинии в 1652 году»: «Как, наконец, передают карты старой Северной Фризии, королевский математик Йоханнес Майер свидетельствует, что он усердно проверил и замерил глубины и всегда брал с собой в плавание старых и достойных доверия людей, которые показали ему места, где церкви и деревни покрыты водой, даже показали всю местность, после чего и на основе чего он затем составил эти карты». (55)

Таким образом, Йоханнес Майер изобразил также карту, изображающую старый «Гельгеландт», на которой указан 1649 год. (56) Она показывает «Священный остров», как он мог бы выглядеть примерно в 800 году после Р.Х., более темным цветом изображена еще существовавшая примерно в 1300 году гораздо меньшая территория, затем более светлым цветом опять Гельголанд во время Йоханнеса Майера, который был едва ли больше сегодняшнего, и кроме скал охватывал только лишь несколько дюн и песчаных полос.

Однако более обширная область 800 года показывает несколько церквей, часовен и поселений, один монастырь, замки, прежде всего, «Castellum regium» на холме «Steingrund» («Каменное дно»), ручьи, пять гаваней, четыре языческих храма, храм Фосите, который называется здесь «Templum Fostae или Phesetes», затем Храм Весты – «Temp. Vestae», Храм Юпитера – «Temp. Jovis» и Храм Марса – «Temp. Martis». У местоположения каждого храма указан год разрушения соответствующего святилища. (57)

Как первый миссионер на Фоситесланде высадился будущий епископ Санса Вульфрам в своей миссионерской поездке в 690 году. Там в то время пребывал фризский король Радбод. Жизнеописание Вульфрама говорит о «многих тысячах язычниках», которые, очевидно, собрались из-за присутствия короля на острове, и Вульфрам всю зиму пытался обратить их в христианство – похоже, безуспешно. Незадолго до его отъезда, на остров попал, заброшенный сюда штормом, миссионер Виллиброрд, возвращавшийся из поездки к датчанам (данам). Виллиброрд действовал куда более жестко, чем Вульфрам. Он приказал своим попутчикам зарезать священных животных бога, которые жили при его источ-

нике. (Как предполагает Шпанут, это могли быть священные лебеди, посвященные богу, (58), но это могли быть также священные быки и коровы, из-за которых остров в некоторых документах – также в одном из документов Фридриха Барбароссы – носил имя *Farría insula*, Бычий остров.) В ответ на это король Радбод предал суду миссионера и его попутчиков, все же, так как жребий смерти выпал на одного из его спутников (Вигберта), Виллиброрд смог уехать и вернуться в Траектум (Утрехт), где он позже стал епископом. Значительно позже, между 780 и 785 годами, другому миссионеру, святому Людгеру, позднее епископу Мимигардефорда (Мюнстер), удалось окончательно обратить жителей в христианство. Он окрестил жителей острова, разрушил все святилища и построил христианские церкви.

[Прим. ред. ВС: Читайте об этом в романе Бритты Ферхаген «Остров священных лебедей».]

Позже архиепископ Адальберт Бременский назначил епископом на острове некоего новообращенного пирата, Айльберта (или Эйльберта) из Фюмена. Он жил там и основал монастырь, показанный на карте Йоханнеса Майера как «*Eilberti Closter*». (58a).

В 1240 году – после больших штормовых приливов – на острове остались только лишь три церкви и упомянутый монастырь. Остров называется в хрониках также Утланд или Атланд («Утланд, когда-то причислявшийся к Гельголанду»). У короля Вальдемара II (умер в 1241) был там «*Hus*» («дом»), и «он обычно переходил туда с войском». После 1362 года, однако, «*Insula*» больше не упоминается в книгах о передаче имущества, с тех пор только скалы Гельгоlanda и некоторое время еще руины на заливаемых приливами отмелях напоминали о Священном острове бога правосудия.

Все это можно прочесть более подробно в книгах Юргена Шпанута. Я здесь лишь кратко привела собранные им данные, так как этот маленький остров на краю света и тот бог, которому он был посвящен, могли когда-то иметь наибольшее значение для религии и жизни многих народов.

Какими бы известными ни были святилища фризского острова еще в христианское время, Фосите теперь был, все же, едва ли кем-то большим, чем только лишь верховным богом и хранителем права фризов, другие же германские народы, очевидно, знали о нем лишь очень мало.

В «Эдде» он появляется в кругу богов асов, все же, как поблекшая фигура, о которой мало что можно сказать, с несколько измененным именем, кстати. Даже

высказывались сомнения в том, что «Форсети» «Эдды» идентичен с «Фосите» или «Фосете» фризов. Но большинство ученых уверено в их идентичности. (59)

Форсети рассматривали как сына Бальдра и Нанны, что говорит о том, что оба бога света когда-то были идентичными или, все же, считались тесно связанными.

Шпанут цитирует в «Атлантах» стих из «Эдды»:

«Глитнир (янтарный зал) столбами
из золота убран,
покрыт серебром;
Форсети там
живет много дней
и ладит дела».

(«Речи Гримнира», Туле II 82).

В «Видении Гюльви» так рассказывается о янтарном зале Форсети: «Стены его и столбы и колонны – все из красного золота, а крыша – серебряная. Это лучшее судное место у богов и людей». («Видение Гюльви», 17/32)». (60)

Это позволяет подумать о храме «неслыханного великолепия», который миссионеры нашли на Фоситесланде и разрушили. Все же, также видно, как мало «Эдда» может еще рассказать об этом полузабытом боге.

Немного больше знают фризы. У них есть предание «об обретении права» и о двенадцати фризских асегенах (законодателях, судьях), которые плывут по бурному морю на корабле, потерявшем управление, лишившемся руля, весел и канатов. Они в своей беде взывают к «тринадцатому», чтобы тот помог им. И он приходит. Шагая по волнам, он появляется – «никто не знал, кем он был», садится на корму корабля и управляет им при помощи золотого топора, который он принес на плече. Так он уверенно приводит корабль к «святой земле». Там он бросает свой топор, «и оттуда стал бить источник из земли, поэтому его называют источником у Аксенсхофе (Axenshove, буквально «Храм топора», «hove» по-фризски значит «храм»). И у Эсвая они сошли на берег и сидели вокруг источника». Так Шпанут цитирует фон Рихтхофена (1882). Шпанут продолжает: «Таким образом, Фосите был также богом топора и секиры, законоучителем и высшим судьей, спасителем в случае кораблекрушений, и пробуждал источники, как Посейдон». (61)

У Фосите здесь не только те же самые функции, что и у властителя морей греков, но он и сам изначально родственен Посейдону, «богу из древнейшей прародины севера, не только по сути, но и по имени» (Шпанут).

Имя Фосите перед первым Германским передвижением согласных звучало, вероятно, как «Посиде», с добавленным окончанием мужского рода – «Посидеос». В греческом языке отсюда появился Посидаон или Посейдон. Дорийцы, которые с Великим переселением попали в Грецию, говорили: «Потиде» или «Потидас», ионийские греки – «Посиде». При этом речь идет, без сомнения, о двух древних индогерманских словах. «Поти» («Поси») есть почти во всех индогерманских языках, это слово означает «господин» (в смысле «тот, у кого есть власть»), а «de» («dej», «da», «di») мы знаем как слог, обозначающий «бога» в смысле «светящегося дневного неба». Лингвист П. Кречмер интерпретировал имя греческого Посейдона, исходя из дорической формы слова «Потидас», как «супруг земли». «Poti» (Поти) = «господин» в некоторых языках, прежде всего, в греческом языке, также равнозначно слову «супруг», тогда «Потидас» = господин (супруг) «De(a)». Вот как далеко завело его это исследование. (62) Однако я думаю, что, все же, значение «супруг» могло быть вторичным, и читаю просто так: «Поти» это «господин», а «деос» – «бог», значит, «Посидеос» или «Потидеос» – «господин-бог».

Античные писатели, писавшие в последние века до и в первые века после рождения Христа, упоминают иногда Священный остров «Посейдона» в Северном море. Так историк Прокл, который комментировал рассказ Платона об Атлантиде, цитирует более старого греческого писателя Марселлия (Марцелла): «Что такой большой остров существовал, следует из того, что говорят некоторые историки относительно того, что свойственно внешнему морю («Okeanos», то, что мы сегодня называем Атлантическим океаном – Б.Ф.). Ибо, по их словам, было семь островов в том море, в их времена, посвященных Персефоне, и еще три невероятной протяженности, один из них был посвящен Плутону, другой Аммону, а средний (или второй) – Посейдону, размер его равнялся тысяче стадий. Также они говорят, что его жители хранили память о своих предках или Атлантическом острове, который там существовал, и были поразительно великими; и долгое время господствовали над многими другими островами Атлантического моря, а сам он был посвящен Посейдону. Все это Марселлий описал в своей «Эфиопской истории». Если это в самом деле так и такой остров существовал когда-то, вполне возможно, что все о нем рассказанное можно воспринимать как исторический факт, а также как образ определенной природы среди прочего...» Шпанут цитирует эти слова и добавляет: «Марселлий ссылается на «древнейших летописцев», которые передали это сообщение. Итак, этот рассказ даже старше того, который передал нам Платон». (63)

Атлантида! Здесь мы теперь встречаем это знаменитое имя, которое породило так много загадок и попыток их разгадать, больше, чем любое другое. Я, как уже было сказано, считаю, что Юрген Шпанут разгадал эту старую загадку, и что его доказательства настолько убедительны, что позволяют нам использовать рассказ Платона как важный документ для нашей темы.

Равноценно, однако, стоит рядом с ним и другое сообщение, которое происходит еще из «микенской» эпохи Греции и показывает мир североевропейского бронзового века так, как он выглядел в эпоху своего наивысшего расцвета, примерно в 1270 году до Р. Х. Это так называемая «Феакия», несколько песен из «Одиссеи» Гомера. Еще задолго до Шпанута ряд исследователей увидел удивительное соответствие этого рассказа о посещении Одиссеем некоего острова мореплавателей описанию из рассказа об Атлантиде. Этот остров, который также посвящен Посейдону и не может лежать в Средиземном море, так как там просто нет такого расстояния для плавания под парусом, как то, которое преодолевает Одиссей. Но называется он не Атлантидой, а Схерией, и его жители называются феаками. Но даже если имена и изменились, то обстоятельства одни и те же вплоть до всех подробностей. Сегодня ясно, что в гомеровских эпохах, в «Одиссее», как и в «Илиаде», сохранились части, сформировавшиеся уже в греческий бронзовый век, спустя немного времени после Троянской войны (где-то в середине тринадцатого столетия до Р. Х.), и сохранившиеся почти дословно – вероятно, передаваясь от певца к певцу – вплоть до того времени, в котором эпосы получили свою окончательную (письменную) формулировку. Таким образом, также в основе «Феакии» лежит описание острова феаков и ее жителей, которое нужно принимать практически дословно. (64)

Эти оба сообщения из времен до катастроф – это непревзойденные источники по своей точности. Остальные античные сообщения об этом таинственном янтарном острове в Северном море многочисленны, но они более расплывчатые, более сказочные в своих сведениях, и в первую очередь в географии там царит некоторая путаница.

Но то же самое можно сказать и о рассказе Платона об Атлантиде и об «Одиссее». Приходится констатировать, что практически нет ни одного древнегреческого сообщения, которое бы точно описывало географическое положение. Только римляне начали позднее вносить некоторый порядок в запутанные представления, которые были у жителей Средиземноморья, прежде всего, о странах к северу от Альп. Эта неосведомленность объясняется тем, что такие активные в бронзовом веке связи между народами всюду были почти или полностью уничтожены страшными опустошениями, землетрясениями, извержениями вулканов и наводнениями, и снова восстановились только в гораздо менее развитом виде. Картина мира всюду уменьшилась, как бы сморщилась.

Бронзовый век с его благоприятным мягким климатом был великим временем судоходства и активных контактов между народами. Те страны, которые когда-то во времена мегалитов были заселены с севера, еще поддерживали друг с другом близкие отношения, и если Греция также, пожалуй, не принадлежала к «атлантской коалиции народов», то, все же, связи были оживленными. В легендах герои из стран Эгейского моря посещают северных царей, раскопки погребений в Микенах показали, что в трех из них были похоронены княгини из области северной культуры бронзового века. Черные, приспособленные к плаванию в открытом море, и весьма быстрые корабли феаков-атлантов были хорошо известны ахейцам. Однако после катастроф жуткая бедность парализовала торговлю и транспортное сообщение на юге и на севере. На протяжении веков янтарь с Северного моря вообще больше не поставлялся в средиземноморские страны. Старые традиции мореплавания поддерживались только лишь все больше и больше (прежде всего, в отношении языка) семитизированными северными людьми моря, которые поселились на палестинском побережье, и которых греки называли финикийцами.

Отношения с Севером восстанавливались лишь очень медленно. Святилища Делос и Дельфы, вероятно, несколько столетий поддерживали связь с янтарным островом в «Гиперборее», но также и эти нити снова, кажется, были прерваны по прошествии некоторого времени. Только в 350 до Р. Х. греческий купец и путешественник Пифей из Массалии (Марсилии, нынешний Марсель) решился на первое исследовательское путешествие на север и рассказал о странах и морях севера то, что увидел собственными глазами. К сожалению, его произведение пропало, и мы знаем только цитаты из него, которые более поздние писатели включили в свои труды. Так Диодор использует сведения Пифея и рассказывает о некоем острове в мелководном море по ту сторону земли кельтов, который «близко лежит к океану», называется Базилеей, и где волны выносят на берег много янтаря, так много, как не бывает больше нигде в мире.

И Плиний ссылается на тот же источник, он называет этот остров Абалус, также упоминает янтарь и добавляет: «Жители острова употребляют его вместо древесины в качестве топлива и продают его соседям-тевтонам. Ему (Пифию) верил также Тимей, однако называл этот остров Базилея». (65)

Итак, для этого янтарного острова существует целый ряд имен: Базилея, Царский – так называет его также рассказ Платона об Атлантиде, в то время как Гомер знает только Схерию. Затем он называется (у Аполлония Родосского) «святым островом Электрис» (от слова «электрон» = янтарь), там говорится об Электридах и о царском острове Геликсоя (Эликсоя). Он также носит имя Абалун (позднее Авалон или Авалун) – «яблочный остров». Наименование Священный остров или Священная земля, которое стало позже тем именем, которое

еще сегодня несет его последний остаток (Гельголанд, буквально «священная земля»), проходит сквозь все времена.

Имя «Атлантида», кажется, помимо рассказа Платона появляется только в немногих древних источниках. И, все же, представляется так, как будто бы память об этом названии сохранилась вплоть до нашего времени. Мы уже слышали, что остаточный остров перед Айдерштедтом (Эйдерштедтом), карту которого начертил Йоханнес Майер, кроме как Фоситесланд, Фаррия и Хайлигланд также иногда назывался Атланд или Утланд. Еще сегодня (согласно Шпануту) люди на побережье обозначают область затопляемых при приливе отмелей и маленьких островов, которая лежит перед Айдерштедтом, именем «Утланд». При слоге «ут», т.е. «снаружи», напрашивается мысль, что это название происходит именно от слова «снаружи», «извне». Внешняя земля, так это слово тоже объяснялось. Но Юрген Шпанут убежден в том, что речь здесь шла, собственно, о памяти об Атлантиде. Так как форма «Атланд» – очевидно, более старая, это может, вероятно, быть правильным, тем более что как раз с этим «Утланд» связываются легендарные воспоминания об утонувшей земле, ушедших под воду дворцах, храмах и замках.

Также бог, которому был посвящен Священный остров, встречается как в античных, так и в средневековых сообщениях под различными именами. Фосите (Фосете, Фоста, Форсети) принадлежит уже источникам после принятия христианства. Греческие писатели, однако, называют бога янтарного острова Посейдоном, и – в более позднее время – Аполлоном!

2. Омоложенный бог неба

В середине тринадцатого столетия до Р. Х. все еще плодородное теплое время все больше превращалось в эпоху сухости, засухи и жары. Во всей Европе озера становились все меньше и меньше, ручьи и реки мелели, иссыкали, поля высыхали. С наступающим голодом был разрушен «золотой» мир, до той поры господствовавший в Северной Европе, которую не беспокоили никакие внешние враги. Народы становились беспокойными и напирали на юг, где они надеялись найти плодородные земли. Снова начались большие переселения с целью колонизации, как они были характерны для северных народов, очевидно, в более ранние тысячелетия (а также позже стали снова).

Так дошло и до того военного похода «атлантских», т.е. североевропейских и западноевропейских, народностей против Средиземноморья, о котором рассказывает переданное Платоном сообщение об Атлантиде. Поразительно хорошо организованный удар, кажется, с самого начала был направлен в первую оче-

редь против Египта. Возможно, все это развилось из просьбы о помощи ливийцев в Северной Африке. Они должны были особенно страдать от засухи: тогда еще плодородные области Северной Африки превратились в пустыни. Ливийцы рвались в Египет, который они когда-то населяли в более ранние времена. В отличие от всех других стран Египет еще наслаждался обильным плодородием. У этой страны на Ниле, независимой от дождей, в те времена были особенно сильные разливы Нила, глетчеры во внутренней части Африки таяли, и таким образом Нил нес воду в изобилии. Первое проникновение ливийцев было в 1230 году до Р. Х. отбито фараоном Меренптахом. Уже тогда северные люди, вероятно, сражались на стороне ливийцев вместе с ними. (66). Одновременно удар из эгейского пространства также мог бы последовать против Египта.

Затем произошел большой поход северных людей. Первое нападение, очевидно, было направлено против Греции, полчища народов, возможно, двигались старым путем на юго-восток, вверх по Эльбе, вниз по Дунаю и Вардару. Они проникли в Грецию, но их наступление было отражено Афинами, поставившими себя во главе союза Ахейских государств. Это событие и есть настоящий центральный момент рассказа об Атлантиде, причина того, почему об этом вообще рассказывалось, так как для египетского жреца из Саиса речь шла о том, чтобы сообщить афинскому государственному деятелю Солону о забытом в Греции «подвиге» его родного города Афин. (67)

Сначала полчища «атлантов» снова удалились, куда – мы не знаем. Вероятно, на венгерские долины Дуная, где у северных людей были свои поселения. Где-нибудь, во всяком случае, по меньшей мере, большие части их народов пережили катастрофу, которая теперь разразилась в мире. В Исландии, как и в Средиземноморье, извергались вулканы, землетрясения разрушали города, огонь падал с неба, реки, например, Нил, несли «ядовитую» воду, и сильные морские волны затопляли приморские земли. Многие сообщения того времени говорили о комете, которая появилась тогда. Шпанут предполагает, что речь могла идти о комете Галлея, которая возвращается приблизительно каждые 76 лет. Все-таки возможно, что Земля в 1226 году до Р.Х. прошла через хвост кометы около ее ядра.

Катастрофа принесла огромные человеческие жертвы. Однако армии «атлантов» появляются на Средиземном море спустя не очень долгое время после этого опустошения. Их типичные следы археологи в большинстве случаев находят непосредственно над слоями развалин и пепла. «Огонь был приготовлен перед ними», говорит правительственное сообщение Рамсеса III. Вероятно, большинство выживших людей из северогерманских и скандинавских областей, которые не были поглощены морем, также теперь покинули свою опустошенную родину (также на Севере находят следы больших пожаров в лесах и болотах из того

времени) и присоединились к своим ранее ушедшим землякам. Во всяком случае, мы знаем, как из археологических находок, так и из египетских текстов, что «северные народы моря» прошли через ставшую беззащитной из-за разрушений Малую Азию и разбили свой лагерь в Сирии. В 1195 до Р. Х. произошло затем их нападение на Египет. В один и тот же день страна на Ниле была атакована с трех сторон: с запада ливийцами, с востока основной армией северных людей, и одновременно флот атлантов вошел в устье Нила. Но Рамсес III, весьма умный и толковый правитель, который уже энергично приступил к ликвидации последствий катастроф, был начеку. Он приказал провести всеобщую мобилизацию, стянул войска из далеких провинций, также собрал негритянские народы, сардинских наемников и другие вспомогательные войска. Ливийцы были отбиты одним из его полководцев, элитные войска возглавлял сам Рамсес. «Были они полностью снаряжены людьми от носа до кормы, воинами бесстрашными, солдатами из лучших египтян, подобных львам, ревущим на горных вершинах», говорит он в своем правительственном сообщении. «Их упряжки дрожали по всему телу, готовые уничтожить». (68)

Так произошла великая битва, из которой Рамсес вышел победителем. Много северных людей погибло или попало в плен. Флоту, однако, который вошел в дельту с парусными суднами, не имевшими весел, воспрепятствовал резко изменившийся ветер и, когда флот стал неуправляемым, быстрые весельные корабли египтян окружили его и уничтожили. На барельефах храма Мединет-Абу, где представлены деяния Рамсеса III, видно, как египтяне переворачивают ладьи врага с помощью крюков и канатов, как вооруженные только оружием ближнего боя, тесно сжатые на кораблях, северные воины моря гибнут от стрел и копий египтян. Это было тяжелое поражение.

Остатки атлантских народностей удалились на острова Средиземного моря и преимущественно на хананейское побережье, где они либо заселяли лежащие в руинах города, либо основывали новые поселения и строили гавани. Без помех со стороны египтян, которые были заняты своими собственными потерями, они теперь селились там: на юге филистимляне (палистеры?), по имени которых страна получила свое название «Палестина», на севере сакар (также закар, текер, зекер, секер, по мнению некоторых ученых это название должно читаться как «тевкры» – прим. перев.), которые относительно скоро смешались с проживающими там семитами и стали финикийцами, народом мореплавателей.

Нашествия так называемых северных народов и народов моря – это давно известный древнейшей истории факт, так как египетские источники много рассказывают об этом. Известно также, что нападавшие были индогерманцами, и филистимляне были их главным племенем. Но их происхождение оставалось неясным. В одних версиях они приходили из стран Эгейского моря или – вместе со

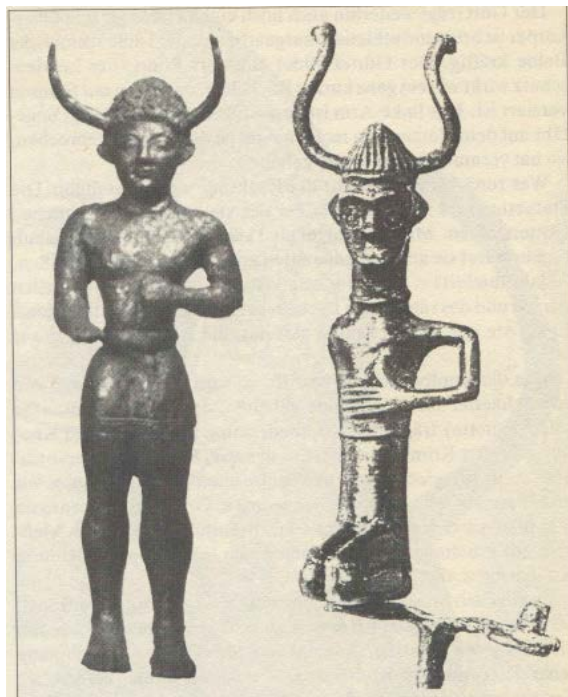
своими кораблями с лебедиными головами – с Балкан или из Венгрии, где для «народов моря» вообще нет моря, другие называли их иллирийцами. Якоб Вильгельм Хауэр предполагал их родину в Центральной Германии. Никто не решался взглянуть выше на север, в те области, из которых все-таки позже при приблизительно таких же транспортных условиях кимвры и тевтоны, а потом и все эти германские племена «Великого переселения народов» пришли на юг. Это заслуга Шпанута, который увидел, что эти воины с барельефов в Мединет-Абу носят оружие, однозначно принадлежащее североευропейской культуре бронзового века. Прежде всего, это те «общегерманские мечи с язычковой рукояткой», которые буквально массово находят в Дании и Шлезвиг-Гольштейне, и которые по всей Европе обозначают пути странствий северных народов.

7. Фрагменты рельефа о морской и сухопутной битве между северными народами – атлантами – и египтянами (из Юрген Шпанут, «Атлантида», Тюбинген, 1965)

Тогда также Кипр был захвачен воинами северных народов. Они были датчанами (данами), «денами с островов», как их называет Рамсес III в текстах. Французский археолог Клод Шеффер раскапывал их следы после Второй мировой войны. Шпанут цитирует сообщение из газеты «Таймс» от 21.3.1950 о раскопках Клодом Шеффером, «пожалуй, старейшего культового места бога Аполлона» в Энгоми (Энкоми), Кипр, и там говорится об «очень интересных филистимлянских находках». (69)

Затем в 1963 году Шеффер – тоже близ Энгоми – нашел несколько статуэток, «без сомнения, изображающих богов. Они были массивными, из бронзы, одна изображала бородатого воина со шлемом с рогами, с копьем и круглым щитом. Другая статуэтка бога, место обнаружения которой», как пишет Шеффер в 1965 году, «позволяет уверенно датировать ее временем оккупации Кипра народами моря... Она была спрятана в тайнике. Речь идет о маленьком святилище, в котором в жертву приносились многочисленные животные, в том числе несколько диких видов. Там была массивная бронзовая статуя бога высотой 52 см... Перед оставлением города жители тщательно закопали ее в вертикальном положении, чтобы сохранить и предотвратить ее осквернение... Молодой босоногий бог атлетического телосложения, одетый только в короткую набедренную повязку с широким поясом, несет на голове коническую меховую шапку с двумя бычьими рогами» (Клод Шеффер, 1965, стр. 67) (70)

8. Бог из Энгоми (из Юрген Шпанут, «Атланты», Тюбинген, 1976)

8а. Бог неба из Дании (из Г. Швантес, «Праистория Шлезвиг-Гольштейна», Ноймюнстер, 1939)

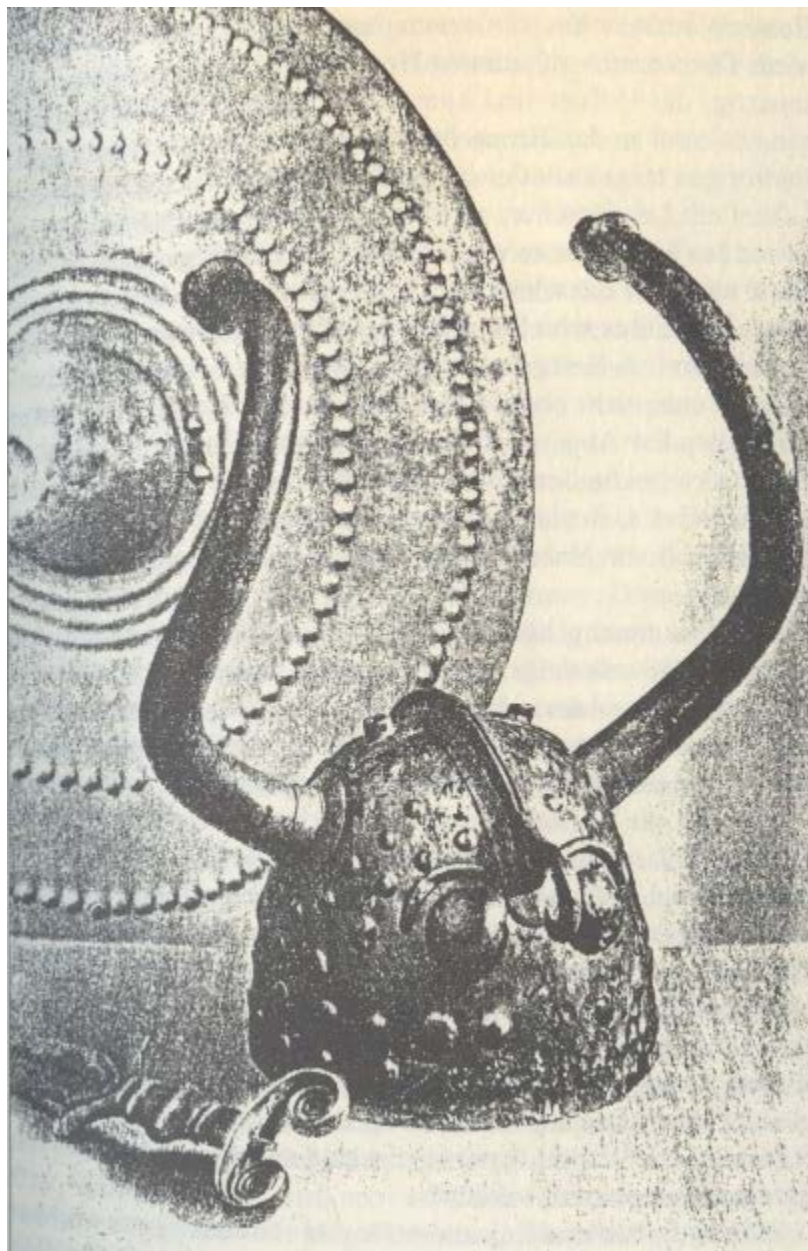
У этого бога на шее также есть кольцо, верхняя часть туловища широкая и атлетически развитая, талия тонкая, ноги крепкие. Пояс образует что-то вроде утолщения, набедренная повязка похожа на очень короткую юбочку, которая снизу украшена бахромой. Левая рука согнута, ладонь лежит примерно у сердца, на правой руке ладонь обломана, она, вероятно, держала оружие.

В первую очередь здесь поражает реализм изображения. Статуэтка представляется предшественницей намного более поздних греческих статуй, изображающих богов. Своей стройной талией и широкими плечами она напоминает так называемые архаичные статуи восьмого и седьмого веков до Р. Х. Только лицо не демонстрирует узкие глаза и загадочную улыбку архаичных идолов. Оно, как и тело, сделано крепким, глаза немного выпирают вперед.

Что касается головного убора, то Шпанут, как и Шеффер, считает его шапкой в форме колпака. Шпанут пишет: «Она (статуэтка) несет головной убор с многочисленными узелками, что-то вроде оторочки из меха каракуля, из которого торчат два бычьих рога... Мы до сих пор знаем головные уборы с многочисленными узелками только с европейского Севера. Густав Швантес называет их «очень характерной деталью национального костюма» (1953, 27). Несколько хорошо сохранившихся экземпляров хранятся в Национальном музее в Копенгагене». (71)

В том же самом музее можно увидеть также два очень хорошо сделанных бронзовых шлема с изогнутыми рогами, которые, как кажется, тоже отделаны множеством узелков и являются, очевидно, бронзовой имитацией тех войлочных шапок. Два очень больших, насаженных узла, кажется, представляют глаза, они перекрыты сверху бровями – шлемы производят впечатление лиц. Возможно, они использовались не для боев, а для культовых представлений.

Теперь, однако, мы знаем еще статуэтку, которая тоже представляет молодого человека, удивительно похожего на человека из Энгоми, даже если исполненного чуть менее реалистично. Она была найдена в девятнадцатом столетии в Дании. Густав Швантес в своей «Праистории Шлезвиг-Гольштейна» (1939/522) приводит ее изображение.

9. Оружие бронзового века (Национальный музей в Копенгагене)

Этот молодой человек стоит на коленях на бронзовой пластинке, которая держится на стойке с отверстиями. Шлем конической формы с рогами тоже кажется похожим на шапку, рога красиво изогнуты и поразительно похожи на рога бронзовых шлемов в Копенгагенском музее. В остальном молодой датчанин (дан) тоже несет кольцо на шее и пояс с набедренной повязкой как единственную одежду. Левая рука, как и у статуэтки из Энгоми, согнута кругом, так что ладонь лежит под грудью. Правая рука здесь тоже отломана, Швантес пишет, что, согласно старому сообщению, правая рука держала топор. Обработка

верхней части туловища соответствует кипрской, так же, как и лицо, круглые, несколько выпирающие глаза и оттопыренные уши. Ясно, что обе бронзовые статуэтки изображают одного и того же бога в одном и том же снаряжении. Вероятно, бог из Энгоми тоже держал в правой руке топор.

Аналогичность обеих статуэток является самым прекрасным доказательством того, что это были действительно датчане, которые в конце тринадцатого столетия переселились на Кипр. Считать коленапреклоненного бога из Дании предметом ввоза из Средиземноморья – как, очевидно, считали раньше – мешает тот факт, что несколько бронзовых фигурок того же самого стиля, тоже людей в рогатых шлемах, было найдено на Севере, преимущественно в Сконе и Зеландии. Здесь можно проследить развитие этих маленьких произведений искусства, а на Кипре они новы и принадлежат к слою переселившихся «народов севера и народов моря». Не происходили ли обе фигурки богов, в конечном счете, из одной и той же мастерской? Или же художник сопровождал своих земляков в их великом походе на юг – в военном походе кузнецы всегда нужны? Или статуэтка из Энгоми была изготовлена еще в Зеландии и взята переселенцами с собой как святыня?

Швантес считает коленапреклоненного человека «богом неба» и в этом он, конечно, прав. Уже шлем с рогами быка говорит в пользу этого. Мы знаем, что индогерманский бог неба часто выступал в образе быка, и что ему приносили в жертву быков, также на Священном острове, о чем говорят как рассказ Платона, так и «Одиссея» Гомера. Здесь жертвы приносились Посейдону (Посиде), и даже в более позднее время священные быки Фосите паслись на Фаррии, Бычьем острове.

Молодой бог, которого датчане принесли на Кипр, очевидно, это именно Посидеос-Посейдон. Он выступает здесь как омоложенный бог неба.

Как у бога неба по происхождению, у него еще есть его функции и символы. Но он молод. Деос, бог-отец индогерманцев изображается преимущественно бородатым, с достоинством восседающим на своем небесном троне. А этот молодой бог из Дании безбородый, он просто стоит прямо или стоит на коленях. Он носит имя «господин», но не имя «отец». Он, очевидно, «сын», как так многие молодые ипостаси старого бога выступают как его «сыновья».

(Любопытный факт. Киевский краевед Петр Семилетов в своей книге «Ересь о Киеве» пишет:

«В книге Хойновского «Краткие археологические сведения о предках Славян и Руси» конца девятнадцатого века я наткнулся на описание трех идолов – увы, без фотографий, хотя оные приложены к другим предметам каталога:

129. Идолычк в высокой остроконечной шапке, руки уперты в бедро, ноги расставлены, вся его длина 8,3 см.

130. Большой бронзовый идол, покрыт темно-зеленой патиной, в высокой шапке с руками, согнутыми в локтях, и с кистями рук, сжатыми в кулак, бедра закрыты коротенькой юбкой; на месте глаз глубокие впадины, в которых вероятно вставлены были ценные камни, выпавшие от времени; длина его 26 см., ступни ног отломаны.

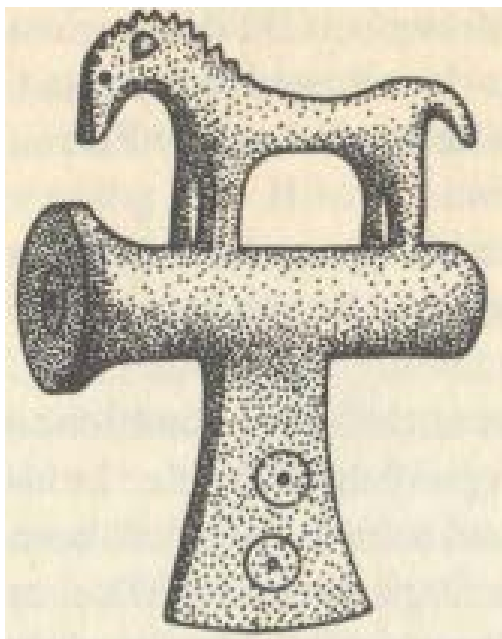
131. Бронзовый идолычк с рогами, в правой согнутой руке держит какой-то предмет; длина его 8,9 см.; проходящий по середине поперечный стержень показывает, что идол был укреплен на подставке и мог качаться в стороны.

Все три идола найдены в прибрежьях днепровских порогов; можно предполагать, что им поклонялись Сарматы и занесли их в наши страны из Азии, потому что на Кавказе, в колыбели Сарматского народа и мифических амазонок, а преимущественно в Осетинской области, такие истуканы попадаются не редко». – прим. перев.)

Также топор (или секира), который бог, вероятно, держал здесь в руке, является атрибутом бога неба. Это древнее оружие молнии, которое лишь позже было заменено на молот, громовую булаву или трезубец, символ силы зачатия, с которой бог оплодотворяет землю. Еще в позднее время Фосите носит на плече золотой топор, с его помощью он управляет по волнам кораблем с двенадцатью асегенами, и бросок этого топора пробуждает Святой источник, у края которого учат закону и вершат суд.

Шпанут в «Атлантах» (72) посвятил богу топора или секиры целую главу. Он указывает на древность культа топора и говорит: «Конечно, в мегалитические времена божество, которому был посвящен топор, почиталось особым образом... Швантес датирует возраст первых топоров на севере седьмым тысячелетием до Р.Х., датировка, которую, судя по исследованиям К. Ренфрю, нужно увеличить, вероятно, по меньшей мере, еще на одно тысячелетие. Если подумать о том, что старейшие находки топоров в Бретани и в Англии происходят из четвертого или третьего тысячелетия до Р.Х., то нужно согласиться со Швантесом, который предполагает родину культуры мегалитов, где топор был главным

оружием, и видит происхождение культа бога топора на севере Европы (Дания, Шлезвиг-Гольштейн).

10. Топор с фигуркой лошади из ранней гальштатской культуры (Германский национальный музей, Нюрнберг)

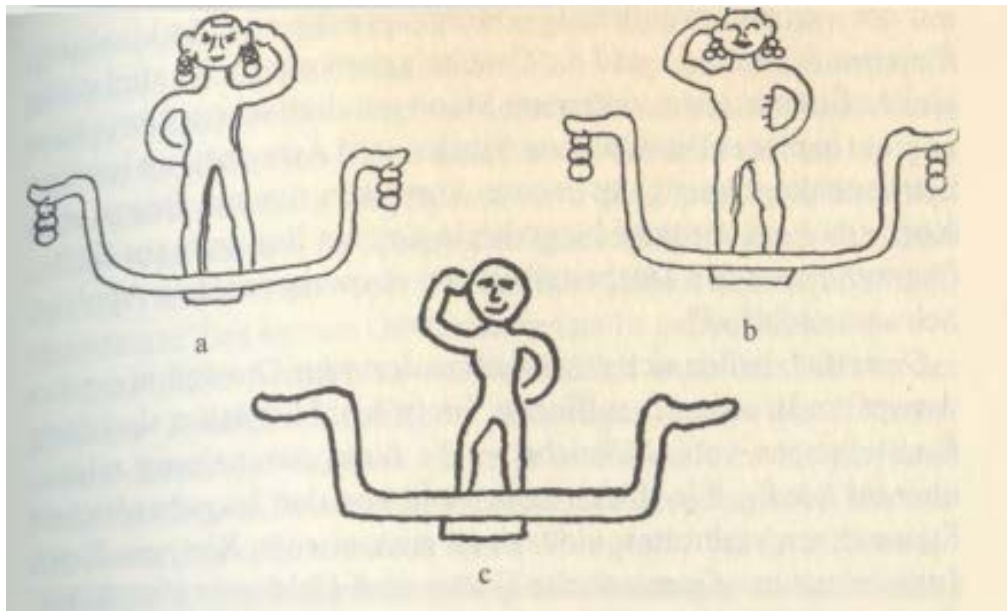
Из мегалитических захоронений, как и из поселений и мест жертвоприношений мегалитического периода происходят многочисленные находки топоров, заботливо сложенных лезвием вверх и часто закрепленных камнями. Они интерпретируются как жертвы богу топора, и иногда были изготовлены из редкого и ценного материала. Так, например, при раскопках места жертвоприношения в Хёрдуме Ти (Дания) нашли пять больших янтарных топоров с отверстиями для ручки (Брёнстедт, 1960 I, 330). В других местах находили топоры из, несомненно, очень ценной в древности меди, которые были закопаны вместе с медными спиралями или медными дисками для украшений, вероятно, в качестве пожертвований... Вероятнее всего, многие миниатюрные топоры из янтаря или глины, которые носили на ожерельях, были также символами бога топора».

Мы уже видели раньше, как далеко уходит в прошлое почитание размахивающего топором бога неба, и как долго оно продержалось. Вероятно, даже тот храм «Аксенсхофе» на Фоситесланде был еще украшен янтарными символами топора?

Шпанут приводит также изображения топора в могиле бронзового века в Чивике, Южная Швеция. Речь идет о двух вертикально стоящих секирах или культо-

вых топорах, «лезвием направленных на остроконечную как обелиск колонну. Очевидно, тут должна была выражаться тесная связь между обелиском и топорами. Ту же связь показывают многие пожертвования в виде топора, которые были найдены у подножия или под такими колоннами. Также изображения топоров на многих обелисках или менгирах намекают на эту связь». (73)

И позже: «Эти находки... заставляют предположить, что божество, которому был посвящен топор, было также богом колонны. В рассказе об Атлантиде говорится, что колонна (стела) из янтаря, на которой были начертаны законы Посейдона, была возведена в центре святилища Посейдона. Очевидно, Посейдон считался здесь богом колонны и богом топора. С этим хорошо сходится тот факт, что в Греции в древнейшие времена Посейдона тоже почитали на колоннах, и что он держал в руке секиру или двойной топор. (Швайцер, 1922, 93)». (74)

11. Гиперборейский Аполлон на лебедином корабле: 11а. Наскальное изображение, Мекленбург. 11б. Штирия.11с. Некрополь Суэссела (Италия) (из Юрген Шпанут, «Атлантида», Тюбинген, 1965)

Таким образом, отчетливо видно, что также Посиде-Посейдон унаследовал функции и качества бога неба, и что он был богом секиры или топора и держал этот свой атрибут, вероятно, также в Дании и Энгоми, в правой руке.

Очень характерным, но также и одновременно загадочным представляется положение левой руки обеих статуэток. Рука согнута так, что она образует дугу. Это могло бы быть ритуальной позой. На изображениях, которые происходят из

североевропейского пространства, эта поза всегда появляется снова и снова, очевидно, характеризуя на протяжении всех времен одного и того же бога.

Шпанут в «Атлантиде» приводит изображения нескольких примитивно изготовленных фигурок богов, положенные с покойником в могилы в качестве погребальных даров и найденные в странах, через которые северные люди прошли во время «Великого переселения» (Мекленбург, Штирия, Италия). Они совершенно одинаковы: безбородый, стройный мужчина с тройной серьгой в ухе стоит на лодке, где форштевень и ахтерштевень сделаны в форме головы лебедя. Его правая рука округлой дугой поднята к голове, левая с таким же округлым изгибом согнута к бедру. Шпанут называет эти изображения «гиперборейским Аполлоном на лебедином корабле». (75)

Вероятно, можно было бы найти еще и другие подобные изображения из позднего бронзового века. Затем в раннем средневековье изображения «человечка», демонстрирующего такое положение рук, встречается весьма часто. Их в большом количестве можно найти в романских церквях, распространенных, вероятно, лангобардскими каменотесами. Эрих Юнг в «Германских богах и героях в христианское время» (1939) приводит несколько примеров. Особенно показательна фотография (стр. 349) живой изгороди из боярышника перед подворьем одного шорника в Вестфалии. Эта изгородь украшена вырезанными из ветвей традиционными фигурами. Среди этих фигурок стоит также стройный юноша, поднятая правая рука которого держит меч, в то время как левая рука согнута точно описанным способом: оружие за тысячелетия изменилось, а поза осталась прежней.

Но что именно должно было выражать такое положение рук, остается, однако, пока неизвестным. Его пытались объяснить, как изображение некоего символа. Часто встречается также – у фигурок мужчин и женщин, что таким же образом согнуты обе руки, так что они образуют круг, через который тогда тело проходит как перпендикуляр. Такие фигурки – изображенные в виде примитивно нарисованных человечков – могли бы представлять германскую руну года. Тогда также поза, при которой одна рука поднята, а другая опущена, могла бы объясняться как восходящее и нисходящее движение года. Юноша с оружием в правой руке и с опущенной, согнутой левой рукой мог бы таким образом обозначаться как «бог года». Но все это только предположения.

Также связь с поддерживающей небо вселенской колонной и с правосудием северный бог Посиде унаследовал от бога неба. «Старый священный отец» всегда творит, представляет и защищает право, у греческого Зевса это особенно очевидно. В римском провинциальном искусстве Зевс-Юпитер – иногда в борьбе с гигантами – восседает высоко на колонне суда. Позже так называемые колонны

Роланда как символы суда стоят в тех местах, где творится правосудие. На самом деле они изображают вовсе не павшего при Ронсевале паладина Карла Великого, а самого бога права, которому, однако, в христианское время уже нельзя было дать имя какого-то бога.

Что касается Аполлона, то он, наконец, как наследник той же самой традиции, тоже был богом права и даже носил рогатый шлем. Так как на самом деле он – не кто иной, как принесенный на юг Посиде. Дорийцы, одно из главных племен северных народов моря, при своем переселении в Грецию добились там для своего верховного бога такого большого значения, которым он с тех пор обладал уже как «эллинский бог».

Первая волна переселенцев с севера примерно в 1900 году до Р. Х. принесла своего бога Посидеоса на острова и берега Эгейского моря. Там он стал Посейдоном, и все больше и больше ограничивался функциями «колебателя земли» и «повелителя морей». Затем Великое переселение принесло тот же самый образ бога еще дальше на юг, все же, он почитался теперь под новым именем, которое первоначально было, вероятно, прозвищем Посиде.

Форма имени «Апеллос» или «Апеллон» встречается в дорическом языке и еще долго сосуществует рядом с формой «Аполло-Аполлон». Апеллос – это господин Апеллы (Apella), огороженного поля, где вершился суд, согласно Шпануту. (76)

Как филистимляне и также датчане на Кипре называли своего молодого бога с бычьим шлемом, мы не знаем. Библия называет его «Дагон» – «рыбий бог», вероятно, потому что его сопровождал дельфин. В более позднее время «Баал» («Ваал»), «господь» семитизированных северных народов на хананейском побережье, античными писателями часто называвшийся «Аполлоном», становится именем, которое, конечно, также употреблялось по отношению к нему. Современные ученые, как, например, Клод Шеффер повторяют его вслед за греками. Шпанут пишет, что «один из ведущих кипрских археологов, П. Дикаис» отождествил бога в рогатом шлеме из Энгоми «с Аполлоном Керееатасом» («рогатый»). «В честь него (т.е. Аполлона Керееатаса) в Греции проводили большой праздник «Карнии». «Карнос» или «Карнеос» означает «несущий рога». Также Вассос Карагеоргис в своей книге «Кипр» (1968, 54) предлагает отождествление рогатого бога из Энгоми с Аполлоном Керееатасом». (77) У этого «рогатого Аполлона» был еще позже знаменитый храм на Кипре, и его почитали там еще долгое время.

3. Бог на солнечной колеснице

В диалоге Платона «Критий» сказано (113b): «Как известно, боги поделили между собой по жребию все страны земли. Сделали они это без распрей: ведь неправильно было бы вообразить, будто боги не знают, что подобает каждому из них, или будто они способны, зная, что какая-либо вещь должна принадлежать другому, все же затевать из-за этой вещи распрю. Итак, получив по праву жребия желанную долю, каждый из богов обосновался в своей стране; обосновавшись же, они принялись пестовать нас, свое достояние и питомцев, как пастухи пестуют стадо. Но если эти последние воздействуют на тела телесным насилием и пасут скот посредством бича, то боги избрали как бы место кормчего, откуда удобнее всего направлять послушное живое существо, и действовали убеждением, словно рулем души, как им подсказывал их замысел. Так они правили всем родом смертных.

Другие боги получили по жребию другие страны и стали их обустроивать; но Гефест и Афина, имея общую природу как дети одного отца и питая одинаковую любовь к мудрости и художеству, соответственно получили и общий удел – нашу страну, по своим свойствам благоприятную для взращивания добродетели и разума; населив ее благородными мужами, порожденными землей, они вложили в их умы понятие о государственном устройстве. Имена их дошли до нас, но дела забыты из-за бедствий, истреблявших их потомков, а также за давностью лет. Ибо выживали после бедствий, как уже приходилось говорить, неграмотные горцы, слыхавшие только имена властителей страны и кое-что об их делах. Подвиги и законы предков не были им известны, разве что по темным слухам, и только памятные имена они давали рождавшимся детям; при этом они и их потомки много поколений подряд терпели нужду в самом необходимом и только об этой нужде думали и говорили, забывая предков и старинные дела. Ведь занятия мифами и разыскания о древних событиях появились в городах одновременно с досугом, когда обнаружилось, что некоторые располагают готовыми средствами к жизни, но не ранее. Потому-то имена древних дошли до нас, а дела их нет. И тому есть у меня вот какое доказательство: имена Кекропа, Эрехтея, Эрихтония, Эрисихтона и большую часть других имен, относимых преданием к предшественникам Тесея, а соответственно и имена женщин, по свидетельству Солона, назвали ему жрецы, повествуя о тогдашней войне. Ведь даже вид и изображение нашей богини, объясняемые тем, что в те времена занятия воинским делом были общими у мужчин и у женщин и в согласии с этим законом тогдашние люди создали изваяние богини в доспехах, – всё это показывает, что входящие в одно сообщество существа женского и мужского пола могут вместе упражнять добродетели, присущие либо одному, либо другому полу.

Обитали в нашей стране и разного звания граждане, занимавшиеся ремеслами и земледелием, но вот сословие воинов божественные мужи с самого начала обособили, и оно обитало отдельно. Его члены получали все нужное им для прожития и воспитания, но никто ничего не имел в частном владении, а все считали всё общим и притом не находили возможным что-либо брать у остальных граждан сверх необходимого; они выполняли все те обязанности, о которых мы вчера говорили в связи с предполагаемым сословием стражей. А вообще о нашей стране рассказывалось достоверно и правдиво, и прежде всего говорилось, что ее границы в те времена доходили до Истма, а в материковом направлении шли до вершин Киферона и Парнефа и затем спускались к морю, имея по правую руку Оропию, а по левую Асоп. Плодородием же здешняя земля превосходила любую другую, благодаря чему страна была способна содержать многолюдное войско, освобожденное от занятия земледелием. И вот веское тому доказательство: даже нынешний остаток этой земли не хуже какой-либо другой производит различные плоды и питает всевозможных животных. Тогда же она возвращала всё это самым прекрасным образом и в изобилии.

Но как в этом убедиться и почему нынешнюю страну правильно называть остатком прежней? Вся она тянется от материка далеко в море, как мыс, и со всех сторон погружена в глубокий сосуд пучины. Поскольку же за девять тысяч лет случилось много великих наводнений (а именно столько лет прошло с тех времен до сего дня), земля не накапливалась в виде сколько-нибудь значительной отмели, как в других местах, но смывалась волнами и потом исчезала в пучине. И вот остался, как бывает с малыми островами, сравнительно с прежним состоянием лишь скелет истощенного недугом тела, когда вся мягкая и тучная земля оказалась смытой и только один остов ещё перед нами. Но в те времена еще неповрежденный край имел и высокие многохолмные горы, и равнины, которые ныне зовутся каменистыми, а тогда были покрыты тучной почвой, и обильные леса в горах. Последнему и теперь можно найти очевидные доказательства: среди наших гор есть такие, которые ныне возвращают разве только пчел, а ведь целы еще крыши из кровельных деревьев, срубленных в этих горах для самых больших строений. Много было и высоких деревьев из числа тех, что выращены рукой человека, а для скота были готовы необъятные пажити, ибо воды, каждый год изливаемые от Зевса, не погибали, как теперь, стекая с оголенной земли в море, но в изобилии впитывались в почву, просачивались сверху в пустоты земли и сберегались в глиняных ложах, а потому повсюду не было недостатка в источниках ручьев и рек. Доселе существующие священные остатки прежних родников свидетельствуют о том, что наш теперешний рассказ об этой стране правдив.

Таким был весь наш край от природы, и возделывался он так, как можно ожидать от истинных, знающих свое дело, преданных прекрасному и наделенных

способностями землепашцев, когда им дана отличная земля, обильное орошение и умеренный климат. Столица же тогда была построена следующим образом. Прежде всего акрополь выглядел совсем не так, как теперь, ибо ныне его холм оголен и землю с него за одну необыкновенно дождливую ночь смыла вода, что произошло, когда одновременно с землетрясением разразился неимоверный потоп, третий по счету перед Девкалионовым бедствием. Но в минувшие времена акрополь простирался до Эридана и Илиса, охватывая Пикн, а в противоположной к Пикну стороне гору Ликабет, притом он был весь покрыт землей, а сверху, кроме немногих мест, являл собой ровное пространство. Вне его, по склонам холма, обитали ремесленники и те из землепашцев, участки которых были расположены поблизости; но наверху, в уединении, селилось вокруг святилища Афины и Гефеста обособленное сословие воинов за одной оградой, замыкавшей как бы сад, принадлежащий одной семье. На северной стороне холма воины имели общие жилища, помещения для общих зимних трапез и вообще все то по части домашнего хозяйства и священных предметов, что считается приличным иметь воинам в государствах с общественным управлением, кроме, однако, золота и серебра: ни того ни другого они не употребляли ни под каким видом, но, блюдя середину между пышностью и убожеством, скромно обставляли свои жилища, в которых доживали до старости они сами и потомки их потомков, вечно передавая дом в неизменном виде подобным себе преемникам. Южную сторону холма они отвели для садов, для гимнасиев и для совместных летних трапез, соответственно ей и пользуясь. Источник был один – на месте нынешнего акрополя; теперь он уничтожен землетрясениями, и от него остались только небольшие родники кругом, но людям тех времен он доставлял в изобилии воду, хорошую для питья как зимой, так и летом. Так они обитали здесь – стражи для своих сограждан и вожди всех прочих эллинов по доброй воле последних; более всего они следили за тем, чтобы на вечные времена сохранить одно и то же число мужчин и женщин, способных когда угодно взяться за оружие, а именно около двадцати тысяч.

Таковыми они были, и таким образом они справедливо управляли своей страной и Элладой; во всей Европе и Азии не было людей более знаменитых и прославленных за красоту тела и за многостороннюю добродетель души.

Теперь, что касается их противников и того, как шли дела последних с самого начала. Посмотрим, не успел ли я позабыть то, что слышал еще ребенком, и выложу свои знания перед вами, чтобы у друзей все было общим. Но рассказу моему нужно предпослать еще одно краткое пояснение, чтобы вам не пришлось удивляться, часто слыша эллинские имена в приложении к варварам. Причина этому такова. Как только Солону явилась мысль воспользоваться этим рассказом для своей поэмы, он полюбопытствовал о значении имен и услышал в ответ, что египтяне, записывая имена родоначальников этого народа, переводили их

на свой язык, потому и сам Солон, выясняя значение имени, записывал его уже на нашем языке. Записи эти находились у моего деда и до сей поры находятся у меня, и я прилежно прочитал их еще ребенком. А потому, когда вы услышите от меня имена, похожие на наши, пусть для вас не будет в этом ничего странного – вы знаете, в чем дело. Что касается самого рассказа, то он начинался примерно так.

Сообразно со сказанным раньше, боги по жребию разделили всю землю на владения – одни побольше, другие поменьше – и учреждали для себя святилища и жертвоприношения. Так и Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины, примерно вот в каком месте: от моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая. На этой горе жил один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землю, по имени Евенор, и с ним жена Левкиппа; их единственная дочь звалась Клейто. Когда девушка уже достигла брачного возраста, а мать и отец её скончались, Посейдон, восплавав вождедением, соединяется с ней; тот холм, на котором она обитала, он укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, а водных – три) все большего диаметра, проведенными словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга. Это ограждение было для людей непреодолимым, ибо судов и судоходства тогда еще не существовало. А островок в середине Посейдон без труда, как то и подобает богу, привел в благоустроенный вид, источил из земли два родника – один теплый, а другой холодный – и заставил землю давать разнообразное и достаточное для жизни пропитание.

Произведя на свет пять раз по чете близнецов мужского пола, Посейдон взрастил их и поделил весь остров Атлантиду на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения как наибольшую и наилучшую долю и поставил его царем над остальными, а этих остальных – архонтами, каждому из которых он дал власть над многолюдным народом и обширной страной».

(Здесь, очевидно, ошибка. Нельзя было разделить на десять частей один лишь маленький царский остров. Скорее всего, имеется в виду раздел всей области атлантических народов, последующие рассуждения о сыновьях Посейдона и их царствах это подтверждают. – Б.Ф.)

«Имена же всем он нарек вот какие: старшему и царю – то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто пер-

вым получил тогда царство, было Атлант. Близнецу, родившемуся сразу после него и получившему в удел крайние земли острова со стороны Геракловых столпов вплоть до нынешней страны гадиритов, называемой по тому уделу, было дано имя, которое можно было бы передать по-эллински как Евмел, а на туземном наречии – как Гадир. Из второй четы близнецов он одного назвал Амфереем, а другого – Евэмоном, из третьей – старшего Мнесеем, а младшего Автохтоном, из четвертой – Эласиппом старшего и Местором младшего, и, наконец, из пятой четы старшему он нарек имя Азаэс, а последнему – Диапреп. Все они и их потомки в ряду многих поколений обитали там, властвуя над многими другими островами этого моря и притом, как уже было сказано ранее, простирая свою власть по его сторону Геракловых столпов вплоть до Египта и Тиррении». (78)

На барельефах Мединет-Абу видно, как египетские писцы с их маленькими дощечками для письма допрашивают плененных северных воинов моря, которых приводят к ним, и записывают их показания. Шпанут предполагает, что таким образом сведения об Атлантиде попали в египетские письменные источники. Если прочесть рассказ об Атлантиде, то снова и снова создается впечатление, что только очень сведущие люди с широким кругозором могли передать эти сообщения. (Ошибки, прежде всего, в географической области, могли исходить от последующих пересказчиков, у которых не было такого личного опыта).

Таким образом, процитированное выше сообщение, вероятно, представляет собой что-то вроде официального государственного мифа, в том виде, в каком он распространялся высшими инстанциями государства атлантов, преимущественно для того, чтобы с помощью религии закрепить претензию рода атлантов на верховную власть и подчеркнуть единство, сплоченность всех потомков близнецов Посейдона. Народ рассказывал легенду о любви Посейдона, его сватовстве и свадьбе более живописно, (79) так как сказки и мифы мегалитической религии еще всюду были живы (они ведь живы даже еще и сегодня, насколько же распространеннее они должны были быть тогда). Также мы ничего не узнаем здесь о смерти, путешествии в загробный мир и о возрождении бога, которые, очевидно, больше не играли в государственном культе слишком существенной роли.

Однако одно место («Критий», 116 d, e) заслуживает особенного внимания. Здесь при описании храма Посейдона в центре святилища на холме и его украшенной золотом, серебром и орихалком (янтарем) внутренней части описывается и большая статуя Посейдона.

«Остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев в диаметре; этот остров, а также земляные кольца и мост шириной в плетр цари обвели круговыми камен-

ными стенами и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова и в недрах внешнего и внутреннего земляных колец, а в каменоломнях, где с двух сторон оставались углубления, перекрытые сверху тем же камнем, они устраивали стоянки для кораблей. Если некоторые свои постройки они делали простыми, то в других они забавы ради искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть; также и стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности отделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя – орихалком, испускавшим огнистое блистание.

Обиталище царей внутри акрополя было устроено следующим образом. В самом средоточии стоял недоступный святой храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной, и это было то самое место, где они некогда зачали и породили поколение десяти царевичей; в честь этого ежегодно каждому из них из всех десяти уделов доставляли сюда жертвенные начатки. Был и храм, посвященный одному Посейдону, который имел стадий в длину, три плетра в ширину и соответственную этому высоту; в облике же постройки было нечто варварское. Всю внешнюю поверхность храма, кроме акротериев, они выложили серебром, акротерии же – золотом; внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь изукрашенный золотом, серебром и орихалком, а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями и головой достигающий до потолка, вокруг него – сто Нереид на дельфинах (ибо люди в те времена представляли себе их число таким), а также и много статуй, пожертвованных частными лицами. Снаружи вокруг храма стояли золотые изображения жен и всех тех, кто произошел от десяти царей, а также множество прочих дорогих приношений от царей и от частных лиц этого города и тех городов, которые были ему подвластны. Алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ».

Здесь мы пока не будем задаваться вопросом, были ли вообще возможны тогда на Севере такие большие золотые скульптуры. Во всяком случае, этот рассказ показывает, что Посиде-Посейдона в бронзовом веке Севера рассматривали как возникшего солнечной колесницы и, очевидно, также изображали в этом виде.

Само это представление принадлежит, как уже говорилось, мегалитической эпохе. Уже Ра представляли едущим днем по небу в одну сторону, а ночью возвращавшимся назад. В то время, не знавшее еще повозок, запряженных лошаадьми, он ехал в дневной ладье по синему озеру неба и возвращался домой на ночной ладье через подземный мир. Солнечный герой Севера бронзового века,

напротив, едет по небосводу уже на лошадях и в легкой колеснице. Шесть крылатых коней статуи Посейдона в Атлантиде, вероятно, являются преувеличением. Обычно это два (иногда крылатых) солнечных коня, с которыми бог поднимается вверх рано утром. Они очень часто описывались и изображались – на Севере, как и в Греции и Риме. И еще в «Эдде» рассказывается о них: там их зовут Альсвин и Арвак(р) или Альсвак(р). Их представляли пламенными белыми рысаками со светящимися гривами. Также еще позже белые лошади богов играли у германцев важную роль, их выращивали в особенных конюшнях при святилищах, они тянули культовые повозки на праздниках, посвященных богам, или служили святым личностям, как, например, королям, в качестве верховых лошадей. Белый свет издревле считался цветом света, прежде всего, неземного, потустороннего, сияющего света.

12. Конские головы с фронтона деревенского дома в Люнебургской пустоши (рисунок Р. Гутманна).

Солнечные кони Посиде много раз появляются (наряду с лебедями этого бога) в прикладном искусстве североевропейского бронзового века. Их можно увидеть повсюду: например, знаменитая маленькая солнечная колесница из Трундхольма, изображение которой сегодня приводит каждый, кто пишет о бронзовом веке или даже просто только о европейской древнейшей истории. Лошадь здесь

стоит на четырехколесном каркасе повозки и, кажется, тянет солнечный диск, который, пусть даже наполовину сломанный, все еще демонстрирует чудесную гравировку. Вторую солнечную лошадь, однако, ищут здесь тщетно. (Хауэр предполагал, что одна двигающаяся лошадь «должна была в профиль представлять двух лошадей»). (81) Так как солнечный диск украшен только с одной стороны, повозка, пожалуй, действительно стояла где-то в таком месте, где ее видели только в профиль).

На всевозможных инструментах и сосудах изображали обе головы лошадей, которые можно видеть также вплоть до нашего времени на фронтонах ниже-немецких деревенских домов.

Однако дневная поездка бога не всегда ведет по небосводу. Как явствует также из того изображения в храме Атлантиды, этого бога часто любили представлять несущимся по морским волнам, в окружении водяных духов, морских чудовищ и водных животных.

В музее Бардо в Тунисе находится мозаичный пол из римского провинциального города Северной Африки, где в центре изображен молодой Посейдон-Нептун, стоящий на запряженной четырьмя поднимающимися на дыбы конями колеснице, окруженный шестьюдесятью богами моря, которые скачут верхом на морских лошадях, дельфинах, морских кошках и сиренах, признак того, как долго это древнее представление еще оказывало воздействие на искусство. (82)

В «Илиаде» Гомера содержится описание поездки Посейдона на колеснице, которое, вероятно, происходит еще из микенского времени и может послужить пояснительным текстом к описанной в рассказе об Атлантиде группе статуй. Я приведу это описание в немецком переводе Й. Х. Фосса: (83)

«Но соглядал не напрасно и бог Посидаон великий;
Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
В Фракии горной: оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахейн.

Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.
Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,
Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
Вкруг под стопами священными в гнев идущего бога.

Трижды ступил Посидон и в четвертый достигнул предела,
Эги; там Посидона в заливе глубоком обитель,
Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.
Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые.

Золотом сам он одеялся, в руку десную прекрасный
Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;
Коней погнал по волнам, – и взыграли страшилища бездны,
Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
Радуюсь, море под ним расстилалось, – а гордые кони
Бурно летели, зыбей не касаясь медною осью;
К стану ахейскому мчались быстроскакучие кони.

Есть пещера обширная в бездне пучинной залива,
Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.
Там коней удержал колебатель земли Посидаон;
Там отрешив от ярма, амброзической бросил им пищи
В корм и на бурные ноги накиннул им путы златые,
Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским».

(Русский перевод Николая Ивановича Гнедича – прим. перев.)

То, что здесь Посейдон делает перед началом и после окончания своей поездки к стоянке кораблей ахейцев, происходит в иных случаях в мифе в начале и в конце его солнечной поездки. Дворец на дне моря, в котором бог отдыхает после своего путешествия, играет с дельфинами, распрягает коней и кормит их, так что они тоже могут отдохнуть и порезвиться на лугах подземного или подводного мира, этот «бессмертный» дворец стоит иногда на востоке, иногда на западе. Для жителей побережья и островов, как в Шлезвиг-Гольштейне, так и в Греции, солнце, как казалось, поднималось утром из моря и вечером на западе снова тонуло в море. Бог солнца однажды идет к эфиопам, чтобы запрячь своих коней, потом он опять ныряет в волны на западе у Гесперид. Дворец, который здесь в «Илиаде» стоит на глубинах эгейского пролива, называется «золотым и лучезарно сияющим». Позже, в северных сагах, часто говорится о «стеклянном» дворце или храме на дне моря. Речь здесь, очевидно, идет о янтарном дворце. Ведь «Glas» (стекло) было германским словом, означающим «янтарь» и подразумевавшим сияние («Glanz») окаменевшей смолы. (Итак, похоже на то, что история о янтарном дворце на морском дне, принадлежащем едущему на колесни-

це богу, рассказывалась еще задолго до того, как – уже после катастроф – возникли саги о затопленном «золотом городе», о храмах и замках на каменном дне вокруг Гельголанда.)

Относящаяся к бронзовому веку «королевская могила» в Чивике в Южной Швеции, на внутренних пластинах которой выгравированы всяческие культовые сцены, изображает, среди прочего, также большого человека, который едет на легкой двухколесной повозке, запряженной двумя лошадьми. Под ним можно увидеть рыбу, вероятно, дельфина, и еще раз двух лошадей, повернутых друг к другу, которые, как кажется, весело прыгают. Шпанут (84) считает этот рисунок изображением «северного Посейдона» и упрощенной иллюстрацией описанных в рассказе об Атлантиде больших скульптур в храме острова. Это последнее утверждение кажется мне спорным. Однако я считаю возможным, что обе весело прыгающие лошади, как думал Шпанут, должны были изображать свободных по ночам, резвящихся на лугах подземного мира солнечных коней. Во всяком случае, рыба и лошади не могут, вероятно, допускать сомнений в том, что здесь изображен солнечный возникший Посиде.

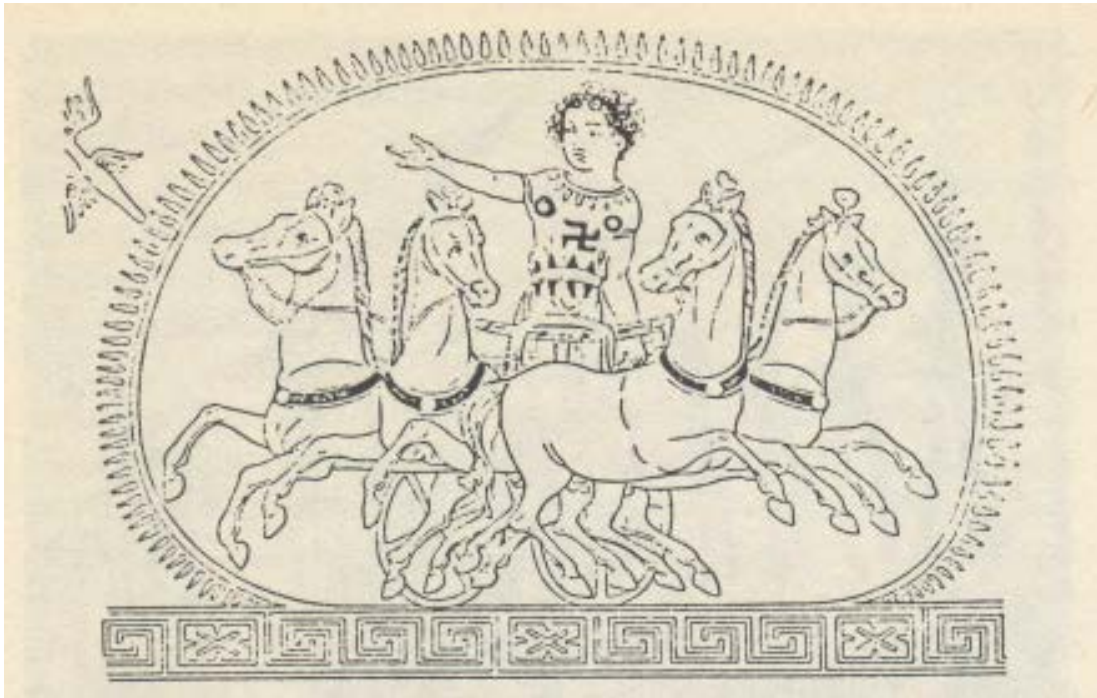
Подобно Ра, этот бог тоже возвращается на корабле на восток. Люди в древности представляли себе землю как несколько выпуклый диск, ночная поездка, таким образом, по их представлениям шла не вокруг шара, а вела через глубины моря (или моря подземного мира) или также по волнам. Сначала, вероятно, большие рыбы, прежде всего дельфины, тянули солнечный челн, позже это были лебеди, которые оказывали такую услугу богу. Об этом подробнее расскажет следующая глава.

Эти яркие и легко запоминающиеся образы движущегося по морю бога, которые, естественно, попали в Грецию уже с первой волной переселенцев, конечно, способствовали тому, что на юге Посейдон стал богом моря. К тому же он как главный бог привычных к путешествиям по открытому морю северных людей был с самого начала защитником мореплавателей и спасителем в случае кораблекрушений – еще намного позже ведь как раз Фосите привел корабль с двенадцатью асегенами через шторм к безопасной земле. Таким образом, он двояко был связан с морскими путешествиями.

С Посейдоном в Греции вообще связываются еще многие основные черты и предания, которые указывают на северного Посиде и даже на солнечного героя мегалитической религии.

13. Два камня из могилы в Чивике (из Густав Швантес, «Праистория Шлезвиг-Гольштейна», Ноймюнстер, 1939).

14. Бог солнца на греческой вазе (из Густав Швантес, «Праистория Шлезвиг-Гольштейна», Ноймюнстер, 1939).

Он, например, сын богини земли Реи и старого бога неба Кроноса, по имени которого Северное море также называлось в античности морем Кроноса. Как ребенок Посейдон скрывался между нимфами или между ягнятами, так как отец хотел проглотить его (вспомните при этом о мальчике из сказки о можжевельнике). Его в корзинке бросают в море. Кузнецы воспитывают его, и он в лесу с девой Галией зачинает шесть диких сыновей (лебедей?) и одну дочь. Он также бог растительности, господин плодородия, земных глубин и, как Осирис, Радамант, и Аполлон – господин мертвых, к которым он спускается. К тому же он еще бог исцеления и родоначальник царей. Он пробуждает источники, строит стены, кольцевидные валы, замки. Его супруга – это земля, и в жертву ему приносят быков.

Но здесь мы должны рассмотреть теперь также и параллельный персонаж северо-европейского возникшего солнечной колесницы: бога солнца греков, Гелиоса. Также он, окруженный блеском лучей, гонит своих коней по небу, также он владеет золотым дворцом на краю Океана, носит сияющие доспехи, посещает вечерами страну Гесперид, где находятся ночные пастбища его коней, моется и моет своих коней. Там его обслуживают nereиды и оры, и он кормит своих коней травой бессмертия, растущей на Острове Блаженных.

Но он не только похож на Посиде-Посейдона, но и настолько родственен также Аполлону, что он неоднократно отождествлялся с ним. Шпанут пишет в «Атлантиде»: «В одной трагедии Эсхила говорится, что Орфей почитал бога солнца Гелиоса как величайшего из всех богов и дал ему имя Аполлон... По мнению Укерта название янтаря «электрон» происходит от прозвища Гелиоса, «Гелектор» («Электор»)... Янтарный путь, который вел через Вестфалию на Рейн, носил и местами еще сегодня носит имя «Гельвег»... Очевидно, во всех этих именах кроется старое индогерманское наименование солнца «Гель», «Хель» (hel) (85) (с которым также в равной мере связаны наши слова «hell» («светлый») и «heilig» («святой, священный»). – Б.Ф.).

Гелиос, как Аполлон и Посиде, связан с законом, правосудием, как «всевидящее око» его призывают в свидетели. Как Посейдон он – супруг земли (Геи), на Крите он появлялся в образе быка и принимал в жертву быков, в Греции белые овцы, белые кабаны и белые лошади преподносились ему. В его честь устраивали гимнастические игры, его святилища находились на возвышенностях, и греки поднимались туда, чтобы приветствовать первый солнечный луч.

Гелиос тоже сын бога неба, его сестрой является Селена, богиня луны, так же, как и Артемида – сестра Аполлона, и иногда эта сестра – архаическая, но характерная черта – в то же самое время была и его супругой – и соединение их происходило при новолунии. В других преданиях его жену зовут также Клименой, дочью Океана, что напоминает о Клейто, она – мать Фаэтона, падение которого на солнечной колеснице зажгло землю, и которого его сестры, Гелиады, у берегов реки Эридан (Айдер) оплакивали янтарными слезами. Он носит лучезарную корону, и его детей и внуков можно узнать по их сверкающим глазам. Как и Аполлон, он лучник, который может ранить своими стрелами, но одновременно он бог исцеления и врач.

Отчетливо видно, насколько похожи друг на друга эти три фигуры: Посейдон, Гелиос и Аполлон, и что они все должны были происходить от одного и того же божества. Аполлон – это самая молодая ветвь этого ствола, и с ним на юг попала самая зрелая, совершенная форма старого образа бога. Шпанут пишет о сходстве между Посейдоном и Аполлоном: «Аполлон – это ипостась Посейдона, новое олицетворение старых основных черт этого старого бога народов мегалитической культуры. Аполлон берет на себя роль бога света, бога права, дарителя весны, господина источников. Как «Дельфиний» он перенимает когда-то посвященное Посейдону животное, дельфина. Но дорийцы все еще знали о первоначальном единстве обоих божественных фигур и почитали их одновременно на одних и тех же алтарях».

«Очень вероятно, что Аполлон на Севере отнюдь не воспринимался как новое, независимое божество, а почитался и дальше под именем Посиде», объясняет далее Шпанут и заключает эту часть следующими словами: «Вовсе не удивительно, что в греческих преданиях Аполлон отличался от Посейдона, а на старой общей родине обоих богов, однако, еще нет». (86)

То, что это божество мегалитической эпохи и бронзового века, от которого происходят три греческих бога, было богом света, очевидно. На бритвах и наскальных изображениях Севера его можно увидеть освещенным сиянием, ореолом, несколько раз он несет, двигаясь на лебедином корабле, лучезарную корону, которая отличает также Гелиоса.

Хотя статуэтка из Энгоми несет рогатый шлем бога неба, а также на изображениях из Мединет-Абу можно видеть людей в рогатых шлемах. Однако подавляющее большинство сражающихся или пойманных северных людей моря украшает лучезарная корона, которую эти (абсолютно одинаково одетые) воины носят, конечно, в честь своего бога.

Вопрос, из чего, собственно, состояла так называемая «корона филистимлян», обсуждался часто. Здесь не может идти речь о коронах из перьев. Ливийцы часто появляются на египетских изображениях с перьями на головах, но северные люди, однако, никогда так не изображаются. Вероятнее уже звучит предположение, что речь могла идти о коронах из листьев камыша или тростника. Действительно корона из папируса или камыша чаще встречается в древних культурах Средиземноморья. Осирис и Исида носят их, и греческие девушки и юноши танцуют в храме, украшенные коронами из камыша.

Шпанут в своих более поздних книгах также отказался от теории корон из камыша. Сначала он предположил, что собственные волосы воинов были продеты через мелкие дыры сетки, надетой на голову, и таким образом, торчали кверху, как будто корона. Но потом он отказался и от этого предположения, так как человеческие волосы были бы слишком мягкими для такой «прически». Затем Герхард Херм в своей книге «Кельты» указал на то, что более поздние кельты, согласно Диодору Сицилийскому, не только еще более обесцвечивали свои белокурые волосы известковой водой, но и делали их твердыми и тяжелыми «как гривы лошадей». Затем они зачесывали волосы ото лба наверх, так что они торчали кверху, что делало кельтов в битве большими и ужасающими, похожими на «лесных демонов». Херм предполагает, что «высокая торчащая прическа воинов на стенах храма Аммона Мединет-Абу тоже состояла из зачесанных вверх, закрепленных известковой водой и поддерживавшихся сеткой волос». (87) Таким образом, кельты, которые были, по меньшей мере, частично потомками «атлантов», сохранили эту прическу для боев.

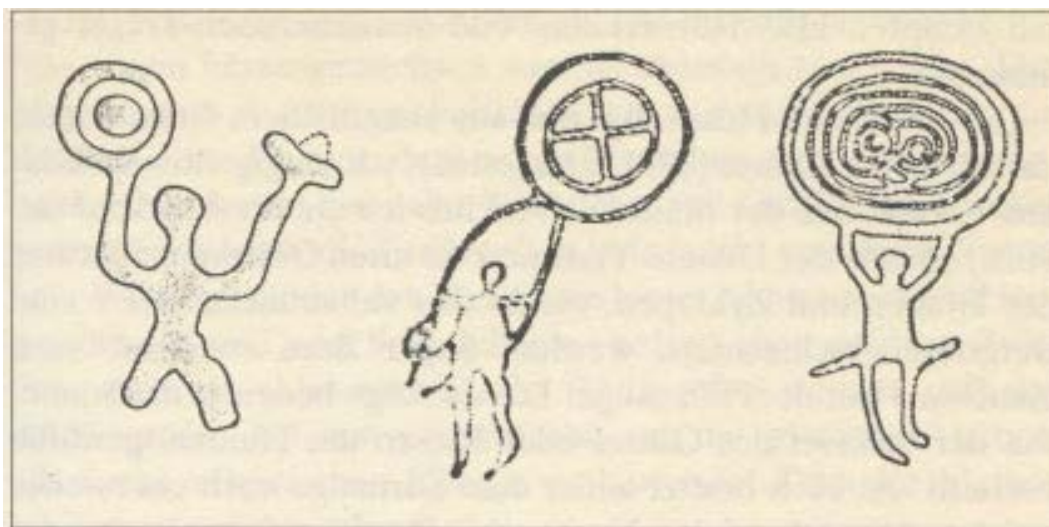
15. Воины атлантов в «лучезарных коронах», Мединет-Абу (из Юрген Шпанут, «Атланты», Тюбинген, 1976).

Теперь Шпанут, напротив, думает, что речь шла о коронах из лошадиного волоса, сделанных из вертикально торчащего пучка светлых волос с грив маленьких и выносливых североевропейских «лошадей со стоящими волосами», которых северные люди привели на юг (где их сначала считали мулами). Если посмотреть на изображения из Мединет-Абу, то нельзя отрицать, что и в этом отношении в теории Шпанута, возможно, что-то есть.

Как бы то ни было, для нашего рассмотрения важно, что большинство воинов носит «корону филистимлян». Пожалуй, мы не ошибемся, если предположим, что речь здесь идет о знаке союза воинов, которые существовали у всех древних народов. (88) «Лучезарная корона» должна была, вероятно, сообщать, что мужчины этого союза посвятили себя богу света. Мы знаем, как сильно религия в древние времена определяла особенно воинские формы и ритуалы: штандарты с божественными сопровождающими животными, священный огонь, даже идолов воины брали с собой в поход. В «Илиаде» мы видим Посейдона, который, размахивая мечом, идет перед наступающими ахейцами. Боги присутствовали в бою, и отдельный воин становился посвященным богу, да, больше того, он в мистическом единстве даже сам становился богом, когда он надевал характерное одеяние этого бога.

Остается еще вопрос, в какой мере этот бог рассматривался как «солнце» как таковое.

То, что солнечный герой мегалитической религии в Средиземноморье уже с самого раннего времени снова и снова выступал как «бог солнца», персонифицированное солнце, ясно. Вспомните о Ра, об Атоне, которого «фараон-еретик» Аменхотеп IV Эхнатон рассматривал как своего «отца» и которому он посвящал самые прекрасные гимны солнцу. И позже он появляется в псалмах Библии, выходящий «из своей палаты» и «как герой с радостью бегущий по своему пути». Это как раз и есть олицетворенное солнце.

16. Люди с солнечными дисками, наскальные изображения из Норвегии, Бохуслена и Восточного Готланда (из Густав Швантес, «Праистория Шлезвиг-Гольштейна», Ноймюнстер, 1939)

Несколько иначе обстояло дело у северных народов. Как кажется, восточная часть индогерманцев в очень раннее время представляла солнце как женское божество. (89)

В мире индоарийских мифов появляется солнечная дева (Сурья), следы которой можно проследить по всему востоку и вплоть до Северной Европы, и которая появляется также в «Эдде». Из-за нее, вероятно, даже у нас, немцев, солнце является словом женского рода (die Sonne).

(Вообще-то, бог Сурья у индусов мужского пола. – прим. перев.)

Но на западе это представление было быстро полностью вытеснено представлением о солнечном герое. Несущий плодородие бог года, который воплощает ле-

то и изгоняет зиму в преисподнюю, это одновременно и солнечный свет, который, воскресший, возрождаясь из темноты, побеждает силы холода и мрака, пробуждает землю к новой жизни, и осенью снова становится жертвой слабости и смерти.

Так миф с севера, к которому он принадлежит естественным образом, вместе с культурой мегалитов пришел на юг. И, тем не менее, очевидно, как раз на севере воспоминания о других представлениях остались живыми. Если на Священном острове Посиде появляется в лучезарной короне (как Гелиос, бог солнца), то датчане еще в 1200 году до Р. Х. изображали его со всеми регалиями бога неба, в рогатом шлеме и с топором-молнией. И в Египте в 1195 году люди в рогатых шлемах и люди в «лучезарных коронах» сражались плечом к плечу.

Самые древние небесные боги из наследия ледникового периода, как выяснил Эрнст Краузе (1891), были с глазами на лбу. Как Уран-Варуна, так и литовский Аукштис имеют глаз на лбу, так же правеликан Имир и старые роды богов титаны и циклопы, которые стали ужасными родами инеистых и горных великанов. Даже Зевс еще иногда появляется с глазом на лбу. Этот глаз означает солнце, как череп бога или великана представляет небосвод. У Аукштиса кроме глаза на лбу есть еще второй глаз на затылке, ночью он закрывает солнечный глаз и открывает глаз луны.

Здесь в солнце еще не видели антропоморфное божество, и даже Сурья, кажется, принадлежит более поздней фазе. Однако ясно, что на севере Европы сохранилась склонность почитать солнце как небесное светило. В «Эдде» бога солнца нет. Солнце называется «skinanda god», «сияющая или сверкающая сила бога» («god» здесь существительное среднего рода). Также там говорится о щите, который стоит перед солнцем. Солнце, которое преследует и проглатывает волк Фенрир, – это не бог, а небесное светило, и черты солнечного героя у Фрейра и Бальдра скорее затушевываются, чем подчеркиваются.

Археологические находки из североевропейского круга бронзового века привели к ошибочному мнению, что здесь якобы было чистое почитание небесного светила без антропоморфного представления богов, так как все эти солнечные диски и солнечные знаки отображают солнце точно как небесное тело. И, тем не менее, мы знаем теперь так же точно, что там существовал молодой бог с лучезарной короной, который владел всей религиозной областью Севера, и которого представляли движущимся в солнечной колеснице по небу и на солнечном корабле по морю.

Он не небесное тело, и все же солнце и его нельзя отделить друг от друга. На всех изображениях, которые у нас есть, он стоит на колеснице или сидит на ла-

дье, или же солнечный диск плывет вместо него и без него в лебединой ладье. Это его символ, это ясно.

То, что Посиде-Посейдон был солнечным героем и развился прямо из мегалитической религии, это тоже достаточно ясно. Государственный миф рассказа об Атлантиде, впрочем, немного смещает акценты. Из Евенора (Эвенора), первого человека или даже правеликана, здесь уже появился обычный смертный с супругой и дочерью. Клейто, дева-земля, не заключена своим отцом, богом зимы или инеистым великаном, за валом и стеной и затем освобождена солнечным героем, которому она потом рождает близнецов. Здесь ее супруг сам запирает ее за стеной, и количество близнецов увеличилось в пять раз, чтобы доказать божественное происхождение всех десяти царей Атлантиды. Старый миф тут только лишь слегка просвечивает.

Наверняка Посиде был так же убийцей дракона, как Аполлон и все солнечные герои, победители темноты и дарители весны и света. И он, конечно, иногда сам был «солнцем», как старинная песня «Христос лежал в оковах смерти» говорит о Христе. Образы и мысли снова совмещаются друг с другом, традиции бога неба смешиваются с представлениями о боге солнца, то одни выступают сильнее, то другие.

А почему? Потому, что они как раз и были не чем иным, как именно образами. Посиде был богом, светлой помогающей силой, существование которой чувствовали и испытывали в переменчивых образах. Он поэтому являлся чем-то гораздо большим, чем только небесным телом, которое реально находится на небе. Но он мог быть символом этого небесного светила и замещать, представлять его.

Можно с уверенностью сказать: в мирное время «Золотого века», о котором нам рассказывают как археологические раскопки, так и письменные источники, и который мы называем «бронзовым веком», золотой солнечный диск был также символом молодого бога неба, как он, отец и сын одновременно, объединял в себе все полезные свойства как бога света, так и бога правосудия и бога исцеления.

4. Бог лебедей и сопровождающее его животное

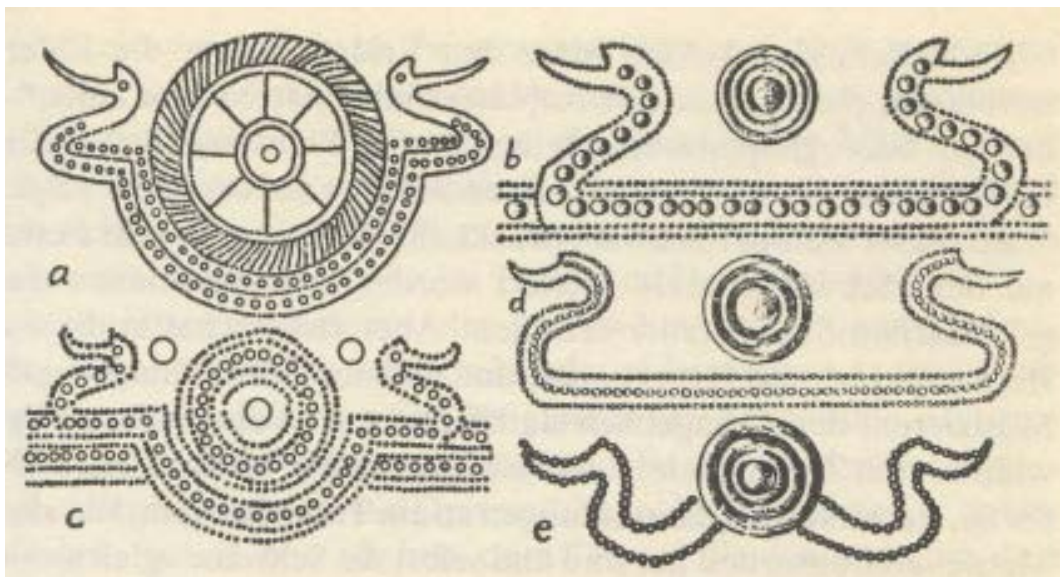
В мифах и рассказах греков, которые описывают янтарную страну на севере, певчие лебеди (лебеди-кликуны) играют важную роль. Там, например, Клавдий Элиан (второй век после Р.Х.) цитирует древнего писателя Гекатея Абдерского: «Жрецами названного божества служат сыновья Борея (северного ветра) и Хионы, числом трое, по природе братья, ростом по шести локтей. Когда они совер-

шают в честь названного бога установленное священнослужение в обычное время, с так называемых у них Рипейских гор прилетают необозримые по величине стаи лебедей; облетев кругом храма и как бы очистив его своим полетом, они потом спускаются в ограду храма, отличающуюся огромной величиной и необычайной красотой. В то время, как певцы запойт туземные песни в честь бога, а кифаристы присоединяют к хору чрезвычайно гармоничную игру, тут вместе с ними запевают и лебеди; они поют очень согласно и никогда нигде не издают ни одного нестройного или несогласного с пением звука, как будто получив такт от регента хора и спевшись с местными творцами священных напевов. Затем, по окончании гимна, они удаляются». (90)

Таинственная страна «по ту сторону северного ветра», о которой так много могли сообщить античные писатели последнего тысячелетия до Р. Х. (и позже) (91), лежит у дикого Океана, там, где Эридан, «река утра» впадает в море. Воды этой реки вымывают «электрон», янтарь, на пляж Священного острова Электрис. У Еврипида хор тоскует по «берегам Эридана»:

«Туда бы стрелой,
Туда б я хотела, где море
Синеет, к брегам Эридана,
Где в волны пурпурные, блеском
Отцовским горящие волны,
Несчастные девы не слезы
В печали по брате погибшем,
Янтарное точат сиянье».

Аполлоний Родосский, однако, рассказывает, что «у кельтов есть сказание, что эти янтарные слезы, вымываемые водоворотом Эридана, происходят от сына Лето Феба Аполлона, которые он пролил в бесчисленном количестве, когда попал к блаженному народу гипербореев».

17. Солнце на лебедином корабле: 17а. Сиём, амт Ольборг, Дания 17b. Россин, округ Анклам 17с. Гранцин, округ Пархим 17d. Пренцлавитц, округ Грауденц 17е. Корнето, Италия (из Юрген Шпанут, «Атлантида», Тюбинген, 1965)

Элиан продолжает: «Остров гипербореев лежит в северном океане, греки также называют его островом лебедей, так как во время праздников Аполлона бесчисленные стаи лебедей облетают святилище. Также лебеди семь раз с пением кружатся вокруг острова, после чего Аполлон натягивает семь струн на свою лиру, так как лебеди пели семь раз». (92)

То, что священный остров гипербореев следует отождествить с Базилеей атлантов, а Эридан с Айдером – «девятый полярный круг (52-57° северной широты) проходит через землю гипербореев», говорит Плиний, в этом не может быть никаких сомнений.

Также лебеди свидетельствуют об этом. Лебедя-кликуну называют полярным, так как он высиживает птенцов только на высоких широтах и только на короткое время раз в году улетает на юг. Его «пение» должно быть низким звуком, похожим на отдаленный звон или низкое звучание духового инструмента. Конечно, лебедь не поет, как иногда утверждают, когда он умирает, но он поет во время полета.

То, что певчие лебеди еще сегодня – как тысячи лет назад – в конце февраля и начале марта слетаются на реку Эридан, т.е. Айдер, перед тем как вернуться к своим местам высиживания птенцов на Крайнем севере, доказывает Шпанут. В своей книге «Филистимляне» (стр. 132) он приводит фотографию, показывающую огромные стаи лебедей на Айдере.

В это время возвращения лебедей проводились также те праздники на «Лебедином острове», о которых рассказывают греческие писатели. Но, конечно, в этих сообщениях о Гиперборее и обо всем этом пении и музицировании, которое якобы должно было там иметь место – «большинство жителей там кифаристы», как пишет Гекатей – есть много сказочного. Эти рассказы производят впечатление воспоминаний о некоей сказочно прекрасной стране, в которой все люди благочестивы и добры, и даже лебеди поют гимны «как будто мальчики из церковного хора».

По мнению Эриха Юнга, предание о гипербореях – это древнее племенное предание дорийцев, «сохранившее правильную историческую память о североевропейском происхождении и о переселении господствующих слоев в Элладу и Рим». (93)

К этому можно добавить то, что говорит Эрнст Краузе: «Как известно, на Делосе еще с доисторических времен сохраняется сказание, о котором свидетельствуют догомеровский певец Олен и другие. Согласно ему, некий северный белокурый народ пришел с расположенного в северных морях острова и основал служение Аполлону на Делосе. Еще в более поздние времена Геродот рассказывает о посланниках, которых якобы отправляли гиперборей и «белокурые аримаспы», старейший народ на земле, как называет их Каллимах, к своему поселившемуся на Делосе богу». (94)

Так же, как и Дельфы, которые были раньше маленьким святилищем оракула матери-земли, и куда теперь вступил «Apollo delphinios», молодой бог с дельфином, Делос тоже очень рано был преобразован дорийцами в святилище их бога (которого теперь звали больше не Посиде, а Апеллос, Аполлон). Также Делос был островом, и легенды и ритуальные представления, которые когда-то относились к острову по ту сторону северного ветра, теперь были перенесены на святилище на юге. То, что Дельфы и Делос поддерживали тесные и регулярные связи со снова появившимся святилищем на севере, тоже многократно подтверждено – прежде всего, письменными свидетельствами жрецов Аполлона.

Две гиперборейские девы, Опис и Арга, якобы прибыли в Делос вместе с Аполлоном и его сестрой Артемидой. У их могилы греческие девушки перед вступлением в брак жертвовали локон своих волос, наматывая его на веретено. Могилу гиперборейнок даже сегодня – спустя около трех тысячелетий – можно увидеть в храме в Делосе.

Очевидно, на большие празднества в честь Аполлона с севера регулярно прибывали посланники. В большинстве случаев это были две храмовые девы, которых сопровождали пять юношей, их звали Гиперохой и Лаодикой, и «блаженная

служанка» Гекаерга. Часто с ними случалось то же самое, что с Опис и Аргой: им так нравилось на юге, что они оставались там, служили в храме, а также там умирали. Жрецы и мудрецы, кажется, тоже приезжали из Гипербореи в Дельфы и Делос. Уже старый Олен, первый жрец и певец Феба Аполлона, был гипербореем. Всегда посланники приносили сноп колосьев как особенный дар, позже, когда дорога для гипербореев стала слишком далекой и опасной, они посылали дар колосьев, передававшийся из одной страны в другую, пока он счастливо не добирался до Делоса.

Сказание, за которым, вероятно, стоял реальный обычай, – это рассказ о путешествии Аполлона «к блаженному народу гипербореев». Я снова процитирую Гекатея (шестой век до Р. Х.), как передает его Диодор: «Напротив земли кельтов на Океане есть остров не меньше Сицилии. Этот остров расположен на севере, и его населяют так называемые гиперборейцы, поскольку он лежит за пределами Борея. Остров этот, по их словам, плодородный и плодоносный, отличающийся еще и хорошим воздухом; дважды в год приносит плоды. Рассказывают, что на нем родилась Лето (здесь мы можем вспомнить о Клейто из рассказа об Атлантиде – Б.Ф.). Поэтому больше всех богов у этих жителей почитается Аполлон. Они сами как бы являются некими жрецами Аполлона. Они ежедневно воспевают этого бога в бесконечных гимнах и почитают его особенным образом. На этом острове находится священный участок с рощей Аполлона и великолепный храм, достойный похвалы, украшенный многочисленными приношениями, шарообразный по своей форме (*sphairoide to schemati*). И священный город принадлежит этому богу, большинство жителей его – кифаристы, и они непрерывно, играя на кифарах в храмах, возносят богу гимны и песни, прославляя в них его подвиги. Гиперборейцы, говорят, имеют свой собственный язык, но к эллинам они очень близки и особенно к афинянам и делосцам, с древних времен поддерживая это расположение. Некоторые же из эллинов, как рассказывают, приезжали к гиперборейцам и оставляли там богатые приношения с надписями эллинскими буквами. Точно так же гипербореец Абарис приезжал в Элладу, чтобы возобновить старинную дружбу и родство с делосцами. Утверждают, что луна на этом острове отстоит совсем на небольшом расстоянии от земли и на ней даже заметны некоторые выступы земли. Рассказывают, что бог каждые девятнадцать лет приходит на этот остров, когда звезды в своем обращении достигают завершения. Именно поэтому время продолжительностью в 19 лет называется эллинами Великим годовым периодом (годом Метона). Во время этого своего появления бог играет на кифаре и танцует все ночи подряд от весеннего равноденствия до восхода Плеяд, радуясь своим собственным успехам». (95)

Этот «год Метона» назывался так потому, что греческий астроном Метон (примерно в 432 до Р. Х.) вычислил соответствующий цикл. Впрочем, период, в ко-

торый фазы луны снова совпадают с одним и тем же положением солнца, составляет, собственно, только 18,61 года, и потому к двум циклам по 19 лет нужно было добавлять еще один цикл продолжительностью 18 лет, чтобы сохранить называемый так греками «Великий год» продолжительностью 56 лет. В этот «Великий год» отмечались особенно торжественные праздники, которые предназначались Аполлону. Но, как кажется, этот бог уже каждые 19 лет посещал «свой» остров. (96)

Весьма вероятно, что эти праздники посещения бога праздновались уже в бронзовом веке. Позже, однако, когда святилища Аполлона уже укоренились в Греции, Аполлон, как сообщает предание, в «Великий год» посещал остров гипербореев и оставался там до следующей весны, когда он затем, на запряженной лебедями колеснице или просто на крыльях лебедей возвращался к очень страстно ожидающим его элинам. «...И когда он затем возвращается оттуда с наступающей весной», говорит Аристофан, «крик лебедей на реке Эбр приветствует его».

Гимерий рассказывает: «Аполлон приходит к гипербореев на запряженной лебедями корабельной колеснице, а именно из моря. Он затем целый год проводит у гипербореев и вершит правосудие. Между тем дельфийцы со стихами и песнями призывали его. Затем, когда наступало время, он снова появлялся на своей корабельной колеснице в Дельфах. Весна приходила в страну, птицы пели, и радость верующих была велика. Также святой Кастальский источник, который берет начало у святилища Аполлона в Дельфах, начинал течь серебряной водой». (97)

По мнению Э. Краузе, возвращающегося домой из Страны гипербореев Аполлон на Делосе приветствовали исполнением «танца лабиринта». (98)

18. Аполлон на вазе (из Юрген Шпанут, «Атлантида», Тюбинген, 1965)

Шпанут в «Атлантиде» приводит несколько изображений возвращающегося домой Аполлона. На амфоре с острова Мелос из седьмого столетия до Р. Х. этот бог, украшенный повязкой на лбу, с лирой в руке, едет, стоя на колеснице, которую тянет крылатая лошадь. За ним стоят две женщины в кажущейся странно современной одежде, это, наверное, могли бы быть обе гиперборейские девы Опис и Арга, и Артемида приветствует своего брата, преподнося ему олененка. Интересны разнообразные солнечные знаки и символы Древа жизни, которые заполняют пространство между фигурами, и затем, прежде всего, фриз с идущими друг за другом лебедями».

Значительно более мастерским кажется изображение на вазе пятого века до Р.Х. (изображение выше). Здесь Аполлон, играя на кифаре, сидит на треножнике, который мощные лебединые крылья несут по воздуху. (100)

Так как все изображения бога лебедей Аполлона и рассказы о нем и его посещениях Священного острова происходят из Греции и времени уже после катастроф, возникает вопрос, пригодны ли вообще эти сведения для того чтобы пролить свет на религиозную ситуацию и обычаи бронзового века. Тут нам на помощь приходит археология.

Под Дупляей вблизи от Белграда была найдена глиняная повозка, запряженная лебедями, на которой стоит мужчина в великолепном одеянии. Это маленькое произведение искусства принадлежит к группе глиняных статуэток и идиолов, которые были сильно стилизованы и в духе народного искусства богато раскрашены символами. Они были найдены в югославско-венгерском пространстве и должны происходить из культуры полей погребальных урн, т.е. из времен вскоре после Великого переселения. (101)

Шпанут убедительно доказывает, что после середины тринадцатого столетия до Р. Х. произошло переселение северных людей из круга северной культуры бронзового века на эти территории. Тамашнее население вытеснялось, появляется новый стиль, который мог прийти только с севера. Вероятно, было так, что волны переселенцев, конечной целью которых был Египет, всегда на некоторое время «делали привал» в этих придунайских областях, располагали там постоянными поселениями, и когда они продолжали путь, то значительные части народа так и оставались жить там. Упомянутые глиняные статуэтки могли бы происходить из их культуры. Связи с северной культурой бронзового века здесь абсолютно отчетливы, все символы и декоративные мотивы на идолах относятся к ней. Мужчина на лебединой повозке, например, несет на шее украшение вроде того, что было найдено в двух местах в Шлезвиг-Гольштейне и Дании в точно такой же форме.

Только слегка стилизованные, красиво сделанные лебеди сидят на повозке, их три, два впереди справа и слева от большого переднего колеса, один дальше сзади на том месте, где начинается кузов повозки. У повозки есть три колеса со спицами, кузов украшен солнечными символами. Лицо стоящего человека примитивно стилизованное, почти похоже на то, как будто бы на нем надета звериная маска, руки образуют два полукруга, ладони лежат – здесь обе – под грудью, которую украшает спиралевидное украшение, продолжающееся также на спине. Длинное, спадающее вниз одеяние богато украшено.

19. Глиняная статуэтка из Кличеваца, Сербия (из Юрген Шпанут, «Атлантида», Тюбинген, 1965).

19а. Лебединая повозка из Дупляи (Народный музей, Белград).

Шпанут, который приводит изображение «лебединой повозки из Дупляи» во всех своих книгах, цитирует в качестве пояснения слова Шпрокхоффа (1954/70): «Это доказательство непосредственной связи между северо-западно-балканской повозкой из Дупляи и представлением о греческом Аполлоне можно углубить еще больше... Он (Аполлон), очевидно, едет на свою старую родину, когда он путешествует к гиперборейям, к исходной точке того движения, которое привело его в Грецию, на своего рода общее собрание для раздачи приказов, чтобы постоянно быть в курсе событий в прежнем центре... Решающее значение приобретает в этой связи теперь описание повозки, которую Аполлон использует в своих путешествиях. Сказано так: когда Аполлон родился, Зевс украсил его золотой повязкой и одарил лирой; к тому же он дал ему колесницу, лебеди были этой колесницей, и отправил его в Дельфы. Более удачное описание повозки из Дупляи кажется невозможным. Оно не требует дальнейшей интерпретации. Лебеди – на переднем колесе – тянут повозку, но одновременно они сами являются повозкой (ее кузовом), и бог Аполлон – мужчина в одеянии жреца – едет на повозке, стоя в лебедях, и все это происходит под священным символом солнца, колесом с четырьмя спицами в кузове повозки. Эта доисторическая находка – иллюстрация этого предания». (102)

К описанным произведениям искусства принадлежит также глиняная статуэтка, которая была найдена близ Кличеваца. Она, очевидно, изображает того же самого бога, который несет здесь длинную темно-синюю одежду с узорами и знаками и очень похожим украшением, как у человека на повозке из Дупляи. Вероятно, и эта статуэтка тоже когда-то стояла на – деревянной – лебединой повозке? (103)

Что же означает эта поездка бога? Можем ли мы предположить, что также здесь за легендой стояла некая реальность? Посещение дельфийским жрецом, например, как представителем («заместителем») бога, в «Великом году» Священного острова в северном Океане?

Но эти статуэтки, которые Шпрокхофф идентифицировал как отображение «гиперборейского Аполлона», происходят из эпохи Великого переселения или спустя короткое время после него. Это значит, что они старше греческого предания о путешествиях Аполлона из Дельф в Гиперборею и его возвращениях оттуда. До того, как Аполлон поселился в Дельфах, и до того, как остров Базилея на севере снова поднялся из воды, и там было заново построено святилище, лежащая в основе предания связь этих святилищ не могла существовать. Таким образом, возникший лебединой повозки вряд ли может изображать уже греческого Аполлона, которого дорийцы должны были сначала привезти и укоренить в тех областях, куда они переселились приблизительно в 1100 году до Р. Х. Так что речь здесь идет о лебедином боге тех северных людей, которые во второй

половине тринадцатого столетия пришли в Венгрию и Югославию и поселились там как авангард Великого переселения, о боге, принесенном с их родины, который там на Севере, вероятно, уже давно ездил на запряженной лебедями колеснице или на корабле, который тянули лебеди. Поэтому также Шпанут справедливо считает: «В то время, когда северные народы на своем пути на юго-восток остановились на некоторое время в венгерских долинах, они там и изготовили глиняные статуэтки богу солнца своей родины». (104) Здесь этому могла способствовать память о каком-то ритуальном представлении, вероятно, даже о священном обычае из прежней родины.

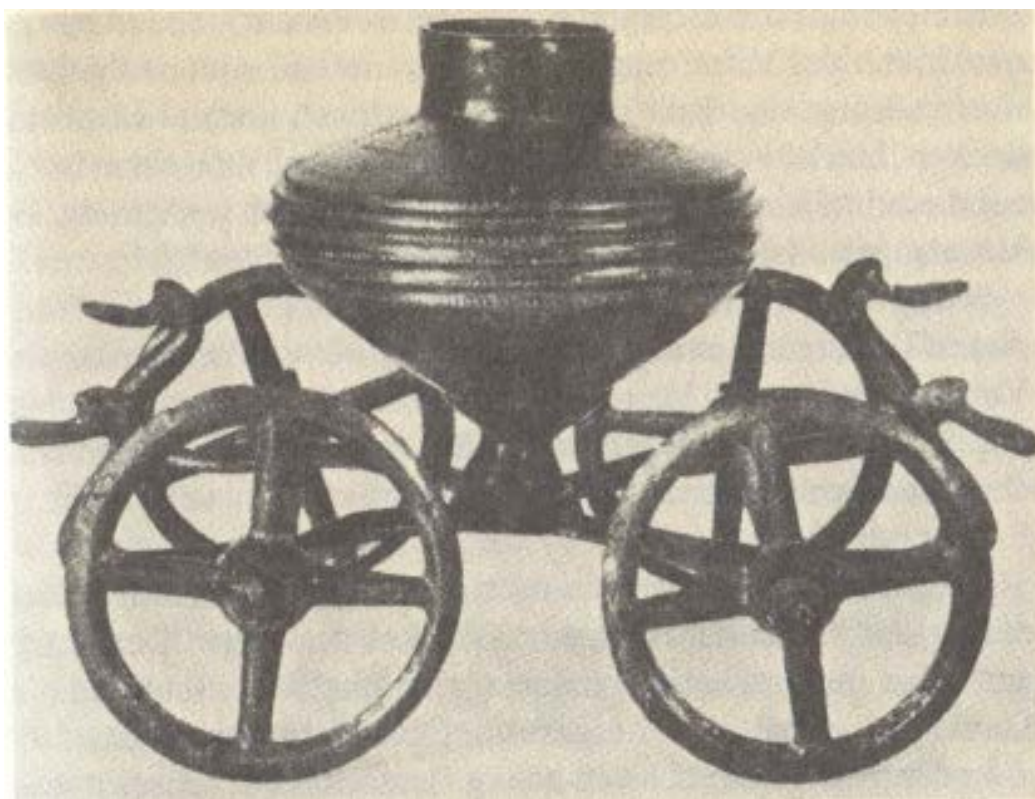
«Аполлон приходит к гиперборейцам на запряженной лебедями корабельной колеснице, а именно из моря. Он затем целый год проводит у гипербореев и вершит правосудие». Здесь имеется в виду дельфийский Аполлон, но нет ли здесь одновременно еще и отзвука преданий из более давнего времени? Почему бог приходил «из моря»? Почему это подчеркивается? Потому что, все же, после катастроф, очевидно, никто больше не плавал на кораблях из Греции на север, а также дары колосьев позже путешествовали, передаваемые из одной страны в другую, как посланники прежде? И если это предание должно было происходить из бронзового века – откуда тогда бог лебедей приходил к своему народу? Мы этого не знаем. Но я считаю возможным, что люди той поры не только воображали себе приезд «из моря», но что мы видим в повозке из Дупляи иллюстрацию настоящего традиционного ритуального представления, обычая, при котором живой «представитель» бога, в великолепном синем одеянии, вероятно, в маске, приезжал на корабле и ехал на украшенной искусно сделанными лебедями повозке по стране и «судил по праву».

(Это на самом деле вовсе не так невероятно, как звучит. Еще в одиннадцатом веке нашей эры в Швеции происходил такой объезд исполнителя роли бога Фрейра, который месяцами, в сопровождении жрицы, воплощавшей его божественную супругу, объезжал в повозке страну, посещал городки, деревни и хутора, и принимал торжественные празднества в свою честь. Об этом свидетельствует записанная вскоре после принятия христианства в Исландии плутовская история Ёгмунда Дитта и Гуннара Хельминга). (105)

То, что лебедя в северный бронзовый век почитали как священное животное этого бога, доказывается большим количеством изображений лебедя, которые происходят из той эпохи. Одна из старейших подобных находок – это котел из Скаллерупа в Зеландии, который датируется третьим периодом более позднего бронзового века, т.е. пятнадцатым веком до Р. Х., и на каркасе его повозки сидят четыре маленьких бронзовых лебедя. С этого времени лебеди появляются на всевозможных предметах, на мечях, круглых щитах, драгоценностях, на концах нашейных украшений и ручках бритв, на лезвиях бритв и ножей, на ручках

кружек и фибулах. Особенно популярным предметом изображения является лебединый корабль. Шведские наскальные изображения показывают «целые флоты» лодок с лебедиными головами, хотя, впрочем, не всегда ясно, идет ли речь действительно о головах лебедя, здесь, как кажется, представлены также драконы и лошади.

То, что на лебедином корабле плыл не только бог, но и сами северные люди, это можно точно увидеть на изображениях из Мединет-Абу, созданных со свойственной египтянам точностью. У всех лодок нападавших на Египет людей моря на форштевне и ахтерштевне изображены лебеди. Речь идет, вероятно, о раскрашенных резных головах на штевнях, приблизительно похожих на те, которые около двух тысяч лет спустя украшали дракары викингов. (106)

20. Котел на повозке из Ахольсхаузена под Вюрцбургом, Германия (из А.Э. Хепп, «Свет полуночи», Тюбинген, 1979).

20а. Котел на повозке из Скаллерупа, Дания (из «Германия», 1939).

То, что лебедь со своим сверкающим белым оперением лучше всего подходил на роль животного, сопровождающего бога света, легко объяснимо. Но за почитанием певчего лебедя и его повсеместным присутствием в искусстве и культуре северных народов должно было стоять что-то большее. Чтобы увидеть это немного яснее, нужно бросить взгляд на многочисленные легенды и сказки о лебедях, записанные в средневековье и в эпоху романтизма. (107)

Уже поверхностное рассмотрение показывает, что на переднем плане этих народных сказок и сказаний всегда стоят мотивы превращения. Люди превращаются в лебедей и лебеди в людей, и даже тот лебедь, который тянет челн лебединого рыцаря – это, собственно, его превращенный брат или деверь.

Как Аполлон и все боги солнца, и солнечные герои, господин Священного острова был, наверное, также господином покойников. Бог света спускается в царство мертвых, где он живет довольно долго и освещает темноту, пока он не возвращается снова в верхний мир.

В легендах лебедь часто играет роль провожатого в царство мертвых, он также его посланник, подобно такому же ярко-белому оленю (или оленихе, лани) с

золотыми рогами, который в бесчисленных сказаниях и сказках манит героя в потустороннюю страну. Шпанут, пожалуй, оказывается прав, когда он пишет: «Если в котле из Скаллерупа лежали сожженные кости вождя, и остатки других котлов или котел из Пекателя были найдены в могильных холмах, тогда можно предположить, что лебеди на котлах и на погребальных сосудах должны намекать на уход умерших в страну Блаженных». (108)

Вероятно, в певчих лебедях, которые ежегодно посещали Священный остров и Эридан, тоже видели «превращенных». Греческое предание о царе лигурийцев Кикне («Лебеде»), которого Аполлон превратил в лебедя, и теперь он плавает по реке Эридан, скорбя о своем родственнике Фаэтоне – это только фрагмент более старого мифа и дает мало информации.

Лучше обстоит дело со сказаниями о «рыцарях лебедя», которые были очень популярны в средние века и были распространены во множестве вариаций. По мнению Нинка, главной зоной их распространения были территории фризсов и франков, т.е. именно тех народов, которые еще до принятия христианства находились под влиянием фризского бога Фосите, священных лебедей которого убили лишь христианские миссионеры. Близ Хаузестедса, древнего Верковициума на Валу Адриана в Голландии (ошибка автора, на самом деле – в Англии, прим. перев.), как пишет Краузе (109) (по Дж. Хоффори, 1889), был найден алтарь римского изготовления, который поставили «германские граждане Марсу Тингов», т.е. фризскому богу правосудия и собраний. Этот бог изображен со шлемом, копьем, щитом и в доспехах, в сопровождении лебедя, и над ним парят два духа, держащие в руках знак священного столба Ирминсульт.

Действие саги о Лоэнгрине происходит в Брабанте или в Клеве, где все еще существует «Лебединый замок», и она является родовой легендой господ Клеве. Вопреки относительно недавней формулировке, в которой она существует у нас, многие ее черты указывают на очень древнее происхождение.

Там есть невинно обвиненная женщина, которая присутствует также во всех сказках о лебедях, таинственный герой, который, как бог сказания о гипербореях, приходит «из моря» в «сверкающих» доспехах на лебедином челне, чтобы решить судебное дело поединком и таким образом защитить правду. На самом деле он (как бог) приходит из потусторонней страны, и как многие «потусторонние» он не может выдавать свое имя, так как иначе смертные получили бы власть над ним (это древняя вера в то, что «потусторонние» должны показываться, или также повиноваться позвавшему их человеку, если только он назовет их по имени). (110) Рыцарь лебедя, когда его жена спрашивает у него его имя, должен вернуться в потустороннюю страну, из которой он прибыл. Но он оставляет, и это тоже существенная черта всех саг о лебединых рыцарях, после

себя сыновей (в большинстве случаев близнецов), и род, о котором здесь рассказывается, может выводить свое происхождение от «потустороннего», от бога. Но также здесь лебедь, который, служа ему, тянет челн, это превращенный брат несправедливо обвиненного.

Без сомнения, это бог права, который там появляется, и кто знает, не происходит ли и эта сага тоже от предполагаемого вошедшего в народный обычай ритуального посещения исполнителем роли бога острова в бронзовом веке. Решение спора путем поединка почти до конца средних веков было законным средством правовой защиты. Оно, во всяком случае, считалось приговором божьего суда. Сражавшийся за правду защищал право, и как бы странно это ни звучало сегодня, в те времена, когда сражающиеся еще исповедовали свою веру целиком и полностью, такой бой был вполне действенным средством настоящего поиска истины. Виновный стоял перед своим богом, он чувствовал себя в его руках, его, светящийся глаз которого видел все и «выносил все на свет дня». И это его знание, его совесть, парализовала его силы так, что он должен был потерпеть поражение. Но как только появились сомнения в абсолютной эффективности божественной власти, это правовое средство утратило свою легитимность. (111)

Также связь сказания о рыцаре лебедя со сказанием о Персевале и Святом Граале, даже если, конечно, и не очень старая, все же, логична. Крепость Грааля показывает все признаки потустороннего замка, Персеваль-Парцифаль, как отец Лоэнгринга, это сиятельный король потусторонней страны. Кельтское по происхождению сказание о Парцифале, как записал его Вольфрам фон Эшенбах, и в которое вошли самые различные потоки многотысячелетней мистики мегалитической эпохи, содержит проникновение в потусторонний замок с целью «наивысшего экстаза» сразу три раза. Неудивительно, что к нему было добавлено продолжение, содержащее воспоминания о непосредственно вышедшей из мегалитической религии мистерии бронзового века.

В одной из самых распространенных формулировок сказания о рыцаре лебедя этого рыцаря зовут Элиас (Гелиас), что звучит удивительно похоже на «Гелиос» и, очевидно, подчеркивает его еще известный тогда характер бога солнца.

Здесь обвиненная «герцогиня» рассказывает свой сон: «Мне приснилось, что я спорила перед судом с графом и была приговорена к сожжению. И когда я уже стояла в пламени, лебедь пролетел над моей головой и принес воду, чтобы потушить огонь. Из воды появилась рыба. Все испугались ее, так что они задрожали; поэтому я надеюсь, что этот рыцарь избавит нас от смерти». (112)

В виде лебедя и рыбы здесь появляется незнакомый рыцарь, и также эту свою последнюю форму проявления он разделяет с Посиде-Посейдоном, Аполлоном

Дельфинием и Дагоном. После своей победы в поединке рыцарь получает в жены дочь герцогини, также она через семь лет задает роковой вопрос, и лебедь уводит рыцаря прочь, «и никто не знает, куда он возвратился». От него, кстати, выводил свое происхождение род Готфрида Бульонского.

Также сказки о лебедях, которые почти всегда связаны со сказанием о рыцаре лебедя и образуют вступление к нему, в основном являются родовыми и племенными легендами. От датских Скъельдунгов и Вельфов до немецкого рода Скалигеров в Вероне значительные германские роды ссылаются на них. Здесь король или рыцарь на охоте в глубоком лесу находит водяную или лесную женщину, которая следует за ним как его супруга в замок, затем, однако, в большинстве случаев, оклеветанная злой тещей, предстает перед судом. Она родила близнецов, шесть, семь или даже двенадцать детей, сыновья, и только одну девочку. (113) Детей должны были убить, но они, все же, остаются в живых, причем со способностью превращаться в лебедей. Средство для превращения – это всегда золотая цепь. Если цепь в результате подстрекательства злых людей украдена, то обратное превращение больше невозможно, мальчики – и никогда девочка – должны оставаться лебедями. Мать, обвиненная в том, что она якобы родила не людей, а щенков, или также, что она якобы съела своих детей, подлежит объявлению вне закона, изгнанию или иному наказанию. В других формулировках легенды за королем как супруга следует сестра «лебедей». Условие, с которым связывается освобождение ее братьев-лебедей всегда такое: она не может говорить или смеяться и должна сделать для всех братьев – иногда из цветов астры – рубашки. Обвиненная из-за своего молчания как ведьма, она поднимается на поленницу для сожжения, все же, в последний момент прилетают лебеди, ей удается накинуть на них рубашки или цепи, и они освобождены. Только у самого младшего осталось крыло лебедя, так как рубашечка для него не была полностью готова. Или же одно звено в золотой цепи было сломано, так что этот брат не может превратиться обратно в человека. Эта черта встречается очень часто: один из братьев остается лебедем, это он затем служит рыцарю лебедя, это он тянет его челн – всегда за золотую цепочку – в далекую страну. (114)

В одной фламандской песне приблизительно 1200 года н.э. прибавленное к этой сказке продолжение звучит так (в формулировке Нинка):

«Все (расколдованные братья) сами выбрали себе свою далекую цель, но только пятому было предопределено, что он должен делать, и его ангел – это, очевидно, его мать – объявляет королю, что рыцарь лебедя должен отправиться на лебедином челне к народу по ту сторону моря. Он следует этому поручению и просит дать ему щит с гербом с лебедем (белая птица в золотом поле), меч, копье и золотую цепь. Затем он объединяется со своим братом-лебедем, который

не смог превратиться обратно в человека, и просит того, чтобы он тянул лодку, в которой он лежит, за золотую цепь. Пять дней он плывет вниз по течению, шестьдесят дней по морю и высаживается, наконец, в Нимвегене, где император в праздник Троицы проводит большой съезд со своими рыцарями».

Эту характерную черту, что рыцарь во сне плывет на лодке по морю, можно встретить часто. В большинстве случаев спящий уложил голову на свой щит, иногда на сноп колосьев. Здесь просвечивают старые представления о боге плодородия и боге солнца, который ночью плывет на корабле по морю назад к точке восхода солнца, или, заново появляясь из подземного мира, несет с собой символы плодородия. (114a).

История об оклеветанной лесной женщине показывает некоторое сходство с греческими преданиями, которые, однако, в той форме, в которой они дошли до нас, могли бы быть только достаточно перепутавшимися воспоминаниями о северном мифе бронзового века. Мы слышим как о Лето, так и о Леде, что они (имена которых происходят от Клейто из рассказа об Атлантиде), преследуемые ненавистью злой богини, должны были пройти через большие страдания, и, наконец, на некоем острове рожают близнецов от возлюбленного (у Леды это даже бог лебедей). Рождение близнецов, очевидно, играет центральную роль: близнецы, двое, семеро, двенадцать – в рассказе об Атлантиде это пять близнецов, которые наследуют все царства. В сказке затем добавляется мотив превращения или мотив ухода в потусторонний мир, вследствие чего становится ясно, что эта сказка в ее основной форме гораздо старше, чем «государственный миф Атлантиды».

Сказание о лебединых девах, занявшее большое место, прежде всего, в более поздних германских преданиях, пока нет смысла рассматривать здесь, так как мы еще займемся им позже, когда будем говорить об обычаях.

Шпанут упоминает северофризские сказания о «морских девах, живущих в стеклянном дворце на морском дне, которые могут превращаться в лебедей и кружат голову молодым рыбакам». (115)

То, что морские девы могут становиться лебедями, кажется понятным. Но также в летящих, не только в плывущих стаях лебедей могли видеть шествие дев в белом оперении.

У сказки о превращенных в лебедей братьях есть аналог в истории о девах, у которых, пока они купались в лесном озере, подкараулившие их мужчины украли лебединое одеяние, из-за чего девы попали под их власть (то же самое рассказывают иногда о русалке, которая тогда становится матерью мальчиков-

лебедей). Так это случилось у кузнеца Виланда (Веланда, Велунда) и его братьев. Все же, дева-лебедь есть и остается «потусторонней», она должна покинуть мужчину и вернуться на свою родину – обычно через девять лет или также тогда, когда она восстанавливает свое лебединое оперение; в этом она подобна рыцарю лебедя. На то, что это сказание столь же древнее, что и другое, указывает его широкое распространение (оно есть даже в Японии).

Валькирии – тоже лебединые девы. В германских сказаниях о богах и героях лебединая дева и валькирия – почти всегда одно и то же. На лебединых крыльях дева-воительница парит над героем, вмешивается в борьбу, заботится о погибшем и об умирающем, и уносит его с собой в сверкающие просторы Валгаллы, где отец воинов (Один) встречает его, и где снова валькирии подают ему рог с медовым напитком.

Четче, чем в каком-либо другом мифе здесь представлен характер лебедя, как существа, уносящего людей в потусторонний мир. Лебединые девы, также тесно связанные с судьбой, это служительницы бога и в этом очень родственны уносящим людей в другой мир демонам этрусков, «гениям» – духам-покровителям греко-римской античности, да, в общем, всем крылатым существам, посланникам богов и сопровождающим души в потустороннее царство.

Не следует предполагать, что исландско-германское предание «молодое», потому что оно было записано лишь в средние века. Многими своими отдельными чертами оно происходит еще из времен задолго до бронзового века и во многом коренится в древнем индогерманском мире представлений еще из тех времен, когда восточные индогерманцы не отделились от своих западных родственников. (116) Также черты мегалитической религии вошли в него. И потому мы можем здесь лучше всего увидеть, что именно первоначально означал певчий лебедь в мифологическом понимании: связанное как с водой, так и с воздухом солнечное животное, поющий, вызывающий служитель уводящего в потусторонний мир бога. Лебедь был проводником как покойников, так и живых, уходящих (в состоянии экстаза) в царство мертвых. Как таинственно превращенный он мог превращать сам, однако мог, как служитель бога и по его поручению, возвращаться в земную жизнь. Так он стал избранным провожатым и братом самого бога, животным, тянущим солнце в его ночной поездке, провозвестником приближающейся весны и певцом, кружащимся над святилищем играющего на лире бога. Все эти представления еще особенным образом вдохновлялись и поддерживались внешним видом, голосом и привычками северного певчего лебедя-кликунна.

4. Бог с лирой

Аполлона бесчисленное множество раз изображали с лирой в руке, она неотъемлемо принадлежит к нему: его отец Зевс подарил ему лиру на праздник его рождения вместе с золотой повязкой на лбу и с лебединой колесницей.

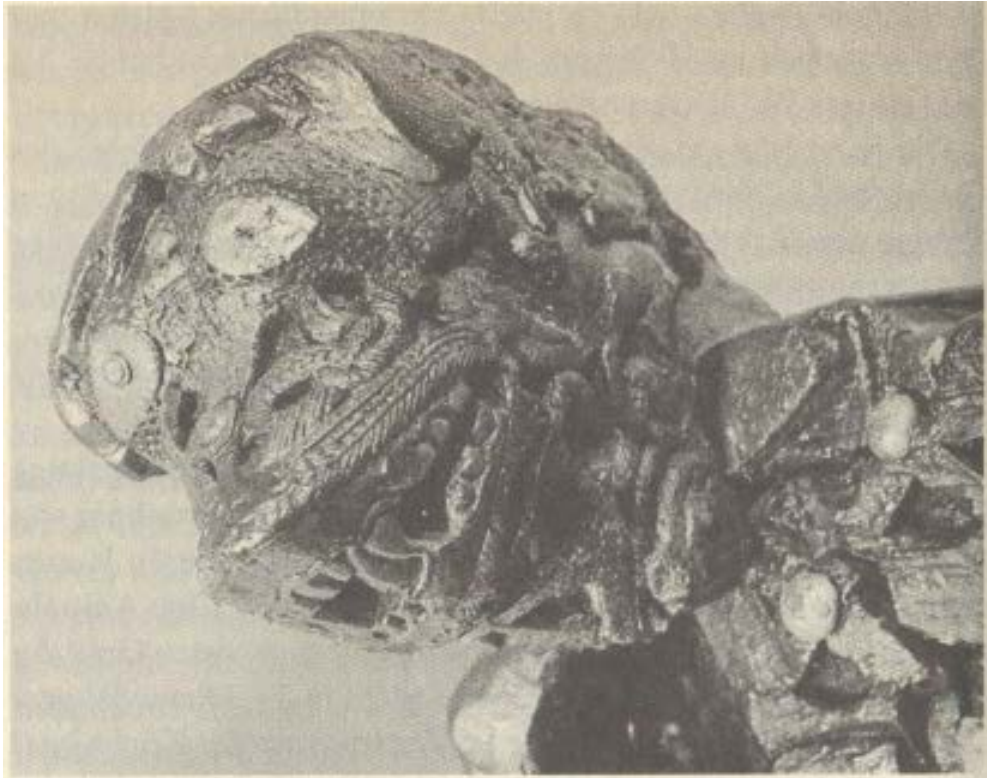
Бог, которого дорийцы принесли на берега и острова Эгейского моря, а филистимляне на хананейское побережье, был как здесь, так и там богом с лирой. Об этом есть много наглядных свидетельств. Таким образом, он был таковым уже на его Священном янтарном острове.

Струнные инструменты бронзового века до сих пор не были найдены. Но свидетельств греческих писателей должно быть достаточно. Они говорят о лире и о кифаре, цитре, да, они в прекрасном преувеличении делают игру на кифаре основным занятием «благочестивых гипербореев». Если верить им, то в святилище на Базилее постоянно царили бесконечное пение гимнов и игра на музыкальных инструментах. В этом должно быть зерно истины.

Девять муз, которые в более позднее время всегда составляли свиту этого бога, покровительствовали также танцам, различным видам поэзии, театральному искусству и искусству следить за ходом звезд и толковать его. Так они сделали этого бога покровителем искусства вообще.

Однако изобразительное искусство, кажется, ни Аполлон, ни Посиде не взяли под свою защиту. Народности Северной Европы никогда не демонстрировали того большого таланта в изобразительном искусстве, который издавна отличал жителей Средиземноморья. Только в объединении с ними они добились больших результатов также в этой области. Исключение здесь, как уже говорилось, образует до определенной степени североевропейский бронзовый век. Здесь кузнечное искусство – прежде всего, в Дании с центром на королевском острове Зеландия достигает удивительных высот, и можно предположить большие достижения, свидетельства которых утрачены. Потеряны были также произведения искусства резьбы по дереву, которое, конечно, тоже достигало значительных высот, так как жители Северной Европы всегда умели очень хорошо строить из дерева и создавать из него красивые вещи. Из бронзового века у нас нет таких больших и хорошо сохранившихся археологических находок, как, например, те, которые нам дает для времен викингов «Осебергский корабль» с его содержимым. Произведений резьбы с такой потрясающей демонией, как там, мы, вероятно, не должны ожидать в склонном к гармонии бронзовом веке, но зато мы могли бы ожидать и там столь же высокий художественный уровень.

У кузнечного искусства был, вероятно, свой собственный бог. В Греции эту функцию исполнял хромой Гефест. Его родство с кузнецами из германского сказания снова указывает на североевропейское пространство. (117) Кузнец Виланд (Веланд, Велунд) соответствует Дедалу, который якобы тоже действовал на Севере. В рассказе об Атлантиде и в «Феакии» Гефест назван создателем атлантско-феакских скульптур, прежде всего, большого изображения Посейдона в храме на Базилее, и золотых и серебряных собак перед царским дворцом. Здесь, несомненно, по античному обычаю греческое имя использовано вместо атлантского. В «Эдде» действует мудрый кузнец Мимир, загадочная, многослойная фигура, праиндоевропейский характер которой был логично доказан Хауэром. Он, очевидно, когда-то играл в мифологии Севера важную роль как мудрец, изобретатель рун, божество Мирового древа и воспитатель и посвящающий солнечного героя (например, Зигфрида). (118). Его имя – по Хауэру – происходит от праиндоевропейского «мими». Возможно, что атлантский «Гефест» бронзового века носил соответствующее имя. (119)

21. Резные головы льва и чудовища (Осеберг, Швеция).

Напротив, главной сферой Посиде-Аполлона была, несомненно, музыка, но он покровительствовал, пожалуй, также тесно связанной с музыкой поэзии. То, что северные люди «Золотого века» сочиняли стихи, в этом не может быть сомнений. В источниках говорится о песнях о богах и песнях о героях. У всех индогерманских народов певцы обычно исполняли такие песни, даже гуанчей Канарских островов, которые в момент их «открытия» в пятнадцатом веке н.э. были еще народом чисто мегалитической эпохи, испанцы прославляли за их красивые песни. Также рассказывание историй, шуток и прибауток, и загадывание и разгадывание загадок – это индогерманский обычай с древнейших времен.

Однако настоящей поэзией была песня, и она либо пелась, либо рассказывалась нараспев. Вероятно, тогда уже различали народное пение и художественное пение. В «Одиссее» дочь феакского царя Навсикая, играя с девушками в мяч на берегу реки, запекает песню, на праздничном пиру во дворце царя феаков слепой певец Демодок поет в сопровождении арфы, и он делает это также во время культового танца юношей на агоре.

Художественное пение всегда было связано с инструментальной музыкой. Арфа, лира, кифара были аккомпанирующими инструментами. Поддержание высокого уровня художественного пения, однако, предусматривает существование певческих школ, которые, естественно, были также музыкальными школами, где учили играть на музыкальных инструментах. (120)

Хоры, пение гимнов, сопровождаемые пением и игрой на струнных инструментах танцы в святилище точно подтверждены. Как до катастроф, так и после них они посвящались играющему на лире богу, который, воодушевляя пение своим появлением, представлялся людям того времени в живом виде.

22. Человек, играющий на луре (из Густав Швантес, «Праистория Шлезвиг-Гольштейна», Ноймюнстер, 1939)

«Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка».

Эти стихи из гимна Гомера, которые могут относиться и к «гиперборейскому Аполлону», цитирует Шпанут. Он продолжает: «Нужно заметить в этой связи, что в храме Дагона в Ашдоде (Палестина) вместе с многочисленными «товарами филистимлян» была найдена керамическая фигурка человека, играющего на лире, кстати, старейшее изображение лирника в Палестине». (121) Эта фигурка (Шпанут приводит ее изображение) выглядит довольно примитивной. Но по

стилю она, все же, так сильно напоминает северные изображения людей бронзового века, что в происхождении стиля и содержания этого маленького произведения искусства не может быть никаких сомнений. И поэтому мы можем считать также этого поющего лирника косвенным свидетелем пения в сопровождении лиры на северной родине филистимлян, так же как кипрские изображения на тамошней ранней керамике, которые, среди прочего, демонстрируют играющего на лире Аполлона, танцующего с «музами». (122)

Сильная восприимчивость к звукам и тембру у древних народов (совсем иначе, чем у нас, чувства которых притупились из-за слишком большого шума и постоянного воздействия музыки как фона) приводила к тому, что людям казалось, что они слышат музыку повсюду в природе. Шум морских волн, «серебряное журчание ручья», голоса птиц – все становилось пением.

Очень древним является мнение, будто бы бродящие по небу небесные светила тоже поют. Хауэр (123) приводит одно место из «Германии» Тацита, где этот римский писатель говорит: «За свионами (предки шведов – Б.Ф.) еще одно море – спокойное и почти недвижимое, которым, как считают, опоясывается и замыкается земной круг, и достоверность этого подтверждается тем, что последнее сияние заходящего солнца не гаснет вплоть до его восхода и яркость его такова, что им затмеваются звезды, да и воображение добавляет к этому, будто при всплытии солнца слышится шум расступающейся пред ним пучины и видны очертания коней и лучезарная голова».

Хауэр сопоставляет с этой цитатой стихотворение Фридриха Гёльдерлина «Заход солнца», которое я тоже хотела бы привести здесь, так как оно лучше какой-либо старой цитаты отображает ощущения и мысли, которые мог испытывать и, вероятно, испытывал человек второго тысячелетия до Р. Х. при взгляде на садящееся солнце:

«О, где ты? Буйно душу мою пьянит
Твое блаженство, словно подслушал я
Украдкой, как на вещи лире
Юноша-солнце, светясь, играет
Свой гимн вечерний, звуков небесных полн;
И вторят все холмы и леса вокруг.
Но путь его лежит к народам,
Где благочестье в чести и ныне».
(Русский перевод И. Белавина).

О том, что певчие лебеди целыми стаями еще сегодня с громким трубным пением ранней весной по вечерам слетаются на прибрежные отмели, как будто они хотят проводить садящееся солнце, рассказывает Шпанут. Это лебединое пение, похоже, производило глубокое впечатление на жителей «Гипербореи» в Океане. Примерно схожим с ним мог быть звук луров, который, вероятно, оказывал на еще не пресыщенных звуками людей бронзового века столь же сильное воздействие.

Луры относятся к самым удивительным вещам, которые смогли создать тогдашние кузнецы. Сделать такую тонкостенную, гладкую внутри бронзовую отливку, сегодня, как уже говорилось, невозможно. Очень красиво изогнутые длинные рожки с украшенными округлыми выпуклостями звуковыми воронками являются чем-то средним между старым тромбоном и охотничьим рожком, и издают мягкий, полный звук, напоминающий звучание тромбона. Они наверняка использовались в качестве культового музыкального инструмента.

Пятьдесят три экземпляра, которые мы знаем, были найдены исключительно в области североевропейской культуры бронзового века, то есть, в отличие от столь многих других творений этой культуры, ни одну эту древнюю трубу не нашли на тропях странствий северных людей по всей Европе. Мне хотелось бы считать это признаком того, что эти инструменты не брали в большие военные походы, итак, они ни в коем случае не служили сигнальными инструментами для употребления в армии. Для этого были другие, более простые рога, которые, вероятно, сначала имитировали бычьи рога. Также чудесно украшенный рог из Висмара, который происходит из раннего бронзового века, демонстрирует эту форму.

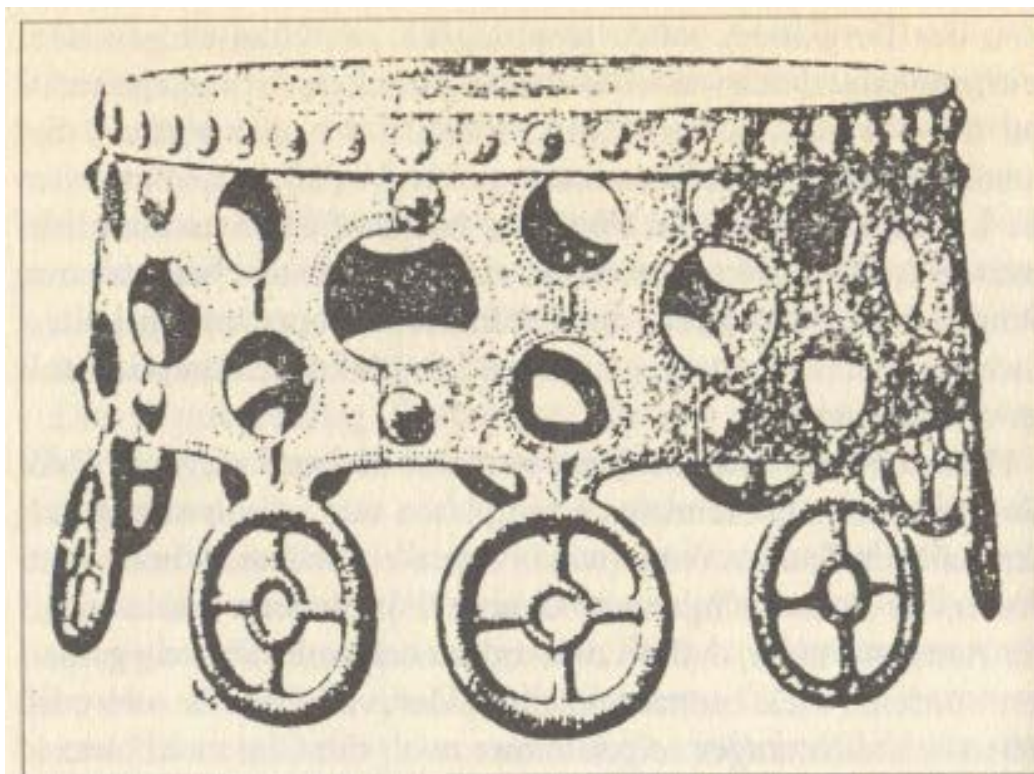
Вероятно, луры были собственностью больших святилищ, и их нельзя было выносить оттуда. Их находили попарно (также по четыре и по шесть). Хороший музыкант может извлечь из них 7-22 тона в трех октавах. Конечно, музыка, которую исполняли примерно 3300 лет назад на этих прекрасных духовых инструментах, уже давно полностью умолкла. Только с очень большим трудом можно догадываться, какого рода она могла бы быть. Неопределенные предположения основываются на том факте, что до наших мажора и минора и еще до так называемой «церковной тональности» в Европе господствовала пентатоника, музыка пятиступенной интервальной системы. Это ряд больших звуковых шагов, в котором отсутствуют полутона. Из-за этого возникают мелодии своеобразной парящей неопределенности и древнейшего волшебства, которые, тем не менее, ввиду их простоты кажутся мощными. Это мелодии вроде тех, о которых Теодор Шторм (в «Иммензее») говорит, что они настолько загадочны, что едва ли можно поверить в то, что их придумали люди. В Бретани, Уэльсе, Лотарингии, Норвегии и Исландии еще успели записать пентатонические народные пес-

ни, также мелодии тирольских йодлей и альпийских пастушеских песен («Kuhreigen») австрийских и швейцарских горцев, видимо, были изначально пентатоническими. И действительно пентатоника была, скорее всего, основой не только западной музыки, но и музыки всех народов, которые когда-то были под определяющим влиянием индогерманцев. Итак, возможно, луры бронзового времени тоже исполняли музыку в пяти тонах. Но, конечно, могло быть и так, что культура бронзового века, которая в столь многих аспектах уже вышла за границы первоначального, также и здесь уже продвинулась дальше и пришла к мелодиям более сложного вида.

Здесь возникает также вопрос о полифонии. Ввиду того, что луры всегда были найдены в нескольких экземплярах и соответственно строго настроены на один и тот же звук (что предполагает, кстати, и точное знание сущности звуковых колебаний), напрашивается предположение, что в них дули двухголосно или даже многоголосно. (Много относящихся к бронзовому веку изображений, прежде всего, шведские наскальные рисунки всегда показывают двух, четырех или больше людей, вместе дующих в луры). Классики немецкой древнейшей истории Густаф Коссинна, Густав Неккель, Пастор, Штумпфель и некоторые другие высказывались в пользу происхождения полифонии с севера Европы и поддержания и развития многоголосой игры и пения уже в бронзовом веке. (124)

Во всем Средиземноморье, в Греции и позже в христианских церквях Европы вплоть до средневековья пели и музицировали одноголосно. Однако я не могу вообразить, что сопровождение пения струнными и другими инструментами, как и, прежде всего, одновременная игра таких шумовых инструментов как барабаны, трещотки, бубенчики и т.д., применение которых в культовых целях было столь древним, не должны были бы сами по себе привести к появлению чего-то вроде дикой, простой, безыскусной полифонии. Кроме того, есть несколько указаний на раннюю полифонию в Скандинавии.

В 1185 году после Р.Х. английский священник и ученый Гиральд Камбрийский писал, что в Северной Англии люди достигли такого мастерства в многоголосом пении, что даже дети так поют: «я думаю, что они вначале получили это искусство так же, как и их язык, от датчан и норвежцев». (125) К этому нужно еще добавить, что самый старый записанный в Европе канон, песня кукушки «Лето пришло» (т.н. «Летний канон»), происходит из Англии и со своими четырьмя главными голосами и двумя тоже включенными в канон дополнительными голосами представляет собой такое сложное и совершенное произведение канона, что следует предполагать долгое обучение и упражнение в этой области.

23. Бронзовый барабан из Сконе (из Густав Швантес, «Праистория Шлезвиг-Гольштейна», Ноймюнстер, 1939)

Кроме того, было установлено, что в Исландии пение в квинтах, квартрах или октавах происходит еще из дохристианского времени, и оно было сначала осуждено церковью как «языческое», пока, наконец, как «органум» не было все же допущено. (126)

Так как в языческом культе германского времени, очевидно, поддерживалась и развивалась полифония, то не исключено, что здесь существовала непрерывность с бронзового века.

Барабаны, которые находили археологи, несомненно, тоже употреблялись именно в культе. Они как тактовые инструменты могли определять ритм танца и усиливать танцевально-религиозный экстаз, равно как и бронзовые колокольчики, трещотки, и другие шумовые инструменты.

О танце и драматических представлениях, которые молодой бог, несомненно, тоже взял под свою опеку – как ведущий хороводов он появляется на греческих и кипрских изображениях – мы поговорим позже.

Также науки могли бы иметь свой очаг в святилищах бронзового века и особенно на Базилее, прежде всего, астрономия, которая с мегалитических времен – вероятно, даже еще раньше – как основа расчета календаря и ориентации строений по положению небесных светил была тесно связана с богом года и являлась очень важной частью культа и религии. Мы уже видели, как солнце, луна и звезды как божественные чудеса и олицетворение вечного порядка были определяющими в мифе и культе мегалитической эпохи. Это продолжилось и в бронзовом веке, даже если здесь теперь также другие науки вышли на передний план, как, например, врачевание. Принесенный дорийцами в Грецию Апеллос-Аполлон носил прозвище «Ятрос» – «врач», пока в пятом веке до Р. Х. его «сын» Асклепий (у римлян Эскулап) не перенял эту функцию. (127) Как и в других мегалитических храмах, на Янтарном острове, конечно, тоже лечили больных, и не было недостатка в чудесных исцелениях, как позже происходило в Лурде и других святых местах.

Роль Посиде-Фосите как бога права уже обсуждалась. Как бог оракула он появляется в Дельфах; о том, что, вероятно, также на севере девы-прорицательницы служили ему, будет подробнее рассказано в одной из последующих глав.

Таким образом, этот бог Священного острова, судя по источникам, представляется нам как весьма разносторонний персонаж: молодой бог неба, солнечный герой и рыцарь лебедя; играющий на лире музыкант и танцор; целитель и помощник, который смог принести затем новое правосудие в эгейский мир, что внесло компромисс, примирение и понимание также в жестокие законы основанного на мести древнейшего мышления. (128)

Четвертая глава

ДРУГИЕ БОГИ

1. Клейто, мать и дева

Вера североевропейских людей бронзового века не была монотеистической. Но судя по всему тому, что можно узнать об этом времени, яркая, светлая фигура Посиде настолько сильно стояла в центре мифа и культа, что другие существовавшие, вероятно, тогда боги кажутся только бледными тенями.

Исключение составляет здесь только женщина рядом с ним, которая в мифах и рассказах иногда оказывается его матерью, потом опять возлюбленной и супругой, затем иногда сестрой.

Фредерик Адама ван Схелтема говорит, что даже почти все множество богов мифологии «Эдды» по их происхождению можно вывести от зачинающего бога неба или бога солнца и беременеющей и рожаящей богини земли. (129) В греческой мифологии ситуация такая же. Мы уже говорили о том, что политеизм индогерманских народов повсюду вырос из этого корня. Таким образом, как к родителям неразрывно принадлежит сын, так и к богу – богиня.

О том важном положении, которое мать-земля (Magna Mater или Terra Mater) приобрела во всем религиозном мировоззрении с ледникового периода, мы уже говорили. (130)

В Атлантиде (на Базилее) ее теперь звали Клейто. Так рассказ об Атлантиде называет супругу «Посейдона». То, что эта Клейто и была «Terra Mater», мать-земля, Шпанут ясно показал в своих книгах. Она также и «дева» мегалитического мифа, заключенная в стеклянной, т.е. янтарной горе, окруженная круглыми земляными валами и кольцами рвов с водой, возлюбленная солнечного героя, которому она рождает близнецов или даже пять пар близнецов.

Если вообще в мифах или отец как зимняя сила, или инеистый великан, или также дракон держал деву в плену, то в рассказе об Атлантиде уже сам бог строит замок с валами («огораживая попеременно водными и земляными кольцами»), окружающими жилище Клейто, он делает его недоступным для людей: «Это ограждение было для людей непреодолимым, ибо судов и судоходства тогда еще не существовало». Из этого можно сделать вывод, что здесь сам бог держит Клейто в плену. Важным при этом представляется как раз тот факт, что строитель замка, коим часто является сам Посейдон, сам и построил этот удивительный «замок с валами» на Священном острове, и затем, естественно, возведение рода царей атлантов к этому богу.

Народный миф знал это, конечно, по-другому. Рассказ Платона об Атлантиде приводит имя отца Клейто – Евенор (или Эвенор) и называет его: «один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землею». Но теперь это краткое указание можно дополнить кое-чем, что содержится в «Феакии» Гомера.

Здесь («Одиссея», 7/ 55) прамасть царского рода носит имя Перибейя, и ее называют самой прекрасной среди женщин («среди жен наиболее прекрасная видом»). Она дочь Евримедонта (Эвримедона), о котором Гомер говорит так:

«Бывшего в давнее время властителем буйных гигантов:
Но погубил он народ нечестивый, а также себя с ним.
С ней Посейдон сочетался и сына родил Навсифоя,
Духом высокого. Царствовал он над народом феаков».

Гиганты, как уже упоминалось, это изначальный, древний род богов, великаны с глазом на лбу, хаотично дикие силы, с которыми позже борются олимпийские боги и побеждают их. Здесь существует связь с борьбой Тора против великанов, как и со сражающимся с великанами Гераклом. Если отец невесты Посейдона был повелителем гигантов, то он и сам был гигантом, вероятно, инеистым великаном или горным великаном, как те огромные чудовища, во власти которых в сказаниях времен мегалитов находится «дева», и под чью власть попадает или должна попасть еще Фрейя в мифе «Эдды».

Кроме того, упоминание этого гиганта в седьмой песни «Одиссеи» проливает также некоторый свет на одно место в шестой песни (4-10), где рассказывается, что когда-то тот благородный Навсифой, который здесь, очевидно, занял место Атланта, увел феаков из-под власти циклопов, поблизости от которых феаки жили. Циклопы – это тоже древнейшие великаны с глазом на лбу, как и гиганты, и, по-видимому, идентичны с ними. Здесь тоже делается намек на старые мифы о древнейшей борьбе атлантов-феаков с гигантами.

Но эта Перибя-Клейто была дочерью великана, так же, как и многие другие девы земли более поздних германских сказаний (например, Скади или Герд). Так что вероятно, что именно ее отец и был тем, кто, согласно сказанию, построил замок на острове и держал там в плену свою дочь. (131) И известное предание о строителе-великане, которое рассказывали в связи с Асгардом, Троей и многими другими крепостями, рассказывалось, вероятно, еще до бронзового века также о замке с кольцевыми валами на Священном острове Базилея.

Имена в «Одиссее» грецизированы. Но, все же, из них тоже кое-что можно узнать. В рассказе об Атлантиде храм Посейдона обнесен «золотой стеной», по-гречески «периболос», что Шпанут интерпретирует как «золотая цепь». (132) Тогда имя «Перибя» значит «огороженная, обнесенная стеной», точно так же, как Герд в «Эдде» в песне «Поездка Скирнира». Герд там тоже дева-земля и дочь великана, и она воспылала любовью к Фрейру. Это то же самое имя и та же самая история (о Фрейре как ипостаси Посиде мы поговорим позже). Определенное сходство между именами Евенор и Евримедонт тоже бросается в глаза. Оно подтверждает мое предположение, что Евенор принадлежит также к тем немногим именам из рассказа об Атлантиде, которые ускользнули от двойного перевода на египетский и с египетского на греческий язык. Тогда это имя должно было бы звучать, собственно, Евменор (Эвменор) и принадлежать к то-

му же ряду имен, что и Маннус-Манн-Менес-Минос-Менор, т.е. к именам, которыми всюду, куда однажды пришли северные люди, называли первого человека или короля. Евменор-Евенор был первым «в самом начале произведенным там землею» человеком, а Евримедонт, правеликан, возник из льда, отец земли, которая тогда объятиями бога неба была пробуждена к жизни и плодородию.

Также имя Клейто не греческое. В «Атлантах» Шпанут цитирует полученное им в письме сообщение германиста Х. Гертса: «Как согласно истории фонетических изменений, так и по значению это имя (Клейто) связано с рядом имен, которые встречаются как раз в старинной «Песни о Хельги», которую и без того подозревали в том, что она связана с Гельголандом. Хлебьёрг, Хлетбьёрг (Hletbjorg) = Kleitoburg = «замок славы». В «Эдде» в «Кратком прорицании вэльвы» (или «Прорицании вэльвы вкратце») даже упоминается богиня Хледис (Hledis), и это означало бы непосредственно «Ruhm-Dis» (т.е. богиня славы)». (133) Я хотела бы здесь упомянуть еще старое имя резиденции датских конунгов Лейре, которая раньше называлась Хлетра или Хлейдра, по-стародатски Летра, и была одновременно центральным святилищем и королевским замком.

В Греции позднее, как уже говорилось, Клейто (Хлето) превратилась в Лето или Леду. Легенда о Леде, и это очевидно, возникла непосредственно из мифа о Клейто. Ведь это бог неба в виде лебедя, т.е. превращенный в свое сопровождающее животное бог лебедей, оплодотворяет ее, и она рождает на острове мальчиков-близнецов. Конечно, к первоначальному мифу о Клейто принадлежали также все эти страдания отвергнутой и оклеветанной женщины-земли, вырастание детей в диком лесу и т.д.

Также Лето, преследуемая, рождает близнецов на острове Делос, но о ней говорят, что она сама рождена на священном острове гипербореев. Ее дети – мальчик и девочка, она мать Аполлона и Артемиды, и как таковую ее прославляют греческие поэты. Здесь мы имеем не только снова такое типичное перенесение поколений, но и сливание двух различных потоков мифов, что тоже является очень характерным для «мифического века». С одной стороны, там есть миф о женщине-земле, рождающей небесному супругу сыновей, которые будут родоначальниками великих родов, с другой стороны, миф о деве, небесные дети которой – это солнце и луна. Причем мальчик как солнечный герой уже в самом нежном возрасте убивает дракона или сильную змею (тут стоит упомянуть замечательную картину на этрусском зеркале, изображающую, как Аполлон и Артемида совсем маленькими детьми вместе убивают дракона Пифона).

Так как эти дети-близнецы разного пола, собственно, снова не кто иные, как солнечный герой или бог неба и дева-земля (которая еще с тех времен, когда луна имела для календаря большее значение, чем солнце, была связана с луной

и всегда также была женщиной луны), то они также влюбленная пара и преимущественно даже сами дети от брака брата и сестры, как, например, Фрейр и Фрейя являются детьми от брака их отца Ньёрда и его сестры. И так как молодые боги, по сути, как раз и есть не кто иные, как свои же родители, то любовная связь жены и мужа внезапно превращается в отношения матери и сына и наоборот. Мы видим это у Клейто, которая на Севере является возлюбленной и супругой Посиде-Посейдона, а на Юге – матерью Аполлона, перенесенного на Эгеи Посиде. И Клейто также на Севере иногда рассматривается как мать, а иногда как сестра Посиде, и – как Артемида – связана не только с луной, но и с водой, с лесом и с лесными зверями. В сказках и легендах «дева» часто является лесной нимфой, и в качестве сопровождающего животного у нее – как у Артемиды – выступает олень или лань, и она может превращаться в это животное, а оно в нее.

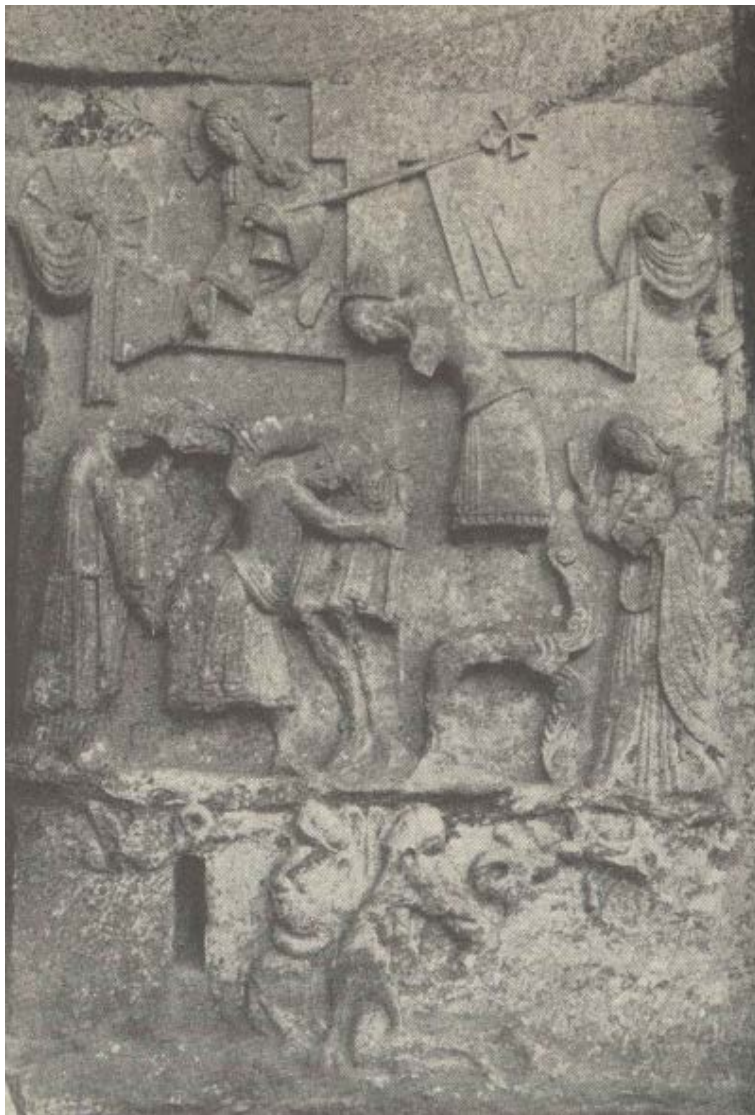

24. Аполлон и Артемида как маленькие дети сражаются с драконом Пифоном (из Э. Краузе, «Туйсколанд», Глогау, 1891).

Бог неба остается самим собой, также в сыне он всегда одновременно сын и отец, как женщина-земля всегда дева и роженица, возлюбленная и мать одновременно. Это взаимопроникновение представлений продолжается до христианства. Фр. Х. Хамкенс в своей весьма информативной книге «Экстернштайн» (134) при обсуждении средневекового наскального рельефа на Экстернштайне (Эксерских камнях) и изображенной там тройной форме проявления Христа – как распятого, как бога-отца и как ребенка – приводит строки из «Золотой куз-

ницы» поэта Конрада фон Вюрцбурга (Конрада Вюрцбургского), мистической поэмы тринадцатого века, воспевающей Деву Марию:

«Итак, ты сидела
с ним на брачном троне...
Мать Христа чистая
И к тому же его супруга».
Именно потому,
«что бог с тобой хотел родить детей
И омолодить самого себя он хотел
Супруга, царствуй в твоей добродетели».

25. Снятие с креста. Рельеф в Экстернштайне (из Ф.Х. Хамкенс «Экстернштайн», Тюбинген, 1971).

Хамкенс добавляет: «Широко распространенное в язычестве представление о боге неба, который является своим собственным предком и потомком, появляется вместе с тем в церковной мифологии» и цитирует еще следующие песни (1510) «благодаря нам он стал молодым, пожалуй, у чистой девицы» и другие с таким же содержанием. Благодаря деве, которая была Божьей матерью – «Отец – это ее дитя», воскресший бог молодец сам. И омоложенный бог празднует Священную свадьбу с «девой», чтобы теперь омоложиться снова.

То, что этот Священный брак между солнечным героем и «огражденной богиней славы» играл значительную роль также – и особенно – в Атлантиде-Базилее, явствует уже из вышесказанного. В пользу этого говорят также наряду с тем немногим, о чем повествуют рассказ об Атлантиде и «Одиссея», несколько сказок и песен.

«Песнь о Скирнире» «Эдды» уже упоминалась. В ней Фрейр, который с небесной высоты увидел Герд, дочь повелителя великанов за ее оградой («окруженная, опоясанная, обнесенная стеной»), влюбляется в нее и впадает в печаль. Его озабоченные родители Ньёрд и Скади (она тоже из рода великанов) обращаются к другу и слуге Фрейра Скирниру (Ганс фон Вольцоген (135) интерпретирует его как солнечный луч). В речах и ответных речах действие развивается дальше. Скирнир спрашивает Фрейра о его печали, и тот признается в своей любви:

«Близ дома Гюмира
мне довелось
желанную видеть;
от рук ее свет
исходил, озаряя
свод неба и воды.

Со страстью моей
в мире ничья
страсть не сравнится,
но согласия не жду
на счастье с нею
от альвов и асов». (136)

Скирнир просит и получает коня, который может перепрыгнуть «сквозь полымя мрачное», которое в очень многих подобных рассказах окружает деву. Он отправляется в путь и говорит коню:

«Сумрак настал,
нам ехать пора
по влажным нагорьям
к племени турсов;
доедем ли мы,
или нас одолеет
ётун могучий?»

(Ётуна этого зовут Гюмир, он был отцом Герда, его имя, вероятно, представляет собой побочную форму имени Имир, принадлежавшего правеликану).

Это им удастся. Скирнир добирается до дома великанов и разговаривает – это тоже обязательно – со стражем (пастухом, стерегущим дороги), который спрашивает его: «К смерти ты близок или мертвым ты стал?» Это снова потустороннее царство, в которое здесь проникает «солнечный луч». Он перепрыгивает огненный вал, Герда в зале слышит шум и разрешает Скирниру войти. Он рассказывает о желании Фрейра и предлагает Герде сначала одиннадцать золотых яблок, а потом кольцо Драупнир, с которого каждую девятую ночь возникают («капают») еще восемь других колец. (137) Она отказывается, он угрожает, даже проклинает ее со страшными проклятиями, пока она не уступает. Она соглашается через девять ночей подарить свое расположение Скирниру в «Барри», таинственной огражденной роще:

«Барри зовется
тихая роща,
знакомая нам;
через девять ночей
там Герда подарит
любовь сыну Ньёрда».

Скирнир возвращается к Фрейру и приносит ему добрую весть. Страстный возглас Фрейра завершает песню:

«Ночь длинна,
две ночи длиннее,
как вытерплю три!
Часто казался мне
месяц короче,
чем ночи предбрачные».

Это одна из самых прелестных «пьес» о сватовстве, дошедших до нас. То, что она основывается на мифе бронзового века, в котором Посиде и Клейто-Перибея являются исполнителями, очевидно.

Так же ясно, что другие сказания, которые Хамкенс цитирует в своих главах о Священном браке (138), уходят своими корнями еще дальше – к обычаям мегалитических времен. Когда Хамкенс рассказывает о «помещении башни», расположенной вверху на Экстернштайне часовни с «солнечной дырой», он ссылается также на тезис Фредерика Адамы ван Схелтемы о «культовой игре» (культовом представлении) Священной свадьбы, при которой утром солнцестояния или равноденствия первый солнечный луч попадает в определенную точку на камне, вследствие чего происходит символическое соединение солнца и земли. Хамкенс упоминает сказки, которые явно очень тесно связаны с этим. Так как я разделяю предположение Шпанута о том, что мифы и обычаи Священного острова в большой степени основывались на древних мегалитических представлениях, и что Базилия – как Стоунхендж – была также местом наблюдения за небесными телами и культа небесных светил, то я здесь тоже приведу некоторые из этих сказок и преданий.

Особенно показательной является французская сказка о «Персефоресте», близкая нашей «Спящей красавице». «Там королевская дочь впадает в волшебный сон, который одна из женщин судьбы пожелала ей уже при ее рождении. Отец просит отнести спящую принцессу в замок, в башне которого ей приготовлена роскошно украшенная постель.

У этой башни есть только одно единственное смотрящее на восток окно, все другие доступы, кроме подземного, замурованы. Так как отец лелеял веру, что боги придут, чтобы излечить лежащую на высокой постели спящую, и так как у него было особое доверие к богу солнца, он сделал смотрящее на восток окно. Один рыцарь приехал к башне, птица внесла его внутрь, он соединился с принцессой, однако, снова покинул ее, так как он не смог разбудить ее. Но через девять месяцев спящая родила, и теперь она этим ребенком была снова пробуждена к жизни. Комната в башне с выходящим на восток окном, связанная с этим надежда на бога солнца и, наконец, проникающий через окно жених (как раз бог солнца, Б.Ф.) – это во всех деталях Священный брак, как его подробно описывал ван Схелтема». (139)

В другом месте Хамкенс говорит: ««Персефорест» датируется 1220 годом, и на сто лет раньше, в «Церковном зеркале» («Speculum ecclesiae») Гонория Августунского, Христос во время Пасхи выводит свою освобожденную невесту из темной башни и сочетается браком с нею в «покоях вечного солнца» (in thalamo aeterni Solis). В одной сицилийской сказке королевская дочь становится бере-

менной в лишенной окон башне, так как через дыру в стене солнечный луч падает на нее. Есть также картины, изображающие сюжет благовещения, на которых луч света исходит из бога-отца и несет ребенка в лоно Девы Марии, или на которых ребенок с солнечными лучами летит через окно, при случае даже через круглое окно, к деве, коей ангел как раз сообщает эту радостную весть». К своим рассуждениям о Персефоресте Хамкенс добавляет: «Здесь, вероятно, было бы уместно привести слова Эдуарда Нордена: «Итак, здесь нет даже и мысли о том, что мотив свадьбы служит кокетливым играм и флирту; в гораздо большей степени он явно принадлежит к сохранившимся иерархическим представлениям о том, что «Сотеру» (солнечному герою как спасителю и избавителю – Б.Ф.), когда он приступает к господству над миром, «Hieros gamos» дает освящение».

С «Персефорестом» можно было бы сопоставить еще – как очень похожую – ту версию из древнескандинавской «Саги о Вэльсунгах», в которой Сигурд через окно проникает к Брюнхильд (Брунхильде), сидящей у ткацкого станка в покоях башни в ткацком станке. (Также с Зигфридом-Сигурдом дело обстоит так, что Священная свадьба с девой Брюнхильд оказывается тесно связанной с борьбой с драконом и стоит в начале его карьеры – «когда он приступает к господству над миром» – т.е. там, где он выходит из своего укромного, тайного защищенного места).

Мы видим: когда в рассказе об Атлантиде, как и в «Феакии», Посейдон соединяется с окруженной валами, кольцевыми рвами с водой и блестящей золотой оградой (вместо стены пламени) девой-землей и дочерью великана, то за этим стоит древняя идея Священного брака между небом и землей. То, что эти представления отражались также в культе, кажется мне очень вероятным, хотя греческие сообщения ничего не рассказывают об этом.

Шпанут связывает с культом матери-земли в Атлантиде еще совсем другое сообщение, которое приводит Тацит (140), так рассказывая о народностях у Океана на севере: «Сами по себе ничем не примечательные, они все вместе поклоняются матери-земле Нерте (Terram Matram), считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена. Есть на острове среди Океана священная роща и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ощувив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почитательностью сопровождает ее, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них под замком; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским бо-

гиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере. Выполняют это рабы, которых тотчас поглощает то же самое озеро. Отсюда – исполненный тайны ужас и благоговейный трепет пред тем, что неведомо и что могут увидеть лишь те, кто обречен смерти».

Об этом сообщении было написано уже много. Предполагалось, что под «Нертой» («Nerthus») нужно понимать женское соответствие или супругу бога-вана из «Эдды» Ньёрда. Имя «Ньёрдис» или «Нёрдис» действительно могло бы уже звучать для римского уха как «Нертус». Ньёрд обозначался как «северный Посейдон». Он живет в «Ноатуне», «корабельном дворе», однако, он является также богом плодородия, бывшим богом неба и супругом дочери великанов Скади (которая могла бы быть идентична с Нертой). (141)

Уже к египетской Исиде относились символ корабля и объезд на корабельной повозке, и вплоть до послехристианского средневековья у нас есть рассказы об обычаях, при которых богиня плодородия (так же, как и «гиперборейский Аполлон») ехала на корабельной повозке, т.е. повозка и корабль были соединены, иногда повозка стояла на корабле, иногда, наоборот, корабль на повозке, и праздники, которые устраивались в честь этой богини на корабельной повозке, например, во Фландрии и на Нижнем Рейне, очень похожи на те, которые описывает Тацит.

Особенно усердно искали место, где осуществлялся таинственный культ Нерты. Рюген с его озером Хертазее долго считался этим местом, называли также другие острова, например, Зеландию. Но так как Тацит говорит об «острове в Океане», а Балтийское море в античности не причислялось к Океану, здесь, вероятно, можно принимать в расчет только какой-то остров на западном побережье Фризии.

(К тому же балтийский остров Рюген (Руян) был в то время заселен славянами, а не германцами, и там располагалось не германское, а славянское святилище. – прим. перев.)

Шпанут считает, что остров Нерты мог быть идентичен с «Базилеей», так как там культ «Великой матери» был местным. (142)

О том, что мать-землю здесь почитали вместе с ее супругом, свидетельствует рассказ Платона об Атлантиде. Но мы должны подумать и о том, что история о Нерте происходит не в бронзовом веке, а при жизни Тацита, т.е. в первом веке нашей эры. Конечно, упомянутое Тацитом святилище богини тогда могло находиться на уже снова поднявшемся из моря священном янтарном острове, но я не

думаю, что это обязательно было именно так. То обстоятельство, что картограф Йоханнес Майер, автор первой карты Гельголанда-Фоситесланда называет только храм Весты, но не храм Юноны или Дианы (он следовал традиции римских авторов, заменяя германские имена богов латинскими), мало о чем говорит. Кто знает, были ли воспоминания рыбаков в таких вопросах настолько точны, и, наконец, Майер и сам мог считать Весту богиней земли. Но так же мало говорит нам и то, что Шпанут приводит как доказательство, а именно, что жрец, мол, мог бы вести запряженную коровами повозку к суше только по прибрежным отмелям, и что речь здесь должна идти об острове, который лежал в мелководном море. Конечно, объезд богини направлялся также к суше и к живущим там племенам, однако, корабли жителей побережья были, без сомнения, достаточно большими и прочными, чтобы перевезти с острова на сушу культовую повозку и пару коров.

Здесь уже цитировался рассказ Марселлия, в котором говорится о семи маленьких и трех больших островах, которые в последнем тысячелетии до Рождества Христова должны были существовать в районе бывшей Атлантиды. Там сказано, что самый большой из этих островов был посвящен Посейдону (т.е. Посиде-Фосите), на остальных, однако, господствовал культ Персефоны. Персефона как хозяйка подземного мира и богиня возвращающейся ежегодно растительности и плодородия также является девой-землей (ее миф сохранился на севере в песнях и играх о водолее и корабельщике). Таким образом, вероятно, что упомянутым культом на тех островах был культ матери-земли.

Находилось ли святилище «Нерты» на Фоситесланде или на одном из тех других островов, сегодня уже больше нельзя установить, потому что изменения, произошедшие, прежде всего, из-за многочисленных мощных наводнений, в районе островов восточной и северной Фризии, делают это невозможным.

Сообщение Марселлия, однако, так же, как и история о Нерте у Тацита, показывают, во всяком случае, какую выдающуюся роль также уже в эпоху после катастроф играла Terra Mater, мать-земля, которую когда-то звали Клейто, в тех местах, где так долго властвовал ее молодой супруг.

2. Уран, Кронос, Атлант

Хотя Посиде унаследовал много черт индогерманского бога неба, все же, он – всегда молодой бог. Он хоть и размахивает топором-молнией, но у него, тем не менее, отсутствуют свойства настоящего бога грома, как они так характерны, например, позже для германского бога Тора. Все говорит в пользу того, что Посиде (как Аполлон) был, вероятно, одной из ипостасей бога неба, но как само-

стоятельная фигура рядом со своим «вечным отцом» он рассматривался как «сын» (подобно Фрейру).

Поэтому вероятно, что кроме него, пусть даже и в поблекшем виде, сохранилась каким-то образом и фигура «отца», и что также этот «отец» почитался в области североευропейской культуры бронзового века.

Карта Йоханнеса Майера показывает на севере раннесредневекового острова храм «Юпитера», который якобы был разрушен в 692 году н.э. Это должно было бы быть, если мы вообще хотим принять всерьез эти сведения, какое-то отдельное, независимое от сферы Фосите святилище бога неба. Естественно, можно было бы подумать также о посвященной Тору (Донару) роще, так как мы находимся здесь уже в «германском» времени.

Но, как уже было замечено, эта карта вообще не очень многое доказывает. В отличие от нее, сообщения классических греков могут нам кое-что рассказать. Диодор Сицилийский, например, непосредственно связывает с атлантами древнего бога неба Урана, который как в греческой, так и в индоарийской космогонии (здесь под именем Варуны) является первым богом и отцом всего сущего. Но здесь, конечно, он, как это часто происходило с богами в поздние времена, очеловечен, он первый древний царь и создатель культуры доисторического времени. Диодор пишет в своей всемирной истории («Историческая библиотека»): «Но поскольку мы упомянули атлантов, мы считаем, что будет уместным в этом месте рассказать о том, что их мифы повествуют о происхождении богов в связи с тем, что они не сильно отличаются от мифов греков. Тогда атланты, жившие в областях на краю океана и населявшие плодородные территории, имели славу далеко превосходящую их соседей в почитании богов и человеколюбии, которое они проявляли в отношениях с чужаками, и боги, говорят, родились среди них. И их отчет, как утверждают, согласуется с наиболее известным греческим поэтом Гомером, когда он представляет Геру, которая говорит:

«Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной, видеть бессмертных отца Океана и мать Тефису».

(Океан и Тефиса (Тефида, Тефис, Тетис) причислялись к гигантам и считались детьми Урана. Женщина-земля и мать богов – здесь Гера – обозначается, таким образом, как дочь морских великанов на краю земли. Б.Ф.)

Повествуют, что первый начал царствовать у них (атлантийцев) Уран, который свел разбросанно живущих людей в городскую ограду, причем они согласились прекратить незаконную и звериную жизнь. Он изобрел употребление и накопление домашних плодов и немало из других полезных вещей. Он овладел боль-

шей частью вселенной, по преимуществу – странами к западу и северу. Ставши усердным наблюдателем звезд, он предсказывал многое из того, что должно совершиться в мире. Он ввел для народа исчисление года по солнечному движению, месяцев же – по луне и научил распознавать времена каждого года. Поэтому-то многие, не зная вечного порядка звезд, удивлялись происходящему по предсказанию; и, с другой стороны, предположили, что сообщавший об этом причастен божественной природе. После его ухода от людей, ввиду его благодеяний и распознавания им звезд, ему стали воздавать бессмертные почести. Его прозвище перенесли на мир; одновременно с тем, что он оказался причастен к восходу и заходу звезд и к прочему, что совершается на небе, как и одновременно с размером почестей, стали чрезмерно расцениваться и его благодеяния. И его навеки объявили вечным царем Всего». (143)

Шпанут, который цитирует это место, добавляет, что Уран, который, согласно греческой мифологии, зачал с Геей Посейдона, в свою очередь был у Платона отцом Атланта, выступающим здесь как предок атлантов, и что это был, в принципе, один и тот же миф, который рассказывали и о Посейдоне, и об Атланте. (144)

Но приведенное выше сообщение показывает, однако, четкое понимание того, что этот Уран стоял в начале появления всей культуры, что, конечно, соответствует действительности, если мы вспомним о том, что уже восточные индогерманцы взяли его с собой как верховного бога на восток и донесли до Индии.

Как и Эвгемер, у которого Уран это только рожденный у океана царь древних времен (145), также Диодор рассматривает здесь этого изначального бога как человека и культурного героя, которого только невежественная толпа сделала богом. Но, тем не менее, и в его рассказе просвечивают воспоминания из раннего времени мегалитической культуры. Великие изобретения земледелия, распределения года, астрономии – видно, что атланты более позднего времени приписывали их древнейшему богу неба, которого они, вероятно, все еще звали Ураном. Диодор говорит: «Повествуют...» Античные авторы говорят это тогда, когда существуют непосредственные сообщения. Это могут быть сообщения из микенского времени, они показывают, во всяком случае, что тогда в Атлантиде, кроме Посиде-Посейдона, еще почитался и другой более старый бог неба, которого рассматривали, однако, больше как дарителя культуры, чем как солнечного героя.

У греков Уран является как сыном, так и супругом Геи (Гайи, земли). С одной стороны, вышедшая из хаоса Гея рождает его без супруга «как равного себе самой». Гесиод в «Теогонии» («О происхождении богов») так пишет об этом:

«Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных».

В других же мифах его отец – Эфир, (Этер, Айтер), там Уран и Гея – это брат и сестра, «дети ночи». Во всяком случае, он – супруг матери-земли и родоначальник всех богов и людей. Гея рождает ему род титанов, у которых тоже глаз на лбу, как и у него. Они выступают против него, он сражается с сыновьями и изгоняет их в подземное царство или на край земли. Но Гея, рассерженная на него из-за этого, подстрекает гиганта Кроноса, чтобы тот кастрировал своего отца острым серпом. Это означает лишь следующее: старого бога неба лишают творческой силы, возможности создавать, теперь более молодые боги начинают править миром.

Здесь мы снова сталкиваемся с атлантами. У этого мифа есть одна своеобразная черта, а именно, что феаки – которые в «Одиссее» заменяют атлантов – появились якобы из крови кастрированного Урана. Считается, что серповидная форма их острова послужила причиной этого представления. Но ведь Базилия, которую с уверенностью можно отождествить со Схерией, отнюдь не была серповидной формы. Название «Схерия» возникло по какой-то другой причине, если оно вообще не появилось в результате ошибки слуха. Но, вероятно, также из этого странного мифа доходят к нам воспоминания северных людей, вероятно, у них когда-то рассказывали, что атланты это особенное творение бога неба, кровь его крови, его первые дети и потомки.

Это высказывание Диодора очень важно. Уран у него – в данном случае как царь атлантов – завоевал господство над большей частью населенной земли, прежде всего, в областях на западе и севере. Это точно то, о чем сообщает также рассказ об Атлантиде, и намекает на большое распространение северных народов, которые основывали свои государства вдоль побережья Океана до Испании и Северной Африки. Также это происходило во времена мегалитов, также здесь были зафиксированы подлинные воспоминания, и здесь тоже верховного царя, родоначальника и бога еще звали Уран.

Было ли позже время, когда его называли Кроносом, мы до сих пор не знаем. То, что, однако, Кронос, сын Урана и его первая «ипостась», также был связан с Севером, доказывают слова Гомера, который говорит, что Япет (Иапет) и Кронос сидят на самом краю земли и моря. (146):

«Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,

Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Век насладиться не могут; кругом их Тартар глубокий!»

Кронос, темный, загадочный персонаж, окружен такими же неясными, но явно очень старыми мифами, как и Уран. У него та же самая судьба, что и у отца, его сын Зевс свергает его, кастрирует, и тоже изгоняет его на край света.

По словам Плутарха, который цитирует Посидония, Кронос сидит во сне на острове в северном море, которое по его имени называется морем Кроноса. Там также сказано, что «Геркулесовы столбы» или «колонны Геракла» (под которыми понимались «северные колонны» на «острове под полярной звездой») были пограничными (межевыми) знаками его царства. Он – господин мертвецов, царь на острове Блаженных. Часто его поселяют в Ливии. Римляне отождествляли его со своим Сатурном, он как звезда находится на небе. Позднее он стал также олицетворять понятие времени, и о нем говорили, что он пожирает своих детей. Зевса, во всяком случае, он только хотел съесть, потому что при рождении Зевса Кроносу предсказали, что этот его сын свергнет его с трона. Но вместо ребенка он по ошибке съел камень, так что Зевс остался цел.

Запутанный хоровод мифов и намеков! Но ясно, что Кронос несет черты бога зимы – наряду со своим характером бога неба. Поэтому его иногда сравнивали с Одином-Воданом.

Изгнанный с земли, он сидит скрыто и во сне на северном острове, до тех пор, пока он не сможет однажды снова проснуться и выйти, в то время как между тем молодой бог лета, размахивая топором-молнией, восходит на престол. Это, без сомнения, происходящий из мегалитической культуры миф о зиме и лете. Кронос тускл, мрачен и холоден, его царство – остров мертвецов. Если этот остров – действительно Атлантида-Базилея – и похоже на то, что это могло быть так – тогда эти истории могли бы происходить из тех времен, когда этот остров лежал погребенным под волнами Северного моря. Тогда, вероятно, все эти сказания об островах мертвых, которые еще раньше появлялись на побережье Океана, концентрировались на погибшей святой земле. Теперь боги мертвецов сидели там в своих янтарных дворцах и спали, ожидая возрождения, и похожие на лебедей морские девы плакали о них. Там сидел, пожалуй, также Кронос, прежний бог неба, и ждал. Возродился ли он вместе со снова поднявшимся из морских вод островом, мы не знаем.

Третьим из «титанов» и «старых богов неба» выступает еще Атлант (Атлас), предок многих родов и бог мирового столба. У греков он несколько отошел на задний план, но на самом деле он мог бы быть одним из старейших персонажей западно-индогерманской мифологии – об этом уже говорилось в первой главе.

О том, что Атлант тесно связан с атлантами, свидетельствует даже одно только сходство их имен. Слова «Атлантида» и «Атлант» в языковом отношении связаны друг с другом, это никто еще не оспорил.

Его имя интерпретировали по-разному. Мне хотелось бы вывести его из происходящего из самых истоков человеческой речи слова детского языка «ата», которое означает «отец». В нескольких языках, также в германских, оно долго сохранялось в своей старой форме и только в процессе развития с добавленным перед ним звуком расширилось до «уата», «фата», «пата». (Сравните русские и украинские слова «тятя», «батя», «батько», и даже турецкое «ата» – «предок». – прим. перев.) Тогда Атлант был праотцом, как и большинство богов неба были «отцами».

У поздних германцев, кажется, все еще была жива память о боге по имени Атла или Атал, он упоминается в «Кратком прорицании вёльвы» «Эдды» и связан там с морем, которое также названо «путем Атала или Атли». (147)

С другой стороны, греки называли Атланта очевидно также «Эр», что показывает языковую связь с германским богом мирового столба, богом, поддерживающим небо, Эром, Иром, Юром или Эрменом либо Ирмином, именем которого называются священные столбы Ирминсуль.

«Мировой столб», произошедший от «Мирового дерева» «небесной балки» и «места отдыха солнца», также от «вращающейся мировой оси под полярной звездой», был очень часто связан с богом неба (смотрите первую главу) и теперь находится в самой тесной связи с Атлантом, который этот столб несет и поддерживает. Иногда Атлант также сам является этим столбом.

Впрочем, Атлант у более поздних греков – это титан, значит, он принадлежит к старейшему роду богов и великанов. Он – сын титана Япета (Дьяус Питар, Юпитер), итак, снова бога неба. Иногда его называют также сыном Урана или Эфира. Кроме того, он – родоначальник бесчисленных правящих родов. Особенную роль играют его дочери, которые в большинстве случаев представлены как группа. Мы встречаем их под именем «Атлантид», как «Плеяды» они были перенесены на звездное небо.

В рассказе об Атлантиде Атлант – это сын Посейдона. «Государственный миф» Атлантиды делает его старейшим из сыновей-близнецов Посейдона, которому была передана власть над царством Атланта и в то же время общее господство над всеми основанными царями Атлантиды государствами. Он, как опора мира и неба, наверняка должен был играть значительную роль в религиозной жизни северных людей в те времена, когда волны переселенцев народов мегалитиче-

ской культуры достигали, среди прочего, также далеких берегов Северной Африки, где – до Канарских островов – культ мирового столба занимает самое значительное место. И здесь впервые помимо столбов и колонн рассматриваются в качестве опор неба также вершины скал и горы, о чем еще сегодня свидетельствует название Атласских гор. (Геродот ведь тоже рассказывает о тамошних народах, которые называют себя атлантами, что привело к некоторой их путанице с родственными им народами из рассказа об Атлантиде.)

Как божество народов мегалитической культуры Атлант логично считался также богом, который принес культуру, так же, как и Уран (с которым он, пожалуй, часто сливался), в первую очередь, учителем математики, астрономии, также музыки. В нем видели «изобретателя судостроительного искусства и научного мореплавания». Гомер говорит об Атланте, что ему «ведомы бездны моря всего и который надзор за столбами имеет: между землею и небом стоят они, их раздвигая». Диодор сообщает, что Атлант потратил много труда на изучение небесных светил и с большой проницательностью узнал, что небесное строение – это шар. В другом месте Диодор говорит: «Атлант, человек, первый царь атлантов, в совершенстве овладел астрологией и с большим искусством изобрел небесную сферу со звездами, почему и существует представление, будто он держал на плечах весь небосвод». (148)

Впрочем, это, конечно, ошибка. Атлант, праотец, держал небо задолго до того, как он по вполне эвгемеристическому методу (так же, как и в рассказе об Атланте) стал первым царем и астрономом. Все эти искусства и науки, которые эти авторы приписывают ему (как и Урану), очень вероятно, исходя из царства Атланта – вероятно, даже из центра «мегалитической идеи», Священного острова, распространились по странам, которых достигла эта культура. И может быть, что действительно на этом Священном острове впервые имя праотца Атланта было связано с возведенным там мировым столбом, который затем стал столь известным. Потому что народы юга уже давно знали, что именно на крайнем севере Европы стояла колонна или даже колонны Атланта.

(В рассказе об Атлантиде речь идет об одной колонне, так же иногда в цитатах греческих поэтов. Когда и где из этой одной колонны появились две, и родилось понятие «Колонны Севера», неизвестно.)

Уже в древнеегипетских текстах, по словам Шпанута, (149) можно найти выражение «колонны неба, которые стоят на севере», и Рамсес III говорит о северных народах моря, которые прибывают «от колонн неба».

Вергилий описывает север таким образом: «Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный», (150) а согласно Гесиоду, Атлант, сын Иапета, «держит,

принужденный к тому неизбежностью мощной, На голове и руках неустанных широкое небо. Там, где граница земли, где певичы живут Геспериды. Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель».

Атлант в античной поэзии держит небо на поднятых руках или несет его на плечах или спине. Он крутит и поворачивает его, или стоит на месте, и звезды кружатся вокруг него. Он либо сам мировой столб, вселенская колонна, мировая ось, над которой стоит полярная звезда, или же он только подпирает – например, у Эсхила – этот столб своими плечами. В большинстве случаев он делает это не добровольно, это задание, которое возложил на него Зевс как наказание за его заносчивость и самонадеянность как титана.

И еще есть история о том, как Геракл, герой, держал небо. Ему было поручено принести золотые яблоки из сада Гесперид, однако, он попросил Атланта сделать это, и вместо него держал на своей голове и могучих плечах гигантский груз. Атлант усыпил дракона, который охранял яблоню, убил его, сорвал три золотых яблока и вернулся с ними к Гераклу. Но теперь его плечи ощутили, как им было легко и свободно без огромного веса, и потому он положил яблоки перед Гераклом на траву и отказывался снова взваливать на себя это бремя. Тогда Геракл прибегнул к хитрости и сказал, что он вполне согласен держать небеса и дальше, но ему нужно повязать голову платком в качестве подушки, чтобы вес неба не выдавил ему мозг. Атлант клюнул на этот нехитрый обман, и снова взвалил небо на себя – лишь на мгновение, как он думал. Но довольный Геракл собрал три золотых яблока с земли и был таков.

26. Геракл и Атлант на аттическом глиняном сосуде (из А. Херрманн, «Наши предки и Атлантида», Берлин, 1934)

Словарь мифологии Паули-Виссова приписывает эту историю «юмору дорических завоевателей». Вероятно, ее рассказывали – в несколько иной форме – еще на Севере. Во всяком случае, она была очень популярна в Греции и часто становилась сюжетом для произведений искусства, прежде всего, рисунков на вазах.

Так тогда мировой столб стали называть еще и «столбом Геракла», и так как, как уже говорилось, это часто были два столба, «разделявшие небо и землю», то слова «Геркулесовы столбы» или «колонны Геракла» превратились в устойчивое понятие.

Естественно, связь Геракла с этой северной колонной может иметь также другие причины. Не очень вероятно, что одна только рассказанная выше история могла стать причиной того, чтобы включить Геракла в число «опор мира».

Давно – и даже уже во времена римских писателей – кое-кто хотел увидеть родство между Гераклом и германским богом Тором. Но мне их сходство не кажется слишком большим. Однако можно с уверенностью сказать, что древние связывали Геракла с Севером, хотя, согласно мифам классического времени, он совершал свои подвиги преимущественно в Средиземноморье. Но потом Геракл снова освобождает Прометея от скалы на Кавказе, связывает Нерея у реки Эридан, с помощью держащего небо Атланта приносит яблоки Гесперид, впрочем, сразу после этого он снова и снова оказывается в Греции, где ему в собственность был дан Пелопоннес. И, тем не менее, мы снова и снова сталкиваемся с тем фактом, что прибывших с севера называют «Гераклидами», т.е. сыновьями Геракла. На «Острове феаков» Мелита (наяда или nereida) рождает от Геракла (согласно Аполлонию Родосскому) «сильного Гилла». Этот Гилл затем, «собрав вокруг себя народ феаков», покинул «море Кроноса», двинулся на юг, попытался захватить Пелопоннес как наследство своего отца и был убит (согласно легенде о Гераклидах) в поединке Эхемом, царем Тегеи. Этот Гилл, предок дорических царских родов, без сомнения, уже историческое лицо, но как и почему он решил назваться «Гераклидом», остается открытым вопросом. Просто потому, что он пришел с севера, и там находились «Геркулесовы столбы»?

Что касается этих столбов: в классическое время стало обычаем возводить две украшенные колонны перед храмами Геракла. Знаменитые «Геркулесовы столбы» на выходе из Средиземного моря это были вовсе не две скалы Абила и Кальпе (Гибралтар), а построенные людьми колонны перед храмом Геракла в Гадесе (нынешний Кадис в Испании), что неоднократно было с определенностью констатировано античными писателями. Кроме того, Аполлodor Афинский подчеркивает, «что Атлант дал Гераклу поддерживать не те столбы на западе, а столбы на севере, у гипербореев». (151)

Также Тацит говорит о столбах Геракла на мелководье Северного моря (в области Малых и Больших фриз) в связи с неудачным морским походом флота Друза Германика в Северном море: «Именно отсюда отважились мы проследовать в Океан: ведь молва сообщала, что и в нем все еще существуют Геркулевы столбы, прозванные так или потому, что Геркулес и в самом деле посетил эти края, или из-за усвоенного нами обыкновения связывать с его прославленным именем все наиболее замечательное, где бы оно ни встретилось. У Друза Германика не было недостатка в решимости, но Океан не пожелал раскрыть ему свои тайны и то, что касается Геркулеса. С той поры никто не возобновлял подобных попыток, и было сочтено, что благочестивее и почтительнее безоговорочно верить в содеянное богами, чем тщиться его познать». (152)

Об этих колоннах с их реальным видом мы еще поговорим позже. Пока нам было важно установить: Атлант, бог мирового столба, тоже играл определенную роль в мифе и культе северного бронзового века, однако, как кажется, больше в своем проявлении как мировой столб, чем как антропоморфный бог. Только как мудрый, много знающий и обучающий древнейший царь и старший из сыновей-близнецов Посиде он нашел свое место в государственном мифе.

3. Божественные близнецы

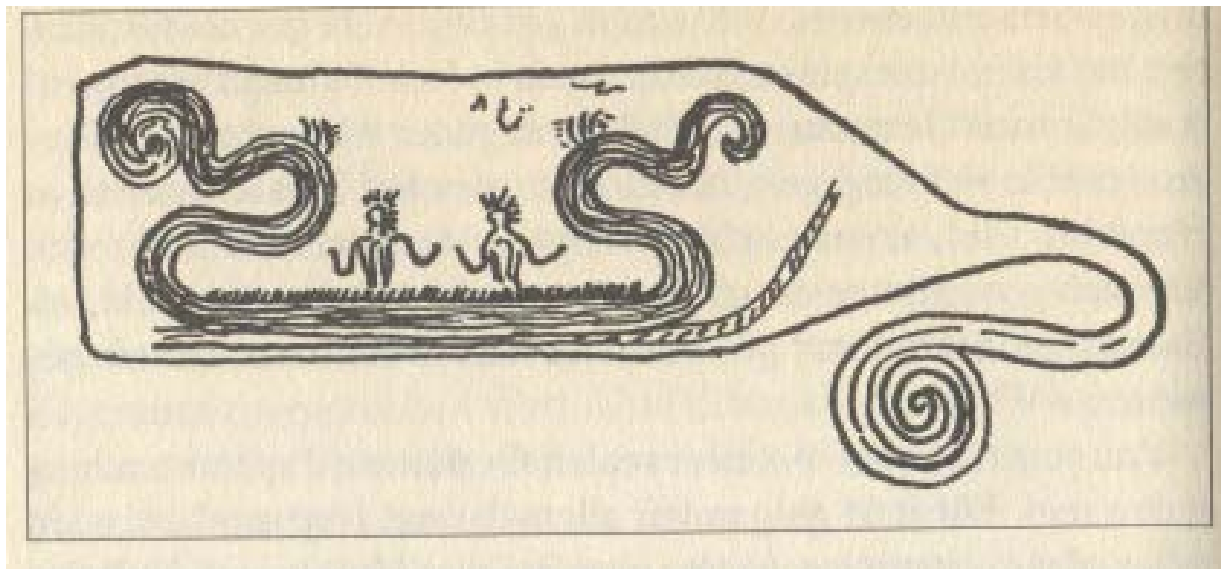
В своей «Праистории Шлезвиг-Гольштейна» Густав Швантес (153) подчеркивает тот факт, что в археологических находках североевропейской культуры бронзового века заметно преобладает «парное число». Прежде всего, лошади и лебеди, но также и солнечные колеса, топоры, корабли и также луры часто встречаются там попарно. Швантес связывает это с культом близнецов, который, как доказано, существовал во всей индогерманской области, и особенно сильно, очевидно, он проявлялся в бронзовом веке на севере Европы.

На бритве из Вёля мы видим две фигурки с лучезарными коронами на корабле. Также на наскальных изображениях появляются близнецы, как и в виде бронзовых фигурок, здесь в шлемах (154).

Индогерманские «близнецы» – это боги света, молодые, благородные, смелые, готовые помочь. Они настоящие спасители. Они существуют уже в индоарийском круге богов и называются там Насатья или Ашвины. У более поздних германцев их имя звучит как Алки или Альцис (Alcis). Тацит описывает их культ в священной роще наганарвалов (возможно, в Силезии): «У наганарвалов показывают рощу, освященную древним культом. Возглавляет его жрец в женском наряде, а о богах, которых в ней почитают, они говорят, что, если сопоставить их с римскими, то это – Кастор и Поллукс. Такова их сущность, а имя им – Алки.

Здесь нет никаких изображений, никаких следов иноземного культа; однако им поклоняются как братьям, как юношам».

Также у латышей и кельтов они есть. В Греции, наконец, их звали Диоскурами Кастором и Полидевком, у римлян имя последнего позднее изменилось на Поллукс.

27. Близнецы на лодке, изображенные на бритве из Вёля (из Юрген Шпанут, «Атлантида», Тюбинген, 1965)

Кульτ «божественных близнецов» был особенно популярен у дорийцев и, прежде всего, у дорических спартанцев. Здесь Диоскуры были главными богами и государственными богами, и цари Спарты, выводившие свое происхождение непосредственно от «Гераклида» Гилла, воспринимали себя как их представители. Здесь из культа близнецов возник, как и в некоторых других местах – также иногда у германцев – обычай правления двух царей.

По своей сущности, функции и задачам оба охотно готовых помочь юноши всюду и всегда остаются одинаковыми, только в Индии они еще и возникшие колесницы. Но всегда у них есть белоснежные кони, и они всегда сразу спешат туда, где кому-то требуется их помощь. Тот, кто попадает в беду, зовет их, в первую очередь женщины, так как благородные братья очень любят помогать им. Но также и больные взывают к ним – эти братья еще и врачи, и пленные тоже могут рассчитывать на их помощь. Моряки, попавшие в жестокий шторм, молят их

о помощи и жертвуют им белых свиней, как и вообще для них режут только белых животных.

Истоки этого представления лежат во тьме. Они, во всяком случае, очень древние. Есть много разных интерпретаций, например, в паре божественных братьев видели утреннюю и вечернюю звезду. Но на это можно справедливо возразить тем, что в мифах эти близнецы всегда выступают вместе, в единстве, не поодиночке. А вечерняя и утренняя звезда никогда не появляются на небе одновременно, поэтому маловероятно, что наблюдения как раз за этой звездой (Венерой) могли породить представление о паре братьев-помощников.

Хауэр пишет об Ашвинах-Алки: «Вероятно, та тайная робость, которую примитивный человек чувствовал по отношению к близнецам, вера в их особенные силы слилась с верой в свет». (155)

Диоскуры-Алки везде и всюду тесно связаны со своими белыми конями света. При случае они также превращаются – как часто поступают боги – в этих сопровождающих их животных и тогда выступают как две мчащиеся лошади. Поэтому, по мнению некоторых исследователей, этих близнецов сначала почитали как лошадей. Оба солнечных коня, на которых едет бог по небу, иногда носят те же самые имена, что и оба божественных близнеца. Тогда они явно находятся на их месте. Не должно ли было происхождение, по меньшей мере, веры в Диоскуров лежать здесь, и оба солнечных коня стали самостоятельными, и очеловечились или обожествились? И не должна ли была эта вера затем смешаться с другим еще более старым представлением, сказочным мотивом близнецов?

То, что мотив близнецов уходит далеко в мегалитическую культуру и по времени даже еще глубже, ясно. Мы можем вспомнить о том, что близнецы также в сказках о лебедях играют существенную роль, и об узнаваемой там связи с мифом о Посиде и Клейто. Часто близнецы встречаются нам в сказках и мифах, позже они становятся легендарными королями – до римских Ромула и Рема – и, как и близнецы из сказок, родоначальниками видных родов или основателей городов. Как и солнечный герой, они рождаются в нужде и вырастают в укромном месте, их вскармливает самка оленя или волчица, они умеют превращаться в животных и обладают другими чудесными способностями, и так далее.

Здесь можно задать вопрос, нет ли здесь связи с драмой солнечного героя, тем более, что Диоскуры описываются как сыновья Зевса, а «братья-помощники» вообще – как сыновья бога неба, каковым и является Зевс. Но почему удвоение? Не потому ли, что бог года имеет две формы – летнюю и зимнюю половину? Но здесь можно возразить тем же аргументом, что и в случае с интерпретацией об утренней и вечерней звезде. Все мифы о близнецах показывают, что

оба брата стоят на стороне света и являются неразделимыми. Они не изгоняют и не убивают друг друга, но они всегда вместе, всегда едины и всегда «добры». Кстати, близнецы в сказках и легендах тоже всегда держатся вместе, и для пяти пар близнецов атлантов, чтобы теперь упомянуть и о них, держаться вместе – это их самое важное задание, которое их отец «Посейдон» начертал как вечный закон на «стеле», мировом столбе.

Во всяком случае, влияние, которое оказала пара божественных братьев на культуру бронзового века Севера и на ее миф, очень заметное. В Греции Диоскуры – не всегда сыновья Зевса, Посейдона тоже называют их отцом. Их мать считается Леда, которая родила их на уединенном острове, они – братья Елены и, как и она, вышли из божественного лебединого яйца. Здесь уже очень ощутима связь с Посиде и Клейто и их сыновьями-близнецами, даже если все еще существует значительное различие между обоими всегда готовыми помочь юношами и десятью царями государственного мифа.

В результате остается предположение, что «божественные братья» на Севере в бронзовом веке играли ту же самую роль, что и в Индии и Греции. Они были спасителями в беде и всадниками, скачущими на конях света, они спешили помочь, когда к ним взывали в беде, они были любимы народом. И в «государственном мифе» Атлантиды их количество увеличилось в пять раз, и в этой новой интерпретации они стали древними царями и родоначальниками всех правителей атлантов, причем в таком превращении явно ощущался другой, древний миф о близнецах. (О связи «близнецов» с культом огня будет сказано позже).

Пятая глава

КУЛЬТ И ОБЫЧАИ

1. Священный остров во времена Одиссея

Конечно, в такой густонаселенной и цветущей стране, какой являлось это «царство Атланта» Севера в тринадцатом веке до Р. Х., было много святилищ, храмов, мест собраний мегалитического вида и происхождения, имелись там и рощи, источники и т.д. Вероятно, они были (так же, как и позже в германской области), в общем, в частном владении, часто основанные богатыми крестьянами, знатью или князьями, которые сооружали святилища на своей земле. Эти основатели или члены их семей затем также служили в храмах и занимались жертвоприношениями.

Но самое главное святилище, на острове в устье рек Эридана-Айдера, Хефера, Альбиса-Эльбы и Везера, центральное культовое место Посидеоса, судное место, место собраний царей Атлантиды и почитающих бога певцов и играющих на кифаре музыкантов, принадлежало, несомненно, верховному царю и властителю из рода Атланта. Это следует уже из применения имени «Базилея». Также во всех описаниях, как из древнего, так и из более позднего времени, подчеркивается тесная связь между царским дворцом и святилищем. О том, что этот царь исполнял здесь также обязанности жреца, мы узнаем из рассказа об Атлантиде и еще более явно из «Одиссеи».

При такой точности источников становится возможным даже достаточно подробное описание святилища, его местоположения, его окрестностей. Как источники также здесь в расчет принимаются в первую очередь рассказ об Атлантиде и «Феакия», и у истока обоих рассказов, очевидно, стоит какой-то свидетель, видевший все своими глазами. Конечно, рассказ об Атлантиде прошел через двойной перевод и память пяти следовавших друг за другом рассказчиков, и поэтому в нем больше ошибок, путаницы и преувеличений, чем в «Феакии». «Феакия», в отличие от него, явно происходит из непосредственного, недавнего и свободного от каких-либо чужих влияний наблюдения, возможно, из рассказа какого-то путешественника, у которого певец и поэт Гомер мог напрямую получить эти сведения. Хотя сюда тоже, конечно, попало кое-что сказочное, но так всегда бывает с подобными рассказами о дальних странствиях.

К этим двум самым существенным источникам можно добавить раннесредневековые сообщения об острове Фоситесланд, затем, как самые поздние свидетельства, карту Йоханнеса Майера 1649 года и сведения от водолазов, которые во время Второй мировой войны и после нее пытались разведывать «каменное дно» у Гельголанда.

Но и это еще не все. Есть еще один источник, которым нужно пользоваться с большой осторожностью, однако он тоже может внести некоторый вклад.

Шпанут полагает, что в «Эдде», и в ней, в первую очередь, в уже упоминавшейся «Волюспе», «Прорицании вёльвы», содержатся важные воспоминания об обстоятельствах бронзового века и, прежде всего, – спроецированные в будущее – о времени катастроф в 1220 году до Р. Х. Он делает из этого вывод, что замок богов «Асгард», который однажды даже назван «holmr», т.е. «остров», на самом деле идентичен со Священным островом Посиде-Посейдона. Так как соотвественства здесь действительно существуют, а также все имена персонажей и названия населенных пунктов «Прорицания вёльвы» указывают на Шлезвиг-Гольштейн, также в этом вопросе со Шпанутом трудно не согласиться. Без сомнения, память о «золотом времени» Севера содержится в нескольких песнях

«Эдды» и в сведениях исландского ученого Снорри Стурлусона, как и в еще более старых мифах мегалитической эпохи, действие которых происходит как раз в этом таинственном замке богов. Все же, все это очень сильно мифологизировано, так что тут можно выкристаллизовать только мало пригодного для темы «культ на Базилее». И все-таки также здесь ищущий найдет некоторые следы.

Что касается местоположения святилища, то рассказ об Атлантиде обозначает его как центр весьма плодородной равнины, которая расположена на острове и окружена возвышенностями и дамбой. Кроме того, похоже, что равнину окружал также ров или канал, из которого воду отводили на поля; но соответствующее место в рассказе об Атлантиде неясно, потому что здесь перемешаны друг с другом разные вещи.

В рассказе об Атлантиде упоминаются три внешние гавани. (Карта Йоханнеса Майера показывает для меньшего остаточного острова более позднего времени даже шесть гаваней: Северная гавань, Западная гавань, гавань Фрзейль (?) гавань Хиллиген, Восточная гавань, Фризская гавань). Особенно подробно Платон описывает большой порт для внешней торговли. Там сказано о множестве зданий («жилищ»), о многочисленных кораблях и купцах: «проток и самая большая гавань были переполнены кораблями, на которых отовсюду прибывали купцы, и притом в таком множестве, что днем и ночью слышались говор, шум и стук». Это неудивительно при большом торговом обороте и развитии мореплавания бронзового века и при богатых запасах янтаря и меди как раз на этом острове.

Из этой большой гавани вел прямой канал от моря до царского холма, находившегося на удалении 9,2 километра. «От моря они провели канал в три плетра шириной и сто футов глубиной, а в длину на пятьдесят стадиев вплоть до крайнего из водных колец: так они создали доступ с моря в это кольцо, словно в гавань, приготовив достаточный проход даже для самых больших судов» (Критий, 115d). Канал этот направлял морскую воду в три «водных кольца», которые окружали холм замка.

Эти водные и земляные кольца, которые якобы когда-то провел вокруг холма Посейдон, часто обсуждались как особенный признак «Атлантиды». Согласно рассказу Платона об Атлантиде, они образовывали концентрические круги. Для ширины этих земляных колец и водных колец указаны цифры, но они звучат неправдоподобно и преувеличенно. Земляные кольца были наращены подобно дамбе и укреплены при помощи стен из столбов. Через подводной канал были перекинuty соответственно мосты, под которыми могли проходить корабли, там также находились ворота и башни – Шпанут предполагает системы шлюзов и водоспусков.

Сам холм дворца был окружен уложенной слоями из камней стеной. Но здесь рассказ об Атлантиде говорит что-то, что звучит несколько невероятно: «стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности отделали медью, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя – орихалком, испускавшим огнистое блистание».

Богатство атлантов прославляется снова и снова. Но большие кольцевые стены, покрытые «орихалком» и оловом? Это описание невольно заставляет подумать о тех сказках, в которых герой поднимается в трехступенчатый мир или преодолевает три стены: одну из железа, одну из серебра, и одну из золота, или еще что-то подобное. Речь здесь идет о сказке мегалитических времен и, естественно, о путешествии солнечного героя в потусторонний мир. Могло ли быть так, что эти сказки вдохновлялись тройным ограждением замка Атлантиды, или же наоборот, это атланты пытались воспроизвести потусторонний замок здесь на своем Священном острове, и рассказы о чудесном замке в свою очередь отразились в сказках и мифах?

В любом случае: круглое сооружение на Базилее – Шпанут называет его «замком Трои» – происходило из времен мегалитов. Оно обозначается в рассказе об Атлантиде как очень древнее, сам бог построил его. Концентрические круги – это характерная черта мегалитических культовых сооружений. Шпанут указывает, например, на большие круглые каменные святилища в Южной Англии, которые были созданы или, по крайней мере, расширены переселенцами из Ютландии в конце каменного века и в бронзовом веке. Он считает, что сооружение на Базилее было еще старше и послужило образцом для таких «круглых храмов», тем более что с ним связывается истинно мегалитическое сказание о Священной свадьбе бога с девой-землей, о рождении близнецов и т.д. (156)

Здесь нужно еще кое-что сказать об «орихалке» из рассказа об Атлантиде. Шпанут предположил и, без сомнения, в этом он тоже прав, что речь здесь может идти исключительно о янтаре. Все, что говорится у Платона об «орихалке», касается только «золота севера», которое вплоть до римского императорского времени доставлялось на юг лишь с побережья Шлезвиг-Гольштейна. Из того, что египетский жрец говорит Солону об этом «материале», «по ценности своей уступавшему тогда только золоту», ясно следует, что ни он, ни Солон не знали, о каком именно «материале» шла речь. Этот «орихалк» был для них только словом, смысл которого никто из них уже не понимал, и поэтому оно так непереуведенным и попало в рассказ об Атлантиде. Значит, это слово было из индогерманского языка северных европейцев, который хоть и был похожим на греческий язык, но не одинаковым, и потому в рассказе об Атлантиде он отделяется от греческого и всегда называется «своим» (местным) языком. Поэтому так-

же ошибочно переводить «орихалк» греческим словом, означающим «горная руда» (горная медь, желтая медь – прим. перев.). Горную руду нельзя «в масле наносить» на стены, зато возможно это делать с янтарем, который можно варить в масле и превращать в янтарный лак, так как он – смола, а вовсе не руда и не металл. Напротив, «Суда», очень поздний большой энциклопедический словарь на греческом языке, составленный в Византии в десятом веке после Р.Х., еще совсем просто переводит «Oreichalkos» словом «electrum», т.е. янтарь. (157)

Шпанут объясняет, что «chalkos» был в греческом языке заимствованным словом и означал «происходящий с неба». (158) Первая же часть слова явно должна была иметь отношение к «золоту» (по латыни «aurum», на вульгарной латыни «ог»). Этот слог происходит, по моему мнению, от «aur», что значит блеск или золотой блеск. Кроме как на латинском языке это «aur» встречается также в древнескандинавском. В «Эдде», например, оно встречается неоднократно, написанное здесь как «aurg». Слово это обозначает там «блестящие росы, стекающие из вселенной». (159) Ясень Иггдрасиль увлажнен этой росой «aurg», и в «Перебранке Локи» Хеймдалль, старый бог мирового столба «Эдды» с доисторического времени стоит во вселенной с мокрым от этого «aurg» горбом:

«Ты, Хеймдалль, молчи!
От начала времен
удел твой нелегок:
с мокрой спиной
на страже богов
неустанно стоишь ты».

Внешний вид Хеймдалля, «косо стоящего посоха» (мировой оси) часто в разных вариациях сравнивается с «золотом». Роса «aurg» в «Эдде» – это золотой или также белый капающий с неба блеск. (160)

Орихалк означает «золотой блеск, который происходит от неба», и это точно соответствует мифу о «слезах бога солнца», которые капают в реку Эридан и становятся янтарем.

Большая важность, которая в рассказе об Атлантиде придается орихалку, поэтому не должна удивлять. Этот «материал» имел самое большое значение для Севера бронзового века. Он, очевидно, «извлекался из недр земли», прежде всего, на Священном острове и, он там имелся в больших количествах. Ведь его и сейчас еще иногда в большом количестве выкапывают экскаваторами на близлежащем полуострове Айдерштедт.

Запасы янтаря в то время должны были быть огромны. «Золото севера» экспортировалось в больших объемах, и на нем основывалось благосостояние империи атлантов. Если рассказывают, что жители острова даже топили печи «электроном» вместо дров, то можно предположить, что на самом деле они сжигали янтарь ради приятного запаха. Прежде всего, в храмах он мог использоваться вместо ладана. Очевидно, его было так много, что им можно было украшать стены, колонны и стены или покрывать их янтарным лаком. Затем слово «орихалк» было забыто и заменено на севере словом «Glas», «стекло», откуда и возникли сказания о стеклянных горах, храмах, залах и дворцах. Первоначально здесь всегда подразумевались янтарные залы и янтарные храмы. В одном месте «Эдды», в «Песне о Фйольсвидре», песне о солнечном герое Свипдаге (Свипдагре), даже оба эти слова появляются рядом для обозначения блестящего материала: «*Aur glasir*».(161)

Итак, возможность того, что несколько валов или деревянных стен замка Атлантиды были действительно покрыты «орихалком», все же существует. Если в легендах и сказках говорится о «золотом» или, по крайней мере, блестящем ограждающем вале, то блеск янтаря, возможно, действительно дал повод для такого приукрашивания. (Вероятно, от этого происходят и знаменитые «стены из пламени», через которые должен был перескакивать солнечный герой. Или же стена янтаря должна была представлять это яркое пламя мифа, кто теперь может это сказать?)

На обоих земляных валах, которые окружали замок, должны были размещаться спортивные сооружения для гимнастических упражнений мужчин: «гимнасии для упражнения мужей и коней. Все это было расположено отдельно друг от друга на каждом из кольцевидных островов; в числе прочего посредине самого большого кольца у них был устроен ипподром для конских бегов, имевший в ширину стадий (183 метра), а в длину шедший по всему кругу». Здесь можно вспомнить об «ипподроме» у Стоунхенджа, и о важности, которой обладали скачки и состязания на колесницах вообще в религиозном культе многих народов, прежде всего, у представлений, изображающих покойников – с таких представлений также начинались Олимпийские игры. Гонка по кругу могла быть связана с представлением движения солнца и, наряду со спортивным, могла обладать также магическим значением.

Вокруг «гимнасиев» располагались жилища стражи и свиты, самые надежные из них несли караул на меньшем и размещенном ближе к дворцу земляном кольце: «По ту и другую сторону его стояли помещения для множества царских копьеносцев, но более верные копьеносцы были размещены на меньшем кольце, ближе к акрополю, а самым надежным из всех были даны помещения внутри акрополя, рядом с обиталищем царя» (Критий, 117).

Вот что сказано в рассказе Платона об Атлантиде. Еще более яркой будет картина, если мы последуем за Одиссеем на остров феаков.

После того, как «прекрасный страдалец» на своем самодельном плоту потерпел кораблекрушение у расположенного перед островом скалистого массива, сегоднешнего Гельгоганда, ему удалось оплыть юго-восточный кончик острова. Там прилив вносит его в реку, процесс, который более поздние античные писатели подвергали сомнению, так как они думали, что «это невозможно, чтобы река текла против своего течения». Они, жители Средиземноморья, как раз уже больше не знали о том, какое сильное воздействие оказывают отливы и приливы на побережье Северного моря, но люди, рассказывавшие эту историю Гомеру, еще были вполне в курсе этого. (162)

Этой рекой мог быть только Хефер, который тогда, протекая с севера на юг, вероятно, отделял восточный берег острова от суши.

Одиссеей достигается берега острова, взбирается на дюну, затем прячется в кустарнике и погружается в сон, из которого его будит только крик играющих в мяч девушек. Они полоскали белье в реке, которая теперь снова несет пресную воду, и затем – настолько близко было от них море – разложили белье на морском берегу, чтобы оно высохло.

Затем происходит встреча Одиссея и Навсикаи, царской дочери. Позже он следует за колесницей Навсикаи, которая возвращается к ее родному дворцу. Дорога ведет через плодородные поля. К закату солнца они приблизились к «городу». Там лежит тополиная роща с источником и святилищем, которое – якобы – посвящено защищающей Одиссея богине Афине. Там он остается и молится, затем он, наконец, входит в город. Он встречается девушку, у которой он спрашивает дорогу, и которая провожает его. С удивлением он видит гавань – вероятно, на «внешнем водном кольце», каналы, «равнобокие» и «двухвостые» корабли, и стены, длинные и высокие, окруженные частоколом, в общем, чудесный вид. Они достигают дворца, и девушка показывает Одиссею «жилище» царя Алкиноя.

Здесь теперь возникает вопрос, что тут следует понимать под «городом», о котором рассказывается здесь, как и в рассказе об Атлантиде. Еще совсем недавно считалось, что до христианского средневековья на европейском севере вообще не было городов. Но проведенные в недавнее время раскопки, как подчеркивает Шпанут (163), показали, что уже в эпоху неолита в Шлезвиг-Гольштейне и Дании существовали достаточно большие, окруженные валами, подобные городам поселения. Тем не менее, здесь, на Священном острове, речь не может идти о том, что мы называем городом. То, что вокруг гаваней вырос-

тали жилые дома, склады для товаров и т.д., вполне вероятно, так же и то, что за дамбой и на равнине были рыбацьи дома и крестьянские хутора или маленькие поселения. О зданиях на земляных валах вокруг замка уже говорилось. Но сам холм с замком («дворцом») с его диаметром всего 920 метров – согласно рассказу об Атлантиде – не давал достаточно большой площади для «города». Если «город» на острове Базилея и называется в рассказе об Атлантиде «метрополией» («материнским городом»), то под этим подразумевается, конечно, вовсе не «метрополия» в привычном для нас понимании, а как раз то место, где родилась Клейто, мать-земля, или где она сама родила божественных близнецов.

Рассказ об Атлантиде перечисляет все, что находилось здесь за каменной стеной: святилище Посейдона, которое, согласно Гомеру, было большим обрамленным камнями и мощным кругом (переводчик «Одиссеи» называет это «рыночной площадью»); храм, оба пруда с родниковой водой; бани и места для купания лошадей и, вероятно, также хлев для быков, так как там сказано, что в священной роще разгуливали на воле посвященные божеству быки. Ко всему этому добавлялся еще царский двор, который, конечно, кроме большого зала, включал множество зданий, жилища царских сыновей и дочерей и других родственников, надежной свиты и стражников, резиденции для гостей, конюшни, кухни, пекарни, пивоварню, жилища служащих, склады для припасов – все то, что позже было также у германских королевских дворов, включая те сооружения, которые мы сейчас называем туалеты, и уже достаточно цивилизованные атланты без них точно не могли бы обходиться. В общем и целом, «двор» наверняка представлял собой целый лабиринт самых разных зданий, так что Одиссею, чтобы ориентироваться в нем, действительно нужна была помощь проводной.

Рассказ об Атлантиде не дает более точного описание царского «жилища». Он только говорит: «Дворец они с самого начала выстроили там, где стояло обиталище бога и их предков, и затем, принимая его в наследство, один за другим все более его украшали, всякий раз сясь превзойти предшественника, пока в конце концов не создали поразительное по величине и красоте сооружение» (Критий, 115). И позже: «царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ» (Критий, 117).

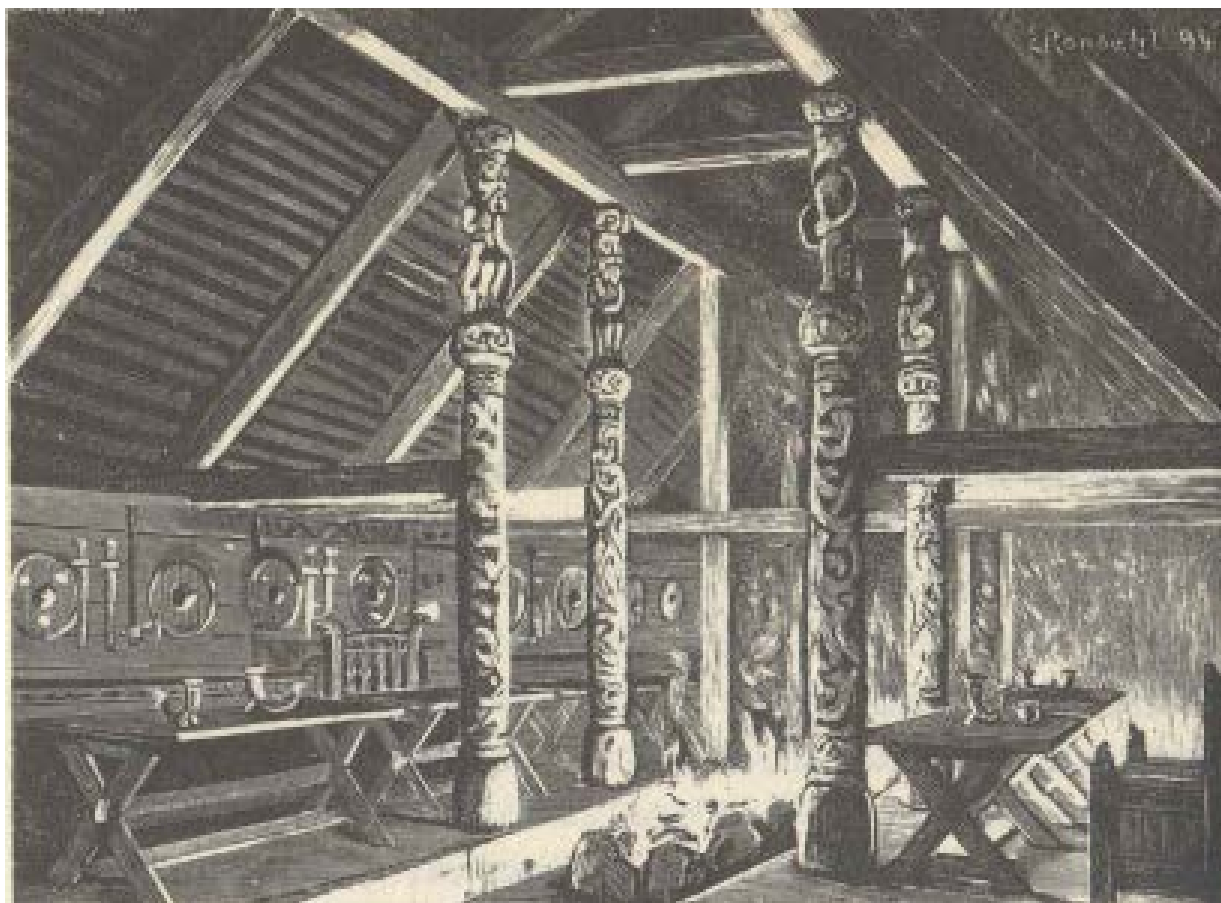
Гомер выражается не менее воодушевленно, но дает куда более подробное описание («Илиада», 7/84-130):

«Одиссей же к славному дому пошел Алкиноя. Пред медным порогом
Остановившись, долго стоял он, охвачен волнением, –
Так был сиянием ярким подобен луне или солнцу

Дом высокий царя Алкиноя, отважного духом.
Стены из меди блестящей тянулись и справа и слева
Внутрь от порога. А сверху карниз пробегал темносиний.
Двери из золота вход в крепкозданный дворец запирали,
Из серебра косяки на медном пороге стояли,
Притолка – из серебра, а дверное кольцо – золотое.
Возле дверей по бокам собаки стояли. Искусно
Из серебра и из золота их Гефест изготовил,
Чтобы дворец стерегли Алкиноя, высокого духом.
Были бессмертны они и бесстаростны в вечные веки.
В доме самом вдоль стены, прислоненные к ней, непрерывно
Кресла внутрь от порога тянулись: на них покрывала
Мягко-пушистые были наброшены – женщин работа.
В креслах этих обычно вожди восседали феаков,
Ели и пили обильно, ни в чем недостатка не видя.
Юноши там золотые стояли на прочных подножьях,
Каждый в руке поднимал по пылавшему факелу, ярко
Комнаты дома в ночной темноте для гостей освещая.
В доме его пятьдесят находилось женщин-невольниц;
Те золотое зерно жерновами мололи ручными,
Пряжу пряли другие и ткани прекрасные ткали,
Тесно одна близ другой, как высокого тополя листья.
С плотно сработанной ткани струилось жидкое масло.
Как между всеми мужами феаки блистают искусством
По морю быстрый корабль направлять, так и жены искусны
Более прочих в тканье: одарила их щедро Афина
Знанием прекрасных работ рукодельных и разумом светлым.
Сад у ворот вне двора простирался огромный, в четыре
Гия пространством; со всех он сторон огражден был забором.
Множество в этом саду деревьев росло плодоносных –
Груш, гранатных деревьев, с плодами блестящими яблонь,
Сладкие фиги дающих смоковниц и маслин роскошных.
Будь то зима или лето, всегда там плоды на деревьях;
Нету им порчи и нету конца; постоянно там веет
Теплый Зефир, зарождая одни, наливая другие.
Груша за грушей там зреет, за яблоком – яблоко, смква
Следом за смоквой, за гроздьями вслед поспевают другие.
Дальше, за садом, насажен там был виноградник богатый.
В части одной на открытой для солнца и ровной площадке
Гроздья сушились, а в части другой виноград собирали.
Там уж давили его, там едва только он наливался,
Сбросивши цвет, а уж там начинал и темнеть из-под низу.

Вслед за последней грядой виноградной тянулись рядами
Там огородные грядки со всякою овощью пышной.
Два там источника было. Один растекался по саду,
Весь орошая его, а другой ко дворцу устремлялся
Из-под порога двора. Там граждане черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев».

Описание это, несомненно, слегка преувеличено, как и все такие поэтические повествования греков. Во всяком случае, мы узнаем, что царский зал был весьма роскошно украшен с выкованными собаками как сторожами, золотой дверью и передним покоем («сенями»), в котором, кстати, позже, очевидно, как знак особой чести, была поставлена кровать для Одиссея. Так как эти «сени» были, похоже, открыты наружу, спать в них можно было только в теплой стране, но Шлезвиг-Гольштейн и был в то время теплой страной, о чем не следует забывать.

28. Германский королевский зал (реконструкция; из В. Шульц, «Древнегерманская культура», Мюнхен, 1934)

Внутренняя часть «дворца» полностью соответствует более позднему устройству германских залов. Вдоль стен находились сиденья для свиты (покрытые вышитыми одеялами), при трапезе каждый получал тогда свой собственный маленький столик (как это всегда было обычаем на севере Европы). То, что, однако, «золотые юноши стояли на высоких подножиях», чтобы горящими факелами светить гостям на ночных пирах, выглядит несколько сказочным и невероятным. В более поздних германских королевских залах ничего подобного, во всяком случае, не было. Но – кто знает, что умели делать богатые золотом и художественным талантом атланты? «Довольно золота было у богов», сказано в «Эдде», в ретроспективном взгляде на то время.

Во всяком случае, остальное устройство зала соответствует более поздним привычкам. Огонь также днем горит в очаге, находящемся между двумя колоннами, подпирающими крышу дворца. Там стоит высокий престол царя, и рядом с ним сидит царица, крутящая золотое веретено – «тонкие нити прядущая цвета морского пурпура», а за ней сидят девушки-рабыни. («Одиссея», 6/305-307).

На званом обеде, в котором участвуют свита и «князья», очевидно, советники царя, подают серебряные чаши (тазы) для умывания рук, вино там пьют из золотых сосудов, а к горячим блюдам подается хлеб. Девушки обслуживают. Чаши с вином передаются по кругу «направо», и часть вина жертвуется богам. (164)

Важно, что слепой певец Демодок во время трапезы исполняет песни о героях, сопровождая себя на арфе. Он тоже сидит у опорной колонны дома, получает стол, корзинку с хлебом и кубок с вином, позже Одиссеей посылает ему лучший кусок мяса со своей тарелки, что очень радует старика.

Когда потом все товарищи по застолью идут для гимнастических состязаний на «рынок», его тоже проводит туда герольд (вестник). Этот «рынок», очевидно, находится совсем близко от царского дворца, так как когда Демодок должен был петь для сопровождения танца юношей, то его арфу быстро приносят из дворца, вестник сразу возвращается обратно. Можно предположить, что этот «рынок» был агорой, о которой говорилось («Илиада», 6/266-67), что она включает храм Посейдона (то, что там хранятся или продаются снасти для кораблей, однако, маловероятно). Другой «рынок», т.е. место собраний, на котором утром царь созывает собрание «князей и советчиков» – однажды там говорится и о «старейшинах» – мог лежать несколько дальше, вероятно, на одном из земляных валов, «потому что он был построен у кораблей».

Кстати, тот факт, что Алкиной даже из-за столь малозначительного дела, как размещение и отправка домой чужеземца, все же, должен был созвать заседание совета, указывает на действительно демократические отношения на Севере

того времени. (165) С другой стороны, Алкиной всегда называется «священной властью». Это могло быть одной из греческих поэтических форм без реального значения, но вполне могло бы быть и пережитком обычаев из эпохи сакральной королевской власти, примеры чего мы находим в достаточном количестве также в позднегерманском времени. Смешение сохранившихся воззрений и обычаев сакральной королевской власти, с одной стороны, и демократической формы правления, с другой стороны, было, очевидно, издавна типично для Севера. Оно сохранилось также до сегодняшнего дня в североевропейских странах, в наиболее яркой форме оно выражено в Англии. (166)

В непосредственной близости как от царского дворца «около калитки», так и от святилища находился также сад или Священная роща «Посейдона». Как рассказ об Атлантиде, так и «Одиссея» удивительно одинаково описывают эту рощу, только «Одиссея» поселяет там массу тропических плодовых культур, которые вряд ли могли бы расти на острове в Северном море – даже несмотря на климатический оптимум. Но также и яблоки, которые играют важную роль в столь многих рассказах и преданиях, посвященных Священному острову, (например, в мифе об Атланте и Гесперидах) и из-за которых этот остров также назывался «Абалус», позднее «Авалион» – «яблочный остров», упомянуты здесь. Затем называются цветы, травы и овощные культуры, и в обоих сообщениях равным образом восхваляется «красота и чудесно высокий рост» деревьев («благодаря дарам плодородной земли», говорит рассказ об Атлантиде). Оба сообщения говорят также о двух источниках (в рассказе Платона об Атлантиде уточняется: один горячий родник и один холодный), из которых, как минимум, один брал свое начало в саду, и его вода бежала между растениями. И он – об этом сказано только у Платона – снабжал различные бани и бассейны царского двора водой. О том, что воду другого источника направляли дальше, и она была доступна также «гражданам», говорят оба сообщения.

Один из источников, вероятно, горячий, больше не появился после гибели острова и его повторного появления из морских вод. Позднее рассказывалось только об одном источнике в святилище, который Фосите смог пробудить из земли при помощи своего топора, что соответствует и рассказу об Атлантиде, где открытие обоих источников приписано Посейдону. Роща бога снова существовала также после катастроф, и прекрасные деревья прославлялись и позже, только в сообщении Адама Бременского от 1070 года после Р.Х. остров обозначается как «лишенный деревьев». Очевидно, сильные наводнения средневековья и, возможно, также рьяные миссионеры сделали свое дело. Йоханнес Майер отмечает на своей карте еще район с деревьями, также достаточно большой лес «Хиллигенвальд», т.е. Священную рощу.

2. Святилище

Само святилище как раз и состояло из только что упомянутой агоры и храма. Агора была круглой, как и весь холм, центр которого она образовывала. Она, очевидно, была еще раз окружена стеной и вымощена. Такая доисторическая мостовая из явно обработанных рукой человека кремневых камней была вместе с остатками каменного вала найдена водолазами в 1953 году на «каменном дне», на том холме, на котором когда-то могли стоять дворец и храм. Шпанут приводит соответствующие рисунки. (167) Также у нескольких курганов бронзового века, например, одного на нагорье Гельгоlanda и нескольких на Зюльте, была такая же вымощенная поверхность в их внутренней части. Кремневые камни происходят из Дании, из доисторической шахты близ Ольборга у проливов Лимфьорд. Эту шахту использовали во втором тысячелетии до Р. Х., а потом забросили. Это значит, что камни приходилось везти четыреста километров по суше и по морю к Священному острову. (168)

В своей статье о «Мегалитах Юго-Восточной Азии» доктор Роберт Хайне-Гельдерн подчеркнул соответствие между греческими агорами и служащими культовыми местами каменными кругами живых мегалитических культур Восточной Азии. Хайне-Гельдерн выступает против того, чтобы называть греческие агоры «рынками». По меньшей мере, в раннегреческое время агора, так же, как и культовый каменный круг сегодняшних мегалитических народов, служила исключительно культовым целям: собраниям, судам, гимнастическим играм и танцам юношей, однако они все там (в Юго-Восточной Азии) были укоренены в культе или до сих пор принадлежат к нему. Также греческая агора была каменным кругом с – обычно полированными – каменными сиденьями для собравшихся, с тронем для правителя и алтарным камнем или культовой колонной.

Таким образом, мы можем представить себе окруженную стеной площадь перед храмом Посиде, освященный круг с каменными сиденьями (Шпанут думает, что здесь, так же, как и в Стоунхендже, стояли пять трилитических (тройных) камней в качестве столбов высоких престолов для царей атлантов). В центре, который был одновременно центром холма и центром всего острова, стояла стела, мировой столб (о котором мы позже еще поговорим более подробно). Так как согласно рассказу об Атлантиде, на стеле были написаны законы, она была также колонной суда, и мы можем предположить, что здесь происходили судебные заседания. На то, что на агоре устраивались гимнастические игры, соревнования и танцы культового рода, указывает «Одиссея», и о том, что здесь в жертву приносили быков, говорят оба сообщения.

Камни, которые окружали этот Священный Круг, как представляется, окружали также храм и, возможно, соседнее с ним здание, например, сокровищницу бога. Я считаю также вероятным, что здесь находился пруд второго источника. В «Асгарде» «Эдды» от корней Мирового древа, помимо потока Хвергельмир, берут начало еще два источника с соответствующими прудами: источник Мимира и источник Урд. Последний лежит совсем близко к Мировому древу прямо под его ветвями, и два лебедя плавают в нем. Здесь сама собой напрашивается мысль о священных лебедях, которых еще в восьмом веке после Р.Х. содержали в святилище на Фоситесланде, и которые были убиты христианскими миссионерами. Конечно, лебеди бога плавали в священном пруду уже значительно раньше в эпоху апогея культа бога лебедей. Шпанут (170) пишет об этом: «Примечательно также то, что согласно одному древнему делийскому преданию в Гиперборее на Священном острове в святом источнике содержали посвященных Аполлону лебедей. По этой причине делийцы на посвященном Аполлону острове Делос создали искусственный пруд, который издавна снабжался водой. В этом пруду, который был найден при раскопках, содержали по гиперборейскому образцу лебедей в честь Аполлона». (171)

Сам храм в «Одиссее» только упомянут, зато в рассказе об Атлантиде он описан точно.

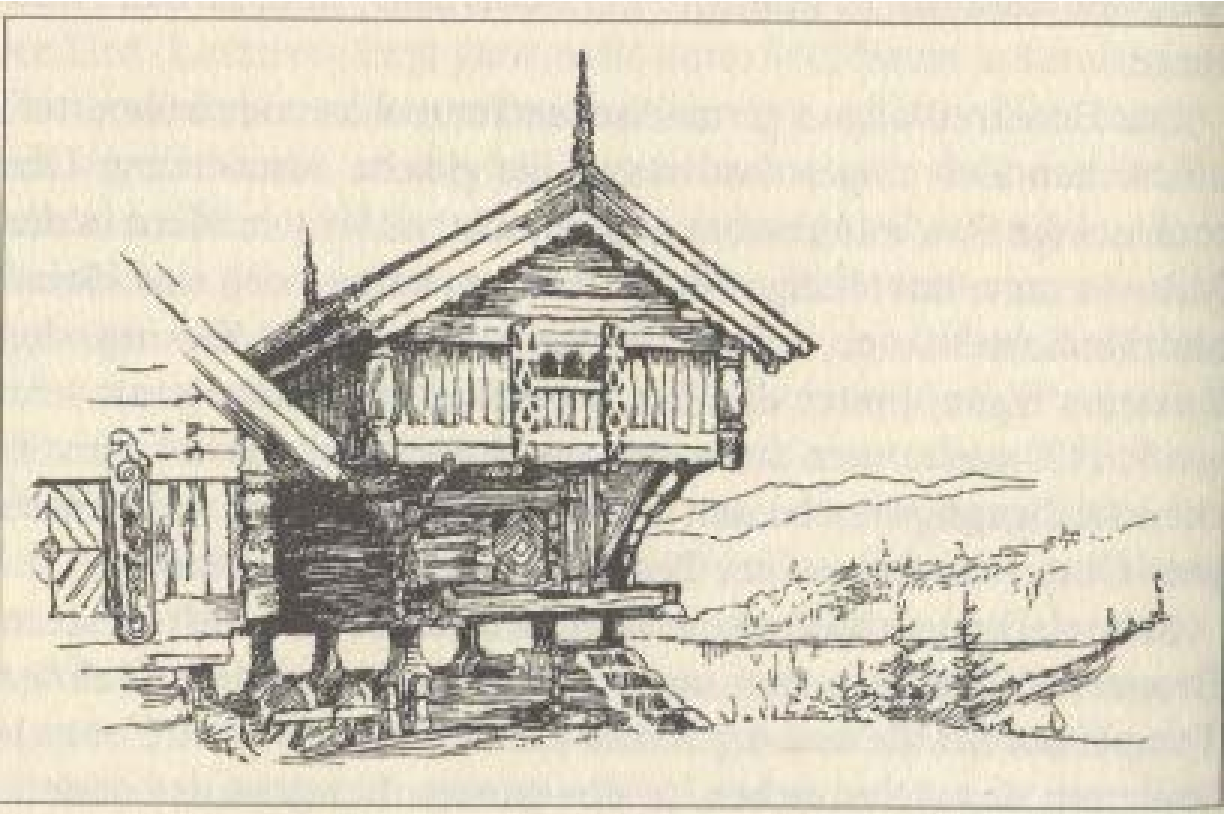
Вопрос о том, были ли у северных людей вообще храмы, больше, пожалуй, не требует подробного обсуждения. Естественно, на Севере, так же, как и у других индогерманских народов, во все времена были посвященные культу закрытые и покрытые крышей здания. Сведения Тацита в этом вопросе (172) основываются либо на неосведомленности, либо на желании обобщить отдельные, полученные от доверенного лица автора сведения, перенеся их на всех германцев, и интерпретировать их с благородным глубоким смыслом. Вероятно, на переднем плане в культе германцев времен Тацита в большей степени находились священные рощи, которые также существовали всегда. Но когда говорили о «роще», «леске» или «дворе», то просто вовсе не упоминали, что, естественно, к этой роще принадлежали также здания. У каждого большого святилища были сокровища, символы, штандарты и т.д., то есть, вещи, которые должны были храниться в закрытом помещении. Также вечный огонь, который должен был быть в каждом значительном святилище, и который тушили только к наступающему новому году, не мог храниться под открытым небом – даже во времена климатического оптимума, не говоря уже о более поздних холодных и дождливых временах. Для него требовался «дом огня», в котором находился очаг.

Описания германских храмов из раннесредневекового времени почти всегда изображают одно и то же устройство. Прямоугольное строение было красиво украшено драгоценностями, в середине в очаге горел Священный огонь, за ним

находилась маленькая похожая на алтарь стена, на которой лежали освященные дары и «кольцо клятвы» жреца, за стеною обычно поднимались часто очень большие статуи богов. Они были сделаны из дерева, раскрашены подобно христианским фигурам святых и частично позолочены, и изображали тех богов, которым был преимущественно посвящен храм.

В значительно более богатую эпоху бронзового века храмы, в общем, должны были не особо отличаться от этой картины. То, что храм Посиде и Клейто на Базилее, центральное святилище царства атлантов, даже всей сферы атлантской «Конфедерации», был построен с особым искусством и очень богато украшен, это очень вероятно.

В рассказе Платона об Атлантиде об этом храме говорится так: «В самом средоточии стоял недоступный святой храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной, и это было то самое место, где они некогда зачали и породили поколение десяти царевичей; в честь этого ежегодно каждому из них изо всех десяти уделов доставляли сюда жертвенные начатки. Был и храм, посвященный одному Посейдону, который имел стадий в длину, три плетра в ширину и соответственную этому высоту; в облике же постройки было нечто варварское. Всю внешнюю поверхность храма, кроме акротериев (орнамента над углами фронтона зданий), они выложили серебром, акротерии же – золотом; внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь изукрашенный золотом, серебром и орихалком, а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния...» (Далее следует описание статуи Посейдона на колеснице, которое мы уже приводили.)

29. «Стаббур» (амбар из бревен на высоких опорах) у озера Болькешьё, Телемарк, Норвегия (рисунок по Тидеманну)

Итак, храм был очень большим прямоугольным строением, указанные размеры кажутся, однако, преувеличенными (длина 183 метра, ширина 92,5 метра). Маловероятно, чтобы его внешняя стена была полностью «покрыта» серебром, но, возможно, она могла быть украшена серебром. Не были ли «выложенные золотом» акротерии на самом деле позолоченной кровельной дранью? О более поздних германских храмах часто говорят, что у них были золотые крыши, т.е. крыши, которые были покрыты позолоченной кровельной дранью (например, в большом храме в Упсале, который описывал еще Адам Бременский в 1080 после Р.Х.).

Но что имелось в виду под «варварским обликом»? Прежде всего: этот храм мог быть деревянной постройкой, и одно только это должно было уже показаться греческому наблюдателю необычным. Север никогда не знал каменного строительства в его южном понимании. Люди мегалитической культуры, вероятнее всего, нагромождали большие каменные блоки в виде валов, стен, могил и, во всяком случае, делали из камней фундаменты, но сами дома были сделаны из дерева или глины и покрыты камышом или соломой. В бронзовом веке дело об-

стояло точно так же. Рассказ об Атлантиде говорит о строениях, которые были «украшены» цветными камнями – именно для украшения – но они, безусловно, не были полностью сооруженными из камня строениями.

Шпанут недавно (173) указал на описание храма Соломона в нескольких книгах и главах Библии. Так как древние евреи ничего не понимали в деревянном строительстве, зато филистимляне и переселившиеся вместе с ними и родственные им народы сакар (зекер) строили большие и прекрасные деревянные храмы, то Соломон попросил у правителя финикийского Тира прислать к нему на время зодчего, который был специалистом по традиционному деревянному строительству северных народов моря, к тому же он еще заказал древесину из Ливана. Храм был длинным строением с главным помещением и отделенной от него Святой святых, с притвором и тремя лежащим друг над другом галереями, каждая из которых немного выступала вперед, так что строение было наверху значительно шире, чем внизу. Эти галереи, вероятно, могли быть открыты на верхних этажах и украшены резными балюстрадами, подобно галереям в домах Шварцвальда или Швейцарии. Шпанут сравнивает это строение с норвежскими складскими помещениями, называемые «стаббурами», которые демонстрируют такой же строительный метод. Храм Соломона стоял на каменном фундаменте, который можно увидеть еще и сегодня. Недалеко от входа в притвор стояли две колонны, подпиравшие крышу. Архитектор украсил храм различными фигурами, например, «солнечной колесницей» с лошадьми и изображениями бога, которого сравнивали с греческим Аполлоном. Один из наследников Соломона позже приказал убрать эти изображения как «языческие» и сжечь их.

Триста лет – это не особо долгое время. И вполне вероятно, что у северных народов моря в Палестине сохранилась традиция строительства, корни которой лежали в храмовой архитектуре их прежней родины, и что образцом для храма Соломона был, в конечном счете, храм Посиде на острове Базилея. Если он выглядел похоже на норвежский «стаббур», рисунок которого Шпанут приложил к своей статье в журнале «Германия в прошлом и настоящем», то его «варварский облик» был бы для нашего глаза очень привлекательным.

О внутренней части храма на Священном острове говорится, что потолок был сделан из «слоновой кости» и был украшен золотом, серебром и орихалком. У него, стало быть, не было открытых стропил. Что касается «слоновой кости», то на Севере было достаточно много моржовых бивней и ископаемых костей мамонтов, также позднее это было там основной статьей экспорта. То, что стены, колонны и пол были выложены янтарем или были покрыты янтарным лаком, правдоподобно. Если подумать о том, как богато были украшены золотом и серебром и даже драгоценными камнями более поздние германские храмы, описания которых дошли до нас, и что еще в сообщениях святых восьмого века по-

сле Р.Х. святилище Фосите описывается как «храм неслыханного великолепия» и говорится о больших сокровищах, которые миссионеры нашли в святилище, то слова рассказа об Атлантиде кажутся здесь не слишком преувеличенными.

То, что описанный так храм не мог происходить из эпохи мегалитов, понятно. Но рассказ об Атлантиде одновременно говорит также о помещении, в котором «в самом начале» божественная пара зачала и родила сыновей-близнецов. Возможно, здесь сохранилось некое очень древнее помещение мегалитического происхождения, вокруг которого потом был построен большой храм, а само это помещение образовало его «Святая святых», или же храм был пристроен к нему.

«Золотую стену», которая окружала храм, «peribolos», Шпанут хотел бы интерпретировать как золотую цепь, которая была положена вокруг «святилища». Он пишет, что такая цепь окружала кольцом также главнейшее святилище шведов в Упсале. (174) Здесь можно вспомнить об очень старых детских играх, которые были когда-то культовыми хороводами, и где поют о «золотой цепи», идущей «вокруг дома», из которого выглядывает «прекрасная дева». То, что эта широко распространенная песня о «золотой цепи» принадлежит к ритуальным играм сватовства, которые начинали когда-то «Священную свадьбу» богов, констатировалось неоднократно. (175) Без сомнения, золотая «Peribolos» принадлежит к такому важному святилищу, как центральный храм Посиде и Клейто, и она в столь же малой степени является плодом фантазии, как и янтарный зал во внутренней части храма.

Храм также мог содержать очаг для священного огня и затем ту статую «Посейдона», о которой уже говорилось, вместе с другими «статуями» из золота. Даже вокруг храма еще могли стоять многочисленные золотые статуи и освященные дары. Также Шпанут говорит здесь о «преувеличении». Но кое-что, вероятно, могло быть и правдой. Статуя, голова которой касалась потолка, окруженная сотней Нереид верхом на дельфинах? Фантазия или действительность?

Мы точно знаем только то, что кузнецы европейского Севера, в первую очередь датские, умели создавать маленькие бронзовые статуэтки большой выразительной силы. Ясно, что кузнечное искусство стояло тогда на высоком уровне. Золото и серебро – это вожаделенные металлы. Большие статуи также не кладут с покойниками в могилы. То, что из всего этого здесь ничего не сохранилось, едва ли должно удивлять. Также из больших золотых скульптур в Древней Греции и Риме, о которых мы знаем из литературы, ничего не дошло до будущих поколений. И это искусство, насколько им занимались на севере, во время катастроф перебралось с кузнецами на юг. Статуэтки бога из Энгоми на Кипре свидетельствуют об этом. А маленький остаток населения, сохранившийся после

великих бед и климатического кризиса на территории бывшего царства атлантов, обеднел и не имел больше никакой возможности создавать произведения из золота, ни большие, ни маленькие.

Как и искусство ковать железо, уже известное на Севере в конце бронзового века, (176) которое вместе с кузнецами переселилось на берега Средиземного моря, и много веков на Севере им больше никто не занимался, так исчезло из северного мира также и умение создавать произведения искусства из металла, причем сразу примерно на 2500 лет. Германцы более позднего времени были хорошими резчиками по дереву. Рассказы миссионеров говорят о великолепии островного святилища, о сокровищах и «украшенных колоннах», но если фризский бог Фосите вообще сидел в своем храме в виде некоего изображения, то это изображение было из дерева (и потому его легко можно было сжечь). И если когда-то к концу тринадцатого века до Р. Х. его статуя из сверкающего золота, огромного размера, стоящего на колеснице, действительно стояла в строении храма – то и она тоже могла быть сожжена, расплавлена в огне, который, как говорит вельва, падал тогда с неба:

«Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит».

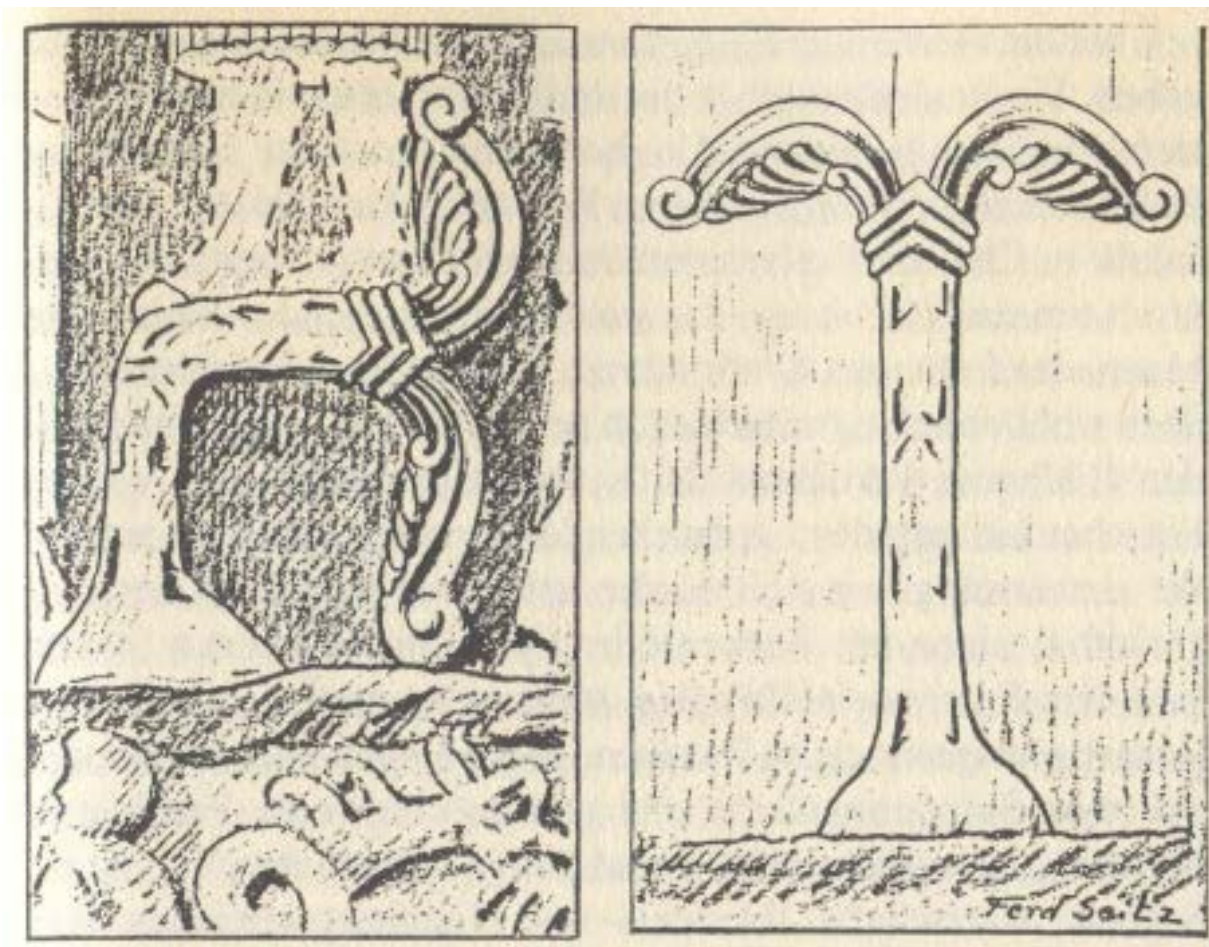
Поэтому будущие поколения не могут больше ожидать здесь археологических находок и тем самым какой-либо уверенности в обсуждаемых здесь вопросах.

3. Мировой столб

Но не храм божественной пары, а мировой столб, опора неба образовывала настоящий центр святилища, как и всего острова. Знаменитая, упоминаемая с древнейших времен в столь многих сообщениях египтян, ассирийцев, хеттов, позже греков и римлян «северная колонна, которая стоит под полярной звездой и держит небо», поднималась, вероятно, в середине агоры атлантов на трехступенчатом фундаменте, который символизировал «мировую гору».

То, что она находилась внутри храмового строения, судя по всему, что говорит о ней рассказ об Атлантиде, невероятно. Там опорные колонны, которые держали крышу, позже могли бы также символизировать «асов», божественных

держателей мира и неба в переносном смысле. Но настоящий мировой столб должен был стоять под открытым небом, так же, как и более поздние колонны Геракла (Геркулесовы столбы) и еще более поздние священные столбы. Но с такой же малой вероятностью он мог бы стоять на крыше храма. (177) Храм этот, конечно, не был плоским, а по доброму старому северному обычаю имел двускатную или вальмовую четырехскатную крышу (покрытую золотой кровельной дранью?), и взобраться на нее было бы тяжело.

30. Согнувшийся и выровнявшийся вертикально священный столб Ирминсуль (рисунок в Ф. Зайтц, «Ирминсуль на рельефе в Экстернштайне», Пэль, 1956)

Так как жертвоприношение быка по поводу собрания царей осуществлялось наверху на колонне (рассказ об Атлантиде), то эта колонна должна была быть – по меньшей мере, во времена атлантов – не слишком высока, и на нее можно было взобраться. Позже – после катастроф – заново построенная мировая колонна так же, как и священный столб саксов Ирминсуль, могла иметь «значи-

тельную высоту». Во втором веке до Р. Х. Скимн Хиосский пишет, что «северная колонна (stela boreios) высоко поднимает свою вершину над морем». (178)

Форма колонны сегодня практически не может вызывать сомнений. Она, очевидно, на протяжении тысячелетий оставалась почти одинаковой. Самое лучшее и самое точное изображение ее сейчас, как и раньше, можно увидеть на сцене снятия Иисуса с креста на рельефе двенадцатого века после Р.Х. в Экстернштайне близ Хорна в Вестфалии. Спор вокруг «изображения», которое какгибающееся дерево служит подставкой человеку, снимающему Иисуса Христа с креста, может теперь считаться окончательно законченным, после того, как в первую очередь скульптор Фердинанд Зайтц, но также и многие другие исследователи собрали прямо-таки подавляющие доказательства в пользу «священного столба Ирминсульт». (179) «Изображение», которое, выпрямившись вертикально, демонстрирует снабженный зубцами или ступеньками ствол (на самом рельефе в Экстернштайне прямоугольный, обычно в большинстве случаев круглый) с двумя вытянутыми подобно рукам ветвями, концы которых спиралями завернуты внутрь или наружу и напоминают о скатанных листьях папоротника, этот деревянный столб распространен во многих частях света в бескрайнем разнообразии как символ благословения, господства, суда и знак бога неба. Он, наконец, превратился в геральдическую лилию и украшает королевские мантии, скипетры, гербы и т.д. Центр между обеими «руками» считался «местом, где отдыхает солнце» (Софокл), и на многих изображениях здесь действительно покоится солнечный шар. Еще чаще полярная звезда находится на этом месте, понимаемая и изображаемая как «вселенский гвоздь» (германцы поэтому называли ее «звездой гвоздя»). Из этой клинообразной вершины позже появилась клинообразная тычинка «лилии».

У колонны в Атлантиде распростерты «руки», очевидно, были настолько велики и широки, что, стоя на них, можно было резать быка. Эти «руки» как раз и несли символически небо, распростерты руки Атланта, как говорили греки.

То, что этот мировой столб представляет, собственно, стилизованное дерево, ясно. По моему мнению, символ «колонны», который как «столб» приобрел такое широкое распространение – прежде всего, у восточных народов – произошел первоначально из «Мирового древа», которое всегда снова и снова закреплялось в обычаях и изображениях – до сегодняшнего дня. Поддерживающий мир столб на Священном острове, «по ту сторону северного ветра», возможно, еще рано во времена мегалитов приобрел стилизованную форму колонны, но в нем, тем не менее, все равно видели дерево. «Эдды» в этом вопросе дают ясные сведения. Посреди окруженного стеной огня замка богов стоит мировой ясень Иггдрасиль, орошаемый «Aurg», жидким золотым блеском, стекающим из вселенной, и у источника близ корней ясеня собираются для тинга (собрания,

веча) и суда двенадцать богов – как десять царей из рассказа об Атлантиде собираются у подножия янтарной колонны права. Соответствие между рассказами здесь настолько заметно, что нельзя сомневаться в их связи. Но в песнях «Эдды» именно дерево наполняло вселенную своими ветвями и в то же время подпирало понимаемое как гигантский череп небо. Это должно было быть изначальным представлением. Ибо описание «Эдды» по своей полноте и великолепию намного превосходит все остальные соответствующие мифические свидетельства, также у индоариев и иранцев.

«Ирминсуль», священный столб саксов, был, как и колонна на Базилее, стилизованным деревом. Он был сделан из дерева, могучий ствол его, по словам франкской хроники, вертикально поднимался высоко к небесам. Также колонна в Атлантиде могла быть из дерева. Хотя рассказ об Атлантиде говорит: «из орихалка». В общем, возможно, что эту колонну сделали полностью из янтаря, но гораздо вероятнее, что также она была толстым стволом дерева (вероятно, его обрубили до четырехугольной формы), покрытым янтарным лаком.

В орихалке были вырезаны знаки. Рассказ об Атлантиде говорит: «Порядки относительно властей и должностей с самого начала были установлены следующие. Каждый из десяти царей в своей области и в своем государстве имел власть над людьми и над большей частью законов, так что мог карать и казнить любого, кого пожелает; но их отношения друг к другу в деле правления устроились сообразно с Посейдоновыми предписаниями, как велел закон, записанный первыми царями на орихалковой стеле, которая стояла в средоточии острова – внутри храма Посейдона» (Критий, 119 с).

И Мировое древо, и мировой столб были также хранителями меры и порядка. В «Прорицании вельвы» мировой ясень называется «miotvidr» – дерево меры. Шпанут здесь цитирует Хауэра (1940/345): «С опорными балками связывалась идея строгой меры и вместе с тем – порядка»... «В символе мирового столба, таким образом, выражается вера в постоянное сохранение существования вселенной, в которой царят мера и строгий порядок, и которая твердо подпирается опорными балками». Римляне называли «северные колонны» также «metae», что также означает колонны меры. Наверняка эта «колонна меры» служила также для измерения движения небесных светил, но одновременно она также провозглашала потомкам бога меру, порядок мира и закон их божественного отца. Из последующих частей этого рассказа можно сделать вывод, что эти «законы отца» относились преимущественно к согласию между царями и предписывали им, как они должны были править, судить и наказывать: «На упомянутой стеле помимо законов было еще и заклятие, призывавшее великие беды на головы тех, кто их нарушит. Принеся жертву по своим уставам и предав сожжению все члены быка, они разводили в чаше вино и бросали в него каждый по

сгустку бычьей крови, а все оставшееся клали в огонь и тщательно очищали стелу. После этого, зачерпнув из чаши влагу золотыми фиалами и сотворив над огнем возлияние, они приносили клятву, что будут чинить суд по записанным на стеле законам и карать того, кто уже в чем-либо преступил закон, а сами в будущем по доброй воле никогда не поступят противно написанному и будут отдавать и выполнять лишь такие приказания, которые сообразны с отеческими законами». (Критий, 119/120).

Это высказывание рассказа об Атлантиде предполагает, что у атлантов была письменность, раз уж они могли написать эти законы на орихалковой колонне. В этом отношении сегодня тоже уже не может быть сомнения. (180) Северные люди бронзового века владели буквенным письмом, которое сохранилось на севере как «руны», и знаки которых именно потому-то и называются «буквы» (Buchstaben), что они в более позднее время вырезались исключительно на деревянных палочках (Stab) и использовались для предсказания судьбы. (181)

Такие знаки употреблялись, вероятно, также в бронзовом веке только в культе, и только когда северные народы принесли их с «Великим переселением» на юг, где существовали светские письменности, они там по их образцу тоже стали использоваться для настоящего «письма». От них произошли греческая и названная «финикийской» филистимлянская письменность, и потом с ходом истории возникли последующие виды письма, до того «алфавита», который мы сами используем.

Из раннесредневековых «рунных песен» и комментариев к ним мы знаем, что каждый знак нес свое имя, начальная буква которого обозначала его звук. (182) Изначально знаки могли замещать только соответственно какую-то вещь, понятие, или мысль, и использовались, чтобы представлять их. Только в позднее время наконечник копья ↑ означал бога Тюра = бога неба и бога войны и одновременно также обозначал смерть. Возможно, «надпись» на «стеле из орихалка» состояла из таких символических знаков, которые «посвященные» могли понимать и правильно толковать. Мы еще знаем соответствующий пример из ранней Греции: в Дельфах на остроконечной как обелиск колонне стояла буква «Е». Вероятно, она означала имя бога ER, который был идентичен с Атлантом и Ирмином, с уверенностью, однако, также означал понятие «право». Когда вершилось правосудие, люди клялись этим «Е». (183)

Письменность в рассказе об Атлантиде упоминается еще и второй раз: «окончив суд, они (цари) с наступлением дня записывали приговоры на золотой скрижали и вместе со столами посвящали богу как памятное приношение» (Критий, 120). Я могла бы представить, что на этих досках таким же способом вырезались символические знаки, которые содержали приговор в сжатой форме. Инте-

ресно, что также «Эдда» говорит о «золотых скрижалях». Когда после «Рагнарёка», «сумерек богов», «земля» поднялась из вод, и сыновья старых богов собрались снова на «Идавёлль-поле», где «когда-то был Асгард», они снова нашли в высокой траве золотые доски («тавлеи»), служившие им прежде в давние времена. Похоже на то, как будто здесь проявляется реальное воспоминание о тех золотых скрижалях с приговорами и о том, что некоторые из них были снова найдены, когда Священный холм поднялся из воды и ила, и также о связанном с этим восстановлением права. (184)

Собрание царей, которое описывается с такими удивительными подробностями в рассказе об Атлантиде, тесно связано с культом мирового столба. Учреждение это, конечно, происходило из очень древнего времени и служило внутреннему единству той основанной в мегалитическую эпоху федерации, которой принадлежала самая большая часть заселенных с севера территорий до Испании и Северной Африки. Встречи десяти царей происходили так: «В этом храме они собирались то на пятый, то на шестой год, попеременно отмеривая то четное, то нечетное число, чтобы совещаться об общих заботах, разбирать, не допустил ли кто-нибудь из них какого-либо нарушения, и творить суд». В этом чудесном замечании о четных и нечетных числах ощущается исходящая из мегалитических времен радость игры с тайной чисел.

Цари в личном контакте совещались здесь по поводу их общих дел, исследовали, провинился ли кто-то из них в каких-то нарушениях, и вершили суд об этом. «Перед тем как приступить к суду, они всякий раз приносили друг другу вот какую присягу: в роще при святилище Посейдона на воле разгуливали быки; и вот десять царей, оставшись одни и вознесши богу молитву, чтобы он сам избрал для себя угодную жертву, приступали к ловле, но без применения железа, вооруженные только палками и арканами, а быка, которого удалось изловить, заводили на стелу и закалывали на ее вершине так, чтобы кровь стекала на письмена» (Критий, 119). Здесь мы видим то, что позже в германское время в Исландии называлось «покраснением столба», т.е. окрашиванием его (кровью) в красный цвет. В основе этого обычая лежит мысль о том, что мировой столб нужно время от времени поливать кровью жертвы, «подпитывать» его, чтобы он оставался живым и не слабел, так чтобы он не рухнул и вместе с ним небо. Очень древняя, изначальная мысль, которая, однако, была еще совершенно жива в бронзовом веке (и позже). Мы слышим, что еще во времена христианизации в Норвегии и Исландии в германском храме людей, идола, и стены обрызгивали кровью жертвенных животных, чтобы укрепить жизненную силу и прочность людей и вещей.

Но также и атланты бронзового века, которые, как сообщается в «Феакии», «особенно любили горячие ванны», которым после смерти в могилу клали по-

мимо очень красиво сделанных бритв также кожаные футляры с предметами туалета всякого рода, любили чистоту. Так в рассказе об Атлантиде определенно говорится, что после церемонии жертвоприношения стелу и все вокруг нее тщательно очищали. Мясо и кости животного предавались жертвенному огню. «Принеся жертву по своим уставам и предав сожжению все члены быка, они разводили в чаше вино и бросали в него каждый (царь) по сгустку бычьей крови, а все оставшееся клали в огонь и тщательно очищали стелу. После этого, зачерпнув из чаши влагу золотыми фиалами и сотворив над огнем возлияние, они приносили клятву, что будут чинить суд по записанным на стеле законам и карать того, кто уже в чем-либо преступил закон, а сами в будущем по доброй воле никогда не поступят противно написанному и будут отдавать и выполнять лишь такие приказания, которые сообразны с отеческими законами. Поклявшись такой клятвой за себя самого и за весь род своих потомков, каждый из них пил и водворял фиал на место в святилище бога, а затем, когда пир и необходимые обряды были окончены, наступала темнота и жертвенный огонь остывал, все облачались в прекраснейшие иссиня-черные стóлы, усаживались на землю при клятвенном огневище и ночью, погасив в храме все огни, творили суд и подвергались суду, если кто-либо из них нарушил закон; окончив суд, они с наступлением дня записывали приговоры на золотой скрижали и вместе со стóлами посвящали богу как памятное приношение».

31. Золотые чаши для питья из Унтергланхайма, десятый век до Р. Х. (Римский музей, Аугсбург)

В этом сообщении, подобного которому нет в античной литературе, чувствуется умиление, даже восторг рассказчика торжественностью и таинственностью этого заседания суда. Все здесь имеет глубокое значение, не только распитие крови из золотой чаши, жертвование огню и обязательная клятва, но также затухающее пламя гаснущего жертвенного огня и тот факт, что цари по древнему, примитивному обычаю сидят на полу. Особенно примечательны их одеяния, «прекраснейшие иссиня-черные стóлы» – другие переводы называют их мантиями. Эти одеяния, которые надевали всего на одну эту ночь и потом передавали храму, вместе с чашами для питья и золотыми скрижалями, на которых был написан приговор, вероятно, должны были показать, что в эту ночь десять царей замещали, представляли богов или же становились подобными им. Боги, когда они являются смертным, носят темно-синюю, как ночь, украшенную звездами мантию, изображающую звездный небосвод. Можно вспомнить о темно-синей одежде Аполлона на статуэтке из Кличеваца. Бог Один носит синий плащ, и позже Мария, Божья мать и дева. В Торсбергском болоте в Шлезвиг-Гольштейне был найден чудесно сотканный плащ в нескольких оттенках синего цвета из более позднего времени, который дает представление об искусстве древних ткачей. (185)

Праздник собрания царей под вселенской колонной, конечно, был описан в рассказе об Атлантиде так подробно именно потому, что он был центральным событием религиозной и политической жизни в государстве атлантов. Мы знаем, что первоначальный смысл жертвоприношения быка состоял в повторении принесения в жертву бога неба или его самопожертвования в мире и для мира, так как бык был тем животным, которое представляло, замещало его. В царстве атлантов бронзового века этот более глубокий смысл должен был быть знаком участникам церемонии и хорошо осознавался ими: мир сохраняется только благодаря повторяющемуся время от времени жертвоприношению бога. Когда цари пили кровь принесенного в жертву, то они объединялись с ним в мистический союз, «Unio mystica», и сила и всеобъемлющая мудрость всемогущего проникали в них.

В остальном, однако, приносимые на более низких праздниках богам в жертву животные здесь, как и у всех индогерманских народов, могли иметь другую, постепенно вытесняющую первоначальный смысл, цель: задобрить и удовлетворить «правлящих», чтобы те были добры и милосердны. Богу давали пищу, как и поили его вином, которое выливали в жертвенный огонь.

Здесь теперь возникает вопрос и о человеческих жертвоприношениях. Также в этом случае у истоков стояла идея заместительства. Тот, кого приносили в жертву, замещал бога и в мистическом единстве приносился в жертву – чтобы послужить миру – не только вместо бога, но он и сам становился при этом бо-

гом. Эта мысль также позже в мистическом культе выходила снова и снова на передний план. Но, в общем, также здесь утверждалась и побеждала более низкая идея целесообразности: бог требовал наивысшее, что можно было дать ему, т.е. человеческую жизнь, и ему давали ее ради блага всех.

Обычай человеческих жертвоприношений отнюдь не был чужд таким цивилизованным и культурно развитым народам бронзового века. «Илиада», основное произведение тринадцатого века до Р. Х., знает о жертвоприношениях дев, чтобы получить хороший попутный ветер или поблагодарить богов за победу, и Ахилл жертвует множество пленников своему погибшему другу Патроклу. Как обстояли дела в этом отношении в те времена на Севере, мы не знаем. Там есть только очень немного следов, которые указывают на человеческие жертвы в культе. Лишь позже, вместе с религией Одина, они отчетливо выходят на передний план. (Тацит, например, подчеркнуто объяснял, что германцы приносят людей в жертву только Меркурию, т.е. Водану-Одину, другим же богам они жертвуют животных). Вероятно, светлый господин поющих лебедей, который был, без сомнения – как позже Фрейр – также хранителем мира, не требовал никаких человеческих жертв?

Однако там есть след, который ведет даже очень непосредственно к Посиде и Священному острову. Одна гельголандская легенда рассказывает, что в языческое время с одной из скал в море сбрасывали людей в качестве жертв, и то же самое говорит также история обращения местных жителей в христианство. И соответствующим образом Помпоний Мела и Плиний (на основании сведений Гекатея) сообщают о том, что гиперборейцы сами бросались в море с определенной скалы, чтобы добровольно пожертвовать себя «Аполлону». (186)

Важным представляется в этой связи одно сообщение испанцев, что у гуанчей Канарских островов при назначении нового короля юноша бросался с определенной скалы, чтобы забрать с собой в глубину вод беды, которые могли бы угрожать правлению короля. (187) Как уже упоминалось, испанцы на Канарских островах нашли (по словам Отто Хута) «остановившийся во времени реликт западноевропейской северной мегалитической культуры». Обычаи жителей Канарских островов соответствовали обычаям северных людей мегалитической эпохи, и поэтому на основании таких обычаев вполне можно сделать и касающиеся далекого прошлого выводы. Вероятно, юноши также в мегалитическую эпоху и бронзовый век как добровольные жертвы прыгали с одной из гельголандских скал по поводам, которые касались блага и бедствия общности.

Вернемся к мировому столбу. После того, как великая катастрофа пожаров и потопов поглотила его, как и все святилище, никогда больше ничего не говорится о собрании царей у его подножья. Боги, которые, согласно «Прорицанию вельвы», снова собираются на поле Идавёлль, слишком мифической природы, чтобы выступать здесь как свидетели. Общность атлантов была разбита безо всякого сомнения. Север был почти опустошен и обезлюдел; переселенцы оттуда, понесшие большие потери в битвах против Рамсеса III, поселились группами тут и там на побережье Средиземного моря и в других местностях, также все эти народности, которые когда-то принадлежали к «союзу», понесли тяжелые жертвы. Кто тогда при ухудшившемся повсюду климате, при штормах, дожде и тумане мог бы поплыть на далекий север и искать там остров, о котором рассказывалось, что он утонул в непроходимом и несудоходном море ила?

Несмотря на это, когда части острова снова поднялись из вод, святилище было заново сооружено, так как память о нем еще сохранилась. Теперь Аполлон из Дельфов путешествует к северному святилищу, гипербореянки прибывают на Делос, принося с собой известия оттуда. Также северная колонна снова появилась, и греки знают: Атлант стоит на севере и держит небо своими руками.

Еврипид в конце пятого века до Р. Х. пишет чудесную песню для хора, в которой еще раз оживают все сказания об этом далеком, таинственном Севере:

«О, если б укрыться могла я
Туда, в эти темные выси,
О, если б, велением бога,
Меж птицами вольною птицей
Вилась я. Туда бы стрелой,
Туда б я хотела, где море
Синеет, к брегам Эридана,
Где в волны пурпурные, блеском
Отцовским горящие волны,
Несчастные девы не слезы
В печали по брате погибшем,
Янтарное точат сиянье.
Туда, где в садах налилися –
Мечты или песни поэтов –
Плоды Гесперид золотые,
Туда, где на грани волшебной
Плывущей предел положили
Триере – морей промыслитель
И мученик небодержавный [Атлант],
Туда, где у ложа Кронида

Своею нетленной струею
Один на всю землю источник,
Златясь и шумя, животворный
Для радости смертных пробился...». (188)

(Еврипид, «Ипполит», перевод Иннокентия Анненского. – прим. перев.)

Но о стране «благочестивых гипербореев» рассказывают не только легенды. Пифей, путешественник из Массалии (Марсилии), сам в 350 году до Р. Х. посетил Страну гипербореев и Священный остров Базилею или Абалус, и он тоже говорил о северной колонне. Это именно он рассказывал, «что ее вершина поднимается высоко над морем», вероятно, он своими глазами видел, как она возвышается.

Римлянам позже это не удалось. Они наверняка снова и снова говорили о колоннах на Севере, которые теперь оказались во множественном числе и представлялись связанными с Гераклом. Слова Тацита об этом уже цитировались. У той морской экспедиции Друза Германика, о которой там говорится, была, среди прочего, очевидно, также цель выяснить тайну, окружавшую легендарный столб, на который опиралось небо. Но поднялась страшная буря, корабли римского флота частично утонули или разбились об утесы Гельгоlanda, другие застряли в иле на мелководье или были выброшены течением на берег.

Тацит описывает это так: «Сначала спокойствие морской глади нарушалось только движением тысячи кораблей, шедших на веслах или под парусами; но вскоре из клубящихся черных туч посыпался град; от налетевших со всех сторон вихрей поднялось беспорядочное волнение: пропала всякая видимость, и стало трудно управлять кораблями; перепуганные, не изведавшие превратностей моря воины или мешали морякам в их работе, или, помогая им несвоевременно и неумело, делали бесплодными усилия самых опытных кормчих. Затем и небом, и морем безраздельно завладел южный ветер, который, набравшись силы от влажных земель Германии, ее полноводных рек и проносающегося над нею нескончаемого потока туч и став еще свирепее от стужи близкого севера, подхватил корабли и раскидал их по открытому Океану или повлек к островам, опасным своими отвесными скалами или невидимыми мелями. Лишь с большим трудом удалось немного от них отойти, но, когда прилив сменился отливом, который понес корабли в ту же сторону, куда их относил ветер, стало невозможно держаться на якоре и вычерпывать непрерывно врывающуюся воду; тогда, чтобы облегчить корабли, протекавшие по бокам и захлестываемые волнами, стали выбрасывать в море лошадей, вьючный скот, снаряжение воинов и даже оружие»

Большая часть римского войска погибла, но от одного из оставшихся в живых, офицера конницы и поэта Педона Альбинована, до нас дошло стихотворение, в котором он говорит о том, что им не удалось достигнуть «столбов меры» (metas) на последнем краю земли.

«Но боги крикнули: назад!
Границу мира не разрешено увидеть человеческим глазам.
Зачем наши весла беспокоят чужие моря, священные воды,
Нарушают покой тихих мест богов? (189)

Последний раз «великолепно украшенные колонны» упоминаются в житии христианского миссионера Вульфрама. Он и его преемники без робости нарушили покой «священных вод» и уничтожили «тихие места» богов. Вселенские колонны, вероятно, тоже пали их жертвой, еще до того, как спустя несколько столетий море окончательно поглотило холм, на котором эти колонны стояли.

4. Белые девы

Когда десять царей атлантов сидели при тухнущем пламени «клятвенного огневища» и вершили суд, тогда, как сказано в диалоге «Критий», 120, также были погашены все огни в храме и вокруг святилища. Вероятно, это происходило на всем острове или даже во всем царстве атлантов. Речь здесь идет, без сомнения, об обычае «нового огня», также названного «огнем трения» (от Niuwan, Huiota = «тереть», этому огню, разжигавшемуся при помощи трения, приписывали целебные свойства) (190), который еще вплоть до нашего времени был широко распространен по Европе.

(Славяне называли его живым огнем. – прим. перев.)

В большинстве случаев старый огонь тушили к концу года, т.е. к зимнему солнцестоянию, чтобы затем с помощью трения двух деревянных палочек снова разжечь его заново. Все же и к летнему солнцестоянию, а также на Пасху, иногда на Троицу, во многих местах разжигали «новый огонь и огонь трения». Католическая церковь переняла этот дохристианский обычай и до последнего времени во многих местах продолжала его как «пасхальный огонь».

Если новый огонь был огнем общины или племени, то все крестьяне, которые раньше потушили огонь в своих очагах, получали новый огонь от большого пылающего костра. Считалось, что весь огонь, который служил людям, устал и стал нечистым, поэтому теперь в очаге должен появиться новый и чистый огонь. Во время эпидемий скота тоже разжигали такой «целебный» огонь и прогоняли стада через исходивший от него дым.

Этот обычай, как и все связанные с огнем обычаи, очень древний. В Ирландии, где государственные и королевские огни играли господствующую роль, его истоки можно проследить вплоть до каменного века. (191)

То, что огонь обновлялся как раз в дни солнцестояния, показывает, что его связывали с новым рождением солнечного огня. Солнечный герой родился в ночь зимнего солнцестояния – и так же родился и священный солнечный огонь. «Огонь был самой священной стихией у индогерманцев и считался субстанцией богов. Появления богов согласно индогерманским верованиям характеризуются ярким сиянием света. Положение человека определялось долей, получаемой им от божественного огня». (192)

Обычай нового огня также с древнейших времен связан с верой в близнецов. Уже в ведической Индии Ашвины, индоарийские диоскуры, разжигали новый огонь. Я снова процитирую Отто Хута: «Так как новый целительный огонь в некоторых немецких областях должны были разжигать близнецы с помощью трения деревянными палочками, то получается, что также священный огонь, которым обновляли очаги в середине зимы, должен был готовиться близнецами».

У многих народов господствовал этот обычай. Согласно Шпануту, также у спартанцев цари-близнецы должны были разжигать «священный огонь древнейшего времени», горение которого поддерживалось постоянно, и его даже брали с собой на войну в отдельной палатке. (193) Иногда для зажигания огня методом сверления служили большие подставки с отверстием. В отверстие вставляли палочку и быстро ее крутили, пока из лежащего вокруг отверстия трута не появлялись искры. На уже упомянутых плитах могилы в Чивике в Южной Швеции, которая происходит из позднего бронзового века, видно, как два молодых мужчины разжигают огонь таким сверлением, пока два других дуют в луры. Значит, мы можем предположить, что также правители атлантов, которые ведь считались близнецами или божественными сыновьями-близнецами Посиде, после заседания суда сами разжигали новый огонь сверлением, как они также должны были сами и без посторонней помощи ловить быков для жертвоприношения.

Использование огня характеризует переход от животной к человеческой жизни. Оберегать, хранить эту священную силу, которая может как помогать, так и разрушать, издавна, вероятно, было заданием женщины. И из этого – возможно – возник обычай, которому, по всей вероятности, следовали также на Священном острове, может быть, этот обычай даже происходил с этого острова: хранить огонь вменялось в обязанность девяти «белым девам».

У различных индогерманских народов можно встретить богиню огня и домашнего очага. Хотя у восточных индогерманцев, прежде всего, у индийцев и иран-

цев, бог огня – мужчина (Агни), и жрецы-мужчины оберегают государственный огонь или огонь храма. У латинян Италии, напротив, на переднем плане был культ богини домашнего очага, здесь ее звали Вестой, в Греции Гестией. Обе богини были девами. В Лациуме девственная верховная жрица возглавляла культ богини и сестричество, институт весталок, заданием которого было оберегать вечный государственный огонь.

В Греции можно найти только следы этого обычая, в чистой форме он, что характерно, появляется только в Спарте, где девственная жрица носила титул «Гестия города или государства», т.е. представляла богиню. (194).

У кельтов богиню домашнего очага звали Бригит (Бригита) или также Суль (солнце). Как и Веста, она была богиней не только огня, но и горячих источников, ей принадлежали медицина и кузнечное искусство, ученость и дар пророчества. Вечный огонь был зажжен в ее храмах, и девы оберегали его. Христианство сделало из нее святую Бригитту, теперь ее «монахини» взяли на себя сохранение священного огня. «Фрейзер считает самым вероятным, что девятнадцать монахинь, которые в Килдэре в Ирландии оберегали священный огонь Святой Бригитты, заняли место кельтского ордена весталок. На бретонском острове Уэссан (Jona) Помпоний Мела (3,48) упоминает девственных жриц. Их было девять с галльскими именами, они были пророчицами, знахарками, о них даже рассказывали, что они владели искусством превращения и способностями волшебниц, так, они якобы могли поднимать ветер и бурю на море. О священном огне в хижине этих галлок ничего не упоминается, но можно предположить, что он там был». (195)

С этим сообщением Помпония Мелы совпадает другое упоминание «девятой волшебницы», тоже из Бретани и из языческого времени. Оно содержится в уже упомянутой древней бретонской песне друидов «Ряд», которую Генрих Мёллер приводит в своей «Песне народов» (196) в бретонском подлиннике и в немецком переводе (с легко запоминающейся мелодией в гиподарической тональности). Речь идет об игре вопросов и ответов, как те, которые, конечно, использовались на уроках кельтских друидов, прославившихся в качестве учителей. (Латинские соответствия имелись позже в христианских монастырских школах, секуляризованные тексты этой игры продолжают жить на немецком языке до сегодняшнего дня.)

Ученик спрашивает, «мастер» (учитель) отвечает, рефрен ученики подпевают в постоянном повторении, так что он продлевается непрерывно, так как все ответы повторяются снова и снова в длинной цепи. В девятом «Ряду» говорится (в немецком переводе):

«Девять корриганов, юные и прекрасные,
В лунном свете кружатся в танце вокруг фонтана как лебеди».

Издатель и переводчик песни говорит в примечании к этому: «Девять корриганов – это посвященные девы армориканцев (арморициан, бретонцев)» и указывает также на сообщение Помпония Мелы. Корриганы – это волшебницы, очень характерно, что девять девушек кружат свой танец вокруг фонтана, т.е. пруда источника, и выглядят как лебеди.

Число «девять» и белая одежда почти всюду связаны с этими «посвященными девами». «Служебная одежда (римской) весталки – это старинное одеяние невесты, которое характеризуется длинной белой туникой, также мантия весталок было белой. На голове она носила широкую повязку, над нею платок, который спадал на плечи и спереди на груди скреплялся большой круглой фибулой, которая, судя по изображениям, имела вид колеса с четырьмя спицами». (197) Хут указывает в этой связи на сообщение Страбона о предсказательницах и жрицах жертвоприношений у кимвров (Страбон 2,3), которые носили белую одежду и «железные пояса». Также он хотел бы видеть корни «старинной праздничной женской одежды, в частности, платьев невест в Трансильвании и Фрисландии в культовом одеянии германских вестальских пророчиц». У трансильванского народного костюма есть еще круглая фибула, которая является, без сомнения, символом солнца, происходящим из северного бронзового века.

У самых различных народов появляются девять одетых в белое девушек в роли жриц храма и хранительниц огня. Интересно, что они есть также у североафриканских ливийцев или берберов и, прежде всего, у гуанчей Канарских островов. Записи испанцев точно описывают господствующий там обычай. На Канарских островах имелись девственные жрицы, они назывались «Harimagadas», «народные девушки», и пользовались большим уважением. Также сообщается о пророчицах, которые давали советы и улаживали споры. Девушки носили белую одежду, оберегали священный огонь, носили жертвенные сосуды во время шествий и разбрызгивали молоко в храме. (198)

Еще удивительнее то, что испанские конкистадоры нашли такие же обычаи в Южной Америке у инков культуры Анд. Как и всюду, девы храма были там дочерьми уважаемых семей, принцессами. Они назывались «солнечными девами», хранили огонь, ткали, пряли, готовили культовые опьяняющие напитки и выпекали священный хлеб. Культовый огонь тушили на новогоднем празднике в день зимнего солнцестояния и «торжественно зажигали как новый огонь с использованием дерева и с помощью сверления». (199)

Также в древнем мексиканском культе были одетые в белое жрицы огня, также там все огни тушили в определенные времена и заново зажигали с помощью сверления деревянной палочкой. На Юкатане священный огонь считался символом солнца, он оберегался местным аналогом ордена весталок, который якобы основала княжеская дочь. Она являлась руководительницей этого ордена, была обожествлена после своей смерти и называлась «огненной девой». (200)

То, что как Центральная, так и Южная Америка в доисторические времена поддерживали прямые контакты с Северной Африкой, становится сегодня все более очевидным. Норвежец Тур Хейердал своей экспедицией на «Ра» первым привлек внимание к существующим взаимосвязям и возможностям. Едва ли могут быть сомнения в том, что описываемые им мореплаватели на «лодках из камыша» действительно во втором тысячелетии до Р. Х. довольно долгое время использовали благоприятные морские течения и добирались из Западного Марокко или с Канарских островов до Центральной и Южной Америки. Они были ливийцами, белокожими и светловолосыми, как правящий слой гуанчей и как североафриканские «атланты». В Южной Америке, прежде всего, в области Гран-Чако, скрывается заросшая девственными лесами и еще далеко не исследованная (так же, однако, как и на возвышенности Сантьяго-дель-Эстеро) настоящая культура мегалитов. Там были обнаружены «подобные рунам знаки», которые часто считали «финикийскими». (201) Французский исследователь профессор Жак де Майё в последнее время называл их «рунами» (сначала мореплавателей-«викингов», затем переселившихся ливийцев и «гипербореяв»). (202)

То, что культура Тиауанако, (например), самостоятельно развилась из какой-то мегалитической культуры, абсолютно очевидно. А также и то, что, прежде всего, в Южной Америке в доисторическое время были целые племена белых переселенцев, остатки и следы которых можно найти и по сей день. Маленький верхний слой инков был белокожим и светловолосым. (203) Следы ведут здесь, с одной стороны, к Северной Африке и оттуда на европейский север, с другой стороны, к полинезийским островам (Тур Хейердал), культ огня которых принадлежит к тому же кругу, что и аналогичные культы инков, мексиканцев и гуанчей.

Заметно, что все следы так называемого культа «Весты» и его жриц находятся в областях распространения ранних мегалитических культур и их ответвлений, в то время как у восточных индогерманцев хранить огонь было доверено мужчинам. Из этого можно сделать вывод, что этот обычай распространялся западноевропейцами мегалитической культуры – даже по морю – и первоначально происходит с Севера. Таким образом, он мог бы господствовать также на Священном острове, где, впрочем, еще карта Йоханнеса Майера отмечает Храм «Весты».

Труд Отто Хута «Веста» (1943) посвящен попытке доказать существование следов такого обычая также и у германцев. Хут приводит в нем сначала римские сообщения о германских пророчицах. Они были девственницами и – как, например, пророчицы Веледа, Ауриния и другие – пользовались большой славой и уважением. Их политическим советам следовали князья, они стояли рядом с королями, отправлялись как посланницы к святилищам других народов – Вальбург (Вальбурга), семнонская пророчица, упоминается в египетском источнике. Веледа жила в башне на реке Липпе и управляла оттуда политическими движениями страны. Наверное, то, что пишет Тацит (204) о положении германской женщины: «Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями», следует из того большого уважения, которым пользовались эти женщины.

О том, что обычай обращаться к знаменитым пророчицам является древним на Севере, а также соблюдался там перед катастрофами, косвенно свидетельствует история древнееврейского царя Саула, который обращался к «Аэндорской волшебнице», пророчице филистимлян, чтобы в экстатическом заклинании получить советы от своего умершего советника Самуила и предсказания будущего. Эта пророчица была, несомненно, знаменитой, иначе Саул не пробирался бы, переодевшись, в страну своих врагов, чтобы посетить ее.

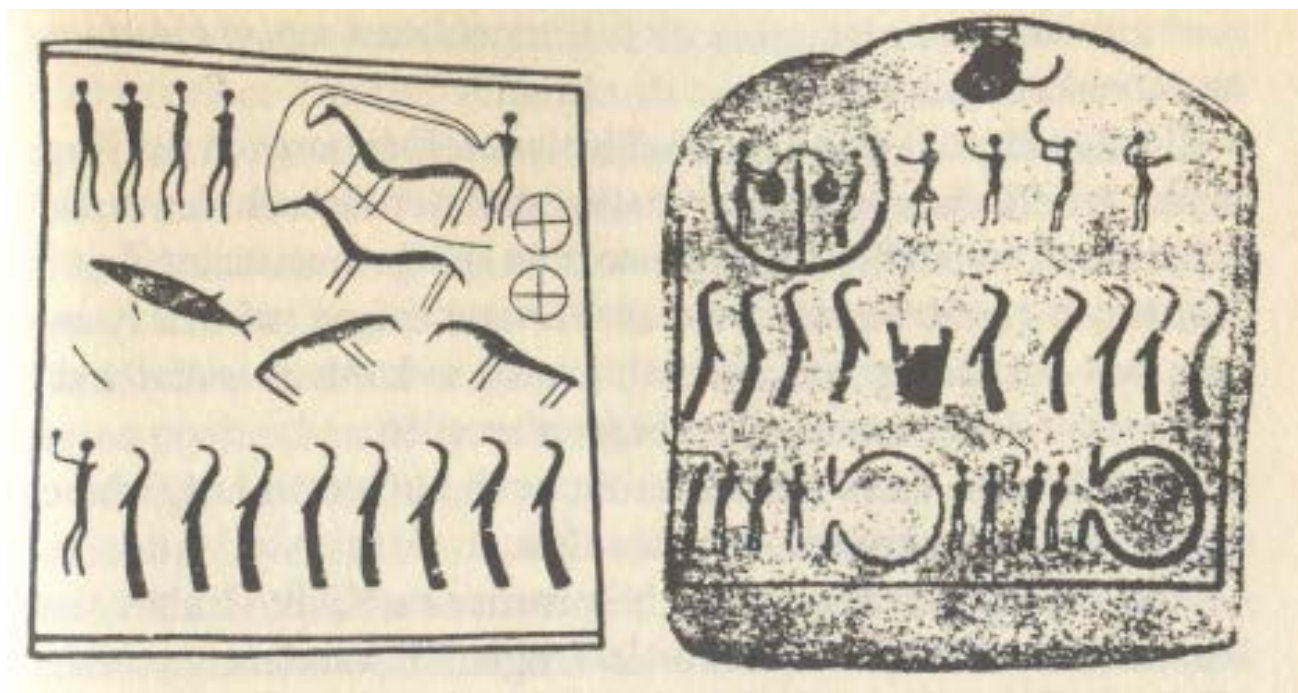
Но эти сообщения ничего не говорят об оберегании священного огня или о девяти девушках, которые служат в храме. Однако Хут все же предполагает, что соответствующий обычай существовал также на Севере, и приводит его отражения в сказаниях и мифах.

Но есть еще и одно прямое доказательство. В «Саге о Фритьофе Смелом», записанной в Исландии в тринадцатом веке, но действие ее происходит в Норвегии еще в языческое время – примерно в девятом веке н.э. – рассказывается, как дочь конунга Ингеборг приводят в «Бальдерсхаге», чтобы избежать сватовства к ней Фритьофа Смелого. «Бальдерсхаге», который лежит на возвышении около моря у Согнефьорда, – это огороженное забором святилище с местом жертвоприношения и залом (храмом). Здесь Ингеборг живет вместе с восемью другими девушками, и, это число «девять» позволяет со значительной вероятностью сделать вывод о том, что они там служат в храме. Девушки, во всяком случае, не могут встречаться с мужчинами. (Но Фритьоф нарушает запрет, проникает со своими товарищами по кораблю в покой святилища и сидит там каждый день за праздничным столом с Ингеборг и другими девушками в зале.)

Также здесь не говорится о сохранении огня, но все-таки огонь там есть, и, вероятно, вечный, так как в более поздней сцене саги он горит в месте жертво-

приношения, хотя действие тут происходит днем и летом. И однажды по вине Фритьофа деревянная статуя Бальдра падает в этот огонь и сгорает, из-за чего герой становится «беспокойным и должен убежать». (205) Мы тут видим собранное вместе кое-что, что можно представить также в храме Базилеи: статуя бога света (о Бальдре как преемнике Посиде мы расскажем ниже), очаг и девять девушек, которые вели или хотя бы должны были вести образ жизни «священных дев» в храме.

То, что Ингеборг, однако, снова забрали из храма и выдали замуж за старого конунга Ринга, показывает, что эти девы храма не должны были всю свою жизнь оставаться незамужними, как более поздние монахини, но могли оставить служение в храме и потом выйти замуж.

32. Два камня с могилы в Чивике, Сконе (снимок Государственного исторического музея, Стокгольм)

Упоминание в саге восьми спутниц Ингеборг, во всяком случае, свидетельствует о том, что обычай служения в храме девяти девушек существовал также в позднегерманское время в Норвегии. Так как существование этого обычая у гуанчей на Канарских островах доказывает, что он происходил из мегалитической эпохи, то можно предположить, что он был также на Севере в бронзовом веке.

К этому добавляется еще одно, пусть даже несколько ненадежное свидетельство из самого «Золотого века».

На двух плитах уже упомянутой выше могилы в Чивике можно увидеть причудливо стилизованные фигуры в длинной одежде, которых большинство исследователей сочли норнами или жрицами. На плите, где изображен управляющий колесницей бог и солнечные кони, внизу видны восемь фигур в длинных одеяниях, которые следует за одним – очевидно, танцующим – мужчиной. На другой плите они стоят, вдвоем, пять справа, четыре слева от какого-то предмета, который большинство ученых считает жертвенным котлом. Йозеф Отто Плассмманн в своей статье в журнале «Germanien» обозначил эту вещь как колыбель, и женские образы назвал провозвещающими судьбу норнами. (206) Обе интерпретации убедительны. Во всяком случае, изображения из могилы в Чивике, вероятно, могли быть сценами из культа царства атлантов бронзового века, и можно предположить, что под фигурами в длинных одеждах подразумевались девять дев святилища бога света. Почему, однако, на одном изображении их восемь – что должно иметь, пожалуй, какую-то культовую причину – остается для нас, сегодняшних людей, загадкой. (207)

Значительно больше помогают упомянутые отражения этого обычая в мифах и сказаниях. О. Хут с полным правом приводит здесь «Песнь о Фйольсвидре» из «Эдды» (ср. «Веста» стр. 157 и 207). Хауэр считает, что эта песнь, хотя и «молодая» в литературном плане, содержит очень старые предания. (208) Ее содержание, поездка Свипдага (Свипдагра), «быстрого дня», т.е. солнечного героя, в целях сватовства к Мэнглед (Менглед), «радующейся ожерелью», «богине колец золотых», которая, как и дева-земля всех прочих мифов, носит сверкающее звездное ожерелье, и, как Клейто, заключена в окруженном «стеной жаркого огня» замке, явно происходит из круга мифов мегалитической культуры, здесь это тоже путешествие в потусторонний мир с целью «сияющей свадьбы».

Также эта песня с речью и ответной речью, и длительная беседа со стражем, в которой обмениваются словами мудрости и спрашивают о знаниях, показывает, что эта ритуальная игра, как и очень многие другие, использовалась при посвящении юношей в сохранившиеся в преданиях знания. Кроме того, все это могло бы разыгрываться на Священном острове, т.е. на его мифическом прообразе или более поздней копии.

Мэнглед – это дева на «стеклянной горе», т.е. на янтарном холме, она окружена сверкающим, горящим валом, который охраняют собаки. Страж отправляет обратно тех, кто хочет попасть внутрь. Над валом видна вершина Мирового древа, которое стоит как опора неба в центре замка. Там в блестящем зале сидит Мэнглед, окруженная девятью девушками, имена которых указывают на свет и блеск, и на добрые дары. О. Хут пишет об этом: «Следовательно, скандинавско-германский миф о Мэнглед и Брисингамен (ожерелье) сохранил нам то, что мы

не нашли в коротком предании о Веледе, а именно вестальское сестричество и указание на вечный огонь. Кроме того, сказание о Мэнглод может подтвердить еще одно важное предназначение весталки: Мэнглод, как и весталка, умеет исцелять... Далее Мэнглод – невеста бога солнца, изначальная весталка, которая... в *Níero-Gamos* живет с божеством солнца или огня». (209) Здесь на мифический образ, несомненно, значительно повлияли реальные обстоятельства и реальные обычаи, и поэтому мы можем, также исходя из описанной здесь картины, сделать вывод о реальном существовании этого обычая.

Однако не только в этой песне «Эдды» мы встречаем девять дев. Мы, например, снова и снова наталкиваемся на тот факт, что у «нескольких северных богов» – как выражается Шпанут – есть «женская свита». (210) Эту свиту из женщин можно встретить как в греческих, так и в северных мифах. У греков есть Гелиады, которые принадлежат к Гелиосу и плачут у Эридана янтарными слезами, есть Геспериды, которые оберегают золотые яблоки в священных садах, там, где Атлант подпирает небо под полярной звездой. Еще есть Атлантиды, считающиеся дочерьми Атланта и проживающие у озера Тритона в Ливии и на уединенных морских островах, и Нереиды, которые (как, например, в рассказе об Атлантиде) сопровождают мчащегося над волнами Посейдона.

Позже – в «Эдде» и германских сказаниях о героях – они присутствуют в разнообразном виде. Как дисы и идизы («богини», которые стали полубогинями и подобными нимфам существами) и как валькирии, следующие за Одином-Воданом. Теперь здесь что-то иногда переплетается и совмещается, представления объединяются и разделяются. Не все эти столь разнообразные сверкающие девы могли происходить от западно-индогерманского обычая хранительниц огня. Например, иранские фравашы Авесты, что-то вроде духов-защитников, исключительно похожи на валькирий. Они, вооруженные, стоят рядом с воинами в бою, дают больному здоровье и прилетают на помощь «как птицы с чудесным оперением». (211) И затем те девы-воительницы, которые уже в индоарийских Ведах следуют за своим господином, богом бури и ветров. В одной песне «Ригведы» в честь Ваты, который и по имени, и по сущности однороден с Воданом (Воде, Вуоте), говорится:

«Вслед за Ватой устремляются все виды ветров.
Они мчатся к нему, как женщины на праздничное собрание.
Вместе с ними на одной колеснице едет бог,
Царь всего этого мироздания». (212)

Так сверкающие девы мчатся над облаками в том воинственно-творческом экстатическом восторге, который столь характерен для культа этого таинственного бога. (213)

Они описаны также в «Эддах» и в песнях о героях. Но здесь, на севере Европы, примешиваются еще и другие черты, которые, похоже, происходят из западно-индогерманской области. Здесь девы-валькирии прядут и ткут (судьбу), они поют волшебные песни, знают и провозглашают будущее и вечную мудрость, и носят это превращающее оперение лебедя.

Итак, на Западе как служительницы бога света за ним следуют девять дев, которые могут превращаться в лебедей, как и те мальчики, которые тянут его челн по ночному океану. С востока, однако, летят, как свита темного бога бури, мертвецов и сражений, девы-воительницы тоже в лебедином оперении. Так снова объединяются представления, которые к тому времени стали отдельными, но раньше, в очень древние времена, несомненно, были одним целым.

Также о норнах стоит здесь вспомнить. Валькирии, дисы, идизы, норны, все они – девы и прядущие, ткущие, вышивающие, поющие провозвестницы судьбы. Вопрос о том, могло ли представление о норнах, которое в такой великолепной и доминирующей форме проявляется у поздних германцев и определяет их сильно окрашенную трагизмом, но полную огромного мужества веру в судьбу, происходить от храмового обычая мегалитической эпохи, должен пока оставаться открытым. Это кажется почти невозможным. И, тем не менее, этот обычай, по крайней мере, мог бы повлиять на миф о судьбе.

Греки знали сестер судьбы под именем мойр, они тоже три девы, и они тоже, как норны, прядут судьбу – последняя отрезает нить. Как доказательство того, что представление о норнах было известно в Атлантиде еще в эпоху до катастроф, Шпанут приводит речь царя Алкиноя в «Одиссее» (7/197/198), в которой тот говорит о «непреклонных сестрах»: «А там уж пускай полностью вытерпит все, что судьба и зловещие пряжи выпряли с нитью ему, когда родила его мать». (214) Но здесь – как и в других местах – греческий поэт мог вложить в уста правителю «феаков» и знакомое ему самому как греку представление – в данном случае представление о прядильщицах судьбы, мойрах.

Норны, как и мойры, выступают в тройственном числе, как и вообще число «три» часто меняется со своим утроением, числом «девять». В северных сказаниях норны, как и валькирии, появляются также в неопределенном множестве, так же в народных сказках, прежде всего, в тех, которые представляются предшественниками или двойниками мифа о спящей валькирии (Брюнхильд), «Спящая красавица», «Персефорест» и т.д. Там они подходят к колыбели новорожденного или новорожденной как те, кто предсказывает и отмеряет его или ее судьбу.

Также «Эдда» знает их в этой роли. Я процитирую прекрасное введение к «Песни о Хельги»:

«В давние дни
орлы клекотали,
падали воды
со склонов Химинфьёлль;
Хельги тогда,
духом великий,
Боргхильд сын
родился в Бралунде.

Ночь была в доме,
норны явились
судьбу предрекать
властителю юному;
судили, что он
будет прославлен,
лучшим из конунгов
прозван будет.

Так нить судьбы
пряли усердно,
что содрогались
в Бралунде стены;
нить золотую
свили и к небу -
к палатам луны -
ее привязали.

На восток и на запад
концы протянули,
конунга земли
нитью отметили;
к северу бросила
Нери сестра
нить, во владенье
север отдав ему». (215)

Норны – больше чем только предсказательницы судьбы, они еще и создают судьбу. Благодаря им, через них, как говорится в «Предсказании вельвы», в мир пришла судьба, и с нею борьба, война, горе и беды. Это глубокая интер-

претация более позднего времени. Вероятно, однако, импульсом для представления о норнах в его истоках было то, что в некоторых святилищах «старшие весталки» с настоящим даром пророчества возглавляли круг девяти белых сестер, как Мэнглед, которая тоже является пророчицей, их божественных девушек. И их власть, и их почитание были настолько велики, что говорили, что они способны не только объявлять судьбу, но также и создавать ее (так о кельтских корриганах и их христианских преемницах говорили, что они будто бы умеют делать погоду).

В «Эдде» три норны живут у одного из источников, которые проистекают из-под корней Мирового древа, и этот источник назван именем самой первой и самой важной из норн – Урд (т.е. «прошлое» или «судьба»). Сестры живут в зале, стоящем у источника Урд, по которому плавают два священных лебедя. У норн есть задание поливать мировой ясьень влагой из источника, чтобы его ветви не пересохла или не сгнили. Здесь снова демонстрируется связь женщин судьбы с источниками и лебедями и с Мировым древом. (216) Но одновременно это выглядит и так, как будто бы воспоминания о реальных обстоятельствах вновь смешались с мифом. Вероятно, в районе святилища Посиде на Базилее на краю святого источника действительно стоял какой-то дом, в котором жили «белые девы».

От норн вряд ли следует отделять «трех матушек» («матрон») провинциально-римских обелисков в Рейнланде и очень близких к ним «Бет» (Beten) альпийских земель. Они принадлежат к южногерманской, ранее кельтской области, и унаследовали от норн или скорее от «белых хранительниц огня» не столько пророческие качества, сколько умения помогать и лечить. Они представляют собой что-то вроде спасительниц, и к ним – как к Диоскурам – часто взывают женщины, когда они больны, когда у них трудные роды, когда больны их дети, и т.д. Но также и девы храма ранних времен были «помощницами при излечении», как весталки, так и служительницы кельтской Бригит, разбирались во врачевании; одно старое благословение при ранении говорит о трех богинях, которые создали его, и Мэнглед сидит на «горе Лифйабег», где излечиваются больные женщины:

«Лифйабег имя ее; исцеляет
От болезней и ран та гора;

Женщина с тяжком недугом излечится,
До вершины дошедши ее».

С тремя «Бетами» в свою очередь тесно связаны «белые» или «святые девы», которые тоже действуют преимущественно в Южной Германии и альпийских

землях. В бесчисленных местных легендах они парят, ярко сияя в лунном свете, вокруг древних руин, источников и рощ или также вершин гор, где когда-то стояли языческие святилища. Отто Хут пишет: «Если мы всегда помним о том, что уже в языческое время персонажи культа отражались в мифе, то из этого продолжающего жить в народном сказании мифа мы можем сделать выводы о языческом культе, который пал жертвой христианизации. Наряду с кругом сказаний о Дикой охоте, в германских землях нет никаких других легенд, которые имели бы такое большое значение, как легенды о Белых девах... До сих пор довольствовались лишь тем, что указывали на мифическое соответствие Белых дев с норнами. Однако, исходя только из одного этого, нельзя понять определенные существенные черты». (217)

Хут далее приводит черты, которые указывают на «германский культ Весты», например, на то, что Белые женщины в народных преданиях почти всегда называются девами.

«Далее они появляются как сестры, и если уже большей частью и втроем, то, все же, иногда также в большем количестве». Они всегда в белой одежде и часто оберегают огромные запасы золота, которые иногда «горят», т.е. окружены ярким пламенем. На одежде они иногда несут связку ключей – «также древнегреческая жрица, например, Ифигения, изображается с ключом на одеянии». (218) Иногда они также танцуют, или же люди слышат их прелестное пение.

В этом они напоминают о девяти других сестрах, которые, как столь многие другие, подобные им, следуют за богом: девять муз классической Греции. Хут не упоминает о них, но я думаю, не может быть сомнений в том, что они происходят непосредственно от девяти жриц храма Посиде. Их существование в Греции, на мой взгляд, даже является лучшим доказательством того, что обычай с девятью девами существовал в бронзовом веке на Священном острове. Тем более, что они следуют за «Аполлоном» на изображениях на вазах также на острове Кипр и в землях филистимлян, т.е. всюду там, где «люди с острова столба» прошли «большим военным походом» и затем поселились.

То, что воспоминание об обычае девяти дев здесь превратилось в миф, очевидно. На Юге этот обычай, вероятно, уже не соблюдали в реальности, но все равно люди еще знали, что Апеллосу-Аполлону (Посиде Севера) служили девять дев и составляли его свиту. Здесь «музы» теперь не оберегают огонь, они больше не прядут, не ткут и не предсказывают, а они представляют, в соответствии с духом классического эллинизма, только искусства, которые защищает и о которых заботится их господин, служба, которая не была чужда, пожалуй, также «белым девам» Севера.

На то, что музы водят хоровод (в лунном свете вокруг пруда источника?), указывают изображения на вазах. Очень рано такую сцену изображает уже «Амфора Хаббарда» с Кипра (девятый или восьмой век до Р. Х.), на которой Аполлон с лирой в руке ведет хоровод девушек, но здесь они больше не одеты в белое, а при голой верхней части туловища носят пестрые юбочки. (219)

Так представлялась последующая жизнь этого обычая на Юге. То, что на Севере он еще в старой форме продержался вплоть до христианизации (и иногда даже позже), подтверждают «Сага о Фригьофе» и кельтские источники. Но о том, были ли на Фоситесланде в раннехристианское время еще хранительницы огня, ни один источник нам не сообщает.

(В своей последней книге «Древнейшие боги Европы» (1999) Бритта Ферхаген пересмотрела свои взгляды на отождествление «Бет» и «матрон» с норнами и, тем более, с валькириями. Теперь она считала такое отождествление ошибочным, поскольку «Беты» и «матроны» были добрыми, благосклонными спасительницами и целительницами, а норны – суровыми и непреклонными, как судьба, которую они воплощают. – прим. перев.)

5. Танцы, игры, представления

На тему «танцы и игры из доисторического времени» можно без затруднений написать несколько толстых книг, таким богатым и разнообразным представляется материал, собранный преимущественно этнографическими исследованиями. Из всего этого изобилия я здесь могу извлечь лишь то, что можно назвать непосредственно связанным с североевропейскими традициями обычаями бронзового века.

О гимнастических играх и соревнованиях молодых людей, которые подробно описывает «Феакия», уже вкратце говорилось. Они происходили на агоре в центре острова. Гомер рассказывает о кулачном бое, борьбе, состязаниях в беге, прыжках в длину и «дискометании» (под этим нужно понимать, вероятно, метание каменного диска). Без сомнения, у таких игр, помимо спортивного усердия, с которым, по словам Гомера, ими занимались, был еще и важный культовый характер. Конечно, они служили также физической закалке юношей. Но, все же, они посвящались богу и проводились в его честь и перед его лицом.

Ведь Посиде был, как греческий Посейдон, не только «защитником кораблей», а как возникший солнечной колесницы считался также покровителем коневодства, тем, «кто приручил коня и научился управлять им». (220) Поэтому конный спорт стоял на первом месте в землях атлантов. Оба сообщения, Платона и Гомера, упоминают места для выезда лошадей на царском острове, и рассказ об

Атлантиде описывает, как уже было сказано, большой ипподром на крайнем круглом «земляном валу», который, как и сам вал, шел вокруг дворца. Здесь не нужно исключать влияние религиозных представлений мегалитической эпохи, воля магически способствовать движению солнца связывалась здесь с радостью состязаний. Также к обычаю торжественных похорон с пирами (то, что у славян называлось тризной – прим. перев.) в позднегерманское время относились гонки на колесницах и скачки на конях. Скачки по кругу и танцы с факелами верхом на лошади, все это уже ранний индогерманский обычай, и он существовал с тех пор, как была приручена лошадь, что, очевидно, также на европейском Севере произошло уже в неолите.

Из этой «позиции состязательства», духа благородного соревнования, который, по словам Гомера, отличал «феаков», дорийцы затем многое принесли на юг. Шпанут пишет: «Когда они (северные люди) были изгнаны катастрофами тринадцатого столетия до Р. Х. из своей родины и заняли Грецию, они в ставшей позже столь известной Олимпии нашли только самые обычные поселения, которые были уничтожены в катастрофах примерно в 1220 году до Р. Х. На месте этих обычных строений и на их руинах новые господа соорудили большое культовое место с храмом гиперборейского Аполлона и храмом Кроноса... Поблизости храма были устроены, так же, как в Атлантиде, места для соревнований, знаменитых Олимпийских игр. Согласно греческим преданиям создали эти сооружения «люди золотого рода», как в старинном словоупотреблении называли атлантов. О священном дереве в Олимпии, с которого юноша должен был золотым ножом срезать венок для награждения победителей в отдельных видах состязаний, легенда говорила, будто бы Геракл перенес его из Гипербореи в Олимпию». (221)

И эти Олимпийские игры тоже были священными играми, как, наверное, и состязания на Базилее. Праздник богов с «борьбой колесниц и песен» происходит из тех земель, где, как говорит Шпанут, «уже за много веков до создания олимпийских спортивных арен в «золотое время», т.е. в бронзовом веке, у этого духа было свое место, где этот дух поддерживали и сохраняли».

Танец, вероятно, играл у феаков-атлантов такую же большую роль, как и соревнования. В своей вступительной речи перед Одиссеем и собравшимися зрителями царь Алкиной упоминает его сразу дважды. (222)

«Мы ни в кулачном бою, ни в борьбе далеко не отличны.
На ноги быстры зато, мореходцы же – первые в мире.
Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару,
Ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе.
Ну-ка, идите сюда, танцовщики лучшие наши,

Гостю искусство свое покажите, чтоб, в дом свой вернувшись,
Мог он друзьям рассказать, насколько мы всех превосходим
В плавании по морю, в ног быстроте и в пеньи и в пляске».

Для хоровода готовится и выравнивается место, и девять судей, которые определяют победителя в состязаниях, наблюдают также за танцами.

Пение сопровождает хоровод. Певец со своей арфой выходит в середину круга (как это делали даже еще в двадцатом веке на традиционных народных танцевальных представлениях в Бретани). (223)

«Вестник пришел между тем и принес Демодоку формингу
Звонкую. Вышел певец в середину. Его окружили
Юноши в первой поре возмужалости, ловкие в плясках,
И по площадке священной затопали враз. Одиссей же
Взглядом следил, как их ноги мелькали, и духом дивился». (224)

Песня, однако, которую певец поет здесь в сопровождении «прелестно звенящей арфы», – это слишком длинная песнь, рассказывающая типично греческую, несколько непристойную историю об измене Афродиты с Марсом. И она не имеет совершенно никакого отношения к феакам и к их танцам, она также отнюдь не является танцевальной песней; похоже на то, что ее вставили сюда позже.

Этот танец юношей – это очевидный хоровод, однако, шаг танца не описывается. Вероятно, танцоры двигались как в древнем, еще сегодня исполняемом в южногерманском регионе Альгой танце «Roien», при котором ногу переставляют один раз направо и делают два приставных шага налево, так что круг медленно вращался влево, по «движению солнца» – «med solen», как говорят шведы (славяне говорили «посолонь» – прим. перев.). Здесь еще отчетливо видно солнечного-магического значение танца. Но если танцевать этот танец лицом наружу, как танцуют музы на упомянутой «Амфоре Хаббарда» с Кипра, то, однако, вращение должно было идти направо, чтобы следовать солнцу (225)

После хоровода на агоре острова «феаков» проводится танцевальная игра в мяч только двух избранных юношей – царских сыновей. Мяч был сделан из красной шерсти.

«Лаодаманту и Галию дал Алкиной приказанье,
Чтоб в одиночку сплясали: никто с ними спорить не смог бы.
Взяли тотчас они в руки пурпуровый мяч превосходный;

Был этот мяч изготовлен для них многоумным Полибом.
Мяч тот, откинувшись сильно, один под тенисты тучи
Быстро бросал, а другой, от земли подскочивши высоко,
Ловко ловил его прежде, чем почвы касался ногами.
После того же как в мяч они, прыгая вверх, наигрались,
Стали оба уж просто плясать по земле многодарной,
Часто сменяясь: другие же юноши, их обступивши,
Хлопали мерно в ладони. И шум получался немалый». (226)

Культовые игры в мяч сохранялись в Европе на протяжении всех языческих времен, их фрагменты даже еще вошли в христианский культ. Как и в состязаниях на колесницах, в скачках на лошадях с факелами и в идущем по кругу хороводе, здесь тоже нельзя не заметить связи с солнечным культом. То, что здесь – у феаков – мяч именно красный, наверняка имеет значение. Часто эти игры проводились также с желтыми или золотыми мячами. Р. Штумпфль пишет в своем очень основательном исследовании о «Культовых игрищах германцев как истоках средневековой драмы» (227): «Маннхардт (I. 479) и Шрёдер («Арийская религия» II, 176 и на следующих страницах) предполагают в мяче отображение солнца. Также Чэмберс (M. St. I, 128) склоняется к этому истолкованию. Если церковь обозначала мяч как символ Христа, как восходящее пасхальное солнце, то это, очевидно, вторичное христианское переистолкование. (228) Как обычай в монастырях и при епископских дворах средневековья игра в мяч засвидетельствована Иоанном Белетусом (Жан Белет) в 1165 году и Вильгельмом Дурандом (Дурандусом) в 1286 году (Чэмберс). Как ритуальный обычай, например, эти игры сохранялись как пасхальная игра в мяч «Pilota» («pila» на латыни значит «мяч») в Осере (Франция) до 1538 года. Церемония происходила в нефе церкви перед вечерней, каноники танцевали под игру органа и пение «Victimae raeschali laudes», бросая мяч, около отмеченного на полу лабиринта (choream circa dedulum ducentibus). (229)

Последующие описания таких игр в церкви свидетельствуют, что мяч мог бросать только самый высокий по рангу из молодых каноников – в «Одиссее» эта привилегия есть у двух царских сыновей – и что другие рука об руку танцуют вокруг этого игрока в мяч. Здесь мы видим хороший пример непрерывности обычая от бронзового века вплоть до Нового времени.

Еще дольше и лучше сохранился другой танец мужчин, о котором «Одиссея» хоть и не упоминает, но я думаю, легко можно предположить, что он происходит еще из бронзового века: танец с мечами. О нем было написано много. Этот танец в средневековье исполнялся самыми различными гильдиями и объединениями мужчин к определенным праздникам почти во всех европейских странах. Еще сегодня его танцуют в Германии, Австрии, Англии, Шотландии и других

странах члены молодежных союзов или даже профсоюзов (например, шахтеров) по «праздничным» поводам. «Германский» возраст танца бесспорен, тем более что его традиция существует во всех странах с германскими языками. Шпанут упоминает старое сообщение из Бюзума в Шлезвиг-Гольштейне. (230) При этом Шпанут приводит, так же, как это делали Хауэр, Штумпфль и другие, сообщение Тацита о германском танце с мечами в качестве доказательства северного происхождения и возраста танца. Как ни странно, никто, кажется, не заметил при этом, что это сообщение вовсе не может, собственно, являться таким доказательством, так как Тацит описывает совершенно другой вид танца, нежели тот, который представляет собой хорошо знакомый нам танец с мечами союзов взрослых мужчин. Единственное, что есть общего у обоих танцев, – это применение меча, которое одно только и оправдывает применение к ним обоим названия «танец с мечами».

Тацит пишет («Германия», гл. 24): «Вид зрелищ у них (германцев) единственный и на любом сборище тот же: обнаженные юноши, для которых это не более как забава, носятся и прыгают среди врытых в землю мечей и смертоносных фрамей. Упражнение породило в них ловкость, ловкость – непринужденность, но добивались они их не ради наживы и не за плату; вознаграждение за легкость их пляски, сколь бы смелой и опасной она ни была, – удовольствие зрителей». (231)

Ясно видно, что в случае этого танца речь идет о зрелище, видя который, этот римлянин думает, вероятно, о римских цирковых представлениях или о выступлениях фокусников и шутов (почему он также говорит, что у германцев был только один этот вид зрелищ, что само по себе неверно). Это не культовая игра, а «спектакль», цель которого – развлечь зрителей, то есть, здесь нет ни магической церемонии, ни религиозного переживания. Это, вероятнее всего, часто применяемое в те времена спортивно-акробатическое испытание на смелость, опасное и поэтому возбуждающее, так как юноши, очевидно, бросались нагишом между острыми мечами и копьями.

Но дошедший до нас танец с мечами – нечто абсолютно другое, это игра хоровода с драматическим элементом, и в этой игре очень заметно ее культовое происхождение. И эта игра еще сегодня при столь сильно изменившихся обстоятельствах оказывает очаровывающее воздействие на зрителя. (232) Меч здесь не оружие, а связующее звено, при хороводе по кругу один танцор держит его за рукоятку, а другой за лезвие. Эти мечи не могут быть острыми, можно предположить, что в старину – как и сегодня – для этого танца изготавливались специальные мечи без острого лезвия. Это, кстати, вовсе не уникальное явление, вспомним лишь о найденных в большом количестве «культовых топорах» из янтаря или очень тонкой бронзовой жести каменного века и бронзового века,

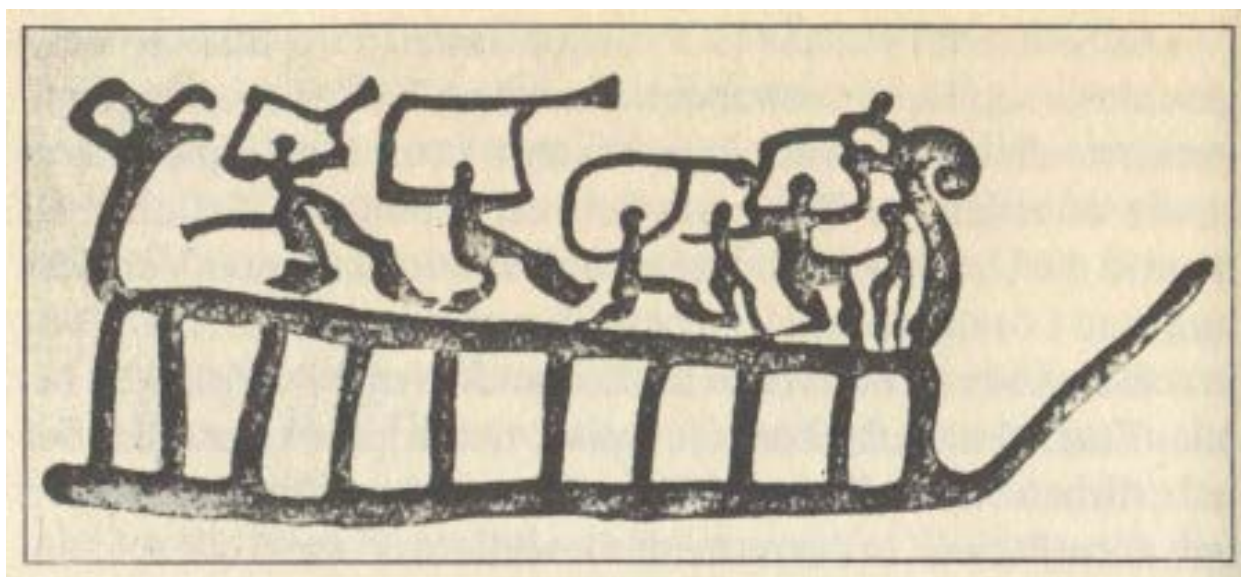
которые не годились для боя и использовались так же, как и – вероятно – мощные шлемы с рогами из Копенгагенского музея только для культовых представлений. Поэтому также во время танца с мечами союзов взрослых мужчин нет физической опасности. Танец преимущественно представляет собой вереницу символических фигур. Я цитирую Штумпфля: «На то, что мы в танце с мечами можем увидеть одну из старейших и самых важных форм танца, указывает уже германская линейная орнаментика времен Великого переселения народов, на что обратил внимание еще Мешке, следуя импульсу Фрица Бёме («Критерии к истории танцевального искусства» II, Бреслау 1927, стр. 13), («Танец с мечами», стр. 122 и на следующих страницах). Так как орнаментика «в самом широком смысле представляет собой непосредственное отражение линейно-пространственных представлений движения» (Бёме), можно было бы, как считает Мешке, «уже из факта богатства линейной орнаментики в культуре сделать вывод о таком же изобилии физических и танцевальных движений». Действительно существует заметное соответствие между линейными орнаментами и орнаментами, на которых переплетаются изображения животных, времен Великого переселения народов и танцем с мечами.

«Ведь мечи использовались преимущественно для создания замкнутой цепи. И эта цепь переплетается и распутывается непрерывно в абстрактной игре линий, которая в своей безусловной сдержанности движения при внешне стремящейся к бесконечности вариации самого смелого соединения и разъединения содержит в себе что-то стихийно демоническое. В своей абстрактности, торжестве и возбужденной духовности при всей благовоспитанности мысли, это типичная трактовка мужской природы в форме танца. Объективная форма, в корне отличающаяся от всех танцев, в которых оба пола играют роль. Взгляд на эту зловещую игру линий, как ее, например, представляют танцы с короткими мечами в Северной Англии, в которых этот принцип доведен до предела, приводит мысль, однако, непосредственно к орнаменту времен викингов (Рихард Вольфрам, «Танец с мечами и представление с танцем с мечами, Wiener Z.f.Vk XXXVII 1932 II 1/2). (233)

Но фигуры этого танца могли бы, пожалуй, так же хорошо, как и от орнаментики времен Великого переселения народов и викингов, происходить и от орнаментики бронзового века, которая уже раньше подготовила кое-что, что позже снова стало развиваться. Фигура танца с мечами «Роза», в нижненемецком характерно именуемая «Sünros» («солнечная роза»), сплетение мечей, которое при нескольких танцевальных вариациях поднимается над головами танцоров, отчетливо показывает связь также этой игры с солнечным культом, который в бронзовом веке имел гораздо большее значение, чем в более позднее германское время.

Штумпфль указывает также, следуя за Альмгреном, на изображения танцующих мужчин на наскальных изображениях бронзового века в Швеции (например, из Люкке в Тануме).

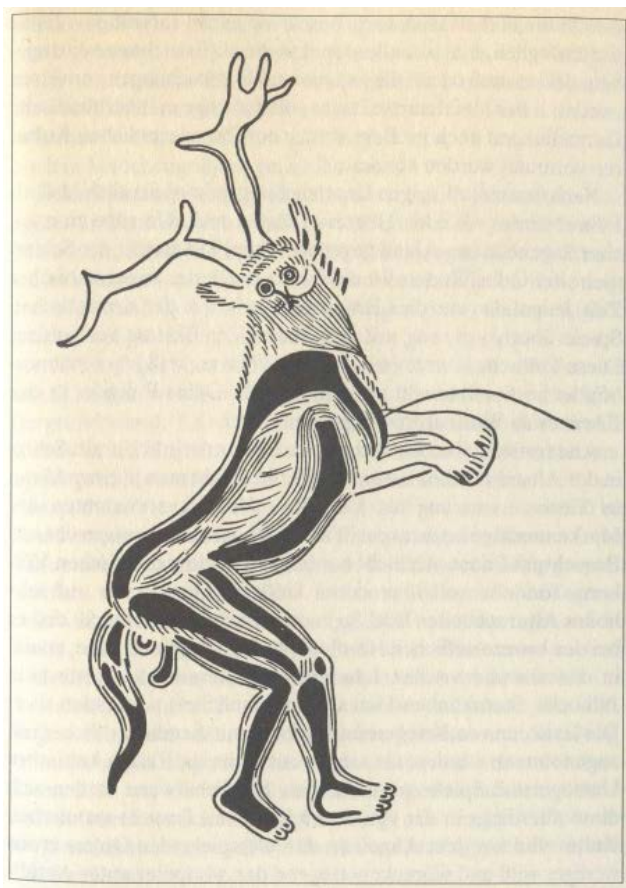
Насколько мы можем проследить в прошлое танец с мечами, он принадлежал к обычаю союзов взрослых мужчин. Штумпфль, Хёфлер («Культовые тайные союзы германцев») и, прежде всего, венский ученый Рихард Вольфрам, видный классик изучения народных танцев, ясно установили это. Так называемый «шут», играющий во всех танцах с мечами существенную роль, который в большинстве вариаций танцев бывает символически убит и снова воскрешен, первоначально был проходящим инициацию, вступающим в общность союза новичком.

33. Танцующие мужчины на корабельных санях (наскальный рисунок из Люкке близ Танума, Швеция)

Так как в доисторическое время «идиот», сумасшедший, считался одержимым божественными силами, то еще вплоть до поздних времен в «шуте» видели человека, в экстазе уходящего в другой мир, человека, одержимого божественными или демоническими силами. К посвящениям юношей, как и ко всем инициациям в религиозные мистерии и культы, принадлежали уход в другой мир, одержимость и также символическая смерть. Из этой смерти проходящий инициацию юноша возрождался уже как новый человек с новым именем (и измененным отношением к жизни), чтобы отныне как взрослый принадлежать к общности взрослых мужчин. (234)

В том, что союзы взрослых мужчин вообще были в основном носителями культовых игр, после подробных исследований Отто Хёфлера (235), Штумпфля и других, которые собрали богатый этнографический материал по этому вопросу, не может быть сомнений. Союзы эти, прежде всего, также были организаторами и участниками представлений войска мертвецов, которые продолжали жить в «шествиях» шутов, карнавальных шествиях перхтов и тому подобных ряженных, в самосудах вплоть до наших времен. Помимо игрищ порицания, выпрашивания подарков (подобно колядованию у славян – прим. перев.), танцев и драматических представлений с ними связывались также обычаи пробуждения плодородия. Они происходили на «святки» в дни вокруг Рождества и к началу весны, участники «бежали» в масках или с покрытыми черной краской или сажей лицами, они были «превращенными» и, как пришедшие в состояние экстаза, также «потусторонними». Здесь нет возможности подробно рассмотреть все аспекты этого обычая, и потому нужно порекомендовать обратиться к названным выше исследованиям. Здесь остается только вопрос, можно ли предположить существование этих исполняемых союзами взрослых мужчин представлений также в области культур северного бронзового века.

34. «Колдун» из Пещеры Трех братьев (Труа-Фрер), Арьеж, Франция (из Г. Кюн, «По следам человека ледникового периода», Висбаден, 1953)

Из специальных исследований видно, что в качестве предводителя этой «дикой охоты» (реальные шествия которой дали повод к появлению некоторых сказаний) почти всегда действовал скачущий на белом коне Один-Водан-Воде-Вуоте. В германское время, во всяком случае, этот обычай, как и вообще обычай драматических игр, был тесно связан с этим господином экстатического восторга. Этот факт мог бы привести к выводу, что такой обычай культовых игрищ мужских союзов попал в Западную Европу только в железном веке с религией Одина.

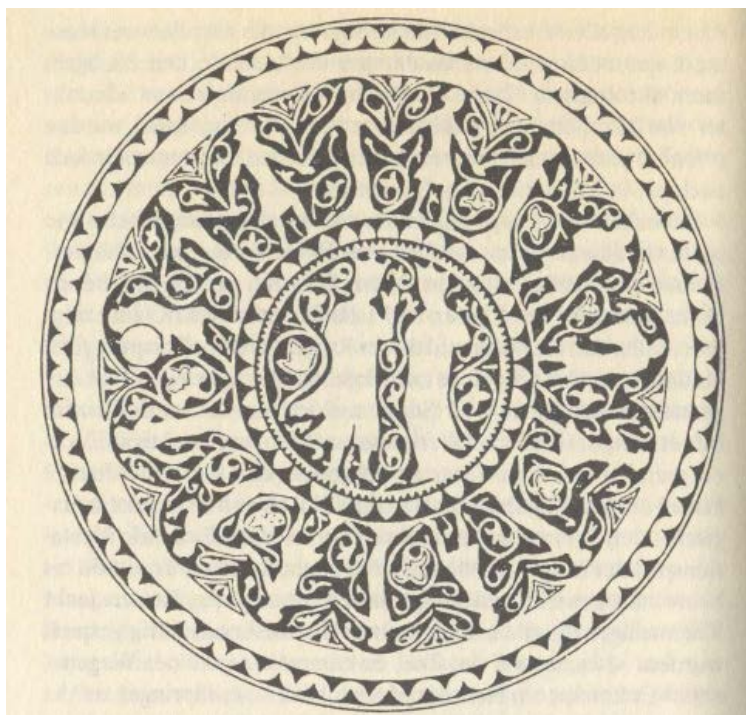
С другой стороны, однако, этот обычай явно очень древний. Уже на стене палеолитической Пещеры Трех братьев (Труа-Фрер) можно увидеть изображение пляшущего мужчины, переодетого в зверя, как предшественника всех шествий в звериных масках. Соответствующий обычай был обнаружен не только у всех индогерманских народов, но и гораздо шире их окружения, что позволяет сделать вывод о его очень древнем возрасте. Поэтому едва ли следует предполагать, что этот обычай полностью отсутствовал у северных людей бронзового века, тем более, что в скандинавских странах все еще существуют его заметные пережитки (как шествия рождественских козлов, «звездных мальчиков» и тому подобное). Существование союзов воинов можно предполагать с достаточной уверенностью, и они могли бы также здесь быть носителями культовых шествий и игр. Возможно, они, однако, в этот «Золотой век» с его гармоничной культурой и перед лицом играющего на лире бога представляются несколько менее дикими и ужасающими, чем позже под руководством бога ярости. О существовании шествий с изображениями солнца, культовыми деревьями, культовыми повозками и кораблями, во всяком случае, к которым принадлежали также мужчины (например, играющие на лугах), переодетые в зверей, свидетельствуют шведские наскальные изображения бронзового века.

Но то, что были также игры и танцы, в которых равным образом принимали участие оба пола, весьма вероятно. Маленькие бронзовые фигурки, найденные преимущественно в Дании, позволяют предположить, что в святилищах исполнялись акробатические танцы, связанные с магией плодородия. В них участвовали мужчины и девушки, при этом, очевидно, и носили те красные бесшовные юбочки, которые тоже неоднократно находили в могилах девушек.

Конечно, на праздниках также танцевали и играли – как позже в Скандинавии – «все, у кого были ноги», т.е. мужчины, женщины и дети вперемешку. То, что можно узнать из сохранившихся балладных танцев жителей Фарерских островов и исландцев, показывает, во всяком случае, что большинство этих игр хоровода возвращаются своими корнями к первоначально культово-религиозным вокальным танцам. Содержанием же этих танцев была преимущественно легенда о боге года или солнечном герое и его невесте, причем мотив сватовства и свадьбы

был на переднем плане. Видно, что прямая линия ведет здесь от эпохи мегалитов до нашего времени. Связанные с магией плодородия, символизирующие движение солнца и годовой цикл представления мистерий мегалитической религии в непрерывной традиции оказывали свое воздействие до сегодняшнего дня, и эхо их слышится в песенках, оставшихся от тех детских хороводов, которые, например, так любили исполнять еще в моем детстве: «Открывайте ворота, подъезжает золотая повозка», или «Приходит господин с Востока...», «Прыгните на цепь, чтобы цепь зазвенела...», «Зеленая трава под моими ногами, потеряла я свое сокровище, должна его найти...» и много других похожих. Это снова, снова и снова весеннее сватовство «господина с золотыми волосами» к «деве, которая прекрасно поет, прозрачно, как волос, прядет и семь лет сидела в башне» как «дева Малейн» из сказки братьев Гримм. Или же это сама дева, которая плачет о потерянном возлюбленном и должна искать его, как Фрейя искала Ода, Фригг Бальдра, а Исида Осириса.

Из так изменившихся за много веков остатков детских игр, народных песен и баллад Георг и Эмма Хюзинг собрали в 1932 году свои «Laiche». «Laich» – это старинное слово, использовавшееся для обозначения танца. Здесь авторы попытались реконструировать древние формы танца этих драматических игр. Это была попытка возрождения на основе духа «Молодежного движения»; в какой степени, однако, эта реконструкция приближалась к реальному виду древних танцев, об этом трудно судить.

35. Чаша из Лиможа, тринадцатый век до Р. Х. (с оригинала в Австрийском музее искусства и промышленности, Вена)

Во всяком случае, лежавшие в основе этой попытки возрождения исследования помогли, все же, узнать кое-что существенное. Выясняется, что с самого начала представление игралось из круглого хора. Отдельные исполнители выходили в середину круга, пели – устная речь в прозе присоединилась лишь позже – также, пожалуй, жестикулировали, при исполнении припева вступал весь «хор», хоровод снова приходил в движение (еще поздние христианские представления, как представление рождения Христа (рождественские игры) в Оберуффере, имеют эту форму исполнения).

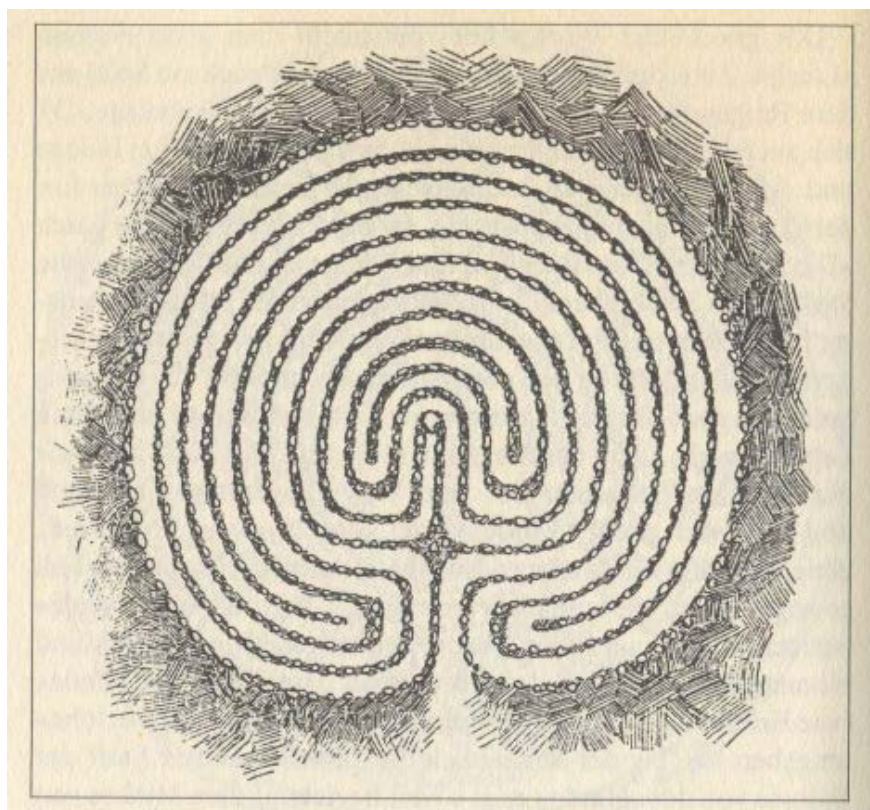
Греческое слово «хор» («Choros») соответствует германскому хороводу и базируется на той же основе. Так как такая же форма представлений есть у восточно-индогерманских народов, например, у индийцев и афганцев, курдов и славян, (236), то она должна происходить из каменного века. В пояснительном тексте к его «Laiche» «Лань в розовом саду» (237) Хюзинг указывает на то, что мифический материал этой игры тоже ранне-индогерманский и в более чистой, лучше сохранившейся форме появляется в древних иранских и индийских песнях. Так как речь здесь тоже идет о материале из легенды о солнечном герое, мы можем из этого узнать, что эта легенда принадлежала не только мегалитической культуре и возникла еще до разделения индогерманцев на восточных и западных, и вероятно, тогда также уже и исполнялась. В любящем искусстве бронзовом веке, когда пение и танец, так или иначе, процветали, это уже точно происходило.

Вероятно, также Клейто рассматривалась в качестве «лани, самки оленя», которая, преследуемая своим отцом, великаном с глазом на лбу, была им поймана и заключена на «горе оленихи» (как Брюнхильд), погруженная в непробудный сон, окруженная стеной из пламени, пока солнечный герой не освобождает ее. Этот материал баллады о «лани» демонстрирует столько связей с мифом о Посиде и Клейто-Перибее, и настолько широко распространен, что мы должны учитывать также возможность существования вариаций этой игры еще в бронзовом веке.

Мы слышали, что молодые каноники французского Осера при своей культовой игре в мяч танцевали вокруг отмеченного на полу церкви «лабиринта». Речь здесь идет о так называемом «замке Трои». Эрнст Краузе, которой посвятил обширную книгу этим своеобразным сооружениям, говорит: «Замком Трои, «Trojaburg», по-скандинавски Trojin, Trojeborg, Trojenborg, Tröborg, по-английски «город Трои» (Troytown) или «стены Трои» (Walls of Troy), по-валлийски Caer droida с древних времен на севере Европы называют извилистые или запутанные ходы (лабиринты), петлеобразные дорожки которых огораживаются маленькими или большими камнями, или вырезаются из дерна. Из написанного ниже со значительной вероятностью следует, что это имя первоначаль-

чально использовалось в большей части Европы вплоть до Греции и Италии в том же самом смысле, что и на севере. Документально подтвердить его, однако, пока можно только для Англии, Дании, Швеции, Норвегии и части Финляндии». (238)

(Замок Трои или «тroyанский замок» – в общем, «псевдолабиринт», так как он выложен из сравнительно небольших (от размера кулака до размера человеческой головы) камней (позднее также использовались куски дерна) на поверхности земли. Заблудиться в «замке Трои», в отличие от настоящих лабиринтов, о которых рассказывали древние греки (самый известный – лабиринт Минотавра из мифа о Тесее), конечно, нельзя, так как здесь нет стен, и чтобы выйти из него, достаточно переступить через невысокие камни. Такие «замки Трои» служили только в культовых целях, например, для ритуальных хороводов. Кстати, эти «плоские» лабиринты есть и на севере России, один из них даже был показан в многосерийном художественном фильме «Михайло Ломоносов» – прим. перев.)

36. «Замок Трои» близ Висбю на Готланде, Швеция (из Э. Краузе, «Замки Трои Северной Европы», Глогау, 1893)

В Северной Европе вплоть до России эти лабиринты лежат, в большинстве случаев красиво выложенные из больших камней, на открытом поле, часто вблизи от церквей, бывших мест собраний и святилищ. Естественно, сегодня их осталось уже далеко не так много, как даже еще во времена Краузе. Научные исследования показали, что некоторые из них происходят еще из бронзового века, и что обычай выкладывать такие «замки» (их также называли «танцевальными замками») продолжался во все времена и еще даже до сегодняшнего дня не прекратился окончательно. Во Франции и частично также в Италии подобные лабиринты вмурованы в каменные полы больших церквей и соборов; как мы уже слышали, традиции танцев тоже связываются с ними.

В переплетенных дорожках «замка Трои», из которых «правая» дорожка затем, наконец, приводит в центр сооружения, раньше, особенно во время праздников весны, танцевали. Танцоры держались за руки, и хоровод двигался, преимущественно с песнями, до центра и снова наружу. Первоначальным смыслом игры было изобразить освобождение девы, которая лежала плененной в центре «замка», ведущий хоровода ее будил, освобождал и выводил из «башни», снова танцуя по всем переплетениям дорожек лабиринта. Краузе предполагает, что эти дорожки должны были представлять путь движения солнца.

Слово «Троја» или «Droia» связано с нашим словом «drehen» («крутить, вращать»), и оно также родственно с латинским «tornare», к которому, в свою очередь, принадлежит и наше слово «Turm» (Turn), означающее башню. У нас здесь также есть «дева в башне», т.е. в спиралевидном или круглом «замке». (239) И снова миф представляется в игре хоровода, которая здесь однозначно принадлежит бронзовому веку.

Так как существуют также «замки Трои» с концентрическими кругами вместо ходов лабиринта, Шпанут, как уже упоминалось, называет окруженный кольцами ров с водой и земляными валами круглый холм на Священном острове тоже «замком Трои». Он предполагает там также игры, которые представляли судьбу девы-земли Клейто.

Двумя такими «песнями», которые еще в их поздней формулировке являются настоящими драматическими пьесами, мы уже занимались. «Песнь о Скирнире» «Эдды» явно оказывается – вопреки большой временной дистанции – германско-исландской формулировкой приведенного Гомером в «Феакии» мифа о Перибее, героиня которого, в свою очередь, снова никто иная, как Клейто из рассказа об Атлантиде. (240) Я думаю, что было бы не слишком рискованно предположить, что «Песнь о Скирнире» происходит от какой-то культовой игры бронзового века, содержанием которой был этот миф. То же самое, в принципе, относится и к еще более древнему сватовству Свидгага в Песне о Фйольсвидре.

Эта драматическая пьеса по своему характеру и по содержанию могла происходить даже еще из мегалитических времен и игралась из хоровода.

Связь этих «пьес» «Эдды» с мифом и реальностью Священного острова вызывает вопрос, не исполнялись ли, вероятно, там такие представления на культовых праздниках как настоящие мистерии. Никакие дошедшие до нас рассказы об этом не сообщают.

Ф.Х. Хамкенс (241) с достаточными основаниями предполагает мистирию, представлявшую миф о «солнечном герое» (борьба с драконом, Священная свадьба, смерть и возрождение), в Экстернштайне, группе скал около Хорна в Вестфалии. В этом своем выводе из его подробных исследований он совпадает с выводом Ганса Гзэнгера («Экстернштайне», 1964), который, хотя и исходил из совсем других предпосылок, тоже высказал подобное мнение. (242) Такие представления происходили, вероятно, на протяжении многих веков во всех больших святилищах. Еще в одиннадцатом веке после Р.Х. культовые представления проводились во время больших праздников в храме Упсалы (Швеция тогда еще была единственной языческой скандинавской страной).

Мегалитическая религия каменного века знала, без сомнения, мистерии с посвящениями при повышении положения человека, знала она и мистерии с представлениями священных мифов, которые вращались вокруг солнечного героя и девы-земли, позже превратившихся в «Сотера», избавителя и спасителя, и «Psyche», душу, которую необходимо было освободить. Греческие мистерии, прежде всего, Эливсинские и Самофракийские, которые много веков оказывали такое глубокое и поистине целительное влияние на жизнь и культуру Греции, были пред-дорическими и, по словам Тассило фон Шеффера, очень древними. (243) Вероятно, они своими корнями – так же, как и почти все восточные мистерии – уходили еще в религию эпохи мегалитов. Также здесь в центре посвящений, как и праздников мистерий стояли «Dromena» (драмы, спектакли). Они должны были оказывать огромное воздействие на зрителей, как они также существенно повлияли и на развитие греческой драмы, ибо большая часть великих поэтов Греции, Эсхил, Софокл, Пиндар и другие, были посвященными в Элевсине. (244) (Эсхил, родившийся в Элевсине, должен был написать некоторые из своих драм именно как пьесы инициации для мистерий.)

Но и религия Севера тоже развилась из мегалитической религии. Нам неприятно было бы предположить там – в царстве атлантов – тайные культы как можно более сладострастной, похотливой природы, заповеди молчания, окутанное тайной влияние жрецов и ночные представления драм со световыми эффектами как на юге. Все здесь могло бы происходить более открыто и более наивно. (245) Но инициации должны были проводиться там, и с ними также игры. Все

сказанное выше указывает на это. Когда Свипдаг говорит со стражем янтарного замка, или Сигурд с драконом перед боем ведут мудрые беседы с вопросами и ответами, которые отнюдь не следуют из драматической ситуации, а только задерживают ход действия – на первый взгляд, бессмысленно – то объяснить это можно только тем, что эти игры использовались при инициации молодых людей как что-то вроде поучительной пьесы. (246)

Уже танец с мечами изображает смерть и воскрешение «шута». Как уже говорилось, вероятно, было так, что драма годового цикла не только демонстрировалась проходящим инициацию, но также тот или другой из них даже сам играл роль солнечного героя и, как его «заместитель», претерпевал его смерть и испытывал его возрождение.

Здесь нужно еще сказать пару слов о восприятии этих зрелищ. Много раз было доказано, что для Homo religiosus, «человека религиозного» доисторического времени, «превращение» отдельного человека в драме было не только игрой или тем более «спектаклем», а означало настоящее единство, полное единение с тем, кого он представлял. (247)

Большей частью это была и есть маска, которая создает «превращение». С торжественным действием надевания маски демон (это слово здесь надо понимать в греческом смысле как божественную внеземную силу) овладевает надевшим маску человеком, причем не только в умах зрителей, но и в мыслях самого этого человека в маске. Также греческая маска первоначально служила этому настоящему превращению. В крестьянских обычаях южногерманско-австрийского пространства можно еще вплоть до нашего времени найти примеры такого восприятия.

Отто Хёфлер приводит впечатляющее свидетельство: верхнеавстрийский поэт Рихард Биллингер рассказывает по опыту своего собственного детства, как его сосед, богатый крестьянин, с большой торжественностью, в сопровождении музыки и шутовских танцев, пил «любовь» («Minne») Святого Иоанна 27 декабря (т.е. вино, освященное по католической традиции в церкви в день Святого Иоанна – 27 декабря). И перед тем как выпить это вино, и после этого он надевал специально предназначенную для такого питья позолоченную маску, «Trinklarve», которая на короткий промежуток времени делала его превращенным. (248)

Рихард Вольфрам рассказывает, что зрители, стоявшие на дороге австрийских горных крестьян, «шествующих» с зачерненными сажей лицами и в масках, видели в них «мертвецов» (членов войска мертвецов) и называли их так, хотя

каждый здесь знал участников шествия, очень живых парней и мог назвать их по именам.

Также в торжественном доставании и надевании шутовского костюма («Narrenhäse») и маски, как это иногда еще практикуется в карнавальном обычае (Fasnet) в швабском Оберланде, сохранился остаток культа превращения и связанных с ним воззрений. Тот, кто своими глазами увидит, как с надеванием маски спокойные, серьезные, медлительные крестьяне превращаются в неистовых демонов, которые с пронзительными криками и звоном бубенчиков носятся по ночным переулкам и танцуют вокруг огня, почувствует кое-что от силы превращения маски.

То, что это переживание три тысячи лет назад было еще более распространенным и более естественным, чем сегодня, сразу становится очевидным. Похоже на то, как будто мужчина на лебединой повозке из Дупляи, которого Шпанут считает «гиперборейским Аполлоном», носит маску. Я повторю: вероятно, этот Аполлон, который – согласно рассказам древних греков – уезжал из Дельф на Священный остров у Океана и снова возвращался следующей весной, в действительности был «превращенным». Речь шла о настоящем «явлении» бога: к верующим являлся его заместитель, который, как только он надевал маску, наполнялся священной демонией, сам превращался в бога, и мог благословлять, мог исцелять и вершить правосудие. Это может быть так или также может быть и не так. Во всяком случае, такой священный маскарад, вероятно, тоже принадлежал к представлениям североевропейского бронзового века, которые были отнюдь не «спектаклями», а настоящими религиозными переживаниями.

Шестая глава

РЕЗЮМЕ

Теперь, когда мы так в некоторой степени рассмотрели миф, культ и обычаи северян бронзового века, можно сказать следующее:

Мы видим сильный, деятельный народ, который в самых благоприятных климатических условиях увеличивает свое благосостояние, в чем ему, прежде всего, содействовали богатство его страны янтарем и плодородие его земли, но, несомненно, также его собственные способности и жажда деятельности. В свой «Золотой век» – прежде чем тени «гнева богов» пали на это залитое солнечным светом бытие – находясь на юном, но уже больше не примитивном уровне развития, этот народ, как мы видим, естественным образом предается делам, которые доставляют ему радость. На первом месте стоит мореплавание, «Феакия»

говорит об этом снова и снова. Феаки-атланты – мореплаватели открытого моря – также рыбаки открытого моря, естественно – они строят лучшие корабли тех времен. Эти легкие «черные» ладьи с головами лебедя на носу и корме пересекают в торговых плаваниях, но также и в поиске новых земель самые далекие моря. Эти люди живут в основывающемся на божественном законе мире со всеми теми народами, которые когда-то возникли в результате их переселений, но и их самих другие народы тоже не беспокоят. Впрочем, молодые мужчины часто отправляются в походы, следуя естественной жажде приключений и воинственности, чтобы искать новые земли для поселений или же находить где-либо борьбу и добычу. После чего они возвращались домой и как «зрелые мужи» возделывали землю (есть признаки того, что уже за века до большого нападения на Египет северные люди сражались против фараонов). Об организованном войске, которое предусматривало использование большого числа способных носить оружие мужчин на случай войны, свидетельствует рассказ об Атлантиде.

В остальном, однако, «атланты» наслаждались миром, любили спортивные состязания, музыку, пение, украшения и прекрасные вещи всякого рода, дружеское общение, горячие ванны и чистоту, хорошую трапезу и отдых после нее, как об этом повествует «Феакия». Население состояло, прежде всего, из земледельцев и скотоводов, но, вероятно, были уже и люди, которые частично или полностью посвящали себя морской торговле или ремеслам. По меньшей мере, кузнецы, кораблестроители и плотники должны были уже образовывать что-то вроде собственных профессиональных сословий, были там уже, без сомнения, также резчики, кожевники, сапожники и т.д. Женщины славились своим ткачеством и можно предположить, что некоторые уже ткали и шили также за вознаграждение. В остальном женщины тогда, как позже у германцев, действительно обладали свободным положением, и они часто даже доминировали над своими мужьями. То, что они придавали значение моде и украшениям, доказывают археологические находки из их могил.

Религией этого народа была, как это, пожалуй, и не могло быть иначе в то «залитое светом» время, религия света, в которой всегда ощущавшиеся всеми народами темные стороны сил судьбы сильно отошли на задний план.

Мысли о тайне смерти, кажется, занимали – по сравнению со многими другими культурами, также и, прежде всего, с культурами мегалитов – относительно незначительное место. Погребения показывают, что мысль о продолжающем жить в холме покойнике еще до определенной степени оказывала воздействие, все же, теперь все больше утверждается кремация. Это, пожалуй, справедливо считали доказательством того, что представления о жизни и смерти стали более «духовными». Но не следует забывать, что идея того, что сожжение земного тела человека содействует превращению мертвеца в потустороннее существо,

является очень древней и снова и снова вспыхивает в индогерманской области как настоящая идея мистерий.

Светлые, добрые и приветливые боги бронзового века носили лучезарные короны и венки из лучей и сияли в ореоле своей святости. Храмы сверкали золотом, и даже подпирающее небо Мировое древо, которое, как несущая и провозглашающая законы стела, стояло у святого источника, сверкало, залитое небесным золотым блеском («аиг» = орихалк), и было «украшено золотом», как говорится еще в более поздних сообщениях. По-отцовски заботливый, но также и часто сердящийся бог неба индогерманцев здесь отошел, в основном, на задний план. В центре всего религиозного переживания стоял «сын», красивый и добрый, солнечный герой и возникший солнечной колесницы, господин сверкающе белых, поющих лебедей, в которых были превращены избранные покойники, чтобы служить светлому «господину». С лирой в руке, он пробуждал пение, музыку и хоровод, в священных игрищах он появлялся живым на лебединой повозке или в лебедином челне. Он объезжал землю, чтобы заклинать плодородие полей, провозглашать священное право и закон. Он улаживал споры, исцелял больных и утешал огорченных. Он был «помощником» и мог «освободить», вероятно, даже от печалей и угрызений совести, которые и в хорошие времена не оставляют отдельного человека.

Рядом с ним стояла мать-земля, Terra Mater, которая, мать и дева одновременно, была старше своего сына, и когда-то даже сильнее его. Но теперь, однако, она пользовалась почестями как божественная супруга и мать всех царских близнецов. Она тоже была добродушной и приветливой; также здесь более темные черты пожирательницы жизни отступали перед чертами доброй родительницы. Также у нее был свой объезд, свои праздники, она благословляла поля, и, прежде всего, женщины протягивали руки к ней.

Их «Священная свадьба» была великим праздником растущего года, и древняя игра, которая представляла пробуждение ее сватающимся солнечным героем, все еще демонстрировалась верующим, но можно предположить, что природный процесс уже давно получил более глубокое, символическое значение. Потому что вполне возможно, что мать-земля так же, как и Деметра на Элевсинских мистериях, появлялась и здесь в «посвящениях», инициациях, в ходе которых находили ответы на вопросы о тайнах бытия, передавали более глубокие знания о богах и давали душам большие, очищающие переживания, как это позже происходило в Греции. Также всеобщие святые праздники года праздновались со всей той преданностью и радостью, которые были необходимы, чтобы они смогли оказывать свое влияние на людей. На Священном острове у них был, наверное, особенный блеск. Торжественные жертвоприношения животных, пение гимнов, игра на духовых и струнных инструментах, танцы, шествия, игры,

гонки на колесницах засвидетельствованы источниками. Конечно, не могло обойтись и без торжественной трапезы с круговой чаркой. Царь осуществлял жертвоприношения и руководил ритуальными играми. Он был, как представляется, единственным жрецом бога, о жреческом сословии в источниках ничего не сказано, только о мудрых мужах, которые помогали правителю, как и пророчащие ясновидицы. Царь был святым, также он сиял в божественном блеске, он представлял, замещал бога, но практически он, очевидно, не мог принимать решения, не спросив совета у «больших мужей» народа, которые окружали его. И очень большие надрегиональные решения могло принимать только собрание десяти царей атлантов, которые были крепко связаны друг с другом божественным и признаваемым священным законом.

Таким образом, религия в большом и малом воздействовала на все области жизни. Боги как действующие и помогающие силы были вездесущими, и их также часто «видели» живыми (в «эйдетическом» видении). Их любили, как дети любят своих родителей, и чистосердечно доверяли им (не загоняя полностью в угол пытливый разум), по крайней мере, так долго, пока внутренний раскол, протест, сопротивление и душевная депрессия были еще неизвестны счастливым «атлантам». Уже потом, когда тени пожрали свет, великая засуха опустошила страну, и на них опустилась беда, кое-что в этом роде могло появиться, вместе с робким вопросом о своей собственной вине в общей беде. Но эти люди были мужественными и предприимчивыми, они боролись с сомнениями своими силами, не проклиная богов. Они отправлялись в походы, чтобы найти лучшие земли, и брали с собой богов, которые тогда на новой родине, так же, как и на старой, почитались ими как верные помощники.

Седьмая глава

ПОСЛЕ КАТАСТРОФ

1. Север

И что же произошло, когда «омываемый светом, купающийся в тепле бронзовый век» (Оксеншерна) закончился?

Сначала пришла великая засуха, затем сильный «военный поход», переселения из северных стран. А потом случились землетрясения и морские наводнения: «Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину.

После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров». (Платон, Тимей, 25) Также огонь падал с неба, и болота и леса сгорели. Могли последовать дальнейшие переселения оставшихся в живых людей, разрушенная страна пустела, численность населения опустилась до минимума. О более высокой культуре больше не могло быть и речи, оставшиеся люди только с трудом влачили жалкое существование с помощью рыбной ловли и незначительного земледелия. Больше не было ни торговли, ни мореплавания.

Понятно, что археологические исследования этих «темных времен» могут принести только жалкие результаты. Они говорят о перерыве в археологических находках, а затем о кремациях почти без погребальных даров. До тех пор, пока к концу первого тысячелетия не начинается связь с римлянами, и их великолепные сосуды, стеклянные бокалы и т.д. появляются в могилах видных германских родов, мы здесь пробираемся на ощупь в полной темноте.

И если мы хотим узнать хоть что-нибудь об этих временах, мы по-прежнему должны держаться за письменные источники.

Рассказ Платона об Атлантиде был записан после катастрофы. Он говорит о том, что остров утонул, и что море там теперь несудоходное и недоступное «по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров». Это все, больше так хорошо осведомленный во всем остальном авторитетный информатор египетских жрецов ничего не мог сказать.

Но здесь нужно обратить внимание еще на одно место из рассказа об Атлантиде, которым едва ли занялся хоть один из многочисленных исследователей или открывателей Атлантиды. Оно несколько неясное, но намекает на что-то, что заставляет задуматься. Это место (Критий, 120d-121c) звучит следующим образом: «Столь великую и необычайную мощь (выше речь шла о царях атлантов, роде сынов Посейдона, эти слова, очевидно, относятся к ним – Б.Ф.), пребывавшую некогда в тех странах, бог устроил там и направил против наших земель, согласно преданию, по следующей причине. В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. Они не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под

воздействием богатства, но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что и это все обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью, но когда становится предметом забот и оказывается в чести, то и само оно идет прахом и вместе с ним гибнет добродетель. Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего именно тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила.

И вот Зевс, бог богов, (249) блюдуший законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из их обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...» (250)

То, что на этом месте рассказ об Атлантиде прерывается, и Платон умер, не успев закончить его, вызывает огромное сожаление. Не случись так, мы точнее узнали бы, в чем именно боги должны были упрекать атлантов. В наглой заносчивости? В потере удовлетворенности простыми вещами и хорошего вкуса? Насколько неясно, что нужно понимать под этими словами: «промотали самую прекрасную из своих ценностей». Вероятно, Зевс также объявил бы, в чем именно должно было состоять наказание. В гибели острова Атлантиды? Как египетскому жрецу, так и всем, кто после него пересказывал эту историю, было совершенно ясно, что такая большая катастрофа нанесла тяжелый ущерб также Афинам и всем другим странам. Они едва ли могли рассматривать ее как наказание, предназначенное одному только роду атлантов. Вероятно, мы услышали бы из этой оставшейся навеки неизвестной речи Зевса даже что-то о проигранных битвах в Египте, и смогли бы тогда избежать бесплодного разгадывания некоторых загадок вокруг хронологических и других вопросов, которые поднимал рассказ об Атлантиде.

Мы также задаем себе вопрос, кто, собственно, произнес это порицание в конце рассказа. То, что оно направлено не против народа, а против царского рода, следует из неоднократного упоминания божественного происхождения и божественных качеств, которые исчезли из-за «смешения со смертными». (250а).

Цари атлантов происходили от Посейдона, он был их «отцом», и, по мнению рассказчика, их частая связь с «земными» женщинами и их растущая концентрация на земных благах и земных наслаждениях привели к потере божественных добродетелей: великодушия, умеренности, хладнокровия, благопристойности и верного сохранения своей общности. Это, кажется, является смыслом этих фраз. Говорят ли здесь египетские и греческие (политические) противники рода Атланта? Или же сам Платон, как исследователь государственной жизни и культурной жизни? И то, и другое, если прочесть этот рассказ с беспристрастными глазами, представляется маловероятным. Наоборот, похоже на то, как будто бы также здесь действительно в точности повторено то, что сообщил предшествующий рассказчик. Мы не знаем первого рассказчика, того авторитетного человека, рассказ которого записали египтяне. Однако, судя по процитированным словам, кажется, что речь идет о человеке, который не только очень хорошо знает мир атлантов, царский остров, царский род, но и, вероятно, сам принадлежал ко всему этому (251), и задумывается над этим. Его мысли одновременно любящие и критические, и похоже на то, что он сам наблюдал культурный и нравственный упадок и верит в очищение с помощью наказания со стороны богов.

Но было ли вообще некое новое начало, которое оправдало бы такое наказание и принесло очищенному роду новые возможности? Он, во всяком случае, этот критически настроенный культурный философ, кем бы именно он ни был, уже больше не испытал его.

Золотое богатство было безвозвратно утеряно. Очевидно, понадобилось очень много времени, пока Север снова не достиг культурных высот былых времен. Но ввиду изменившегося времени и духовного состояния кое-чего он так больше и не добился. Но зато он надолго избежал тех опасностей, которые влекут за собой богатство и роскошь, и картина физического и психического здоровья и стойкости германцев, изображенная Тацитом, вовсе не является преувеличением. С культурой тоже дело обстояло почти в порядке, с религией тем более.

Мы знаем, что Священный остров снова появился из вод, и, пусть даже и в более ограниченной степени, опять стал религиозным центром. Как именно это произошло, об этом у нас есть только одно, в равной мере как удивительное, так и ненадежное свидетельство: финал «Прорицания вельвы», который завершается великолепной картиной заново возникающего мира:

«Видит она:
вздывается снова
из моря земля,
зеленея, как прежде;

падают воды,
орел пролетает,
рыбу из волн
хочет он выловить».

Остров выныривает из моря, на Идавёлль-поле в бывшем святилище снова встречаются «асы» – это преимущественно сыновья старых богов, но Бальдр (который вполне мог замещать Посиде и в мифологии «Эдды» характерным образом считается отцом Фосите) возвратился – «зло станет благом, Бальдр вернется». Снова найдены в траве золотые доски, «тавлеи», которые когда-то давным-давно принадлежали богам. И затем здесь следует загадочная строфа:

«Хёнир берет
прут жеребьевый,
братьев обоих
живут сыновья
в доме ветров –
довольно ли вам этого?»

В этих сыновьях (близнецах) пытались увидеть Бальдра и Хёда, но их, собственно, никогда так не называли, да и сыновья их нигде не играют роли, если только не думать о сыне Бальдра Форсети-Фосите. Вероятнее, что здесь говорит некая очень старая традиция, и имеются в виду совсем другие близнецы. Правители атлантов были «сыновьями»-близнецами, которых Клейто родила Посейдону-Посиде. Не могли ли члены старого царского рода действительно выжить и снова поселиться в своей резиденции на Священном холме над овеваемым ветрами морем? Вероятно, произошло именно так. Этот остров, во всяком случае, еще в христианское время был резиденцией королей, даже если это теперь были фризские короли, а затем датские короли, у которых там на холме стояли их замки.

Дальнейшие свидетельства новой, уже несколько отличной от старой, религиозной жизни на янтарном острове у северного океана дают сообщения греков о Гиперборее. Они, к счастью, немного заменяют недостающие археологические находки. Хотя в этих несколько сказочных рассказах о стране «благочестивых и блаженных гипербореев» с их янтарем и поющими лебедями отчетливо резонируют воспоминания о тамошнем положении в прежнем «Золотом веке». И распространяющиеся в то же самое время сказания об Острове Блаженных Абалусе (Авалон-Авалун) с его яблоками бессмертия, где в «старом саду» спит Кронос, ожидая своего возрождения, и где также позже ждет король бритов Артур, пока он снова не сможет явиться своему народу, рассказы также об утонувших ян-

тарных дворцах, все это шептание происходит, однако, уже из тех времен, когда остров казался утонувшим навсегда.

Но рассказы о путешествии гиперборейского Аполлона на свою старую родину и о радостных праздниках там, также сведения Геродота о посланниках из Гипербореи, написаны в совершенно реалистической манере, и описанное там, без сомнения, происходит в то время, когда Аполлон уже давно прочно укоренился в Дельфах, когда в Делосе стояли роскошные храмы Аполлона, и на янтарном острове Севера уже снова существовало широко известное, наполненное пением, игрой на кифарах и праздничным настроением святилище, в котором возвращающийся домой бог света мог прожить полгода (или даже целый год).

Это, вероятно, происходило в первые столетия последнего тысячелетия до Р. Х., так как в шестом веке Гиперборея уже превратилась в легенду. В четвертом веке Пифей из Массалии (Марсилии) должен был заново открыть янтарный остров, который все еще назывался Базилеей и носил еще прозвище «яблочный остров». Он рассказывал и о мировом столбе, но, в общем, мы ничего не знаем о старом святилище, которое теперь, очевидно, утратило свое значение.

Все, что мы можем узнать из этого и более позднего времени, свидетельствует: мировые столбы были и оставались известны также на юге. Посиде, которого звали теперь Фосите-Фосете-Фоста, значил теперь еще что-то только для фризов. Но, все же, его остров был и оставался священным, лебеди плавали в пруду источника, и храм хранил сокровища, которые его благодарные почитатели жертвовали богу.

Однако у остальных германских племен память о нем ослабла. Потому что за это время произошло нечто, что изменило всю религиозную ситуацию (и, конечно, также этническую ситуацию) в области, которой когда-то владели сыновья Атланта.

Когда именно это случилось, мы не знаем, однако, вероятно, что это должно было произойти где-то в первом тысячелетии до Р. Х. Так как когда снова были написаны сообщения о Севере, на этот раз авторами их были римляне, столкнувшиеся тогда с воинственными походами переселяющихся кимбров, тевтонов и амбронов, то в этих сообщениях рассказывается о верховном боге германских племен, которого римляне обозначали именем Меркурий (лучшее сравнение, пожалуй, не пришло им в голову ввиду своеобразия этого северного бога), о котором мы знаем, однако, что в Скандинавии его звали Один, у живших южнее германских племен – Воде, Водан, Вотан или Вуоте. Этот бог собрал вокруг себя круг из двенадцати богов и богинь, называвшихся «асами». Самыми любимыми из них были Тор или Донар, Фрейр или Фро, Фрейя, Фригга, Тюр или Циу (Тиу,

Зиу) или также Сакснот, и все вместе они вели себя так, как будто бы с незапамятных времен жили в странах Северной Европы.

Но то, что это было не так, очевидно. Хотя многие придерживались такого мнения, включая большого знатока как индогерманской, так и германской религиозной истории Якоба Вильгельма Хауэра. Другие думали, что, по меньшей мере, лишь Один-Водан был совсем «новым» богом, который якобы только во времена римлян или даже уже только во времена викингов проник на север, вытеснил доброго старого крестьянского бога Тора и «испортил» воинственную знать своим «чуждым» колдовством и своей беспокойной, непоседливой дикостью. (252)

Ни то, ни другое не может быть правдой. Из того, что было описано в предыдущих главах, ясно следует, что североевропейский бронзовый век не знал почитания ни Одина-Водана, ни Тора, ни других богов-асов в записанной позже форме. Солнечные знаки Посиде, его лошади и лебеди полностью доминировали там. Нигде нет даже следа волков и воронов Одина. То, что было принесено «Великим переселением» на юг и распространялось там в Средиземноморье и дальше на восток, было солнечными знаками и мотивами Мирового древа. С переселяющимися северными людьми по всему свету шествовал молодой бог света и правосудия, а вовсе не таинственный волчий бог на восьминогом белом коне, одноглазый, в мягкой шляпе и развевающимся плаще.

Волки и вороны также вовсе не подходили бы к «купающемуся в тепле» бронзовому веку, как они так же мало позже подходили к югу. Один-Водан, в принципе, это бог зимы, и на севере его можно представить только после того, как жестокие зимы и дикие бури вторглись в ранее наполненное солнцем царство атлантов. Но он вовсе не новый бог, а на самом деле очень древний образ. В записанных еще до 1000 года до Р.Х. индоарийских Ведах он выступает под именем Ваты как ипостась бога Рудры. Хауэр цитирует (253) соответствующие песни, которые показывают, что этот Вата уже нес те же самые черты бога бури, бога мертвецов и бога экстатического восторга, предводителя «дикой охоты» и передавал там, как и позже на севере, самую глубокую мудрость, помогая взглянуть в самые сокровенные тайны мира. Так как Вата-Воде-Один ни в коем случае не олицетворение «Зла» (254), а самый таинственный и самый интересный персонаж мира богов во всей религиозной истории, многослойный и захватывающий, одновременно любящий отца всего сущего и жестокий убийца, господин колдовства и мертвецов, бог бури и странствий, который бродит вокруг, спрашивает и отвечает на вопросы, который так же воспламеняет дикую боевую ярость, как творческий огонь поэта. Он считается изобретателем рун и рунной магии, как первый посвященный и как знающий посвящающий.

Определенно этот властный одноглазый бог в незапамятные времена когда-то однажды был индогерманским богом неба, который в постепенном развитии приобрел черты экстатического восторга. Где происходило это развитие? Вероятно, в Индии, где люди всегда были склонны к глубокому размышлению, вероятно, во Фракии с ее исконными культами мистерий? Или у диких народов всадников восточных степей?

Во всяком случае, мысль о востоке возникает здесь не просто так. Существует даже конкретное сообщение, которое только никогда не принималось всерьез. Снорри Стурлусон, исландский ученый, в тринадцатом веке после Р.Х. усердно и со знанием дела собравший и прокомментировавший все старые предания, которые еще можно было собрать в Исландии и Норвегии, в двух местах, в «Круге Земном» («Heimskringla»), хронике норвежских королей, которые видели в Одине своего родоначальника, и в так называемой «Младшей Эдде» (или «Эдде в прозе» и «Эдде Снорри») написал о происхождении Одина. Он сделал это в эвгемеристической манере, потому что как христианин он не мог назвать Одина богом, и поэтому должен был сделать его человеком и королем доисторического времени, что, однако, было забыто уже на следующей странице его произведения.

Снорри говорит, что Один пришел из Азии. Почти все посчитали, что тут имела место ошибка, что автор перепутал «асов» (богов опорной балки) с континентом Азией. Но, возможно, умного старика Снорри и здесь следовало бы принимать всерьез. Восточно-индогерманские черты, которые обнаруживают песни «Эдды», нельзя не заметить. (255) Также мегалитические мифы, как и мифы бронзового века – мы это видели – вошли в «Эдду». Все же, наряду с этим встречается иное, иногда страшно загадочное глубокомыслие, что-то кажущееся даже почти «шаманским» и диким, что никогда не соответствовало бы, по меньшей мере, светлому и изысканному мышлению бронзового века. Однако это вовсе не что-то «чуждое», все совершенно индогерманское, здесь оживают старые, очень древние индогерманские мифы, но одно представляется очень отчетливым: здесь снова встретились две разные ветви, которые развились из одного и того же ядра. И из этого объединения и произошло настоящее германство, вся сущность, культура и дух германцев, как и их религия.

Некоторые исследователи увидели это и, так как сама «Эдда», кажется, дает здесь объяснение, поспешили сопоставить это объяснение с археологическими результатами. Так возник так называемый тезис о войне асов и ванов, который защищали Хауэр, Гюнтерт и другие, в конце концов, также Шпанут. (256)

В «Прорицании вёльвы», но в первую очередь в «Эдде в прозе» и в «Круге Земном» Снорри, повествуется о войне в древние времена – «первой войне в

мире». Два рода богов, асы и ваны, которые живут к востоку и к западу от реки Танаис (Дон), где во времена Снорри видели границу между Азией и Европой, вступают в военный конфликт, они штурмуют замки друг друга, но затем они заключают мир и обмениваются заложниками. В результате этого некоторые боги-ваны (Ньёрд, Фрейр, Фрейя) попадают в круг асов, что объясняли как реальное соединение двух кругов богов. Этот процесс объединения богов датировали временем незадолго до 2000 года до Р. Х.

Археология констатирует в это время вторжение распространившихся далеко на восток до Черного моря народов культуры шнуровой керамики или «боевых топоров» на мегалитический Север, что привело – вероятно, после некоторой борьбы – к мирному проникновению и смешению обеих народностей. От этого момента отсчитывали собственно «германское» время. Напрашивалось предположение, что очень активные, воинственные, связанные с востоком люди культуры «боевых топоров» и принесли с собой «асов» во главе с Одином-Воданом, тогда как ваны с их характером богов плодородия принадлежали мегалитической культуре. Хауэр обращает внимание на то, что смешение двух родов богов доказывается уже одним тем, что теперь в кругу асов появляются двойные и параллельные персонажи, и даже встречаются две похожие фигуры под одним и тем же по происхождению именем: Фрейя и Фригг (Фригга, Фрийя).

Это, без сомнения, верно. Но, тем не менее, мифическая война асов и ванов не могла произойти примерно в 2000 году до Р.Х., и она не могла быть конфликтом народов мегалитической культуры и народов «боевых топоров». Так как именно северный бронзовый век должен был быть тогда продуктом этого плодотворного объединения двух родственных по крови народов. И как раз этот бронзовый век, как мы можем судить по исследованиям Шпанута, ничего не знает ни об Одине, ни о богах «Эдды» с их преимущественно все же типично германскими именами, ничего не знает он и о Фрейе-Фригг. Если на Севере и произошло смешение двух кругов богов, то это должно было произойти гораздо позже, после катастроф, также, пожалуй, после эпохи «мудрых и благочестивых» гипербореев, т.е., в любом случае после 1000 года до Р. Х.

Когда после длинного перерыва античные писатели снова говорят о северных людях, то кажется, что у этих людей в нескольких отношениях изменился их характер и образ жизни. В их сущности и восприятии жизни появилось что-то древнее, изначальное, первобытное, жестокое, также что-то непостоянное, беспоконное. Мы уже видим не жестко связанные, хорошо организованные государства, а племена, которые легко меняют свое местожительство, скотоводов, крестьян, которые сжигают свои дома, когда переселяются на более плодородные земли. Археология отмечает большие потери в области культуры, но все же затем оказывается, что поэзия и пение все еще процветают, а во времена ви-

кингов даже приобретают очень большой размах. Золотой век мира превратился в легенду, дикий боевой дух наполняет мужчин, их ярость борьбы и экстаз боя отражают песни о героях (даже если германцы и не стали охотниками за черепами подобно родственным им кельтам).

Письменные источники и результаты раскопок теперь все больше говорят о человеческих жертвоприношениях (ни один даже самый преданный поклонник древних германцев не сможет их отрицать). Жертвоприношения в форме повешения, прежде всего, и утопления в болотах были приняты во время праздников инициаций вплоть до самого позднего времени, они почти полностью связаны с культом Одина.

Как могли произойти такие изменения? Тяжелый климатический кризис и потеря прежнего богатства не могут быть единственной причиной. Также одна лишь религия Одина едва ли смогла бы оказать такое глубокое и всеобъемлющее воздействие. Снорри говорит о военном походе. Самое вероятное состоит в том, что когда-то какой-то родственник, но оставшийся на более древнем, более «первобытном» уровне народ снова ворвался на север, смешался с потомками людей бронзового века и сильно изменил мир их богов и, вероятно, также их язык. Но когда это могло бы быть?

Здесь у нас нет ничего, кроме очень расплывчатых предположений. Но кое-что бросается в глаза: также в области языка когда-то в первом тысячелетии до Р. Х. произошла некая важная перемена, а именно Первое германское передвижение согласных. Мартин Нинк, который, кстати, как кажется, удивительным образом ничего не знает об индоарийском Вате и считает Одина-Водана местным богом на севере, «творением германцев», видя в нем, однако, в полной мере бога экстатического восторга, пишет в своей уже процитированной здесь книге о Водане: «Ярость тевтонцев, «*furor teutonicus*», заставлявшая дрожать уже римлян и многие народы после них, имела свою душевно-религиозную подоплеку. Потому что корни ее кроются в экстазе, и целью ее является соединение с богом войны Воданом – владыкой ярости. ... Если мы вынуждены принять, что так называемые способности берсерков массово встречались уже у индогерманцев, которые переселившиеся на Юг племена утратили больше только в историческое время, а германцы, напротив, развили их полностью только в своих северных местах пребывания, то это подтверждается и развитием звуков германского языка.

Потому что теперь просто напрашивается связать то странное изменение, которое только лишь и позволило появиться германскому языковому своеобразию, и известно под именем первого германского передвижения согласных (в середине первого дохристианского тысячелетия) с все сильнее прорывающейся волной

воинственного «odrs», которая оставила отчетливые следы в народном характере. Ведь сущность этого передвижения состоит как раз в том, что самые важные звуки в начале слова, в конце, но также и в середине «выталкиваются» с большей взрывной силой. Из смычных согласных появляются шипящие и фрикативные звуки, из звука «t», чтобы назвать только основные факты, получается английское «th», из «p» через «ph» и «pf» возникает «f», из «k» через «kch» появляются «ch» и «c». Старые «b», «d», «g» становятся более твердыми и превращаются в «p», «t», «k». Если мы еще добавим, что также начальные гласные звуки в отличие, например, от сегодняшнего французского языка, используются с отчетливым придыханием, и плавающее индогерманское ударение на начальный слог (т.е. на корень, но он почти всегда является начальным слогом) снова исчезло, то мы увидим: по сравнению с более мягкой идиомой народа предков германский язык приобрел большую прочность, мощь (прежде всего, благодаря ударению на начальный слог и более резкому начальному приступу), в то же время, однако, большую плотность напряжения, взрывную силу и воздушный поток. После этого он как никакой другой язык был пригоден для того, чтобы одновременно дать сильное выражение внутренним всплескам волнения и подражать звукам всех видов природных шумов, свисту ветра, шипению костра, всплескам воды. Как никакой другой язык он также создал из шумов и звуков буквально неистощимое изобилие слов». (258)

Эти констатации Нинка вызывают, однако, сильное подозрение, что причиной «того странного изменения, которое только лишь и позволило появиться германскому языковому своеобразию» было не столько внутреннее развитие, сколько некий пришедший извне толчок. Усиление «ярости», большая взрывная сила языка, его изменение от «более мягкой», более родственной греческому языку «идиомы» к жесткому выразительному германскому языку и, кроме того, бурная, полная экстаза и глубокомысленная религия Одина, все это удивительно гармонирует друг с другом.

Если мы сравним изделия кузнечного искусства, как и вообще художественное оформление бронзового века, с одной стороны, со (снова окрепшим) германским искусством времен Великого переселения народов или, тем более, эпохи викингов, мы увидим то же самое: одинаковые символы и знаки, часто одинаковые формы (несмотря на дистанцию в полтора тысячелетия), но гармоничная красота, сбалансированность и грация с одной стороны, и дикая, демоническая, страшная сила выражения (вспомните о резьбе Осбергского корабля) с другой стороны. Иногда говорили, что на поздне-германское искусство оказали большое влияние скифы, которые действительно создавали похожий стиль. Что же это значит?

Как ни странно, живущие к югу от германцев кельты также испытали в то же самое время важнейший, резкий и многое изменивший перелом в своем историческом развитии. Кельтов, которые по внешнему виду практически не отличались от германцев, и которым, как и германцам, тоже приписывалось это дикое боевое бешенство, римляне постоянно путали с германцами, или же германские племена, наоборот, неоднократно причислялись к кельтам (keltoi). В пограничных районах кельты и германцы также и на самом деле смешивались так сильно, что спор о том, было ли то или другое племя кельтским или германским, продолжается до сегодняшнего дня. Здесь их на самом деле разделял только язык. Кельтский язык, который, вероятно, после Великого переселения развился в «коренных» областях кельтских народностей, на юге Германии, на востоке Франции, в части альпийских стран и, вероятно, в Богемии, хоть и родственен германскому, однако, сильно отличается от него.

В середине первого тысячелетия – пожалуй, даже несколько раньше – можно и в кельтских землях констатировать резкие изменения в политической и культурной области. Выдвигались гипотезы о «революции», например, о захвате власти союзами воинов, которые лишили власти многочисленных любящих красоту и роскошь мелких князей и королей так называемой гальштатской культуры. Герман Нолле пишет в своей заслуживающей прочтения книге «Кельты и их город Манхинг»: «Кажется, что на этом месте произошла революция». Затем он продолжает: «Это сложный процесс со всеми этими различными элементами. Так как, однако, с самой большой уверенностью здесь не добавился какой-либо новый элемент, это значит, что один из уже существовавших элементов должен был победить. Этого было достаточно, чтобы начать новую эпоху, кельтскую, продлившуюся пятьсот лет». (259)

Вопреки этому сегодня побеждает другое мнение, а именно, что некий «новый элемент» все-таки добавился, и что какое-то переселение, сильный удар с востока, привел кельтскую культуру, так сказать, к самой себе. Герхард Херм говорит, видимо, опираясь на французские исследования, о сильном влиянии на возникающую кельтскую культуру со стороны скифов, которые с 800 года до Р. Х. продвинулись вперед в Силезию, в Лаузиц и до Баварии. Позже они должны были даже донести эту совершенно новую культуру вплоть до Франции. Он считает, что это скифы научили кельтов охоте за головами, верховой езде с уздечкой и удилами и еще кое-чему другому, и что впоследствии также в орнаментике латенской культуры проявилось скифское влияние. Все же, он осторожно говорит о «предположении». (260)

Эта гипотеза могла бы кое-что прояснить. Скифы были индогерманцами, белокуроыми и голубоглазыми, и объединяли богатую культуру с первобытной дикостью, жестокостью и склонностью к мистицизму степного народа всадников. Но

здесь остается только одна трудность: скифы были иранцами, и язык их принадлежал к группе «сатем», тогда как кельтский язык – это абсолютно западно-индогерманский язык. Если бы скифское влияние было настолько сильным, как думает Херм, то это влияние должно было бы сказаться и на кельтском языке. (Однако я не могу судить о том, нет ли, вероятно, в кельтском языке все же восточно-индогерманских элементов).

Более убедительной, однако, представляется другая гипотеза, которую я нашла у Альфреда Вайтнауэра («Кельтское наследие в Швабии и Баварии»). В этой версии скифы действуют только опосредованно, в основном, однако, это киммерийцы, которые ворвались в кельтские земли и дошли до Франции. (261) Киммерийцы были соседями скифов к северу от Черного моря и, наверное, тоже были перемешаны со скифами. В восьмом веке до Р. Х. киммерийцев вытеснили соседние племена, после чего они отправились в Малую Азию. Но Вайтнауэр предполагает, что они частично могли вторгнуться также в Южную Германию до Эльзаса. Вайтнауэр также считает, что именно это вторжение с востока подарило кельтам охоту за черепами.

Никто не говорит в этой связи о германцах. Но не могло ли быть так, что этот удар затронул также и их, и принес им пусть и не охоту за черепами, но все же усилившуюся «ярость» и бога Водана, к тому же еще колдовство Одина и передвижение согласных?

С киммерийцами дело, так или иначе, обстоит странно. Несколько античных авторов (например, Диодор) с уверенностью утверждают, что киммерийцы были народом, близкородственным ютландским кимврам; это было даже якобы одно и то же имя, которое со временем только немного изменилось. Шпанут соглашается с ними, другие исследователи посмеиваются над этой версией. И напрасно. Почему бы кимвры с Севера во время Великого переселения (или даже раньше) не могли бы поселиться к северу от Черного моря, там благодаря сильному соприкосновению со скифами частично перенять восточные обычаи и даже восточных богов, в то время как их язык сохранил хоть и несколько измененный, но все же свой прежний западно-индогерманский характер? Их возвращение представляло бы тогда почти точную параллель к произошедшему примерно на полторы тысячи лет раньше возвращению «людей боевых топоров», которые, согласно Хауэру, (262) тоже в раннее время переселились из Дании («где имеется очень древняя шнуровая керамика») и распространились до Черного моря, но до 2000 года до Р. Х. (из своей сильной опорной базы в Тюрингии) двинулись назад на север.

Не произошло ли и здесь снова что-то подобное, и война асов и ванов, пусть даже если это и было только гораздо позже, все-таки имела место? Или ваны и

асы, в конце концов, сражались (как об этом пишет Снорри) в «доисторическое время» друг с другом на Танаисе (263), где, возможно, кимвры с традициями мегалитической культуры столкнулись с более восточными народностями (из «Азии», «земли асов»)?

Снорри говорит, что Один появился сначала в Стране Саксов, где ему построили храм, затем двинулся на север и получил тогда на озере Оденсе на острове Фюн свое первое в Скандинавии святилище. Исландцы во времена Снорри называли всю Нижнюю Германию Страной Саксов. Поэтому могло быть так, что переселение, которое принесло с собой Одина, с юга или юго-востока проникло в область северных людей. Это было сильное и увлекающее с собой движение, которое появилось там, оно заставило полностью отойти на задний план старых богов бронзового века, которые, пожалуй, и без того – кроме как во фризско-тевтонских прибрежных землях – уже превращались в ослабевшие, поблекшие фигуры.

Но ясно, что эта религия была терпимой, как и все дохристианские индогерманские религии. Очень многие из тех мифов, представлений и обычаев, которые сформировали эпоха мегалитов и бронзовый век, сохранялись живыми сквозь все века – частично вплоть до девятнадцатого, даже до двадцатого века.

В измененном виде, который они неожиданно приняли, и с изменившимися, теперь действительно германскими именами старые боги или их ипостаси тоже вошли в новый круг богов. Асгард Севера возник из воспоминаний о Священном острове бронзового века. Бог ванов Фрейр – это самая явная ипостась Посиде. Фрейр хоть и утратил многие из богато развитых качеств Посиде, но все равно он еще очень похож на него. Он тоже омоложенный бог неба, «сын» старого бога неба и бога моря (которым, собственно, был он сам) и дочери великанов и богини земли, брат девы-земли как Аполлон, владелец чудесного корабля. И он тоже содействовал плодородию, качество, которое в крестьянской Швеции тогда сильно вышло на передний план, он – бог расцветания и роста, весны и мира. Его культ происходил с Кимврийского полуострова (нынешний полуостров Ютландия – прим. перев.), говорит Ф. Р. Шрёдер (264), он, «Инг», первоначально был богом проживавшего на побережье народа ингвеонов (ингвеонов), о которых упоминал Тацит (265). Отсюда он был перенесен в Швецию, короли которой называли себя Инглингами, как «сыновья» «Инга» или «Ингви», который в свою очередь был «сыном» бога неба. (Шрёдер, кстати, также в области культа Фрейра-Инга констатирует существенное продолжение существования принципа сакральной королевской власти).

Самое лучшее доказательство того, что Фрейр, имя которого, как и имя Посиде, означает «господин», также являлся прямым преемником Посиде, дает нам уже часто упоминавшаяся здесь «Песнь о Скирнире», в которой Фрейр на месте Посиде-Посейдона сватается к Перибее-Герд.

Близко родственным этому молодому богу бронзового века представляется также Бальдр, сыном которого в более позднее время считали фризского Фосите. Бальдр – это ас, т.е. он происходит с другой, восточной, стороны, к которой принадлежит Один. Он считается также его сыном.

Он, хоть уже и не его ипостась, но, все же, параллельная фигура Посиде. Вероятно, он унаследовал многие из обычаев, посвященных Посиде. В его храме служили девять дев, его имя тоже означает «господин». (266) Во всяком случае, он в полной мере солнечный герой, с хорошо сохранившейся, очень старинной и типичной «легендой», отсылающей далеко во времена мегалитов. Откуда бы он ни происходил, он – наряду с Фрейром – призванный преемник светлого Посидеоса, который чище всего сохранил на Севере его образ и сущность и, вероятно, стал также прообразом для той фигуры, в которой после христианизации видели «Белого Христа».

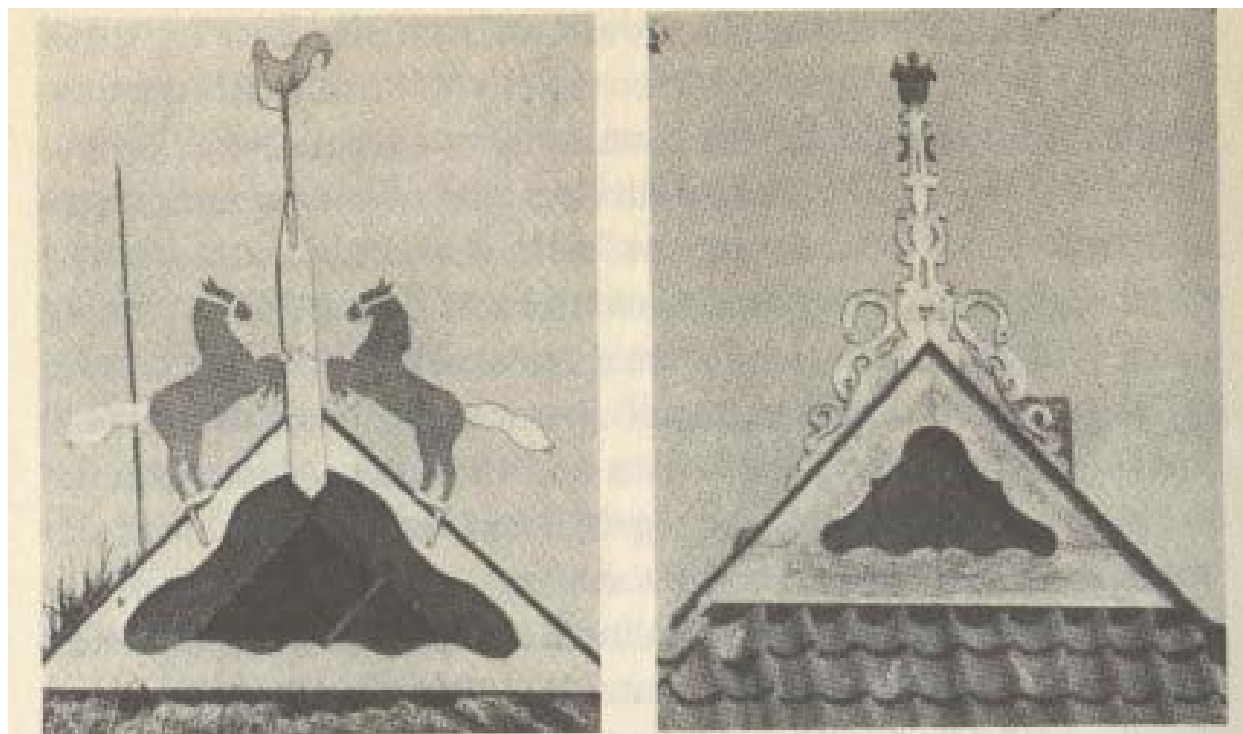
О том, что Хеймдалль – это, собственно, старый бог мирового столба и демонстрирует черты Атланта, уже упоминалось.

Тор-Донар задает несколько загадок. Для всех, кто занимался им, в нем всегда было что-то «исконно германское». С этим совпадает и то, что римляне иногда приравнивали его к Геркулесу-Гераклу, еще чаще – к Юпитеру. Он – (как Тюр-Циу-Тиу) очевидная ипостась бога неба, он тоже омоложенный, сын Одина и женщины-земли, который, однако, отличается от Посиде, как Зевс отличается от Аполлона. Качества грозы у него подчеркнуты: размахивающий молотом, едущий на грохочущей колеснице рыжебородый бог – это воплощенная весенняя гроза, которая обращает в бегство всех великанов мороза и инея. Его последний подвиг – борьба со змеем Мидгарда Ёрмунгандом. Однако никакая дева здесь не освобождается, мегалитическим солнечным героем Тор все равно не является. Во всем том, что мы на сегодняшний день смогли узнать о богах бронзового века, едва ли можно найти следы явно выраженного бога грома и грозы, хотя государственный миф атлантов, очевидно, знал о борьбе с великанами. Тор со своей запряженной овнами колесницей также больше указывает в юго-восточном направлении. (Видимо, ошибка автора: в повозку Тора запряжены не овны, а козлы. – прим. перев.)

У него есть изрядное сходство с Перкунасом балтов и Перуном славян, еще больше с кельтским Таранисом, это также одно и то же имя, которое связывает

обе эти фигуры, так как «Таранис» означает «гром» или «громовник». Потому есть все основания предполагать, что Тор переселился в Европу вместе с Одином. (267) Но это было и остается лишь версией, таким же предположением, как и приведенная выше гипотеза о происхождении Одина. Ведь во всех этих вопросах, которые касаются «темного железного века», пока не может быть никакой уверенности.

(Более подробно версию о восточном происхождении Одина-Водана Бритта Ферхаген рассмотрела в своей книге «Пришел ли Один-Водан с Востока?», опубликованной в 1994 году. – прим. перев.)

37. Западно-фризские украшения фронтонов («Ulbretter») (из «Германия», 1939).

Но остается четкое осознание продолжения существования многих элементов культуры и культа бронзового века на протяжении последующих тысячелетий вплоть до исторического времени.

Все эти символы солнца и Мирового дерева с их типичными формами можно найти, как уже было сказано, в искусстве викингов. Они смогли выжить в области резьбы по дереву как руны, их встречают во всей Европе в романских церквях, и они продолжают жить всюду в народном искусстве. Лошади и лебеди Посиде еще украшают тут и там фронтоны нижненемецких деревенских домов, еще можно увидеть в Норвегии склады для припасов, которые построены так

же, как когда-то храм Соломона, т.е., вероятно, все же, как те святилища атлантов, которые послужили образцом для него. Еще вплоть до двадцатого столетия дети на улицах танцевали и пели игры хороводов, которые изображали сватовство «мужчины с золотыми волосами» и освобождение «девы» из башни. На Фарерских островах все еще танцуют легенды о солнечном герое и убийце дракона. Священная свадьба продолжает жить в майских играх от Швеции до Южной Германии и Англии, во всей этой области все еще исполняется происходящий из бронзового века танец с мечами, и так далее. Но очень многое было утеряно, и продолжает теряться в век машин и бетона, в век расколотого и неуверенного чувства и мышления, которое больше не понимает детской уверенности в боге старого «Золотого» века. Больше нет простого, не задающего вопросов почитания светлой, благословляющей красоты богов, и поэтому тем важнее сохранить для нас как утешение и отраду кое-что из тех форм и образов, в которых она выражалась в те давние времена.

2. Юг

То, что последствия культуры и религии североевропейского бронзового века были многочисленнее в южных и юго-восточных странах (и далеко за их пределами), и они проявляются там более ярко, нежели на самом Севере, не должно удивлять. Почти весь верхний слой прежнего государства атлантов переселился на юг вместе со всеми деятелями культуры.

Всюду можно найти их следы: наиболее явно в Греции, Италии и Палестине, но также и на Кипре, в Малой Азии и дальше на востоке. Поселения северных людей у берегов Дуная, прежде всего, в Венгрии, уже упоминались. Оттуда походы, вероятно, шли на восток, они, очевидно, вели к Черному морю и дальше – теми же путями, по которым также в раннюю мегалитическую эпоху и во время великой эпохи засухи и переселений примерно в 2000 году до Р. Х. прошли части северных народов.

В первой половине первого тысячелетия до Р. Х. большие путешествия и переселения народов все еще происходили в восточных степях. Западно-индогерманские народы наталкивались на восточно-индогерманские и оттесняли их. Уже к концу девятого века большое индогерманское движение народов, которое исходило из Трансильвании и балканских стран и к которому присоединились еще живущие в России и на Кавказе племена, достигло Внутренней Монголии и Китая. Их продвижение привело к захвату китайской столицы и к крушению империи Западного Чжоу. Тем самым влияния северного бронзового века проникли также и в китайскую культуру. (268)

То, что волна с Севера не миновала Южную Германию и альпийские страны, это само собой разумеется. Здесь говорят о переселении «людей культуры полей погребальных урн». Считается, что они пришли с востока, но, вероятно, это были повсюду ищущие новые земли люди Севера. Естественно, также возможно, что иногда речь шла о группах отступающих участников борьбы за области Средиземноморья и о вытесненных восточных племенах, которые поднимались по Дунаю, поселялись в Богемии, Австрии, Южной Германии и т.д., и смешивались с проживающими здесь «людьми культуры курганов». Позднее из этого объединения появились кельты со своей культурой.

В вышеназванных местностях теперь развивалась культура, которая, поддерживаемая становящимися постепенно все богаче княжескими дворами, оказывала очень живое и сильное воздействие в самом широком кругу. Эта культура получила свое название от местечка Гальштат в австрийском Зальцкаммергуте, где были найдены захоронения с большим количеством погребальных даров. Гальштатская культура является непосредственным преемником североевропейского бронзового века. В формах своих украшений она демонстрирует не только все эти типичные мотивы, которые были приняты на Севере уже много веков назад: Мировое древо с «волютами» или «пальметтами», солнечные колеса, лошади и лебеди, олени и фигуры стройных, длинноногих людей, но и тот же самый стиль и ту же самую форму, которые передал ей поздний бронзовый век. (269)

Гальштатская культура теперь распространила эти формы по всему свету. Уже упомянутое движение народов на восток, так называемое «понтийское переселение», принесло ее в Китай. Находившаяся под сильным индогерманским влиянием донгшонская культура донесла ее до Индонезии. Хотелось бы поверить в прямо-таки фабричное изготовление драгоценностей гальштатского стиля, так сильно одни из них похожи на другие, однако, они были найдены в самых разных концах земли. Даже на западном побережье Южной Америки они встречаются. (Хайне-Гельдерн [1950/54] предполагает существовавшую на протяжении столетий торговую связь между Китаем и Перу).

Родственные культуры проявляются одновременно также в Италии. На отсталом до сей поры в культурном отношении Апеннинском полуострове внезапно появляется новый стиль, который соответствует гальштатскому. Шпанут говорит о «фронте типов» или о «слое новообразований, которые помогают нам охватить воздействие Великого переселения на Апеннинском полуострове в его отдельных фазах (Й. Визнер, 1942/202)». (270)

Этот «фронт типов» достиг Италии, очевидно, уже незадолго до великой катастрофы, однако, позже он всегда пополнялся благодаря новым переселениям. Это типичное оружие северных людей, прежде всего, мечи с «язычковой» руко-

яткой, так же, однако, металлические изделия, булавки, бронзовые котлы с солнцем в лебедином корабле, маленькие изображения Посиде на лодке, котлы на повозках и т.д., которые теперь находят от Верхней Италии до Сицилии, Мальты, Сардинии и до Балеарских островов. Новые переселенцы привезли в страну технику кузнечного дела и литья из бронзы, лошадь и повозку, бритву и серп, кремацию, устройство больших кладбищ и – не в последнюю очередь – своих богов и религиозные обычаи, танец с мечами, например, и еще кое-что другое, что позже продолжало жить в римском культе.

Мы знаем кое-что, пусть даже и немного, о племенах, которые приходили тогда по старому янтарному пути (через долину реки Инн и Бреннерский перевал) и оседали по ту сторону Альп: италики, латино-фалиски, прежде всего, однако, амброны, которые ушли с запада Ютландии и заселили часть Северной и Центральной Италии (провинция Умбрия еще сегодня носит их имя). Их соседями, согласно Шпануту, были на юге так же, как и раньше на севере тевтаны или тевтоны, а затем киммерийцы, которые также здесь, вероятно, были идентичны кимврам. Т.е., это были члены тех же самых племен, которые позднее, снова изгнанные сильными наводнениями, вновь попытались проникнуть в Италию (в 130 году до Р. Х.), но сильно окрепшие к тому времени римляне помешали им в этом. Плутарх в «Жизнеописании Гая Мария» рассказывает о странной встрече итальянских амбронов с их северными собратьями, которые перед битвой при Аквах Секстиевых в 102 году до Р.Х. по своему созвучному боевому кличу признали друг в друге родственников: «Самые воинственные из варваров – амброны – тоже бросились к оружию. Число их превосходило тридцать тысяч, и они уже нанесли поражение римлянам, сражавшимся под командованием Манлия и Цепиона. Хотя тела их были отягощены пищей, а души разгорячены вином и исполнены дерзости, все же они мчались вперед не разъяренной, беспорядочной толпой, а крики, которые они издавали, не были невнятные: ритмично ударяя мечами и копьями о щиты, они все разом подпрыгивали и выкрикивали: «Амброны!», – то ли окликаая друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, услышав и разобрав их клич, стали кричать в ответ, что и они, и предки их из рода в род прозывались амбронами». (271)

Также переселенцы из Швеции в это время должны были пуститься в путь на юг, но потом они осели в ломбардском горном регионе. До сих пор знаменитые наскальные изображения Валь-Камоника (7000 этих выцарапанных рисунков были каталогизированы) доказывают это. Более поздние из них удивительно похожи на наскальные рисунки в Южной Швеции. Обычай выцарапывать изображения этого рода, корабли, следы ног, фигуры богов, затем также символы и руны в стенах скал был только в Швеции каменного и бронзового веков и затем

тогда с раннего железного века появился в долине Валь-Камоника и окрестностях. (272)

Несмотря на сильное заполнение всего полуострова северными людьми в конце тринадцатого столетия до Р. Х., здесь в более позднее время – в отличие от Греции – хоть и можно найти признаки продолжения существования северной культуры бронзового века, но, вероятно, лишь в области искусства. Зато в религиозной области таких признаков совсем мало. Метапонт, одно из самых ранних и самых значительных святилищ Аполлона, было сооружено в Сицилии, вероятно, дорийцами. Но во всей остальной Италии этот сияющий бог с лирой приобрел относительно небольшое влияние. Этруски здесь довольно долгое время задавали тон. Их верхний слой происходил (теперь об этом можно говорить с уверенностью) из Малой Азии и принес оттуда религию, которая делает сильный акцент на культе умерших и производит впечатление действительно неиндогерманской. Хотя, как это было установлено в последнее время болгарским индогерманистом Владимиром Георгиевым, язык этрусков был западнохетским, т.е. тоже являлся индогерманским диалектом. (273) Формы украшений, символы и, прежде всего, руническое письмо этруски переняли от переселившихся в Италию северных людей, в остальном, однако, они сохраняли – и это вопреки их более поздней сильной зависимости от греческого искусства и образа жизни – свой несколько мрачный, своеобразный мир представлений.

Они потом, в свою очередь, повлияли на постепенно превращавшихся в завоевателей мира римлян. Но у римлян все равно преобладало индогерманское наследие. Они тоже в большой степени учились у греков – и также в религиозной области, но в их государственном культе проявляются также негреческие, самостоятельные черты. Бог неба, здесь называвшийся Юпитером (*Deus pater*), управлял в жестком, грубоватом, трезвом, осознающем свою власть и силу Риме, «сын» же оставался на заднем плане. Хотя Белые девы, весталки, пользовались большим уважением (согласно одному преданию Рим якобы основала гиперборейская святая дева), но музами они здесь не были. Только гораздо позже, в императорское время, когда с Ближнего Востока снова сильно проникли древние представления мегалитической религии, образ солнечного героя, «*Sol invictus*», «Солнце Непобедимое» вышел, уже в качестве господствующего, на передний план.

Совсем по-другому выглядела ситуация у филистимлян по ту сторону Средиземного моря. О том, что они пришли туда непосредственно с «острова столба» Севера, свидетельствует имя, которое дали им переселившиеся вскоре после них в Палестину древние евреи: «кафториты», «оставшиеся с И-Кафтор», острова опорной балки, т.е. несущего небо столба. Они, так как они были «оставшимися», отправились на юг, должно быть, еще перед гибелью Священного острова.

О том, что они после своего поражения в 1195 до Р. Х. заселяли хананейское побережье, так же, как и народ сакар (зекер)-финикийцы (274), уже говорилось.

Филистимляне и сакар почитали превыше всех других богов бога, игравшего на лире, которого семиты называли тогда «Дагон». Его сопровождали дельфины и лебеди, он ехал на солнечной колеснице, и новоприбывшие в своих городах строили ему великолепные храмы. Раскопки обнаружили их керамику и их металлические изделия, и также здесь всюду проявляются типичные мотивы северо-европейской культуры бронзового века: снова лошади, лебеди, розетки и другие солнечные знаки, символы вселенской опоры – и т.д. (275) Так же это было у сакар и на Кипре, где датчане эксплуатировали месторождения меди и – мы уже говорили об этом – оставили свидетельства своего выдающегося кузнечного искусства.

Корабли с лебедиными головами северных народов моря владеют Средиземным морем довольно долгое время, в первую очередь «финикийцы» вели далекую торговлю, они первыми обошли Африку и очень вероятно, как перед ними ливийцы, также ходили в Центральную Америку и Южную Америку. Они относительно быстро семитизировались, но в образе их бога Баала («господина»), все же, вплоть до поздних времен скрывался Посидеос-Посейдон Севера, и в их «Астарте» – богиня земли со звездным ожерельем, когда-то носившая имя Клейто. (276)

Филистимляне сохранили больше своеобразия своей родины – мы из Библии можем узнать кое-что о них – но, в конечном счете, они были почти полностью уничтожены в борьбе с евреями.

Тем не менее, самое прекрасное культурное процветание принесло плодотворное переселение северных народов моря в земли вокруг Эгейского моря. Здесь это были преимущественно дорийцы, которые принесли в страну культуру бронзового века Севера вместе со своим богом. Также они должны были быть основным племенем атлантов, и были родственны филистимлянам. (277) Все выглядит так, как будто бы они также происходили со Священного острова, по крайней мере, их предводители и правители, «Гераклиды», могли бы прийти оттуда и принадлежать к потомкам «божественных близнецов». Возможно, именно они первыми, пусть даже безрезультатно, проникли в Грецию, и, побежденные тогда Афинами, снова отступили. Это происходило еще перед разрушительными катастрофами. После них «Гераклиды» должны были попытаться захватить Пелопоннес. Здесь теперь и мог бы произойти знаменитый поединок между «Гераклидом» Гиллом и царем Тегеи Эхемом, исход которого заставил

связанных договором «Гераклидов» и их народ снова на пятьдесят лет оставить Пелопоннес. (278)

Все говорит в пользу того, что они под парусом ходили на Крит, который, судя по археологическим находкам, в это время был во власти северных народов моря. Но так как там все еще происходили извержения вулкана Санторин на острове Тира (Фира), жизнь в этих местах могла быть слишком опасна. Из-за этого, по меньшей мере, части этих народов снова покинули остров спустя некоторое время. Где они пребывали впоследствии, неясно, но можно предположить, что они, как и большинство союзных с ними северных народов моря, участвовали в большом нападении на Египет и, как и филистимляне, пытались поселиться на хананейском побережье (я не хотела бы полностью исключать связь имени «дорийцы» с городом Дор в Северном Ливане).

Во всяком случае, их настоящей целью оставалось возвращение в Грецию. Легенда о Гераклидах сообщает, что они, по прошествии пятидесяти лет, дезориентированные Дельфийским оракулом, трижды пытались захватить Пелопоннес, который они – по уже непонятным для нас причинам – считали своей законной долей наследства. Только третья попытка, когда они, выйдя на кораблях из Навпакта, пересекли Коринфский залив, оказалась удачной. Правнуки Гилла смогли поделить между собой земли Аргоса, Мессении и Лаконии. С этого времени (примерно в 1100 году до Р. Х.) дорическое влияние, прежде всего, в культуре и религии, начинает становиться заметным во всей «земле ахейцев».

38. Дипилонская ваза восьмого века до Р. Х. (Национальный музей древностей, Лейден, Нидерланды)

38а. Наскальное изображение из Чивика (фрагмент)

Теперь влачивший лишь жалкое существование в сильно пострадавших странах микенский стиль уступает место новому, «геометрическому» стилю, который, в свою очередь, тоже является не чем иным, как живым наследием северного бронзового века. Он распространяется по всем землям вокруг Эгейского моря, даже Афины, так гордившиеся своей непобедимостью и всегда старавшиеся оставаться «автохтонными», свободными от дорических пришельцев, вынуждены были поддаться этому новому стилю, который прославился как раз на их «дипилонских» вазах. Там можно увидеть грациозных тонконогих лошадок, которые с той поры стали столь характерными для греческого стиля ваз, очень тонкие, оживленно движущиеся фигурки людей, повозки с высокими колесами со спицами, которые, как солнечные символы, повторяются в орнаментике, круги, свастики, меандры и т.д. Все это снова и снова вызывает удивление своим сходством с североевропейскими изображениями позднего бронзового века и, прежде всего, с изображениями из все же старшей на 5-800 лет могилы в Чивике в Швеции.

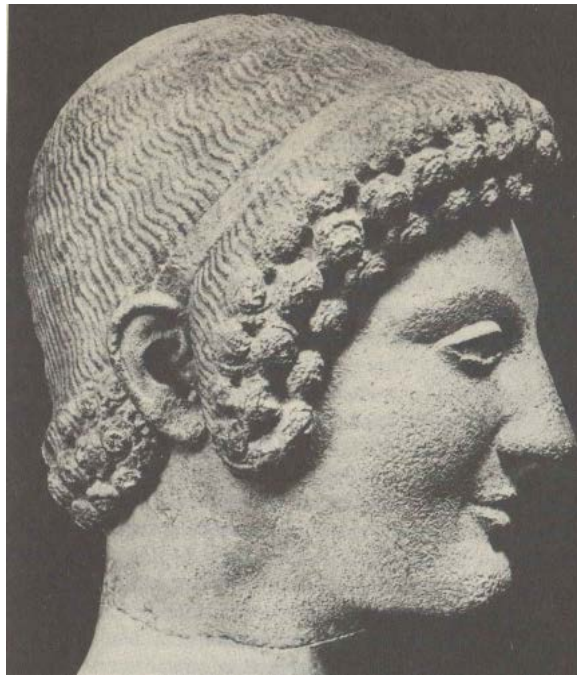
Во всех видах искусства, во всех сферах жизни теперь прорывается то новое, из которого позднее возникнет классический эллинизм. Шпанут собрал несколько цитат из произведений о греческом искусстве и истории, которые иногда прямо-таки с радостным возбуждением приветствуют этот новый подъем греческой культуры. (279)

Так, например, Н.А. Ст. Макалистер (1914/27) пишет: «Новые силы на Земле, новые боги на небе, новый стиль в архитектуре и искусстве, новое оружие и новые методы ведения войны, алфавит и железо! Крит и Египет уходят в прошлое, славные дни классического эллинизма лежат перед нами».

Это действительно так. Здесь, с новым переселением в мир стран Эгейского моря северных людей, на этот раз дорийцев, начинается то развитие, которое до сегодняшнего дня оплодотворило весь Запад и стало основой всех его полных жизненных сил ренессансов, всей его «классической культуры». То, что эта культура в каждом своем орнаменте, каждой форме, каждом представлении о богах, в конечном счете, уходит корнями в культуру североевропейского бронзового века, этого на самом деле никогда не замечали – что можно объяснить только тем, что об этой эпохе бронзового века знали слишком мало.

Здесь также бог поющих лебедей, муз и прекрасных пропорций теперь занял свое полноценное место в этом процессе. Аполлона называли «самым греческим из всех богов». Но дорийцы всегда видели в нем именно своего бога. Они дали ему его имя «Apellos», еще долго употреблявшееся как побочная форма натурализовавшейся в Греции формы слова «Apollo». (280)

Сегодня абсолютно ясно, что этот столь важный для Греции божественный персонаж приобрел свое большое значение в жизни греков только благодаря переселению дорийцев, если дорийцы вообще не принесли его первыми в Грецию, что представляется самым вероятным.

39. Голова юноши (Аполлона), Греция, шестой век до Р. Х. (Музей Баракко, Рим)

Его большие святилища, прежде всего Делос и Дельфы, оказали со своими праздниками и оракулами огромное влияние на жизнь и историю эллинизма. Ведь общегреческая политика в значительной степени направлялась жрецами Аполлона из Дельф и их высказываниями оракулов, содержащими советы, оценки и приговоры. К этим прорицаниям прислушивались и следовали им все греческие государства.

Итак, бог с Севера привел в Греции к новому развитию и расцвету не только музыку и изобразительное искусство. Бог правосудия, которым был уже Посиде как наследник бога неба, принес также новое право в Элладу.

Тассило фон Шеффер пишет: «Действительно высокая и уравновешенная мудрость Дельф внесла очень большой вклад в смягчение жестоких первоначальных взглядов и грубых, примитивных обычаев, особенно в области возмездия и искупления. Это было избавляющее, спасительное, освобождающее, снимающее напряженность благословение, которое исходило из Дельф. Здесь произошло, или было перенесено сюда легендой такое трудное примирение старой веры с созревающей более высокой этикой. Это особенно касается искупления за умышленное и неумышленное убийство. При этом внешне кое-что может показаться только ритуальным очищением, но эффект шел гораздо глубже. Платон указывает на то, как постепенно стало обычаем эллинских городов запрашивать искупление в Дельфах в случае неумышленного убийства; известно, что даже убийство Орестом своей матери, ставшее почти неразрешимой проблемой даже для богов, получило здесь как из самой высшей инстанции свой последний приговор. Дельфы представляли божество света, и как таковое они должны были стремиться изгнать все эти темные силы, всех богов мести, всех демонов неминуемой судьбы, даже если те в их собственном понимании были правы. Это было понятие милости, которое впервые стало здесь действенным через уста богов, и едва ли можно измерить, какой большой вклад внесла эта позиция в ее освобождающем разъяснении в то развитие к гармонии и мудрости, к которым всегда стремились греки». (281)

Однако мы не знаем, не началось ли это развитие уже на Севере, не был ли этот бог уже тогда способен смягчать жестокое мышление искупления и мести, когда его еще звали Посиде. Тассило фон Шеффер говорит о стремлении к гармонии. Когда мы смотрим на золотые чаши, чашки, розетки на поясах или щиты высокого бронзового века, т.е. времени до того, как роскошная игривость форм завоевала себе место, то мы видим это стремление к гармонии в никогда прежде не существовавшем воплощении. Не должно ли было обстоять дело так же и в правовой жизни? Греческие писатели постоянно приписывали гиперборейам благочестие и мудрость, Одиссей на своем опыте узнает об укорененном в религии гостеприимстве и доброте феаков, и рассказ Платона об Атлантиде гово-

рит о великодушии и «истинном и во всем великом строе мысли». Похвала греков удивительно единодушная. Не должен ли был бог права с лучезарной короной принимать некоторое участие в этом, оказывая и здесь свое воздействие, также смягчая нравы и способствуя гармонии?

Когда он отправился на юг, он принес тогда, вероятно, родственным по крови ахейцам эту честность и мягкость. Однако Север потерял его и с ним ту гармонию, которой он однажды все же владел. Более позднее германское искусство при всем родстве форм и символов больше не демонстрирует гармонии, так же как германцы времен Великого переселения народов и времен викингов ничего не знали о «смягчении безжалостного мышления мести». Правда, германцы вместе с тем вернули себе также грубую простоту, твердость и силу первобытного народа, что дало им способность удержаться и победить в климатически более неблагоприятных условиях и в медленном развитии добиться еще больших культурных достижений. Тогда как южные культуры, одна раньше, другая позже, в конечном счете, пали жертвой того болезнетворного микроба, который скрывается в каждом достигнутом полном наивысшем расцвете, и о котором знал уже рассказчик сообщения об Атлантиде.

Если североевропейская культура бронзового века и ее религия оказывала такое обширное в пространстве и продолжительное во времени воздействие, то в еще гораздо большей степени это можно сказать о той культуре, из которой произошла культура бронзового века – о мегалитической культуре. То, что религия света Священного острова выросла непосредственно и непрерывно из мегалитической религии и представляла собой только ее естественное продолжение, четко видно. Установленное археологами объединение людей культуры мегалитов и людей культуры боевых топоров» здесь не привело к заметному резкому перелому.

Так же, как культура мегалитов распространилась по далеким частям земли, она принесла и элементы закрепившейся первоначально на северо-западе Европы – вероятно, даже на Священном острове – мегалитической религии до самых дальних стран. Значение этого процесса для человечества на данный момент еще практически невозможно оценить. Потребуется еще множество научных изысканий и исследований отдельных вопросов, чтобы хотя бы в некоторой степени определить последствия этого сильного распространения. Пока же мы здесь можем увидеть только расплывчатые контуры.

Также здесь мы не сможем уделить этим вопросам много места и поэтому только кратко укажем на то значение, которое религия мегалитической культуры все еще имеет для нас, современных людей.

Когда северные люди во время больших стихийных бедствий в 1220 году до Р. Х. переселялись на юг и юго-восток, они всюду там встречались с мифическими представлениями и культовыми обычаями, которые были очень близки их собственным обычаям. Поэтому трудно, даже невозможно установить, что пришло с этим «Великим переселением», что распространилось еще гораздо раньше в средиземноморских странах, что происходило из мегалитической культуры Запада, а что происходило с Востока, где тоже жили индогерманцы.

Однако одно мы можем сказать точно: миф о солнечном герое, знакомый всем индогерманским народам, должен был быть ядром мегалитической религии, так как он проникал всюду, где селились люди мегалитической культуры, и его можно найти во всевозможных версиях, прежде всего, на Средиземном море и на Ближнем и Среднем Востоке. Осирис, Аттис, Адонис и другие – это очень старые ипостаси умирающего и снова оживающего солнечного света, борца с тьмой, освободителя девы-земли, пробуждающего уснувшую глубоким сном растительность и все жизненные силы. В переносном смысле он был спасителем, «Сотером», который с любовью ведет застывшую лежащую в земных оковах душу к свету. Так он появлялся как яркая, светящаяся фигура в мистериях и культах древнего мира, и это представление держалось долго и упорно, так как люди всегда вновь и вновь жаждали его и стремились к нему.

Как уже говорилось, эти представления снова вырвались вперед во времена больших перемен, после того как эллинизм, благодаря походам Александра Македонского, захватил страны Востока в самом широком кругу и соединился там со старыми местными представлениями, когда Рим стал империей и, правя половиной мира, принял у себя все возможные религии и культы. Там на передний план победоносно вышел «Sol invictus», персидская религия света, культ убийцы быка Митры, распространилась, прежде всего, среди римских легионов и с ними пришла в завоеванные и оккупированные страны. Императоры приказывали изображать себя как солнечных героев с лучезарной короной. (Константин Великий еще делал это, даже уже после того как он объявил христианство государственной религией.) Юлиан Отступник говорил о себе как о «сыне» бога солнца, и поддерживаемый Юлианом неоплатонизм принял, как и другие философии и религии, идею солнца. (282)

40. Римский бог солнца (Рейнский земельный музей, Бонн)

Также в римских провинциях всюду оживал миф о солнечном герое. Неудивительно, что оживал он и в старых мегалитических областях Палестины. Мы уже говорили о гностицизме, в мире идей которого «Сотер» занимал значительное место.

40a Римская монета с изображением «Sol invictus», «Солнца Непобедимого»

Поэтому и в Иисусе из Назарета очень скоро тоже увидели «Сотера», хотя он сам себя подчеркнуто называл «сыном человеческим». После его смерти на кресте его история была включена в миф о солнечном герое, так же, как это случалось и с некоторыми другими знаменитыми людьми. Что-то в этом роде происходило практически само собой, такие мысли и представления витали в воздухе, к тому же и страстная жажда реальности чуда делала свое дело. Прежде всего, история рождения солнечного героя была перенесена, например, как на императора Августа, так и на Иисуса Христа, со всеми отдельными чертами, так же – в мистическом смысле – и события после его смерти: возрождение, как и путешествие в подземное царство, и вознесение на небо. Теперь также он был «сыном», который со сверкающим ореолом вокруг головы вершил божий суд, этот образ правящего подобно царю бога сохранялся до христианского средневековья включительно; только после этого человеческие черты снова проявились сильнее.

(Немецкий автор Деннис Крюгер подробно рассмотрел образы бога солнца разных народов и разных эпох в своей книге «Непобежденный бог солнца. Религиозная непрерывность от культур мегалитов до христианства». – прим. перев.)

В четвертом веке после Р.Х. одобренная императором Константином, но испытывающая затруднения ввиду сильной конкуренции со стороны как митраизма, так и неоплатонизма христианская церковь определила днем рождения Иисуса Христа «dies natalis solis invicti», день рождения непобедимого солнечного ге-

роя, т.е. 25 декабря, которое было тогдашним днем зимнего солнцестояния. (283) Так старые праздники, например, римские состязания на колесницах в честь солнечного героя могли проводиться и далее, также под христианским покровительством.

В наших рождественских и пасхальных песнях, которые частично очень древние, еще живо многое из восприятия Христа как «солнца». Переведенная Лютером в первом стихе еще аллитерационным методом песня «Се грядет спаситель язычников», происходящая из четвертого века до Р.Х., перенимает солнечный псалом Библии: «Он вышел из палаты, королевского зала таким чистым, Бог по виду своему и герой как человек, спешит он бежать по своему пути». Песня «О, спаситель, разорви небеса» воспеваает космически спускающегося, с «росой» льющегося вниз Спасителя как «ясное солнце, прекрасную звезду», и просит: «О, солнце, взойди, без твоего света мы все остаемся во тьме».

Также солнечный корабль в немецких и английских рождественских песнях еще плывет по морю и приносит «единственного сына отца». «Вечный свет» светится из яслей, в которых лежит младенец Христос, как когда-то рожденный в гроте Дионис лежал в вейлке.

Пасхальные песни, как, например, (уже упомянутая) «Христос лежал в оковах смерти», с их однозначно дохристианскими мелодиями также показывают Христа как пасхальное солнце. В пасхальном обычае до совсем недавнего времени на многих кладбищах магически поддерживался восход его «нового света».

41. Солнечный герой верхом на коне (франкская декоративная подвеска из Мёрштадта/Рейнгессен)

Пасхальные шествия продолжают традиции старых состязаний на праздниках в честь богов. Штумпфль доказывает продолжение существования древних ритуальных игр о смерти, погребении и возрождении годового бога в пасхальных церковных представлениях, например, в церкви Святого Кириака в Гернроде, где такие представления происходят вокруг копии иерусалимского Гроба Господнего. Штумпфль также выводит еще привычный кое-где в альпийских землях рождественский обычай «яслей», когда в церкви танцуют в такт 6/8 вокруг стоящего на алтаре или лежащего в яслях младенца Христа, от дохристианского рождественского обычая. Также и обычаи «звездного пения» (соответствует славянскому колядованию с песнями в обмен на угощение и подарки – прим. перев.), по его мнению, происходят от процессий бронзового века, когда «солнце» носили на длинных палках. (284)

Этот список можно продолжать до бесконечности. Всюду эхо доисторического времени еще звучит в народной жизни. Древние образы и обычаи еще повсюду окружают нас и способствуют тому «стремлению к гармонии» в нас, которое когда-то Посидеос-Аполлон, бессмертный, смог дать атлантам и грекам. Дерево жизни, небесный отец, солнечный герой, мать-земля и небесная царица все еще во многих формах и воплощениях как живые смотрят на нас. Каменный век и бронзовый век не мертвы, они продолжают жить и оказывать свое воздействие почти по всему миру. Пусть же это наше наследие сохраняется во благо всех нас!

Примечания

(названия книг и имена авторов указаны на языке оригинала)

Вступление

1 Fr. Behn, «Die Bronzezeit in Nordeuropa», 1967

2 Fr. Behn, 1967/96

3 J. Spanuth, «Das enträtselte Atlantis», 1953/22f «Die Atlanter», 1976/25f. Шпанут ссылается на старого шведского исследователя Рудбека (1630-1703), который уже указывал на возможность такой путаницы, и даже еще на то, что необычайно высокий возраст некоторых библейских патриархов можно тоже свести к нормальному масштабу, поделив его на 12 (Мафусаилу тогда было бы 80 лет), так как и здесь тоже имеет место такая же путаница.

4 «Timaios» 25d

5 Многие исследователи придерживались мнения, что язык во всей Европе в бронзовом веке был сравнительно единообразным. Г. Херм («Die Kelten» 1977/99) ссылается на индогерманиста Ганса Крэе (Hans Krähe), который считает, что во втором дохристианском тысячелетии почти во всей Европе говорили на одной и той же идиоме, которую он называет «древнеевропейским языком», и что этот язык примерно в 1000 году до Р.Х. разделился на отдельные языки. Здесь можно было бы привести также мнение французского лингвиста Антуана Мейе, которого цитирует Шпанут (1967/204), и который предполагает существование пришедшего из Северной Европы вместе с мегалитической культурой «государственного языка», как раз индогерманского, который потом разделился на «провинциальные языки», подобно тому, как латынь разделилась на разные романские языки. В этих предположениях что-то есть, только в случае с мегалитическим «государственным языком» речь шла бы о западно-индогерманском языке, языке «кентум», тогда как проникающие с востока народы, литовцы, балты, славяне, скифы, которые никогда не были народами мегалитической культуры, принесли с собой восточно-индогерманский язык, т.е. язык «сатем».

6 Oskar Paret, «Das neue Bild der Vorgeschichte», 1948/100

7 Ernst Krause, «Tuiskoland», 1891/19

Первая глава

8 Этнолог Г. Хеберер говорит о некоей «центральной линии», которая ведет от первобытного человека к современному европейцу и от которой все время ответвлялись боковые ветви, приспособленные к конкретным климатическим условиям. Эта «линия», которая, по меньшей мере, приспособляется, приобретает в некоторых физических свойствах очень изначальные черты. Не могла ли светлокожесть относиться к таким «изначальным чертам»? Приспособляемостью ее нельзя объяснить, потому что для чего она была бы нужна?

9 Я.В. Хауэр в своей статье «Zum gegenwärtigen Stand der Indogermanenfrage», Archiv für Religionswissenschaft Bd 36, 1939/53 приводит ряд доказательств этого. Такие доказательства можно найти и в «Germanen und Indogermanen», Festschrift f. Hermann Hirt, 1936/177ff

10 См. Thor Heyerdahl, «Expedition Ra», 1970

11 См. рассуждения Шпанута об этом во всех его книгах.

12 Несколько лет назад вопрос о происхождении индогерманцев вновь стали активно поднимать – даже в популярной литературе. Сегодня снова на перед-

ний план выводят гипотезу их происхождения с Востока (Восточная Европа, иногда Западная Азия). Конечно, в этом тезисе что-то есть, и он не может быть так легко отброшен. К сожалению, при этом снова всплывает и утверждение, что люди культуры шнуровой керамики/боевых топоров были настоящими и единственными индогерманцами, и это, мол, они со своим продвижением «индогерманизировали» Европу. Г. Херм детально разбирается с этой гипотезой и приводит в качестве авторитетов Альфонса Неринга, американско-литовского археолога Марию Гимбутас и советских ученых. Но эта версия была окончательно отвергнута еще в 1930-х годах, и по той простой причине, что момент «индогерманизации» в ней определяется в хронологическом отношении слишком поздно. Совершенно невозможно, чтобы из сравнительно ограниченной области за короткий промежуток всего одного – двух столетий возникла такая огромная территория, которую заселили индогерманцы, что она была так быстро захвачена и получила новый язык и новое этническое наполнение. Люди с Поволжья должны были огромными массами одновременно устремиться на восток и на запад, совершенно невозможный процесс. О. Парет писал в 1949, что в таком случае индогерманцы должны были бы «размножаться как кролики». Кроме того, ведь в четвертом тысячелетии до Р.Х. индогерманцы уже были у Каспийского и Аральского морей, даже в районе Месопотамии. А люди культуры мегалитов в Европе? Кем они еще могли бы быть, если не индогерманцами? Парет, как Хаузер и многие другие, правильно понял, что индогерманские корни можно (и нужно) проследить вплоть до палеолита. И так как центр палеолитической культуры находился в Южной Франции и Северной Испании, то предположение о переселении на север после отхода ледников кажется особенно вероятным (см. прежде всего О. Reche, «Entstehung der nordischen Rasse und die Indogermanenfrage» in «Germanen und Indogermanen», Festschrift für H. Hirt 1936, Bd 2). В любом случае на севере Европы индогерманцы должны были жить уже в эпоху мезолита.

13 Marie König, «Unsere Vergangenheit ist älter» 1980

14 Ср. Herbert Kühn, «Auf den Spuren des Eiszeitmenschen» 1953/80ff и 94f

15 Мари Кёниг, которая трактует это изображение совсем по-другому, но, как мне кажется, не удовлетворительно, отрицает, что этот человек лежит или падает, но объясняет, что если смотреть со дна «колодца», то он стоит перед бизоном, 1980/110

16 В исландской «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны» рассказывается, что датчане во время одного плавания пристали к острову Самсё (между Ютландией и Зеландией), и там на холме в лесу нашли «деревянного человека», колонну высотой сорок футов с лицом мужчины, который начал говорить и горько жаловался,

что он, когда-то великий бог, которому приносили жертвы, теперь вынужден стоять, «без кожи и одеяния», окруженный колючими кустами, покрытый мхом, и орошаемый «слезами облаков».

17 J. W. Hauer, «Urkunden und Gestalten der germanisch-deutschen Glaubensgeschichte», 1940/183

18 «Ариями», т.е. «благородными, духовно высокими» или «господами», восточно-индогерманские народы называли сами себя. Со второй половины девятнадцатого века это слово часто стало употребляться для обозначения индогерманцев вообще. Ближе к нашему времени более правильно стали называть «ариями» или «индоариями» только переселившиеся в Индию примерно 4000 лет назад восточно-индогерманские племена, так как это название в такой форме подходит только к ним.

19 J. W. Hauer 1940/34f

20 «Liederdichtung und Spruchweisheit der alten Hellenen», übertragen von Dr. Lorenz Straub, oJ/71

21 J. W. Hauer 1940/212

22 Мари Кёниг, 1980, называет его так, но придает ему лунарное значение

23 «Эдда», собрание старинных скандинавских песен, историй и изречений, записанных в двенадцатом и тринадцатом веке после Р.Х. в Исландии. Различают две «Эдды» – «Старшую» или «Песенную Эдду» и «Младшую Эдду» или «Эдду в прозе» («Поэтику»), произведение выдающегося историографа и исследователя старины Снорри Стурлусона (1178—1241).

24 J. W. Hauer 1940/201 ff

25 Tacitus, Germania, Kap. 2

26 J. W. Hauer 1940/ 15

27 Кроме того, сегодня ясно, что предки позднейших ливийцев до и после 3000 года до Р.Х. проживали в Нижнем Египте, а это значит, что индогерманское влияние на корни египетской культуры и религии можно с уверенностью констатировать на более широкой базе. См., например, S. Schott, «Die Vertreibung der Libyer und der Ursprung der ägyptischen Kultur», in Paideuma 4, 1950

28 Я думаю, что здесь у нас есть удивительные примеры того, насколько длинна память у народа. Особенно интересно указание Фрауэнлоба на «diutische Sprache». Потому что страна «Teuta»-Land, земля тевтанов или тевтонов, от чего и происходит слово «diutisch = немецкий», современная Южная Ютландия и Шлезвиг-Гольштейн, действительно могла быть исходной точкой переселений, которые разнесли «речь» людей Севера по всему миру, и если этот язык и не был собственно «немецким», то он вполне мог быть «индогерманским», с которым бог познакомил Меннора-Мануса.

Вторая глава

29 G. Schwantes, «Vorgeschichte Schleswig-Holsteins», 1939, цитируется у Spanuth, «Die Atlanter» 1976/ 218f

30 Fischer-Bücherei 82, 1955/162

31 Sibylle von Cles-Reden, «Die Spur der Zyklopen» 1960

32 J. Spanuth 1976/144

33 J. Spanuth 1976/195

34 J. Spanuth 1976/21 8

35 Научно-популярная литература на тему праистории и древнейшей истории уже подтягивается. См. G. Herm, «Die Kelten», 1975, A. C. Nepp, «Licht von Mitternacht» 1979 и др.

36 R. v. Heine-Geldern, «Die Megalithen Südostasiens und ihre Bedeutung für die Erklärung der Megalithfrage in Europa und Polynesien», 1928 in Antropos Bd 23

37 Также на часто обсуждавшийся вопрос, как можно было перевозить и поднимать такие большие камни, здесь можно найти ответ. К статье Й. Рёдера «Bilder zum Megalithen-Transport» в Paideuma т. 3, 1944 / 84 приложены фотографии, которые показывают, как это происходит в Ассаме, Ниасе и т.д. Гигантский блок крепится на волокушу для перевозки дров, после чего две вереницы людей за канаты из растительного волокна тянут его далеко к культовому месту. На одном изображении можно увидеть, как камень втаскивают вверх на довольно крутую гору – очевидно, с не слишком большими усилиями. В определенных местах дороги устраивают привал, женщины и дети, которые идут вместе с мужчинами, раздают еду и питье, и скоро отдых превращается в веселый народный праздник. Затем изображения демонстрируют, как камень на культо-

вом месте вставляют в подготовленную яму и прочно закрепляют маленькими камнями и землей. Методы похожи на приемы перемещения камней на Острове Пасхи, которые на красивых фотографиях показал Тур Хейердал в своей книге 1957 года «Аку-Аку». Только там под каменных великанов засовывают много маленьких камешков и так постепенно поднимают их. Эту работу десять человек делают за восемнадцать дней. Во всяком случае, оказывается, как здесь, так и там, что те теории, которые видят в качестве предпосылок для установки менгиров сильную государственную власть, вооруженных кнутами надсмотрщиков, огромные массы рабочих и многолетний труд, совершенно ошибочны. Речь идет каждый раз только о жителях нескольких деревень, которые занимаются сооружением таких каменных памятников как чем-то вроде народного обычая, древний обычай и вера легко заменяют строгую организацию и надзор. Разумеется, только состоятельные роды могут позволять себе сооружать такие каменные памятники своим покойникам, так как всех помощников при этой работе нужно кормить, а также устроить большой пир в честь умершего.

37a Helgi-Lied: Helgis Wiederkehr. Übertr. v. F. Genzmer, 1933/209

38 J. Spanuth 1976/208

39 J. Spanuth 1976/212ff

40 У ранних культур Месопотамии было свое собственное развитие, которое происходило не без индогерманских влияний и, тем более, не без связи со старой пещерной культурой кроманьонцев, но главные импульсы эта культура получала не с Запада, а с Востока.

41 Thor Heyerdahl, «Expedition Ra», 1970/278

42 S. Moren, «Ägyptische Religion», 1960, объясняет, что имя бога Ра или Ре (как и имена Осириса и Исида) нельзя объяснить на основе египетского языка. Тур Хейердал в своем письме ко мне (от 5. 7. 1979) высказал предположение, что норвежское обозначения янтаря «gav» может быть связано с именем «Ra», так как представление, будто янтарь – это слезы бога солнца, было широко распространено как на Севере, так и в Древнем Египте. (В египетских могилах даже третьего тысячелетия до Р.Х. находили янтарь с Северного моря.)

43 Ср. Robert Schindler, «Zwei vorchristliche Jahreseinteilungen im deutschen Bauernkalender», in Germanien 1941/161

44 E. Krause, «Tuiskoland», 1891/217ff

45 «Первенец тех, которые спят», говорит Библия в другом, но удивительно похожем случае. (Первое послание Коринфянам, глава 15, стих 23. В русском синодальном переводе: «Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших». – прим. перев.)

46 J. H. Breasted «Geschichte Ägyptens», 1978

47 Мы можем предположить, что еще пред-неандертальцы знали культ головы или черепа.

48 Тогда господствовало мнение, что «невеста», соединяясь с «богом», не теряла своей девственности. Она оставалась девой, даже если от этого совокупления рождался ребенок.

49 R. Stumpfl, «Die Kultspiele der Germanen als Ursprung des mittelalterlichen Dramas», 1936

50 Ведь ни один труд, который пытается интерпретировать сказки или похожие на сказки легенды или мифы, нельзя взять в руки, чтобы уже скоро не отложить его в сторону. Интерпретации постоянно «хромают», особенно «психологические», которые совершенно оставляют без внимания мифическое мышление того мира, из которого происходят сказки, и потому они оказываются совершенно ошибочными.

51 Англичанка Берта С. Филпоттс была первой, кто понял это, и своей книгой о драматургии в «Эддах» она проложила путь к изучению дохристианских германских культовых драм.

52 Именно поэтому разнообразные попытки историзировать эту древнейшую мифическую фигуру кажутся столь неудовлетворительными. Особенно тезис о том, что Зигфрида следует отождествлять с вождем херусков Арминием, цепко держится в сознании людей – несмотря на свою бессмысленность. Последним эту гипотезу защищал Ульрих фот Мотц (1953). Более разумным кажется то, что пытается доказать Хайнц Риттер-Шаумбург в своей вышедшей в 1981 году книге «Нибелунги уходили на север» («Die Nibelungen zogen nordwärts»). Исходя из скандинавской «Саги о Дитрихе Бернском» (Thidreksaga), Риттер-Шаумбург утверждает о реальности смерти Нибелунгов (Нифлунгов) в Зёсте. Зигфрид, по его мнению, это сын князя из района Хальберштадта, живший в пятом или шестом веке нашей эры, который женился на сестре короля Нифлунгов и был убит своими шуринами. Это, разумеется, возможно. Но ошибка Риттер-Шаумбурга в том, что он явно сказочные и мифические черты «Саги о Дитрихе Бернском» (как минимум, частично) воспринимает как исторические факты и при этом не

замечает, что здесь некоторым персонажам трагедии, в том числе, вероятно, и реальному мужу Кримхильды (Гримхильд), были приданы древнейшие мифические черты, что постоянно происходило в старину, когда предания передавались устным путем.

53 Gebrüder Grimm, Nr. 29

54 Мари Кёниг (1980) находит ту же мистику чисел (включая число «семь») уже зафиксированной в пещерной живописи франко-кантабрийского культурного круга.

Третья глава

55 J. Spanuth, «Atlantis», 1965/171

56 Карта приведена на титульном листе книги Шпанута «Die Atlanter», 1976

57 Впрочем, цифры, похоже, не совсем правильны: согласно им храм Фосите должен был просуществовать намного дольше, чем другие храмы, что, согласно истории обращения в христианство, не могло иметь место.

58 Как Виллиброрд, так и его преемник Людгер, изображались с лебедями, «по старому обычаю, когда крестителей изображали со священным животным того бога, которого они победили» (Spanuth 1965/463)

58а С этим Айльбертом (Эйльбертом) были, однако, потом разные проблемы, он не посещал синоды, не платил свою дань, и провинился еще во многом другом, так что архиепископу из-за него приходилось много раз обращаться к Папе и к фризскому королю.

59 Я думаю, что это «г» попало в это имя, потому что на крайнем севере Европы, где были собраны и записаны старые предания, было очень мало настоящих знаний об этом боге, который был почитаем только у фризов. Но полностью исключать его не хотели, о его прошлой славе что-то было еще известно, хоть и в расплывчатом виде. Его включили в круг богов, но что именно означает его имя, никто больше не знал, поэтому из бога правосудия стал «Vorsitzer» – «председатель» суда.

60 J. Spanuth 1976/160

61 J. Spanuth 1976/169

62 S. Josef Weisweiler, «Das altorientalische Gottkönigtum und die Indogermanen», in Paideuma Bd 3, 1944-49/115f

63 J. Spanuth 1965/210 u. 343

64 Я здесь сошлюсь на соответствующие главы в книгах Шпанута «Das enträt-selte Atlantis» 1953/ 157 ff, «Atlantis» 1965/477 ff, «Die Atlanter» 1976/346 ff, «Die Philister» 1980/ 213.

65 Цитируется по книге Шпанута «Atlantis» 1965/343f.

66 Согласно рассказу об Атлантиде, ливийцы, т.е. жители североафриканского побережья до Египта, причислялись к народам этого большого союза, цари которого каждые пять или шесть лет собирались на Священном острове Базилея.

67 Странно, что этот принципиальный факт, который один не дает возможности воспринимать всерьез хронологию рассказа об Атлантиде с его «8000 лет до Солона», до сих пор полностью игнорировался большинством «атлантологов». Только тот, кто исходит из великого похода против стран на Внутреннем море (Средиземном море) и оборонительных действий Афин, может вообще напасть на след реальной Атлантиды.

68 J. Spanuth 1965/330

69 J. Spanuth 1980/197

70 J. Spanuth 1980/198

71 J. Spanuth 1976/37f

72 J. Spanuth 1976/165 ff

73 Остроконечные стелы и колонны, обелиски, также позже распространенный предмет культа, могли, как и «опора мира», вселенская колонна, мировой столб, быть символом права.

74 J. Spanuth 1976/168f

75 J. Spanuth 1965/464ff

76 J. Spanuth 1965/443

77 J. Spanuth 1980/198

78 Цитируется по J. Spanuth 1976/459ff

79 См. в четвертой главе, «Клейто, мать и дева».

80 Средневековая христианская мистика знает «белый свет вечности», и еще флорентийские поэты Ренессанса говорят о «сверкающе белой чистоте» божественного света (например, Лоренцо Медичи в «Altercazione»).

81 J. W. Hauer 1940/73

82 Изображение приведено в Albert Herrmann, «Unsere Ahnen und Atlantis» 1934, Abb. 61.

83 Ilias 13/ 17-38

84 J. Spanuth 1965/469 и 1976/157

85 J. Spanuth 1965/432f

86 J. Spanuth 1965/467f

87 G. Herm, «Die Kelten», 1977/77 и. 129

88 Ср. прежде всего Otto Höfler, «Kultische Geheimbünde der Germanen», 1934

89 Э. Краузе (1891 и 1893) с сильными доказательствами защищает это мнение, тогда как М. Кёниг (1980) предполагает для позднего палеолита «солнечного коня» как символ солнца, за которым позднее в Средиземноморье последовал мужской солнечный бог.

90 Цитируется по E. Krause 1891/197.

91 Однако, что именно Гекатей понимает под Рипейскими (или Рифейскими) горами, непонятно. Возможно, Альпы. Без путаницы в географии, как уже было сказано, у древних греков дело никогда не обходилось.

92 Все цитаты по J. Spanuth 1976/146 и 1980/133.

93 J. Spanuth 1965/66

94 E. Krause 1893/269

95 J. Spanuth 1976/129f. По поводу выражения «sphairoideto schemati» Шпанут пишет (1976/131): «Шарообразная форма здесь означает не то, что храм гипербореев был круглым как шар, а то, что вокруг него круги различного размера имитировали схему сфер».

96 То, что гиперборейи еще задолго до Метона знали о «Великом годе», ясно. Уже люди мегалитической культуры должны были это знать. 56 так называемых отверстий Обри в Стоунхендже можно рассматривать как доказательство соответствующих астрономических вычислений.

97 J. Spanuth 1965/466

98 E. Krause 1893/271

99 J. Spanuth 1965/463

100 J. Spanuth 1965/Иллюстративная часть

101 J. Spanuth 1965/Иллюстративная часть, 1976/перед стр. 337, 1980/133

102 J. Spanuth 1965/440f, 1980/131

103 Иллюстрация приведена у J. Spanuth 1965/640,1976/113

104 J. Spanuth 1965/ 439

105 Thule 17/67

106 Корабли северных народов моря 1200 до Р.Х. кажутся, судя по этим изображениям, построенными точно так, как корабли викингов в период между 800 и 1100 после Р.Х., знак того, как долго продержался этот очень практичный, пригодный для плавания в открытом море тип корабля.

107 См. M. Ninck, «Wodan und germanischer Schicksalsglaube», 1935/257-267

108 J. Spanuth 1980/258

109 E.Krause 1891/245

110 Ср., например, сказку о Румпельштильцхене или легенду о докторе Фаусте и дьяволе.

111 О том, что поединок как божий суд использовался также как средство определения исхода боя, мы знаем не только из более поздней германской истории. Также северные народы бронзового века во время своего великого военного похода часто прибегали к этому глубоко религиозному методу решения, сохранявшему человеческие жизни. Об этом свидетельствуют многие источники (например, дорическое сказание о Гераклидах) вплоть до боя филистимлянина Голиафа и еврея Давида.

112 M. Ninck 1935/264

113 Мы помним, что эту историю рассказывали также о греческом Посейдоне.

114 Интересно, что другие варианты этой сказки заменяют лебедей воронами, эти черные, зимние птицы сменяют ярких птиц света. Здесь можно напомнить о связи Водана-Одина с воронами и о том, что у этого бога очень часто зимний характер. Темная, зимняя сторона мифа укрепляется, по мере того как климатический кризис сменяет «залитый светом бронзовый век», и Водан вытесняет светлого бога лебедей.

114а Во Фризии даже сегодня еще рассказывают, что детей в этот мир привозит белоснежный кораблик, который тянут лебеди (K. Sterksma in «Germanien» 1939).

115 J. Spanuth 1965/ 469

116 Это четко выяснил Хауэр в «Urkunden und Gestalten» 1940.

117 Легенды о Виланде (Велунде) и Мимире демонстрируют не только в «Эдде», но и в скандинавской «Саге о Дитрихе Бернском», такие древние, широко распространенные и уходящие корнями в праиндогерманские времена черты, что у знатока мифов буквально волосы встают дыбом, когда он читает, как Х. Риттер-Шаумбург в 1980 году пытается свести эти черты легенд к реальным фактам и доказать, что они описывают действительные события времен Великого переселения народов.

118 В Мюнстере, который раньше назывался Мимигардефорд (или Мимигернафорд), располагалось, вероятно, самое известное святилище этого бога.

119 J. W. Hauer 1940/233

120 Такие школы певцов были у германцев, кельтов и греков. Даже после христианизации в Исландии существовала школа скальдов, где учили исполнению

«древнейших песен». Возможно, именно эту школу мы должны благодарить за обе «Эдды».

121 J. Spanuth 1980/203

122 J. Spanuth 1980/205

123 J. W. Hauer 1940/72f

124 Также G. Schwantes 1936/19 придерживается этого мнения.

125 Цитируется у W. Pastor, «Deutsche Urzeit», 1922/269

126 G. Neckel in «Deutsche Ur- und Vorgeschichtswissenschaft der Gegenwart», 1934 Anm. zu S. 43/44

127 J. Spanuth 1980/199

128 Ср. Th.v. Scheffer 1940/143

Четвертая глава

129 Цитируется у F. H. Hamkens 1971/ 231

130 В неолите, кажется, место знака материнского лона в пещерах занял другой знак: так называемые «совиные глаза», которые, как стилизованное изображение Великой матери вообще, часто находят на мегалитических памятниках – при случае также на севере, например, в Дании. Также маленькие женские статуэтки бронзового века показывают характерную позу: согнутые кругом руки с ладонями под грудями (так возникает «руна», похожая на ту, что мы видим на глиняных фигурках из Югославии, изображающих молодого бога на повозке). То, что такие изображения, которые продолжают у филистимлян, подразумевают мать-землю, очень вероятно.

131 Много материала об этом предлагает Э. Краузе в своей книге «Die Trojaburgen Nordeuropas», 1893. Я ссылаюсь преимущественно на главы «Ein Kaiser will seine Tochter heiraten», стр. 173, и «Die Baumeister-Sage der Edda», стр. 109.

132 J. Spanuth 1976/171

133 J. Spanuth 1976/136f

- 134 Fr. H. Hamkens 1971/251 f
- 135 H. v. Wolzogen, «Die Edda», 1876
- 136 Цитата из перевода «Эдды» Феликса Генцмера 1933.
- 137 Речь здесь наверняка идет о символах определения времени.
- 138 Fr. H. Hamkens 1971/230ff
- 139 Fr. H. Hamkens 1971/233
- 140 Tacitus, «Germania», Kap. 40
- 141 См. Fr.R. Schröder 1941
- 142 J. Spanuth 1976/436
- 143 Geschichtsbibliothek Kap. 56-61, цитируется по J. Spanuth 1976/210f
- 144 J. Spanuth 1976/211
- 145 Из-за этого даже еще сегодня очеловечивание видевшихся изначально мифическими божеств называют эвгемеризмом.
- 146 J. Spanuth 1980/91
- 147 J. Spanuth 1965/428
- 148 J. Spanuth 1965/428
- 149 J. Spanuth 1976/146
- 150 J. Spanuth 1976/ 139
- 151 J. Spanuth 1976/149
- 152 Tacitus, «Germania», Kap. 34. Шпанут, цитируя Тацита (в 1976/149f), обращает внимание на то, что в связи с этими сведениями неоднократно предполагалось, что именно скалы Гельгоlanda подразумевались под этими «Геркулесовыми столбами». Но также и здесь речь должна идти о тех столбах (колоннах), которые действительно были в святилище Фосите, и о которых еще рассказывали более поздние миссионеры. Я, впрочем, считаю возможным, что уже указа-

ние из рассказа об Атлантиде о том, что Атлантида лежала за Геркулесовыми столбами, было вызвано такой путаницей Гибралтарского пролива со скалами Гельгоганда (или также с настоящими северными колоннами на Базилее).

153 G. Schwantes 1939/520

154 Также в той коленопреклоненной фигуре молодого человека в шлеме с бычьими рогами, которая когда-то держала топор и была найдена в Дании как аналог кипрского бога из Энгоми, Швантес видел одного из «божественных близнецов» (1939/522). Юноша стоит на коленях на пластине с проломанной стойкой, и отчетливо видно, что на другой стороне находилась вторая фигура, которая отломана и утеряна. Это мог быть второй коленопреклоненный человек в рогатом шлеме, близнец другого. Это вероятно. Но у бога из Энгоми нет близнеца. Поэтому я скорее хотела бы предположить, что на другой стороне пластины стояла на коленях фигура женщины, партнерша бога, а не партнер: Клейто рядом с Посиде. Но также и это, естественно, только предположение.

155 J. W. Hauer 1940/69

Пятая глава

156 См. J. Spanuth 1965/420ff и 1976/123ff

157 J. Spanuth 1976/84f

158 J. Spanuth 1976/70, mit Berufung auf R. Eisler 1928

159 J. W. Hauer 1940/332

160 В «Germanien», Jahrg. 1938/320, в исследовании об имени «Aurinnia» Й. О. Плассманн (Plassmann) и Г. Трайтнигг (Traithnigg) подробно занимались словом «aurr», которое, с грамматическим изменением к «aus», индогерманскому «aves» = блестеть, вспыхивать, сверкать, означает «рассветать». Отсюда «Auroga», утренняя заря, и «Austro», восток, и германское имя утренней звезды «Aurvandil», на староверхненемецком «orentil» = сверкающий странник. Также приводится прозвище бога из «Эдды» Хёнир – «Aurkonungr» = сияющий король. В этот ряд можно включить и имя дочери фракийского царя Орифии (Oreithya), которую, согласно греческому преданию, похитил Борей, северный ветер. Переводить это имя как «богиня горы» не дает никакого смысла. Но если оно означает «богиня золотого сияния», т.е. солнце, которое похищает холодный зимний ветер, то мы можем увидеть здесь осмысленный миф о смене времен года.

161 J. Spanuth, письмо от 21.1.1978

162 J. Spanuth 1976/379

163 J. Spanuth 1976/177f

164 То, что при трапезе у царя феаков все время взывают к богу грома, но все же вовсе не к Тору, а к Зевсу, соответствует греческим привычкам. Также и это, как так многое другое, может принадлежать к постоянным традиционным формулам, которые греческий поэт использует как нечто само собой разумеющееся, не намереваясь при этом особо выявлять специфический обычай именно феаков.

165 См. J. Spanuth 1976/401,1965/511

166 Тот, кто видел фильм, снятый в 1953 году во время коронации королевы Великобритании Елизаветы II, знает, что означает выражение «сакральная королевская власть». То, что еще и сегодня существует глубоко укоренившаяся в европейцах потребность стать свидетелем такого обычая, доказывает тот факт, что во время свадьбы наследника английского престола принца Чарльза в 1981 году даже в Западной Германии города как будто вымирали, так как все хотели хотя бы у телевизора обрести пусть даже маленькую частичку блеска «священной королевской власти».

167 J. Spanuth 1965/342

168 J. Spanuth 1976/55

169 Heine-Geldern, in Antropos, 1928

170 J. Spanuth 1965/463

171 Делос, вероятно, был оборудован переселившимися туда дорийцами по образцу их родного острова.

172 Tacitus, «Germania», Kap. 9: «Впрочем, они находят, что вследствие величия небожителей богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом. И они посвящают им дубравы и рощи и нарекают их именами богов; и эти святилища отмечены только их благочестием».

173 J. Spanuth 1980/257 и в газете «Deutschland in Geschichte und Gegenwart» 1981, Heft 3/ 29ff, Heft 4/22ff

174 J. Spanuth 1976/171

175 См., например, G. u. E. Hüsing 1932/ 65 ff

176 Во всех книгах Шпанута об этом рассказывается подробно.

177 На суперобложке первой книги Шпанута «Das enträselte Atlantis», 1953, приведен рисунок, где этот столб стоит на крыше храма. Зигфрид Бокельманн в своем романе «Они приходили от краев земли» в 1970 году, похоже, тоже считает, что колонна стояла на плоской крыше храма.

178 Цитируется у J. Spanuth 1976/148.

179 Кроме работ Зайтца, я здесь рекомендую также превосходный труд Фр.Х. Хамкенса «Der Externstein» 1971.

180 Я ссылаюсь здесь на рассуждения Шпанута в «Die Philister», 1980/177ff, особенно на доказательства того, что «руническое» буквенное письмо происходит еще из палеолита.

181 S. Tacitus «Germania», Kap. 10. Также J. de Mahieu 1982/55 ff.

182 Ср. также J. W.Hauer 1940/42ff и 261 ff.

183 J. Spanuth 1980/200

184 Edda, Voluspä 58-59

185 J. Spanuth 1965/457

186 J. Spanuth 1965/340

187 F.v. Löher in Germanien, 1937/241

188 Dr. L. Straub o.J. 427, J. Spanuth 1980/105

189 J. Spanuth 1965/430, 1976/151

190 J. Spanuth 1965/453

191 О.Хут, 1936/129, пишет: «В Древнем Риме вечный огонь Весты, государственный огонь, и все очаги тушили в день нового года и снова разжигали священным огнем, получаемым путем трения деревянных палочек».

192 O. Huth, «Vesta», 1943/30

193 J. Spanuth 1965/453

194 O. Huth 1943/29

195 O. Huth 1943/34f, Anm. 4

196 H. Möller «Das Lied der Völker», Bd 4: «Keltische Volkslieder», Ed. Schott Nr. 554/9f

197 O. Huth 1943/75 f

198 Жители Канарских островов (гуанчи), кстати, тоже имели королевство, управляемое двумя королями (как и спартанцы) и культ близнецов, связанный с обычаями огня.

199 O. Huth 1943/136

200 O. Huth 1943/137

201 Каковыми они, вероятно, частично и являются. То, что у финикийцев были поселения в Центральной и Южной Америке, подтверждается сейчас все более и более конкретными доказательствами.

202 См. вышедшие за последние десять лет в издательстве «Grabert-Verlag» книги профессора доктора Жака де Майё (J. de Mahieu), особенно «Die Erben Trojas» 1982.

203 «Светлее нас», говорили с удивлением испанские конкистадоры. Они сразу же и легко женились на красивых светловолосых принцессах инков и увозили их с собой в Испанию, даже представляли их при дворе в Мадриде.

204 Tacitus, «Germania», Kap. 8

205 Emil Engelmann 1887/146 и «Die Geschichte von Fridthjof dem Kühnen», übertr. v. Gustav Wenz 1922/10ff

206 J. O. Plassmann, «Wintersonnenwende in der Symbolik des Kivik-Grabes», in Germanien 1939/29

207 Юрген Шпанут, который в своих книгах 1953 и 1965 годов разделял представления Плассмана и Хута, но в «Die Atlanter» (1976) и в «Die Philister»

(1980) он придерживается мнения, что эти фигуры в длинных одеяниях были десятью царями атлантов перед котлом с кровью во время праздника жертвоприношения быка. Это толкование не представляется мне таким уж убедительным. Разве резчик по камню не изобразил бы десять фигур, если бы имелись в виду десять царей – здесь это все же важное число? Также фигуры приблизительно похожи на стилизованных лебедей, что сразу вызывает предположение о лебединых девах.

208 J. W.Hauer 1940/223

209 O.Huth 1943/86

210 J. Spanuth 1965/469

211 O.Huth 1943/90

212 J. W.Hauer 1940/187

213 Cp. M.Ninck 1936

214 J. Spanuth 1976/400

215 Die Edda, übertr. v. F.Genzmer 1933/199

216 Еще в «Песне о Нибелунгах» две купающиеся лебединые девы, которых Хаген, забрав их оперение, подчиняет своей власти (как кузнец Вилунд), предсказывают ему судьбу Нибелунгов, и стирающей белье на пляже Нормандии Гудрун два лебедя пророчат приближение ее спасителей.

217 O.Huth 1943/77

218 O.Huth 1943/78f

219 J. Spanuth 1980/205 Abb.

220 J. Spanuth 1965/475

221 J. Spanuth 1965/476. То, что переселенцы, помимо храма Аполлона, построили еще и храм Кроноса, может считаться доказательством того, что во время переселения с Севера Кронос там почитался наряду с Посиде-Аполлоном.

222 Homer, «Odyssee», übers. v. Voss 8/246-253

223 Ср., например, M. Luserke, «Die Reise zur Sage», 1940/19

224 Homer, «Odyssee», 8/263-265

225 Кстати, музы и на более поздних изображениях всегда танцуют лицом наружу, как и танцоры на средневековых рисунках. Иногда на этих рисунках изображен еще и стоящий в центре круга шпильман – бродячий музыкант.

226 Homer, «Odyssee», 8/374-380.

227 R. Stumpf 1936/137

228 Эта христианская интерпретация, несомненно, соответствует еще той интерпретации, которое давало этой игре в мяч «язычество» еще в бронзовом веке, вероятно, даже в каменном веке: летящий вверх мяч – это символ солнца, которое представляет, в свою очередь, молодого бога света.

229 Особенно интересной представляется здесь связь этого культового танца с мячом с лабиринтом, т.е. с «замком Трои».

230 J. Spanuth 1976/383

231 Цитируется по J. W. Hauer 1940/63.

232 На одном празднике народных танцев я видела, как весь зал, полный болтающих, смеющихся, едящих участников празднества вдруг погрузился в зачарованную неподвижность и абсолютную тишину, как только однотонный барабанный бой и возбуждающий звон бронзовых бубенчиков возвестили о выходе на сцену исполнителей танца с мечами.

233 R. Stumpf 1936/126

234 Р. Штумпфль объясняет, что также ведущий танца, «король», который в конце танца подходит к сплетению мечей, с ним медленно поднимается и, стоя так, над головами танцоров, произносит короткую речь, часто в стихах, что этот «король» в некоторых местностях рассматривался также в качестве «шута». Вероятно, он первоначально так же, как и «новичок», носил высокую остроконечную шляпу, колпак, который во всех обычаях представляет собой признак «неземного» или одержимого неземными силами или состоящего в связи с этими силами. Колпаки также используются в южногерманских шутовских обычаях, как и при шествиях шведских «звездных мальчиков», и также у таких персонажей как «Арлекин», «Касперле» (аналог нашего Петрушки – прим. перев.), «Кнехт Рупрехт». И с самых древних времен колпаки также являются атрибута-

ми богов, домовых, гномов, и часто заменяются здесь капюшонами. Штумпфль видит в ведущем танца с мечами также «убийцу», руководителя инициации, который, как жрец, сам будучи «одержимым», руководил церемониями посвящения.

235 О. Хёфлера часто критиковали за то, что он в своем очень интересном произведении «Kultische Geheimbünde der Germanen» (1934) называл союзы взрослых мужчин германской области «тайными союзами» по аналогии с тайными союзами примитивных народов, каковыми те, вероятно, не являлись. Но в остальном его книга, из которой, к сожалению, вышел только первый том – это золотая жила для исследователя явлений в народных обычаях, и его объяснение веры в дикую охоту как отражения экстатических обычаев мужских союзов кажется абсолютно убедительным.

236 G. u. E. Hüsing 1932/3 f

237 G. u. E. Hüsing 1932/35 ff

238 E. Krause, «Die Troja-Burgen Nordeuropas», 1893/2

239 Даже знаменитая Троя, вокруг которой бушевала Троянская война, и которая, согласно Гомеру, была когда-то построена Посейдоном, державшим здесь под стражей деву Гесиону, была, вероятно, не чем иным, как именно таким «круглым замком», в конце концов, ее жители говорили на индогерманском языке, как все фракийские и большинство малоазиатских народностей.

240 Здесь снова на прекрасном примере показано не только то, что Атлантида и земля феаков это одно и то же, но и то, что эта страна должна была лежать на севере Европы и мифы о ней продолжали там жить еще и в более позднее время.

241 F. H. Hamkens 1971

242 Хамкенс в библиографии к своей книге не упоминает вышедшую семью годами раньше работу Гзэнгера, значит, он тогда так же не знал о ней, как и сам Гзэнгер не мог знать о книге Хамкенса.

243 Th. v. Scheffer, «Hellenische Mysterien und Orakel», 1940

244 Th. v. Scheffer 1940/69f

245 Возможно. Но возможно и то, что мы недооцениваем или переоцениваем наших североевропейских предков в этом вопросе, как и в некоторых других.

246 Ср. к этому J. W. Hauer 1940/252ff

247 О том, что такая абсолютная идентификация с ролью возможна также еще сегодня, особенно в случае с религиозными любительскими спектаклями, я знаю на примере нескольких случаев, с которыми мне пришлось столкнуться лично. Однако такое абсолютное переживание сегодня ведет уже не к укреплению и обновлению личности, к «нахождению самого себя» как когда-то, а приводит в психиатрическую клинику.

248 O. Höfler 1934/140 f

Седьмая глава

249 Конечно, имя Зевса для обозначения бога неба, греческое. Формулировка этого места принадлежит Платону, это понятно. Но смысл и содержание происходит из более старого сообщения, о чем говорят слова вроде «рассказ начался примерно так».

250 J. Spanuth 1976/472f

250a То, что здесь речь не могла идти о поддержании расовой чистоты, как иногда уже предполагалось, конечно, ясно.

251 Зигфрид Бокельман в своем двухтомном романе 1971 года об Атлантиде, основывающемся на гипотезе Шпанута, описывает, как царь атлантов в египетском плену сам пишет объемное сообщение, из которого позже жрец Саиса смог получить свои знания.

252 Это примерно то же самое мнение, которое высказывает Бернхард Куммер (Bernhard Kummer) в своем главном произведении «Midgards Untergang» (вышло в конце 1920-х, в 1972 было переиздано). Ужасно жаль, что этот прекрасный знаток средневековой скандинавской литературы, в первую очередь, исландских саг, ограничил свои исследования лишь узким пространством Исландии времен принятия христианства, и там, где он пишет о германской религии, он – совершенно осознанно – полностью игнорирует широкую область индогерманских параллелей. Так он приходит к ошибочным выводам и оценкам, которые до сих пор всплывают в литературе о древних германцах, особенно в книгах интересующихся этой темой дилетантов, и вызывают путаницу. Труд Куммера – это прекрасный пример того, как обусловленная мировоззрением односторонность может затуманить взгляд даже выдающегося ученого.

253 J.W. Hauer 1940/156 ff

254 Как считает Бернхард Куммер, всегда сомнительно применять человеческие моральные критерии к богам.

255 Именно эти восточно-индогерманские черты, вероятно, мешают Куммеру в «Эддах», и он считает их делом рук поэтов, тогда как Хауэр (как индолог) их увидел, осознал, высоко оценил и подчеркнул их значение.

256 Хауэр 1940/130ff спорит с Германом Гюнтертом (Güntert) («Altgermanischer Glaube», 1937/46ff) и упоминает также Экхардта (K. H. Eckhardt) как сторонника взглядов Гюнтерта. Кроме того, J. Spanuth 1976/221 ff.

257 Те ученые, которые видят в них, собственно, «настоящих» индогерманцев, локализуют их родину к северу от Черного моря.

258 M. Ninck 1935/115f

259 H. Nolle 1974/20 u. 22

260 G.Herm 1977/139f

261 A. Weitnauer o.J./16 u.58

262 J. W.Hauer 1939/53

263 В названии «Танаис» (Дон) прячется слово «дан» = река, которое можно найти повсюду, куда приходили люди Севера, даже в Палестине (Иордания)

264 F. R. Schröder 1941/39f

265 Ф.Р. Шрёдер пишет в «Ingunar-Freyer», 1941/41: «То, что ингвеоны жили на настоящей прародине германцев, на Кимврийском полуострове, не вызывает никаких сомнений, также мы должны будем отождествить их, сверх того, с германцами метрополии в целом (включительно в их старых племенных землях Дании и Швеции, также как в Южной Норвегии). Их общим для всех племен культурным центром должна была быть роща Нерты в старейшее время... и бог Инг вовсе не был, как иногда полагали, лишь несколько позже и задним числом связан с богиней Нерттой (Ньёрдис-Клейто – Б.Ф.), а они оба издавна неразрывно связаны друг с другом. Ингваназ – это мужской партнер, сын и супруг Нердус-Ингвано, материнской богини-земли и богини тисов».

266 Уже в древней Индии был титул «палас» (Palas) = господин, который мы позже постоянно встречаем в Европе, до «Баала» (Ваала) южных народов Средиземноморья и Бела или Белена, бога солнца у кельтов.

267 То, что в Исландии времен крещения, как и несколько раньше в Норвегии, он выступает как самый почитаемый бог (из чего Куммер делает такие далеко идущие выводы), само по себе еще ничего не говорит о его происхождении.

268 См. R. Heine-Geldern «Die altasiatische Herkunft der südamerikanischen Metalltechnik», in Paideuma 5, 1950. Также Н. Schmidt «Zeitschrift für Ethnologie», 1924, O. Reche и другие. Переселения индогерманцев, таким образом, много раз оказывали свое воздействие на Китай, и помимо войны принесли туда также важные культурные импульсы. Это влияние полностью доказано археологией и уже не вызывает возражений.

269 Большое сходство, даже соответствие, которое отмечено также во многих других вещах, привело к тому, что возникла версия о том, что на Север повлияла гальштатская культура и даже этрусская культура, использовавшая некоторые эти формы. И так как гальштатская культура, как считалось, могла начаться лишь где-то в 800 году до Р. Х., а этрусская культура, так или иначе, могла отсчитываться только примерно с 700 года, то поневоле нужно было передвинуть конец североевропейской культуры бронзового века вместе с изменениями климата, наводнениями и так далее примерно на 400 или 500 лет вперед. Сегодня мы знаем, что сначала приблизительно в 1200 году катастрофы и климатический кризис привели к концу культуру европейского Севера, и что уже потом произошли большие южные переселения на юг. Тогда и начало гальштатской культуры тоже нужно датировать более ранним временем, чем это делалось до сих пор. (Й. Визнер в 1942, например, датирует уже Гальштат А как одновременный с поздним микенским и субмикенским периодом Греции, т.е. вскоре после 1200 года до Р. Х.). Пора уже решиться признать однажды оплодотворение Юга Севером и осознать, что культуры как Южной Германии, так и Северной Италии приобрели свое лицо благодаря переселившимся туда северным людям, чтобы также все еще используемые, бессмысленные слова об «этрасском импорте» (на Север) исчезли, наконец, из публикаций.

270 J. Spanuth 1976/303

271 J. Spanuth 1976/308 и 1965/326f

272 См. F. Altheim und E. Trautmann «Italien und die dorische Wanderung» in *Albae Vigiliae* 1940

273 В.И.Георгиев в журнале «Вопросы языкознания», № 2, 1972

274 Это имя происходит от греков, и Шпанут предполагает, что оно идентично с именем филистимлян. То есть, древние евреи говорили «филистимляне», а гре-

ки – «Phoinikes» (финикийцы). По моему мнению, это имя, которое эти северные народы моря дали сами себе, могло звучать приблизительно как «палестер» или «палистер».

275 Ср. со всем этим J. Spanuth «Die Philister, das unbekannte Volk» 1980.

276 Интересная и переменчивая история их потомков хорошо описана в книге Г. Херма «Финикийцы» (G. Herm, «Die Phönizier»).

277 J. Spanuth 1965/291

278 Так говорит легенда о Гераклидах в пересказе Густава Шваба (Gustav Schwab, «Sagen des klassischen Altertums»). Юрген Шпанут в этом вопросе следует за Геродотом, который говорит о сотне лет.

279 J. Spanuth 1976/431

280 Roscher, «Lexikon der griechischen und römischen Mythologie»

281 Th. v. Scheffer 1940/142f

282 Также здесь проявляется тот странный факт, что почти все обращения к сакральной королевской власти связаны со служением солнцу и солнечными символами. Собственно, все короны – это солнечные ореолы. Древнее представление, которое снова и снова побеждает в отдельных своих чертах, вероятно, такое: «Священный властитель» происходит от бога света, он представляет и замещает его, освещен им и следует за его знаками, которые одновременно представляют и бога и его самого.

283 День рождения Христа пытались закрепить за различными днями, преимущественно весенними, однако от этого снова дистанцировались, так как церковь первоначально вообще отказывалась от празднования дня рождения, как от «языческого» обычая.

284 См. R. Stumpf 1936.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ackermann, H., Jesus, Göttingen 1952

Altheim, Fr., Der unbesiegte Gott, tb., Hamburg 1957

Altheim, Fr. und Trautmann, Neue Felsbilder aus der Val Camonica, in: Wörter und Sachen 1938

Andree, K., Der Bernstein, Stuttgart 1951

- Der Bernstein und seine Bedeutung, in: Natur und Geisteswelt 1937

Apollonius Rhodius, Die Argonauten, verdeutscht v. Th. v. Scheffer, Leipzig 1940

Atlantis enträtselt? Herausgegeben von R. Weyl, Kiel 1953 Bauer, W., Lorbeer für Hellas, Stuttgart 1964

Baumgärtel, E., Dolmen und Mastaba, in: Der alte Orient, Beiheft 6 1926

Baumann, H., Löwentor und Labyrinth, Gütersloh 1966

Behn, Fr., Die Bronzezeit in Nordeuropa, Stuttgart 1967

Bibby, G., Faustkeil und Bronzeschwert, Hamburg 1957

Bidez, J., Julian der Abtrünnige, München 1940

Birt, Th., Von Homer bis Sokrates, Leipzig o. J.

- Charakterbilder Spätroms, Leipzig 1919

Bittel, K., Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, Tübingen 1945

Bockelmann, S., Sie kamen von den Enden der Erde

- Und zogen durch Länder und Meere, Atlantis-Roman, 2 Bd., München 1971

Braghine, A., Atlantis, Stuttgart 1939

Brant, W., Wer war Jesus Christus?, Stuttgart 1957

Breasted, J. H., Geschichte Ägyptens, Wien 1936

Bretonische Märchen, herausgegeben v. Re Soupault, Jena 1959

Bomann, W., Bäuerliches Hauswesen und Tagewerk im alten Niedersachsen, Weimar 1941

Ceram, C. W., Götter, Gräber und Gelehrte, Hamburg 1949

Cles-Reden, S., Die Spur der Zyklopen, Werden und Vergehen einer Weltreligion, Köln 1960

Daque, E., Urwelt, Sage und Menschheit, München-Berlin 1931

Die Detmolder Tagung, in: Germanien 1938 H. 7

Dirlmeyer, Fr., Apollon, Gott und Erzieher des hellenischen Adels, in: Archiv für Religionswissenschaft 36/1940 Ebert, M., Reallexikon der Vorgeschichte, Berlin 1924 bis 1932 Edda, Volksausgabe, übertr. v. F. Genzmer, Jena 1933

Engelmann, E., Die Frithjofs-Sage, Stuttgart 1887

- Parzival, Stuttgart 1888

- Germanias Sagenborn, 2 Bde., Stuttgart 1890

Fleming, Th., Haben die Kelten Amerika entdeckt? in: Das Beste, Nr. 41977

Flor, F., Die Indogermanenfrage in der Völkerkunde, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift für H. Hirt, Heidelberg 1936

- Focke, Fr., Ritte und Reigen, Stuttgart-Berlin 1941
- Frank, K. A., Sturm aus Atlantis, Das Abenteuer einer neuen Urgeschichte, Düsseldorf 1975
- Friedrich, J., Das erste Auftreten der Indogermanen in Kleinasien, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt 1936
- Gadow, G., Der Atlantisstreit, Fischer tb., Frankfurt a. M. 1973
- Genzmer, F., Vier altdeutsche Heldenlieder, Darmstadt o. J.
- Die Geschichte von Frithjof dem Kühnen, übertr. v. G. Wenz, Jena 1922
- Grimm, Brüder, Kinder- und Hausmärchen, Stuttgart-Berlin 1906
- Gsänger, H., Delphi, Freiburg i. Br. 1962
- Die Externsteine, Freiburg i. Br. 1964
- Gutenbrunner, S., Namenkundliche Zeugnisse zur germanischen Urgeschichte, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt 1936
- Hahn, E. E., Heiligtümer der Germanen, Gerabronn-Crailsheim 1970
- Hamkens, F. H., Der Externstein, Tübingen 1971
- Hauer, J. W., Die vergleichende Religionsgeschichte und das Indogermanenproblem, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt, Heidelberg 1936
- Urkunden und Gestalten der germanisch-deutschen Glaubensgeschichte, Stuttgart 1940
- Zum gegenwärtigen Stand der Indogermanenfrage, in: Archiv f. Religionswissenschaft 36/1939
- Heberer, G., Neue Ergebnisse der menschlichen Abstammungslehre, Göttingen 1951
- Heine-Geldern, R. v., Die asiatische Herkunft der südamerikanischen Metalltechnik, in: Paideuma 5,1950/54
- Die Megalithen Südost-Asiens und ihre Bedeutung für die Erklärung der Megalithfrage in Europa und Polynesien, in: Antropos Bd. 23, Leipzig 1928
- Hennig, E., Der Werdegang des Menschengeschlechtes, Tübingen 1950
- Hepp, A. E., Licht von Mitternacht, Tübingen 1979
- Herbig, R., Philister und Dorier, in: Forschungen und Fortschritte Bd. 17,1 u. 2,1941
- Herm, G., Die Kelten, tb. Reinbeck b. Hamburg 1977
- Die Phönizier, Düsseldorf-Wien 1973
- Hermes, G., Das gezähmte Pferd im neolithischen und frühbronzezeitlichen Europa, in: Antropos Bd. 30,1935
- Das gezähmte Pferd im alten Orient, in: Antropos Bd. 31,1936
- Herrmann, A., Unsere Ahnen und Atlantis, Berlin 1934
- Herrmann, P., Sieben vorbei und acht verweht, Hamburg 1952

- Heyerdahl, Th., *Aku-Aku*, Berlin 1957
- Expedition Ra, Gütersloh-Wien 1971
 - Indianer und Altasiaten im Pazifik, Wien 1966
 - Kon-Tiki, Wien 1951
 - Wege übers Meer, Völkerwanderungen in der Frühzeit, München 1978
- Hilker, Fr., *Die olympischen Spiele in Altertum und Gegenwart*, Leipzig 1936
- Hitzig, F., *Zur ältesten Völker- und Mythengeschichte*, Leipzig 1845
- *Urgeschichte und Mythologie der Philister*, Leipzig 1845
- Höfler, O., *Kultische Geheimbünde der Germanen*, Bd. 1, Frankfurt 1934
- *Der Runenstein von Rök, Germanisches Sakralkönigtum*, Bd. 1, Tübingen 1952
- Hölscher, U., *Die Wiedergewinnung von Medinet-Habu*, Tübingen 1958
- Homer, *Die Ilias*, übers, v. J. H. Voss, Halle o. J.
- *Odyssee*, übers, v. J. H. Voss, Leipzig o. J.
- Homet, M. F., *Die Söhne der Sonne*, Freiburg i. Br. 1958
- Honore, P., *Ich fand den weißen Gott*, Frankfurt 1961
- Hülle, W., *Die Steine von Carnac*, Leipzig 1942
- *Zur Herkunft der nordischen Rasse*, in: *Mannus*, Bd. 28, 1962
- Hüsing, G. u. E., *Deutsche Laiche und Lieder*, Wien 1932
- Huth, O., *Die ewigen Stammesfeuer der Germanen und Indogermanen*, in: *Germanien* 1938, H. 9
- *Der Feuerkult der Germanen*, in: *Archiv f. Religionswissenschaft*, Bd. 36, 1939
 - *Die Gesittung der Kanarier als Schlüssel zum Urindogermanentum*, in: *Germanien* 1937, Heft 2
 - *Märchen und Megalithreligion*, in: *Paideuma*, Bd. 5, 1950
 - *Atlantis, Utopie oder Wirklichkeit?* in: *Universitas* 1953
 - *Die Verehrung des heiligen Feuers bei Germanen und Indogermanen*, in: *Germanien* 1938, Heft 8
 - *Vesta*, Beihefte z. *Archiv f. Religionswissenschaft*, Heft 2, 1943
 - *Weltberg und Weltbaum*, in: *Germanien* 1940, Heft 12
 - *Weltsäule und Weltnagel*, in: *Germanien* 1939, Heft 3
 - *Der Zoptenberg als Vandalenheiligtum*, in: *Germanien* 1933, S. 178
- Innerebner, G., *Sonnenlauf und Zeitbestimmung im Leben der Urzeitvölker*, Beihefte zu *Germanien*, Heft 2, o. J.

James, E. O., Religionen der Vorzeit, Köln 1957

Jettmar, K., Die frühen Steppenvölker, Baden-Baden 1980

Jung, E., Germanische Götter und Helden in christlicher Zeit, München 1939

Karsten, T. E., Zu den ältesten Völker- und Ortsnamen der Ostseeländer, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt 1936

Kaufmann, R., Zwanzig Millionen Jahre Mensch, in: Christ und Welt 24.2.1967

König, M. E. P., Unsere Vergangenheit ist älter, Höhlenkult Alt-Europas, Frankfurt 1980

Kraft, G., Der Urmensch als Schöpfer, Tübingen 1948

Krähe, H., Die Vorgeschichte des Griechentums nach dem Zeugnis der Sprache, in: Die Antike, Bd. 15, 1939

Kraiker, W., Nordische Einwanderung in Griechenland, in: Die Antike, Bd. 15, 1939

Krause, E., Tuiskoland, Glogau 1891

- Die Trojaburgen Nordeuropas, Glogau 1893

Kühn, H., Das Erwachen der Menschheit, Frankfurt-Hamburg 1954

- Der Aufstieg der Menschheit, Frankfurt-Hamburg 1955

- Auf den Spuren des Eisenzeitmenschen, Wiesbaden 1953

Kulturgeschichtliche Reise durch Norddeutschland, Fremdenverkehrsverband Nordmark e.V., Hamburg 1962

Kummer, B., Midgards Untergang, 1935 (1972)

Kunst und Kultur der Kelten, Führer zur Kelten-Ausstellung im Museum zu Allerheiligen, Schaffhausen 1957

Lange, W., Der Drachenstich in Furth im Wald, in: Germanien 1938, Heft 11

L'art scandinave, zodiaque, la nuit des temps, 2 Bände 1969

Läsclo, G., Steppenvölker und Germanen, Wien-München 1970

Lechler, E. I., Neues über Pferd und Wagen in der Steinzeit und Bronzezeit, in: Mannus Bd. 25, 1959

Leyen, Fr. v. d., Das Heldenlied-Buch Karls des Großen, München 1954

Liederdichtung und Spruchweisheit der alten Hellenen, übertr. v. L. Straub, Berlin-Stuttgart o. J.

Lisner, I., Das Rätsel der großen Kulturen, Stuttgart 1973

Löher, F. v., Rasse und Gesittung der Kanarier, in: Germanien 1937, Heft 8

Lommel, H., Mithra und das Stieropfer, in: Paideuma Bd. 3, 1944-49

Luserke, M., Reise zur Sage, Potsdam 1940

Mabinogion, übers. v. Lady Charlotte Guest, London 1892

- Mac Culloch, I. B., Die Kelten, in: Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch der Religionsgeschichte 2, Tübingen 1925
- Mahieu, J. de, Die Erben Trojas, Tübingen 1982
- Des Sonnengottes große Reise, Tübingen 1972
- Maisei, A. Q., Die Steinkreise von Stonehenge, in: Das Beste Nov. 1961
- Matz, Fr., Kreta, Mykene, Troja, Stuttgart 1965
- Menghin, O., Grundlinien der Methodik einer urgeschichtlichen Stammeskunde, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt 1936
- Menghin, W., Kelten, Römer und Germanen, München 1980
- Mersmann, H., Deutsche Musikgeschichte, Potsdam 1934
- Miltner, F., Die Dorische Wanderung, in: Klio, Bd. 47, Leipzig 1934
- Möller, G., Die Ägypter und ihre libyschen Nachbarn, in: Zeitschr. f. Ethnologie 1920/21
- Möller, H., Das Lied der Völker, Bd. 2, Skandinavische Volkslieder, Bd. 4, Keltische Volkslieder, Mainz o. J.
- Mössinger, F., Das Sonnenroß und sein Reiter, in: Germanien 1941, Heft 11
- Mötefindt, E., Der Wagen im nordischen Kulturkreis, in: Studien und Forschungen zur Menschen- und Völkerkunde, Stuttgart 1917
- Morenz, S., Ägyptische Religion, Stuttgart 1960
- Moser, H. J., Eddische Melodien, in: Germanien 1939, Heft 2
- Much, R., Germanische Stammesnamen, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift für H. Hirt 1936
- Mühlhofer, F., Pflanzenbau während der Eiszeit, in: Germanien 1938, Heft 1 u. 2
- Müllenhoff, C., Deutsche Altertumskunde, Bd. I, Berlin 1870
- Müller, G., Der Umritt, Seine Stellung im deutschen Brauchtum, Stuttgart 1941
- Müller, O., Geschichte der Hellenischen Stämme, Bd. 1, Die Dorier
- Müller, R., Der Himmel über den Menschen der Steinzeit, Berlin-New York-Heidelberg 1970
- Neckel, G., Deutsche Ur- und Vorgeschichtswissenschaft der Gegenwart, Berlin 1934
- Neubert, M., Die Dorische Wanderung, Stuttgart 1920
- Ninck, M., Götter- und Jenseitsglauben der Germanen, Jena 1937
- Wodan und germanischer Schicksalsglaube, Jena 1935
- Noack, F., Homerische Paläste, Leipzig 1913
- Noelle, H., Die Langobarden, Berg/Starnberger-See 1978
- Die Kelten und ihre Stadt Manching, Pfaffenhofen/Ilm 1974
- Nowathnig, W., Beiträge zur Herkunftsfrage der Schnurkeramik, in: Mannus 28, 1962

- Oxenstierna, E. Graf, Die Nordgermanen, Stuttgart 1957
- Paine, B. v. und v. d. Au, H., Der deutsche Schwerttanz, Kassel 1935
- Pallottino, M., Was wissen wir heute von der etruskischen Sprache? Zürich 1955
- Paret, O., Ludwigsburg und das Land um den Asperg, Ludwigsburg o. J.
- Das neue Bild der Vorgeschichte, Stuttgart 1948
- Pastor, W., Deutsche Urzeit, Weimar 1906
- Paulsen, P., Was bedeutet die Bronzetür zu Gnesen für die Frühgeschichte des deutschen Ostens? in: Germanien 1941, Heft 1
- Pauly-Wissowa, Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Stuttgart 1912ff.
- Pearlman, M., Auf den Spuren des Moses, Ölten 1973
- Plaßmann, J. O., Der Dreistufenbaum in der deutschen Mystik, in: Germanien 1942, Heft 4
- Wintersonnenwende in der Symbolik des Kivik-Grabes, in: Germanien 1939
- u. Trathnigg, G., Aurinnia oder Albruna? in: Germanien 1939, Heft 10
- Zum Felsensarg unter dem Externstein, in: Germanien 1933/105
- Pörtner, R., Bevor die Römer kamen, tb., München-Zürich 1967
- Reche, O., Entstehung der nordischen Rasse und die Indogermanen in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt 1936
- Recheis, K., König Artus und die Ritter der Tafelrunde, Düsseldorf 1974
- Reuter, O. S., Das Rätsel der Edda und der arische Urglaube, Sontra in Hessen 1922
- Riemenschneider, M., Die Welt der Hethiter, Stuttgart 1954
- Ritter-Schaumburg, H., Die Nibelungen zogen nordwärts, München-Berlin 1981
- Dietrich von Bern, München-Berlin 1982
- Sagen der Völker, Stuttgart 1976
- Röder, J., Bilder zum Megalithentransport, in: Paideuma Bd. 3, 1944-49
- Rössler, O., Die Weltsäule im Glauben und Gebrauch der Kanarier, in: Archiv für Religionswissenschaft, Bd. 37, 1941
- Roscher, W. H., Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, Leipzig 1884 ff.
- Saxo grammaticus, Dänische Geschichte, übertragen von P. Herrmann, Leipzig 1901
- Schachermeyr, F., Rasse und Kultur im minoischen Kreta, in: Wörter und Sachen, 1939/40
- Wanderungen und Ausbreitung der Indogermanen im Mittelmeergebiet, in: Germanen und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt, 1936
- Schadewaldt, W., Der Gott von Delphi und die Humanitätsidee, Pforzheim 1965
- Hellas und Hesperien, Herausgez. z. 60. Geburtstag von W. Schadewaldt von Kl. Bartels, Zürich-Stuttgart 1960

- Von Homers Welt und Werk, Stuttgart 1965
- Schäfer, H., Amarna, in: Religion und Kunst 1931
- Schätze unterm Schutt, Mesopotamien, Ägypten, Griechenland, Rom, versch. Autoren, Stuttgart 1930
- Scheffer, Th. v., Hellenische Mysterien und Orakel, Stuttgart 1940
- Scheltema, A. v., Die Kunst der Vorzeit, Stuttgart 1950
- Schindler, R., Zwei vorchristliche Jahresteilungen im deutschen Bauernkalender, in: Germanien 1940, Heft 11, und 1941, Heft 4/5
- Schlette, F., Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna, Leipzig-Jena-Berlin 1980
- Schliephacke, B. P., Gilgamesch sucht die Unsterblichkeit, München 1948
- Schlötermann, H., Religionen der Völker, Mannheim 1954
- Schloz, W. und Laiblin, W., Vom Sinn des Mythos, Stuttgart 1936
- Schmidt, F. H., Osterbräuche, Leipzig 1936
- Schmidt, O., So zum Tanze führ ich dich, Deutsches Volksgut im Heimattanz, Berlin 1936
- Schöll, H. Ch., Die Drei Ewigen, Jena 1936
- Schott, S., Die Vertreibung der Libyer und der Ursprung der ägyptischen Kultur, in: Paideuma 4, 1950
- Schreiber, H. u. G., Throne unter Schutt und Sand, tb. Würzburg 1965
- Schröder, F. R., Ingunar-Freyr, Tübingen 1941
- Skadi und die Götter Skandinaviens, Tübingen 1941
- Schuchardt, C., Alteuropa, 4. Aufl., Berlin 1941
- Die Burg im Wandel der Weltgeschichte, Potsdam 1931
- Deutsche Vorgeschichte in Bildern, München-Berlin-Oldenburg 1936
- Vorgeschichte von Deutschland, München-Berlin 1934
- Schulten, A., Tartessos, Hamburg 1950
- Schultz, W., Altgermanische Kultur in Wort und Bild, München 1935
- Schwab, G., Die schönsten Sagen des klassischen Altertums, 3 Bände, Gütersloh 1862
- Schwabedissen, H., Wie datiert man die Vorzeit? Vortrag Südd. Rundfunk, Heidelberg 14. 1.1968
- Schwantes, G., Die Vorgeschichte von Schleswig-Holstein, Neumünster 1939
- Seemann, O., Kleine Mythologie der Griechen und Römer, Leipzig 1874
- Seitz, F., Die Irminsul im Felsenrelief der Externsteine, Pähl 1956
- Siebs, Th., Der Gott Fosite und sein Land, in: Beiträge z. Geschichte d. deutschen Sprache u. Literatur, Band 35, 1909

- Spanuth, J., Das enträtselte Atlantis, Stuttgart 1953
- Und doch Atlantis enträtselt, Stuttgart 1955
 - Atlantis, Tübingen 1965
 - Die Atlanter, Tübingen 1976
 - Die Philister, das unbekannte Volk, Osnabrück 1980
 - Germanische Entwicklungshilfe für Israel, in: Deutschland in Geschichte und Gegenwart, Heft 4/5, Tübingen 1981
- Sprockhoff, E., Zur Entstehung der Germanen, in: German und Indogermanen, Festschrift f. H. Hirt 1936
- Die nordische Megalithkultur, Handbuch der Urgeschichte Deutschlands, Berlin-Leipzig 1938
- Stichtenoth, D., Abalus und die Nertusinsel, in: Zeitschrift für deutsches Altertum, Wiesbaden 1955-56
- Strasser, M., Völker und Kulturen von Urbeginn bis heute in vergleichender Darstellung, Stuttgart 1935
- Ströbel, R., England und der Kontinent in vor- und frühgeschichtlicher Zeit, in: Germanenerbe 1940, Heft 11/12
- Stumpfl, R., Kultspiele der Germanen als Ursprung des mittelalterlichen Dramas, Berlin 1936
- Sutcliff, R., Scharlachrot (Bronzezeit-Roman), Gütersloh 1961
- Der Adler der Neunten Legion (Jugendroman), Stuttgart 1964
 - Das Stirnmal des Königs (Jugendroman), Stuttgart 1969
- Tacitus, C., Sämtliche Werke (deutsch), Wien 1935
- Teudt, E., Germanische Heiligtümer, Jena 1929
- Thüle. Altnordische Dichtung und Prosa, Band 1,2,13,14,15,16,17,18,20,22, Neuauflage 1963-1965
- Trent, Th., Atlantis – versunkene Welt, Göttingen o. J.
- Uehli, E., Atlantis und das Rätsel der Eiszeitkunst, Stuttgart 1957
- Usener, H., Götternamen, Bremen 1896
- Verhagen, B., Ein König in Atlantis (Atlantis-Roman), Tübingen 1980
- Rückkehr nach Atlantis (Atlantis-Roman), Tübingen 1982
- Volta, G. G., Die Westgoten, Berg/Starnberger-See 1979
- Wahle, E., Deutsche Vorzeit, Tübingen 1950
- Webster, T. B., Von Mykene bis Homer, übers, v. E. Doblhofer, München-Wien 1960
- Die Nachfahren Nestors, übers, v. E. Doblhofer, München-Wien 1961

- Weigel, K. Th., Lebendige Vorzeit rechts und links der Landstraße, Berlin 1940
- Weinert, H., Stammesentwicklung der Menschheit, Braunschweig 1951
- Weitnauer, A., Keltisches Erbe in Schwaben und Baiern, Kempten 1965
- Weissweiler, J., Das altorientalische Gott-Königtum und die Indogermanen, in: Paideuma 3, 1948
- Wiesner, J., Alt-Kreta und seine Kunst, in: Die Karawane, Heft 3-5, Jahrgang 1964-65
- Die Kunst des alten Orient, Ullstein-Kunstgeschichte, Frankfurt-Berlin 1963
- Die Thraker, Stuttgart 1963
- Frühzeitliche Tierbilder in Alteuropa und im Alten Orient, in: Forschungen und Fortschritte, Bd. 7/131, 1942
- Wilke, G., Die Zahl dreizehn im Glauben der Indogermanen, in: Mannus Bd. 10, 1918
- Wirth, H., Die urreligionsgeschichtliche Gemeinschaftsgrundlage von Europa und Ägypten, Europa-Korrespondenz, Wien 1957
- Wirth, W., Die Volute, in: Antaios, Stuttgart 1965
- Witter, W., Woher kam das Zinn in der frühen Bronzezeit? in: Mannus 28, 1962
- Wölfel, D., Die Religion des vorindogermanischen Europa, in: Paideuma 1950
- Wolfram, R., Tänze der Germanen, in: Germanien 1938, H. 5
- Wolters, F., und Petersen, C., Die Heldensagen der germanischen Frühzeit, Breslau 1922
- Wolzogen, H. v., Die Edda, 1876
- Wunderlich, H. G., Wohin der Stier Europa trug, Reinbek bei Hamburg 1972
- Zimmermann-Ost, E., Färöer, die unbekanntenen Inseln, Stuttgart 1938
- Zotz, L. E., Vormenschen, Urmenschen und Menschen, Stuttgart 1949

В книге Юргена Шпанута «Атланты» на титульном листе приведена составленная в 1649 году карта выдающегося географа Йоханнеса Майера, которая изображает «Хельгеландт» восьмого века. Майер получил от датского короля Кристиана IV задание измерить побережье Шлезвиг-Гольштейна и создать его карты. Майер много лет исследовал линии побережья и глубины. Особенно он старался нанести на карты утонувшие территории и «всегда брал с собой в качестве спутников старых и достойных доверия людей (рыбаков)», которые показывали ему места бывших деревень и зданий, что вовсе не было невозможно, так как вплоть до позднего времени руины больших зданий при низком уровне воды можно было четко увидеть.

Так как значение старого Фоситесланда еще было известно, Майеру удалось составить карту «Хельгеландта» времен крещения, которая конечно, не точна во всем, однако достаточно точна, чтобы дать мне точки опоры для моего опи-

сания острова. На этой карте еще обозначены четыре (разрушенных) языческих «храма», два королевских замка (хроники говорят, что здесь время от времени имели свою резиденцию короли как фризов, так и позже датчан), также гавани, лесистые районы, источники и ручьи, и много маленьких поселений, имена которых, очевидно, сохранила хорошая память рыбаков.

Карта Гельгоlanda, составленная Йоханнесом Майером в 1650 году на основе старинных легенд. (Из книги Юргена Шпанута «Разгаданная Атлантида» – Jürgen Spanuth, Das enträtselte Atlantis, первое издание 1953 г.)

Библиотека Велесова Слобода, 2016 г.